ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ.

СОСТАВИЛЪ

А. А. БАХТІАРОВЪ.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Хромолитографія А. Трантель, Стремянная, № 12
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го мая 1890 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЛАВЯНСКІЯ ПИСЬМЕНА.

О письменахъ вообще. — Идеографическое письмо. — Звуковое письмо. — Происхожденіе нашей азбуки.—Славянскіе первоучители—святые братья Кириллъ и Меѳодій.—Празднованіе 1000-лѣтней годовщины свв. Кирилла и Меѳодія.

О ПИСЬМЕНАХЪ.

Изобрѣтеніе письменъ было тѣмъ великимъ шагомъ, который перевелъ человѣчество отъ варварства къ цивилизаціи. Какъ громадно значеніе письменъ въ исторіи человѣчества, можно лучше всего судить, взглянувъ на низкое состояніе племенъ, которыя живутъ еще безъ письменности, хранятъ свои преданія лишь въ памяти и не способны накоплять знанія на пользу будущихъ поколѣній, какъ это дѣлаемъ мы при помощи записыванія наблюденій. Книги представляютъ главнѣйшій источникъ, откуда люди черпаютъ знанія.

Наука—умственное богатство, накопленное въ теченіе тысячелѣтій предшествующими поколѣніями—сохраняется въ книгахъ. Каждое новое поколѣніе обильно черпаетъ изъ этого источника, внося, конечно, и свою лепту, извѣстную подъ именемъ «послѣдняго слова науки».

Мы живемъ больше съ мертвыми, чѣмъ съ живыми.

Дикія племена, не имѣющія письменъ, прибѣгаютъ къ помощи своей памяти. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ дикарей сѣверной Америки есть «люди-архивы», на обязанности которыхъ лежитъ забота сохранять въ своей памяти длинные отрывки прозы и даже цѣлые мирные договоры.

Пѣсни и заклинанія у индѣйцевъ Сѣверной Америки произносятся или поются на память, причемъ для пособія пѣвцу дѣлаются фигурныя изображенія на палочкахъ, на кускахъ березовой коры и другихъ вещахъ, чтобы поддержать въ памяти послѣдовательный порядокъ стиховъ.

Гомеровскія поэмы долгое время передавались изъ устъ въ уста и заучивались пѣвцами, которые декламировали ихъ на публичныхъ площадяхъ и въ палатахъ знатныхъ особъ. Во времена героической Греціи эти пѣвцы были чѣмъ-то въ родѣ ходячихъ книгъ.

У нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, у актеровъ или музыкантовъ по профессіи, память бываетъ такъ велика, что удерживаетъ вѣрно длиннѣйшіе тексты, которыми можно покрыть нѣсколько сотъ страницъ. Сенека разсказываетъ, что одинъ римлянинъ, богатый и глупый педантъ, окружилъ себя рабами, изъ которыхъ каждый зналъ наизусть всѣ произведенія какого-нибудь знаменитаго поэта, такъ что по приказанію своего господина могъ проговорить какой угодно отрывокъ.

Національная поэма финновъ, „Калевала", записана не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, а именно, докторомъ Ленротомъ, въ 1835 году. Въ 1828 году, Ленротъ совершилъ первое свое странствованіе для собиранія финскихъ народныхъ пѣсенъ. Калевала содержитъ въ себѣ 22.800 стиховъ.

Финскій народъ свято чтитъ память этого труженика на поприщѣ науки своей родины. „Нашъ соотечественникъ Ленротъ, говоритъ Рунебергъ, обезсмертилъ себя открытіемъ Калевалы. Съ основательными познаніями соединяя горячую любовь къ народу и съ энтузіазмомъ заботясь о собираніи народныхъ пѣсенъ, онъ рѣшился пѣшкомъ обойти разныя части Финляндіи, чтобы собрать руны, которыя могли сохраниться въ памяти народа". „Дѣятельность Ленрота и обильные плоды ея, говоритъ Я. К. Гротъ, представляютъ въ исторіи литературы чрезвычайно любопытное явленіе. Отдаленное потомство назоветъ, можетъ быть, Ленрота финскимъ Гомеромъ". До этого времени Калевала сохранялась въ памяти народа. Отдѣльныя пѣсни ея распѣвались въ деревняхъ странствующими пѣвцами, извѣстными подъ именемъ „рунойевъ", а самыя пѣсни назывались „рунами". Эти руны передавались изъ устъ въ уста слѣдующимъ образомъ. Если на свадьбахъ или на какихъ-либо другихъ пиршествахъ, кто-нибудь слышалъ новую пѣсню, то старался запомнить ее, а когда потомъ ему случалось пѣть эту пѣсню передъ новыми слушателями, то обыкновенно онъ передавалъ своими словами ея содержаніе, иногда даже лучше, чѣмъ слышалъ.

Не лишнимъ считаемъ привести слова поэта Рунеберга о способѣ народнаго пѣнія въ Финляндіи: «Пѣть рука съ рукой, говоритъ онъ, есть особый обычай у финновъ. Пѣвецъ выбираетъ себѣ товарища, садится противъ него, беретъ его за руки, и они начинаютъ пѣть. Оба поющіе покачиваются взадъ и впередъ, какъ будто попеременно притягивая другъ друга. При послѣднемъ тактѣ каждой строфы, настаетъ очередь помощника, и онъ всю строфу перепѣваетъ одинъ, а между тѣмъ запѣвало на досугѣ обдумываетъ слѣдующее».

Такимъ образомъ пѣсня переходитъ отъ одного къ другому,

третьему и т. д., измѣняясь только въ выраженіяхъ, а не въ содержаніи. Полагаютъ, что со времени сложенія этихъ пѣсенъ прошло около 1000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ все больше и больше развивались, дополнялись и передавались изъ устъ въ уста. Въ настоящее время народное пѣснотворчество приходитъ въ упадокъ, потому что съ появленіемъ грамотности всякій можетъ имѣть готовую книгу этихъ пѣсенъ.

„Мы люди темные!“ говоритъ обыкновенно про себя неграмотный простолюдинъ. Зато каждый деревенскій крестьянинъ сохраняетъ въ своей памяти огромное число народныхъ пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и т. п. Вся житейская опытность, вѣковыя народныя наблюденія передаются изъ устъ въ уста, на память, отъ одного поколѣнія другому.

Карамзинъ въ своей «Исторіи государства россійскаго», указывая на отсутствіе грамотности въ древней Руси, между прочимъ, говоритъ: „Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что, въ случаѣ нужды, можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой-нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками“.

Въ Малороссіи славятся „бандуристы“, распѣвающіе народныя пѣсни и былины. Между бандуристами встрѣчаются и слѣпцы-нищіе. Обыкновенно, слѣпецъ беретъ къ себѣ „въ науку“ безроднаго сироту, который служитъ ему поводыремъ и вмѣстѣ съ нимъ странствуетъ по всей Малороссіи. Какъ извѣстно, слѣпцы отличаются особеннымъ развитіемъ памяти: не мудрено поэтому, что между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди, знающіе множество пѣсенъ и разсказовъ. Иногда слѣпцы-нищіе достигаютъ между своею братіею необыкновенной знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредясь во всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена. Малороссійскіе слѣпцы-нищіе минувшихъ временъ, наигрывая на бандурахъ, пѣли молитвы, пѣсни и „думы“ историческаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Такимъ обра-

зомъ эти пасынки природы играли роль воспитателей народа, поддерживая на извѣстной высотѣ его нравственную жизнь. Между учителями изъ нищихъ въ старину были, говорятъ, такіе геніи, которыхъ величали „королями“.

Нельзя представить себѣ, до какой степени умѣнье читать и писать поражаетъ дикарей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ искусствѣ.

Джонъ Вильямъ, миссіонеръ на островахъ Южнаго океана, разсказываетъ, какъ однажды, занятый плотничаньемъ, онъ забылъ дома свой наугольникъ, написалъ кускомъ угля на щепкѣ, чтобы ему прислали его, и отправилъ эту записку къ своей женѣ съ однимъ изъ туземныхъ вождей. Того такъ изумило открытіе, что щепка можетъ говорить, не имѣя рта, что онъ долго послѣ того носилъ ее на веревкѣ у себя на шеѣ и разсказывалъ своимъ удивлённымъ землякамъ о томъ, что случилось на его глазахъ. А въ южной Африкѣ одинъ чернокожій — посыльный, относя письмо и зайдя куда-то по пути, спряталъ письмо на это время подъ камень, чтобы оно потомъ не вздумало насплетничать о томъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ.

Искусство писать, которое дикарямъ кажется такимъ загадочнымъ, въ первый разъ появилось не въ томъ видѣ, въ какомъ мы его застаемъ теперь. Оно развивалось постепенно, цѣлымъ рядомъ ступеней.

Самое первобытное подобіе письма представляютъ знаки, дѣлаемые для памяти на какомъ-нибудь предметѣ. Какъ извѣстно, обитатели нашихъ тундръ—самоѣды, ведутъ кочевой образъ жизни; они имѣютъ обыкновеніе оставлять на мѣстахъ бывшихъ стоянокъ извѣстные знаки, примѣты, большею частью въ видѣ палокъ, воткнутыхъ въ снѣгъ и наклоненныхъ въ ту сторону, куда они отправились въ путь. Кромѣ того, они вырѣзываютъ на палкахъ особые знаки, называемые „пиддине“, по которымъ ихъ соплеменники узнаютъ, чей собственно караванъ стоялъ здѣсь. Эти значки бываютъ различнаго рода, какъ, напримѣръ: Э, Є, ⊥, V, < и т. п. Каждый хозяинъ знаетъ почти всѣ значки другихъ хозяевъ. Точно также, олени каждаго владѣльца отмѣчены извѣстнымъ «тавромъ», которое выжигается на правой ляшкѣ животнаго, съ тою цѣлью, что если олень убѣжитъ, или пристанетъ къ чужому стаду, то можно было бы сразу узнать, кому онъ принадлежитъ. Кромѣ того, въ общемъ употребленіи особенное тавро ⊙, которымъ отмѣчаютъ оленей, предназначенныхъ на искупительныя жертвы.

Въ Сѣверной Америкѣ, на предгоріяхъ Скалистыхъ горъ обитаютъ многочисленныя индѣйскія племена, подъ именемъ Дакоты.

Каждое племя ведетъ войну по собственному усмотрѣнію. Въ случаяхъ, когда приходится постановить рѣшеніе относительно дѣла, касающагося всѣхъ племенъ, Дакоты соединяются для общаго совѣщанія, и каждое племя посылаетъ своего представителя въ лѣсъ, гдѣ, по взаимному соглашенію, назначено сборище. Если принятое рѣшеніе имѣетъ нѣкоторую важность и считается нужнымъ сохранить его, какъ документъ, то на древесномъ стволѣ вырѣзаютъ ножомъ или вырубаютъ топоромъ разныя символическія фигуры, относящіяся къ предмету совѣщанія, и каждое племя прикладываетъ свою печать или гербъ.

Когда Гумбольдтъ спросилъ у индѣйцевъ Ориноко, кто изваялъ фигуры животныхъ и вырѣзалъ символическіе знаки на вершинахъ утесовъ вдоль по рѣкѣ, то ему отвѣчали съ улыбкой, какъ будто бы говорили о такомъ фактѣ, котораго могъ не знать только чужеземецъ-бѣлый,—что „во время великихъ водъ отцы ихъ доходили до этихъ высотъ на лодкахъ".

О виргинскихъ индѣйцахъ разсказываютъ, что они обозначали время посредствомъ извѣстныхъ іероглифическихъ кружковъ, которые называли «лѣтописью боговъ». Эти кружки или колеса имѣли 60 спицъ, на каждый годъ по одной, какъ бы для обозначенія обыкновеннаго срока жизни человѣка, и были нарисованы на кожахъ, хранившихся у главныхъ жрецовъ въ храмахъ. Въ одной изъ подобныхъ «лѣтописей» годъ прибытія европейцевъ въ Америку (1492) былъ обозначенъ лебедемъ, извергающимъ изо рта огонь и дымъ. Бѣлыя перья птицы, которая живетъ на водѣ, означаютъ бѣлыя лица европейцевъ и ихъ прибытіе по морю, а огонь и дымъ, выходящіе изо рта, означаютъ ихъ огнестрѣльное оружіе.

Древніе перуанцы употребляли такъ называемые «квипосы». Квипосъ представляетъ не что иное, какъ шнурокъ, длиною около двухъ футовъ, на которомъ навязаны различныхъ цвѣтовъ нити въ видѣ бахромы. На этихъ нитяхъ завязывались узлы, отчего и произошло самое названіе, означающее узелъ. Эти узлы имѣли значеніе цифръ, и различныя нити также имѣли условное значеніе, опредѣлявшееся цвѣтомъ ихъ. Въ древнее время китайцы употребляли въ дѣловыхъ сношеніяхъ между собой маленькіе шнурки съ передвижными узлами, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое особое значеніе.

Народъ ардре, въ западной Африкѣ, также не умѣетъ ни читать, ни писать и также употребляетъ шнурки, перевязанные узлами. Этотъ же способъ принятъ и у многихъ дикихъ племенъ Америки.

У насъ въ Россіи крестьяне до сихъ поръ еще употребляютъ «бирки»: это деревянныя палочки, на которыхъ вырѣзываютъ ножомъ черточки для обозначенія счета денегъ или предметовъ.

Въ Самарскомъ уѣздѣ, для веденія правильнаго учета при исполненіи обывателями всякихъ мірскихъ и казенныхъ повинностей, у каждаго «сотскаго» хранится громадная связка деревянныхъ чурокъ, приблизительно до $^1/_2$ пуда вѣсомъ, каждая изъ которыхъ равна по длинѣ одной четверти, а по ширинѣ 3—4 дюймамъ. «Это наша крестьянская грамота», говорятъ крестьяне, показывая связку чурокъ. Всѣ эти чурки связаны вмѣстѣ по порядку домохозяевъ. На чуркахъ «сотскій» отмѣчаетъ зарубками: 1) количество ревизскихъ душъ у каждаго домовладѣльца и 2) ведется счетъ всѣхъ мірскихъ и казенныхъ повинностей. Положимъ, что за домовладѣльцемъ NN числится 4 ревизскихъ души, которыя и отмѣчаются «сотскимъ» на головкѣ чурки четырьмя поперечными чертами. Восемь зарубокъ на ней обозначаютъ 8 подводъ, которые NN долженъ выставить за себя въ теченіи года. Если подводы эти «заслужены», то зарубки состругиваются и т. д. Въ нѣкоторыхъ общинахъ учетъ казенныхъ и мірскихъ повинностей ведется подобной же зарубочной системой, на одномъ длинномъ шестѣ (биркѣ), изрѣзанномъ сверху до низу разными условными знаками.

Вотяки, чуваши, черемисы выдаютъ такія «бирки» какъ документы во время займовъ.

Живописныя письмена, т. е. изображенія разныхъ предметовъ, встрѣчаются у всѣхъ племенъ, мало-мальски возвысившихся надъ состояніемъ дикости. Любопытный образецъ ихъ находимъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, у которыхъ, для каждаго стиха пѣсенъ придуманъ какой-нибудь особый образъ, фигура. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, бьющій въ колдовской барабанъ, означаетъ: «я пою, слушайте меня»; нарисованное сердце: «говорю твоему сердцу».

Вотъ одна изъ подобныхъ пѣсенъ: фигура мужчины, съ крыльями вмѣсто рукъ, значитъ: «о, еслибъ я былъ быстръ какъ птица!» Фигура вооруженнаго воина подъ небомъ: «посвящаю себя борьбѣ». Орелъ подъ небесами: «птицы летаютъ въ вышинѣ». Лежитъ воинъ, въ груди стрѣла: «радъ положить свою голову съ другими». Небесный геній: «горніе духи прославляютъ меня» и т. п.

Очевидно, что написанную такимъ образомъ пѣсню можетъ разобрать только тотъ, кто ее напередъ уже знаетъ.

Вотъ другой примѣръ.

На деревянномъ могильномъ столбѣ нарисованъ сѣверный олень, ногами вверхъ; налѣво отъ него—семь поперечныхъ черточекъ, надъ ногами—три продольныя; еще ниже—голова лося, наконецъ, стрѣла и дудка.

Изъ этой оригинальной эпитафіи *) прохожій узнаетъ, что здѣсь погребенъ глава семейства, родовой знакъ котораго (или фамилія)—сѣверный олень. Положеніе животнаго вверхъ ногами означаетъ смерть. Покойный водилъ свой родъ семь разъ на войну, получилъ три раны, выдержалъ однажды опасный бой съ лосемъ и пріобрѣлъ большое значеніе какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время (дудка).

Африканское племя, Майо, для обозначенія слова «врачъ», рисуетъ человѣка съ пучкомъ травы въ рукахъ и съ крыльями на ногахъ, очевидно, намекая на обязанности врача ходить повсюду, гдѣ нуждаются въ его помощи. Точно также древніе китайцы, чтобы выразить понятіе о злости, рисовали трехъ женщинъ, вмѣсто слова «свѣтъ» изображали солнце и луну, а вмѣсто глагола «слушать»—ухо, нарисованное между двумя дверями.

Въ глубокой древности египтяне мало по малу изобрѣли цѣлую систему знаковъ и символическихъ фигуръ, называемыхъ «іероглифами», которые вырѣзывались на камняхъ или рисовались на безчисленномъ множествѣ саркофаговъ, или на папирусныхъ свиткахъ и т. п. Іероглифы эти изображаютъ различные предметы: небесныя тѣла, растенія, животныхъ, людей, части человѣческаго тѣла, посуду, инструменты, строенія, геометрическія фигуры, фантастическія существа и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они обозначаютъ именно тѣ самые предметы, очертанія которыхъ вырѣзаны или нарисованы. Это такъ называемые «изобразительные іероглифы»: ихъ можно понимать, не зная словъ, которыми они назывались у египтянъ.

Другія фигуры имѣли условный, символическій смыслъ; такъ, напримѣръ: день обозначался солнечнымъ дискомъ; начало—переднею частью льва и т. п. Разныя состоянія духа изображались въ видѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ: левъ означалъ храбрость, рыба — ненависть; страусовое перо—справедливость, пчела—покорность подданнаго, раковина, въ которой сидитъ ракъ—слабодушіе; саранча—набожность, ночь изображена звѣздою, вкусъ—ртомъ, слухъ—ухомъ быка и т. д.

Египтяне усовершенствовали свою письменность тѣмъ, что стали употреблять фигурныя изображенія для обозначенія зву-

*) Надгробная надпись.

ковъ. Эти звуковые іероглифы не что иное, какъ первый шагъ къ письму буквами. Они означаютъ не предметы и не символическія понятія, а звуки или слога рѣчи. Такъ, напримѣръ: фигура льва, по египетски *лабо*, означаетъ букву *л*; фигура орла, по египетски *ахомъ*, означала звукъ *а*, и т. д. Собственныя имена почти всегда писались такимъ образомъ; число фигуръ, замѣнявшихъ буквы, было нѣсколько болѣе 20-ти. Кромѣ нихъ, употреблялись еще знаки, обозначавшіе цѣлые слога. Итакъ, египтяне первые перешли отъ фигурнаго письма къ звуковому; имъ первымъ пришла въ голову счастливая мысль обозначать звуки человѣческой рѣчи особыми знаками. Но хотя для чтенія іероглифическая система письма и была относительно легка для древнихъ народовъ, все-таки она слишкомъ многосложна: въ ней оказывается болѣе 500 фигуръ и знаковъ, и задача прочитать ихъ была дѣломъ чрезвычайно труднымъ для ученыхъ новѣйшаго времени. Пособіемъ къ разгадыванію іероглифовъ послужилъ имъ коптскій *) языкъ, происходящій отъ древне-египетскаго; но это пособіе было очень неудовлетворительно, такъ какъ и самый коптскій языкъ перестал быть живымъ языкомъ и сохранился только въ переводахъ священнаго писанія и въ церковныхъ книгахъ. Сверхъ того, символическія изображенія допускаютъ разныя толкованія, потому что очертанія фигуръ часто бываютъ неопредѣленны, сбивчивы.

Но, на перекоръ всѣмъ трудностямъ, геніальному уму французскаго ученаго, Шампольона, удалось отчасти разсѣять этотъ мракъ. Ключемъ къ рѣшенію загадки, остававшейся неразгаданною въ продолженіи многихъ вѣковъ, послужило то, что въ городѣ Розеттѣ (въ Египтѣ) найденъ былъ камень, на трехъ сторонахъ котораго сохранились три надписи, имѣющія, какъ было прочтено въ одной изъ нихъ, греческой, одинаковое содержаніе.

Изобрѣтенные жрецами іероглифы были по преимуществу достояніемъ духовенства, на которомъ лежала обязанность изсѣкать надписи на стѣнахъ разныхъ сооруженій. Стѣны храмовыхъ залъ, пьедесталы обелисковъ, памятники въ Египтѣ—все это покрыто безчисленными надписими, возвѣщающими потомству дѣянія и благочестивыя чувства строителей, молящихъ боговъ о благосклонности къ нимъ. Надписи на саркофагахъ и гробницахъ, сообщающія имена и званія погребенныхъ тутъ, перечисляющія, сколько у кого было стадъ, хлѣба, земель и домашнихъ вещей,—свидѣтельствуютъ, какъ египтяне дорожили письменными заявленіями. Жрецы сопровождали царей повсюду—на войнѣ, на охотѣ и т. п.

*) Копты.

и тщательно записывали все, что дѣлалъ царь: они отмѣчали число членовъ, отрубленныхъ у враговъ, число убитыхъ во время охоты животныхъ. Въ египетскихъ гробницахъ найдено очень много свитковъ рукописей. Литературная дѣятельность египетскихъ ученыхъ была обширна; это показываетъ уже „Книга мертвыхъ“ съ ея многочисленными молитвами, гимнами, священными изреченіями и т. п. Другой остатокъ древней египетской литературы находится въ Туринскомъ музеѣ: это—свитокъ папируса, содержащій списокъ царей, съ обозначеніемъ числа лѣтъ ихъ правленія. Кромѣ того, извѣстно, что въ храмѣ Рамзеса Великаго была библіотека—„залъ книгъ“. Одинъ изъ писателей христіанскаго времени, Климентъ Александрійскій, говоритъ, что египтяне имѣли 42 священныя книги, заключавшія въ себѣ все, что касалось религіозныхъ дѣлъ: правила богослуженія, жертвоприношеній, молитвы, духовныя пѣсни, славословіе богамъ и, кромѣ того, всю мудрость жрецовъ, всѣ знанія, добытыя ими въ теченіе вѣковъ.

Если египтяне обозначали нѣкоторые звуки или слога разными фигурами, то отсюда до азбучнаго письма одинъ только шагъ.

Какъ ни любопытна исторія изобрѣтенія письма, она однако покрыта непроницаемой тайной, и всѣ попытки ученыхъ разсѣять этотъ мракъ оказались безуспѣшными.

По преданію, изобрѣтателемъ письма у египтянъ былъ Таутъ, а отъ египтянъ оно было заимствовано финикійцами. Отъ финикійцевъ буквенное письмо перенесено въ Грецію Кадмомъ. Полагаютъ, что первоначальная азбука была составлена около X-го столѣтія до Рождества Христова. Ея буквы употреблялись моавитянами, финикійцами, израильтянами и другими народностями семитическаго семейства, для письма на ихъ языкѣ. Самое названіе «азбуки», или «алфавита»—еврейскаго происхожденія: по еврейски aleph, т. е. «быкъ», означаетъ *а*, beth, т. е. «домъ»—*б*, gimel, т. е. «верблюдъ»—*г*, и т. д.

Въ пользу того, что финикійцы, дѣйствительно, первые ввели у себя азбуку, и что греки научились письменному искусству только отъ нихъ, говоритъ тотъ фактъ, что греки усвоили для буквъ финикійскія наименованія, которыя сходны съ только что приведенными еврейскими, напримѣръ: alpha, beta, gamma и т. д. Отсюда происходитъ слово alphabet, «азбука», сохраняющее такимъ образомъ слѣды того, что буквы были составлены финикійцами, получили названія отъ нихъ, перешли отъ нихъ къ грекамъ и латинянамъ и, наконецъ, дошли до насъ.

Теперь обратимся къ вопросу, какимъ образомъ люди дошли до употребленія числовыхъ знаковъ, т. е. цифръ?

Многіе изъ прежнихъ путешественниковъ не разъ утверждали, что тотъ или другой народъ настолько дикъ, что у него не существуетъ счета свыше пяти.

Впрочемъ, нѣкоторые ученые того мнѣнія, что недостатокъ слова для обозначенія числа самъ по себѣ не служитъ еще доказательствомъ, что люди не имѣютъ и понятія объ этомъ числѣ. Такъ, напримѣръ, географъ Пешель говоритъ, что «если многія австралійскія нарѣчія бѣдны выраженіями для обозначенія чиселъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что туземцы не имѣютъ понятія о большихъ числахъ: у нихъ существуетъ восемнадцать различныхъ словъ, которыми они называютъ своихъ дѣтей, начиная отъ перваго до десятаго мальчика, или отъ первой до десятой дѣвочки».

По словамъ Ридлея, австралійскіе дикари считаютъ слѣдующимъ образомъ: первые три числа выражаются у нихъ отдѣльными словами; цыфра 4—словами 2+2; 5—словомъ «много», а 6—опять-таки словами 5+1 и т. д. Такъ считаютъ они до 19, а число 20 выражаютъ словами: «столько, сколько па обѣихъ рукахъ и ногахъ пальцевъ». Это уже высшая цифра, но весьма возможно, что при случаѣ, они считаютъ и дальше, подобно африканскимъ туземцамъ, которые число 20 обозначаютъ словомъ «человѣкъ», подразумѣвая подъ этимъ количество пальцевъ на рукахъ и ногахъ, а вмѣсто 100 они говорятъ «пять человѣкъ» и т. д.

Чтобы обозначить счетъ предметовъ, дикари ставятъ соотвѣтствующее количество черточекъ. Сѣверо-американскій индѣецъ вырѣзываетъ па деревѣ, напримѣръ, четыре черточки, чтобы показать, что онъ скальпировалъ четырехъ человѣкъ. Въ Африкѣ можно видѣть на рынкѣ негритянскихъ торговцевъ, ведущихъ счеты при помощи голышей; когда они дойдутъ до 5, то откладываютъ камешки въ сторону въ видѣ отдѣльной кучки.

На островахъ Южнаго океана было замѣчено, что туземцы, считая и дойдя до 10, откладываютъ въ сторону не всю кучу изъ десяти предметовъ, а только одинъ кусокъ кокосоваго черешка. То же дѣлаемъ и мы, когда откладываемъ на нашихъ счетахъ единицы, десятки, сотни и т. д. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ нашего неграмотнаго крестьянина. Отсчитывая число мѣръ отпускаемой съ воза ржи, онъ отмѣчаетъ на передкѣ саней каждую мѣру черточкой; дойдя до десяти, ставитъ крестъ, а потомъ снова черточки и т. д. Для небольшихъ чиселъ подобная система удобна; но она становится крайне неудобною, когда приходится много и долго считать. Поэтому еще въ самыя древнія времена люди придумали разные условные знаки для пятковъ, десятковъ, сотенъ и т. д., оставляя черточки только для немногихъ единицъ. Такъ, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ были при-

думаны слѣдующіе знаки для обозначенія чиселъ: для единицы — |, для десятка — ∩, для сотни — С,

Такимъ образомъ, по египетской нумераціи, напр., число 359 обозначалось такъ:

СС ∩∩∩ |||
С ∩∩ |||
|||

У древнихъ ассиріянъ были слѣдующіе клинообразные знаки для чиселъ: для единицы |, для десятка >, для сотни |-.

Такимъ образомъ, знаки: <<<<<| = 51.

Въ сѣверной Африкѣ, среди туариковъ, обитаетъ небольшое племя рхадамзеры, которое имѣетъ свои числовые знаки, употребляемые имъ до настоящаго времени. Записываніе цифръ начинается у нихъ справа на лѣво.

Вотъ эти знаки: - | > O Ꙋ ◇ X X̄
0 1 5 10 50 100 500 1000.

По этой системѣ число 534, напр., пишется такъ:

||||OOOX

Для счисленія эти знаки настолько же неудобны, какъ и римскія цифры. Въ старину буквы алфавита употреблялись и для обозначенія чиселъ:

А̃ В̃ Г̃ Д̃ Є̃ Ѕ̃ З̃ И̃ Ѳ̃ Ї̃ и т. д. ҂А = 1000.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Изобрѣтеніе введенной у насъ десятичной системы приписываютъ арабамъ, почему и самыя цифры эти называются арабскими. Изъ всѣхъ знаковъ этой системы особенно важное значеніе имѣетъ 0—нуль, который самъ по себѣ означаетъ «ничего», а поставленный съ правой стороны какой-нибудь цифры увеличиваетъ ее въ десять разъ.

Любопытно, что сами арабы свою цифирную систему называютъ индѣйской, такъ что кто у кого позаимствовалъ ее—неизвѣстно.

О СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНАХЪ.

Исторію книги на Руси слѣдуетъ начать съ азбуки, т. е. съ изобрѣтенія славянскихъ письменъ.

Какъ извѣстно, славянскія письмена изобрѣтены свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ въ 885 году.

Шлецеръ, знаменитый историческій изслѣдователь, обращаясь къ изобрѣтателямъ «Кирилицы», говоритъ:

«Привѣтствую васъ здѣсь, безсмертные изобрѣтатели славянской грамоты! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять такъ сказать изъ устъ

Свв. Кириллъ и Меѳодій.

народа и писать греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ поступили вы, какъ люди отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго грекъ не имѣлъ въ языкѣ своемъ, изобрѣли вы новые особенные знаки или буквы. Какъ малъ противу васъ Эльзасскій монахъ Готфридъ, или кто бы ни былъ тотъ нѣ-

мецъ, который первый осмѣлился писать на своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку».

По свидѣтельству монаха Храбра, «прежде убо Славяне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами чтяху и гадаху; крестивше же ся римскими и греческими письмены нуждахуся,—словѣньска рѣчь бѣ не устроена, и тако бяша много лѣта».

И такъ, до изобрѣтенія славянской азбуки славяне писали «чертами и рѣзами», но что это были за знаки—неизвѣстно.

Просвѣтительная дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, составителей славянской азбуки, переводчиковъ богослужебныхъ книгъ, представляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи славянскихъ племенъ вообще и нашего отечества въ особенности.

Богослужебныя книги были переведены на славянскій языкъ не для русскаго народа, а для мораванъ, небольшого племени славянскаго. Мораване крещены были почти за двѣсти лѣтъ до введенія христіанства въ Россіи нѣмецкими проповѣдниками, которые и принесли съ собой и книги, но на непонятномъ для мораванъ языкѣ—латинскомъ. Моравскіе князья, видя, что вѣра Христова туго распространяется среди народа на чуждомъ ему языкѣ, обратились къ византійскому императору Михаилу, съ просьбой—прислать имъ проповѣдниковъ, которые могли бы истолковывать мораванамъ Слово Божіе на славянскомъ языкѣ. Выборъ императора палъ на Кирилла и Меѳодія.

Константинъ философъ (въ монашествѣ Кириллъ) и братъ его Меѳодій были дѣти солунянина Льва изъ Македоніи.

Ребенкомъ онъ учился въ Солунской школѣ, гдѣ явился «дивомъ» по изумительной остротѣ и живости своей памяти: «спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятіи вельми скоро, яко и диву ему быти». Потомъ попалъ въ число учениковъ царьградскаго придворнаго училища, гдѣ обучался вмѣстѣ съ царевичемъ Михаиломъ. Въ то время преподавателемъ философіи въ царьградской школѣ былъ Фотій, будущій патріархъ, человѣкъ, извѣстный обширными научными познаніями. Самъ Фотій впослѣдствіи всегда вспоминалъ о своей педагогической дѣятельности:

«Друзья мои, вѣроятно, съ чистою совѣстію будутъ добромъ поминать меня. Могу ли и самъ я безъ слезъ вспоминать объ этомъ. Когда я былъ дома, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностію учились окружавшіе меня; съ какимъ вниманіемъ вопрошали меня; какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтается навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радовался я, видя, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ по-

мощію философскихъ методовъ; а третьи, изучая Священное писаніе, устремляли свой умъ къ благочестію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній. Такова была сфера, въ которой я постоянно вращался. Бывало, пойду я во дворецъ, а ученики мои провожаютъ меня до самого входа и просятъ, чтобы я поскорѣе вернулся. Считая подобную привязанность высшею для себя наградою, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла, и когда я возвращался домой, то мое ученое общество уже ожидало меня у дверей. Тѣ изъ моихъ учениковъ, кои своими превосходными качествами пріобрѣли нѣкоторое право на короткое со мной обращеніе, замѣчали мнѣ, что я слишкомъ замѣшкался; другіе радостно меня привѣтствовали; были и такіе, которые довольствовались тѣмъ, что я замѣчалъ ихъ усердіе». Вотъ какого наставника имѣлъ первоучитель Славянъ.

Ученость Константина была причиною, что его назначили преподавателемъ философіи; Мееодій удалился на гору Олимпъ, „идѣ же святіи отцы живутъ», и тамъ постригся. Сюда же вскорѣ прибылъ и св. Кириллъ. Его нисколько не прельщали роскошь и блескъ пышной столицы Византійской имперіи. Однако братья должны были покинуть свою уединенную жизнь въ монастырѣ, чтобы совершить миссіонерскую поѣздку въ предѣлы Южной Россіи. Въ то время въ обширныхъ степяхъ нынѣшней Южной Россіи, отъ устьевъ Волги и Каспійскаго моря и до морей Чернаго и Азовскаго—Кочевали козары. Они были язычники и исповѣдники разныхъ вѣръ. Императоръ Михаилъ III призвалъ къ себѣ св. Кирилла и сказалъ ему: «Иди, философъ, къ этимъ людямъ и разрѣши ихъ сомнѣнія». Св. Кириллъ отвѣчалъ: «Если повелишь, государь, то съ радостію пойду — пѣшій и босой, какъ ходили апостолы; радъ и пострадать за Христа».

Императоръ сказалъ ему: «Если бы ты самъ по себѣ это дѣлалъ, такой поступокъ былъ бы похваленъ; но въ этомъ случаѣ дѣло касается моей державы. Иди съ честью, съ царской помощью!»

Во время пребыванія своего въ предѣлахъ южной Россіи, св. Кириллъ сдѣлалъ два открытія: въ Херсонесѣ удалось ему отыскать мощи св. Климента. Римскій епископъ св. Климентъ, жившій спустя около ста лѣтъ послѣ Рождества Христова, былъ сосланъ сюда врагами христіанства, замученъ здѣсь и съ якоремъ на шеѣ брошенъ въ море. О немъ существовало преданіе, что прежде, каждый разъ въ день его страданій, море возмущалось и отступало отъ береговъ, показывая на днѣ своемъ мощи св. мученика. Часть мощей святые братья на возвратномъ пути взяли съ собою. Другимъ не менѣе важнымъ окрытіемъ была находка Псал-

тыря и Евангелія, писанныхъ «рушскими письменами». Г-нъ Барсовъ говоритъ по этому поводу: «фактъ этотъ встрѣчается дословно во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ житія св. Кирилла. Въ дошедшемъ до насъ посланіи папы Іоанна VIII о славянскихъ письменахъ говорится, что онѣ только вновь *найдены*, вновь *открыты* нѣкіимъ философомъ Константиномъ».

При всѣхъ странствованіяхъ Меѳодій былъ неразлученъ съ братомъ своимъ и ревностно раздѣлялъ съ нимъ подвиги на пользу вѣры. Обративъ нѣсколькихъ мусульманъ въ христіанство, свв. Кириллъ и Меѳодій возвратились на родину.

Въ 862 году, по полученіи отъ моравскаго князя Ростислава письма, императоръ Михаилъ III созвалъ въ Константинополѣ соборъ, на который были приглашены и братья Кириллъ и Меѳодій, уже прославившіеся своими проповѣдническими трудами. Императоръ разсчитывалъ на Кирилла и Меѳодія, которымъ, какъ онъ зналъ, хорошо былъ знакомъ славянскій языкъ. И дѣйствительно, на соборѣ онъ прямо обратился къ нимъ съ предложеніемъ идти на проповѣдь къ моравскимъ славянамъ.

— Вы оба —солуняне, а всѣ солуняне хорошо говорятъ по-славянски!

— Имѣютъ ли славяне свою азбуку? спросилъ св. Кириллъ: учить безъ азбуки, учить безъ книгъ—вѣдь, это все равно, что писать бесѣду на водѣ! Нужно учить по книгамъ, въ которыхъ бы точно и вѣрно было написано слово Божіе, а безъ книгъ легко прослыть еретикомъ.

Императоръ заявилъ, что славянскихъ письменъ искали дѣдъ его, отецъ и многіе другіе, но не нашли ихъ.

Прибывъ въ Моравію, братья прежде всего занялись переводомъ св. писанія на славянскій языкъ. Для этого была составлена славянская азбука. По сказанію монаха Храбра, она состояла изъ 38 буквъ: къ 24 греческимъ буквамъ прибавлено 14 новыхъ, именно, для тѣхъ звуковъ славянскаго языка, которыхъ не оказалось въ греческомъ; недостающіе знаки или буквы взяты изъ алфавитовъ еврейскаго, коптскаго и друг. Полагаютъ, что эти вновь прибавленныя буквы—слѣдующія: *б, ж, з, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѫ, ѭ*. Вмѣсто греческихъ названій буквъ, св. Кириллъ употребилъ славянскія, напримѣръ, вмѣсто *альфа—азъ*, вмѣсто *вита—вѣди*, поставивъ еще букву—буки, соотвѣтствующую латинской *b*.

Изображеніе большей части буквъ Кирилловской азбуки подобны были греческимъ IX вѣка, и чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ сходство это очевиднѣе. Это былъ первый великій подвигъ св. Кирилла, основа просвѣщенія славянъ. Затѣмъ слѣдовалъ другой

подвигъ, не менѣе важный—переводъ евангелія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Панноское житіе св. Меѳодія повѣствуетъ, что онъ «отъ учениКъ своихъ посажь два попы скорописця зѣло, преложи въ борзѣ вся книгы исполнь, развѣ (т. е. кромѣ) Маккавеи, отъ греческа языка въ словеньскъ, шестію мѣсяцъ, наченъ отъ марта мѣсяця до двудесяту и шестію день октября мѣсяца». И первыя евангельскія слова, прозвучавшія на славянскомъ языкѣ, были слѣдующія слова Евангелія: «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово».

«И рады были славяне,—говоритъ древній лѣтописецъ,—такъ какъ они слышали величіе Божіе на своемъ языкѣ».

«И отверзоша уши глухихъ услышати книжныя словеса». «Богъ же ся возвесели о семъ вельми, и дьяволъ постыдѣся».

Такимъ образомъ, положено было начало независимой православной церкви. Братья обучали славянской грамотѣ учениковъ, которыхъ имъ далъ Ростиславъ, чтобы изъ нихъ приготовить священниковъ.

Народъ, остававшійся въ язычествѣ, толпами крестился, внимая живому слову свв. Кирилла и Меѳодія. Латинскіе священники открыто набросились на свв. братьевъ и воздвигли на нихъ гоненіе: «Ваше дѣло не къ славѣ Божіей. Славить Бога можно только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ Спасителя». Наконецъ, они донесли въ Римъ, папѣ Николаю I на свв. Кирилла и Меѳодія, обвиняя ихъ «въ триязычной ереси». Чтобы разслѣдовать дѣло, Папа Николай I рѣшилъ вызвать свв. Кирилла и Меѳодія къ себѣ, въ Римъ. Когда во время пути свв. братья остановились въ Венеціи, то «собрашася нань латинстіи епископы и поповѣ, и черноризци, яко врани на соколъ, и воздвигоша тріязычную ересь, глаголюще, скажи намъ, како ты еси нынѣ сотворилъ Словѣномъ книги и учиши я, ихъ же никто же первѣе обрѣлъ, ни апостолы, ни римскій папа, ни ѳеологъ Григорій, ни Іеронимъ, ни Августинъ, мы же три языки токмо вѣмъ, ими же достоитъ въ книгахъ славити Бога: еврейски, гречески и латински».

Еще не успѣли свв. братья прибыть въ Римъ, какъ папа Николай I умеръ; преемникомъ ему былъ Адріанъ II, который оказалъ Кириллу и Меѳодію радушный ласковый пріемъ. Благоговѣйно принявъ мощи св. Климента, принесенные свв. братьями, папа оказалъ большой почетъ и славянскимъ книгамъ. Освященныя папой эти книги торжественно возложены были на престолъ св. Маріи, и по нимъ отслужены были литургіи въ различныхъ церквахъ города Рима.

Не смотря на торжественный пріемъ, оказанный папой свв. Ки-

риллу и Меѳодію, латинскіе священники не унимались, больше всего они досадовали на введеніе литургіи на славянскомъ языкѣ. Наконецъ, нѣмецкіе священники рѣшились употребить насиліе противъ свв. Кирилла и Меѳодія, именно: заключили ихъ въ тюрьму въ одномъ мѣстечкѣ въ Швабіи, и держали въ продолженіи $2^1/_2$ лѣтъ. Лишь только узналъ объ этомъ преемникъ Андріановъ, Іоаннъ VIII, то раздраженный, защищая не только свои распоряженія, но и древнѣйшія права свои, запретилъ нѣмецкимъ епископамъ священнодѣйствіе, если они не дадутъ свободы Кириллу и Меѳодію.

Наконецъ, настало время и почить праведнику отъ трудовъ своихъ. Св. Кириллъ умеръ въ Римѣ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ молился за славянскую паству: «Господи! услыши молитву мою, и сохрани вѣрное стадо Твое! Дай имъ быть людьми изрядными, и вдохни въ сердца ихъ слово ученія Твоего! Благоустрой ихъ сильною десницею Твоею, и защити ихъ подъ покровомъ крилъ Твоихъ»! Со своего смертнаго одра онъ говорилъ брату: «Братъ мой, съ тобою мы трудились, какъ пара воловъ едину бразду тяжаща и вотъ — я падаю на бороздѣ, окончивъ день свой, а ты, я знаю, сильно любишь гору Олимпъ, но для нея не оставляй ученія своего среди славянъ».

По кончинѣ Кирилла, братъ его Меѳодій вспомнилъ завѣтъ своей матери, и горячо, со всею ревностію духа, сталъ хлопотать—исполнить его. Онъ не хотѣлъ лишить мать послѣдняго утѣшенія видѣть гробъ своего сына. «Святой отецъ,—упрашивалъ онъ папу,—когда мы покидали родную землю, ради нашего служенія, мать, проливая горячія слезы, умоляла насъ, что если кто-либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то братъ переживщій долженъ привезти тѣло умершаго брата въ его монастырь и похоронить его тамъ. Да соизволитъ же, твоя святость, мнѣ ничтожному выполнить этотъ долгъ, чтобы не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери».

Послѣ смерти св. Кирилла, Меѳодію въ продолженіи 18 лѣтъ пришлось выносить борьбу съ латинско-нѣмецкимъ духовенствомъ.

Вернувшись въ 870 году къ славянамъ, онъ избралъ для своего жительства Паннонію, гдѣ княжилъ Коцелъ. По желанію этого князя Меѳодій снова ѣздилъ въ Римъ, и былъ посвященъ въ 870 году въ санъ епископа Панноніи, такъ-что могъ самостоятельно править дѣлами славянской церкви. Дѣятельность его была обширна и благотворна. «А великій, Божій архіепископъ, Меѳодій,—по свидѣтельству Іоанна экзарха болгарскаго: — преложи вся уставныя книги (60) отъ еллинска языка на словенскъ».

Ученики св. Меѳодія и самъ онъ, окруженные врагами, съ силь-

нею тревогою смотрѣли на будущее. Они видѣли слабость и близкую кончину своего любимаго учителя. И еще при жизни его позаботились о достойномъ замѣстителѣ. Ученики спросили: «кого чуеши, отче, учителю честный, въ ученицѣхъ своихъ, дабы отъ ученія твоего тебѣ настольникъ былъ»? Меѳодій указалъ на одного: «отъ извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемый—Горраздъ».

Въ вербное воскресенье, 885 года, собралось, по обыкновенію, множество народа въ соборѣ на службу, которую долженъ былъ совершить самъ архіепископъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ—Меѳодій. Онъ вошелъ въ церковь, богослуженіе началось, но занемогъ и не былъ въ состояніи кончить службу. Архіепископъ просилъ окружавшихъ его учениковъ не покидать старца до третьяго дня. Предсмертными словами онъ обращался къ ученикамъ: «Возлюбленныя чада мои! вы знаете, какъ сильны еретики въ злобѣ, вы знаете, какъ, искажая слово Божіе, они стараются напоить ближнихъ ученіемъ ложнымъ; вы знаете и ихъ средства, которыя они для того употребляютъ: убѣжденіе для разумныхъ и жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь и молюсь за васъ; надѣюсь, что основанные на камнѣ апостольскаго ученія, на которомъ основана и сама церковь, вы не соблазнитесь лестію и не отступите передъ страхомъ жестокости. Я не молчалъ изъ страха, я всегда бодрствовалъ на стражѣ, и вамъ завѣщаю: будьте осторожны. Дни мои сочтены, послѣ же моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ соблазнять народъ, но вы противу стойте, будьте тверды въ вѣрѣ: это завѣщаетъ самъ апостолъ Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ и предвѣчно рожденный отъ Него Сынъ и Святой Духъ, отъ Отца исходящій, да научитъ васъ всякой истинѣ, и сохранитъ васъ непорочными».

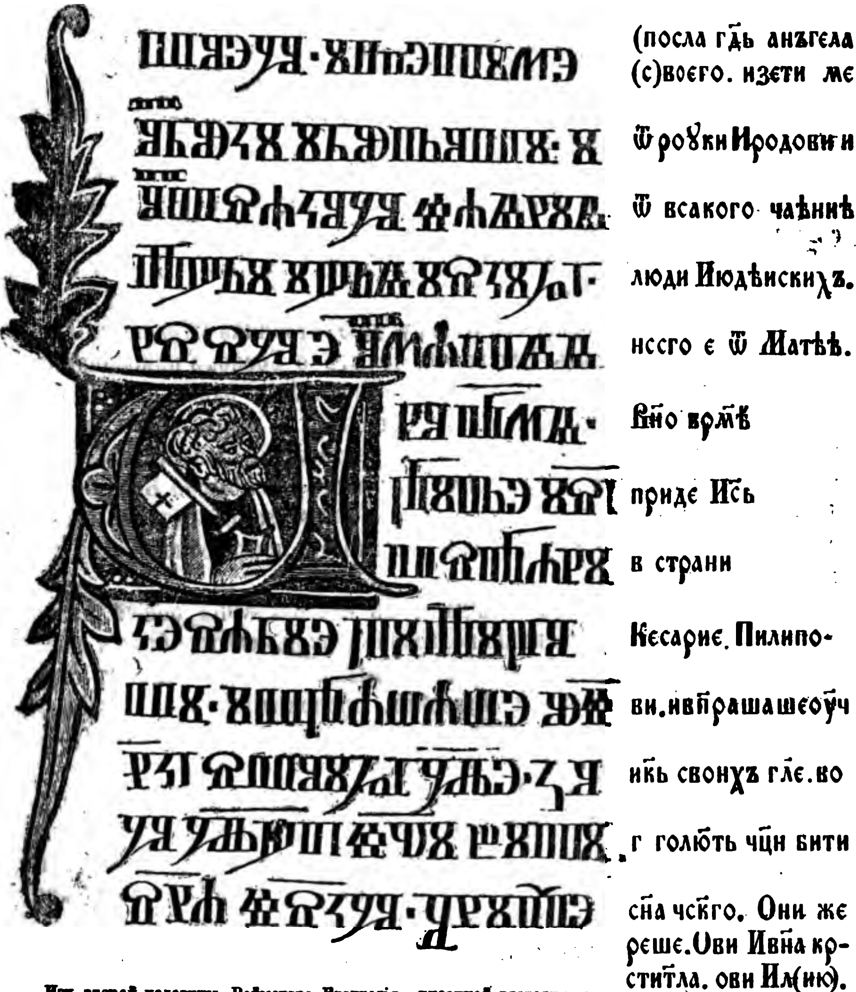
И, вотъ, рано поутру, на третій день, св. Меѳодій отдалъ душу Богу, на рукахъ іерарховъ, со словами: «въ руцѣ Твои, Господи, свою душу возлагаю».

Ученики совершили надъ нимъ службу «латинскы, греческы и словенскы».

Кромѣ азбуки—«кириллицы», существовала еще другая азбука, «глаголица», которая если и не была изобрѣтена раньше кириллицы, то, вѣроятно, вскорѣ послѣ нея. Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ замѣтить, что доселѣ извѣстные памятники письменности по глаголицѣ восходятъ къ болѣе древнѣйшимъ временамъ, нежели по кириллицѣ. Иверская глаголическая грамота относится къ 982 году, а надгробная надпись въ Прилѣпѣ (въ Македоніи), писанная кириллицею, относится къ 996 году. Замѣчательно, что около 20-хъ го-

довъ XVII вѣка, въ Кіевѣ, въ Лаврской типографіи, печатались книги не только кирилловскими, но и глаголическими буквами.

Глаголица отличается вудреватостью знаковъ. Эта азбука у нѣкоторыхъ историковъ извѣстна также подъ именемъ іеронимовской азбуки, но не справедливо, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, ибо Іеронимъ жилъ въ IV и V вѣкѣ, а памятники глаголицкой азбуки являются въ X вѣкѣ. Чтобы яснѣе опредѣлить разницу между обѣими азбуками по начертанію, приводимъ здѣсь два отрывка, писанныхъ „кириллицею“ и „глаголицею“.



Изъ второй половины Реймскаго Евангелія, писанной глаголицею (въ концѣ X и началѣ XI вѣка).

Чтеніе буква въ букву глаголическаго текста (сербо-хорватскаго).

Въ 1885 году, 6 апрѣля, вся Россія праздновала тысячелѣтнюю годовщину просвѣтительной дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія. Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ издалъ ко дню годовщины пастырское посланіе «чадамъ святыя, соборныя, Апостольскія церкви Россійскія».

Въ этомъ посланіи, высшіе представители русской духовной іерархіи разъясняютъ своей многочисленной паствѣ то высокое значеніе, какое имѣли для нея свв. Кириллъ и Меѳодій. Стоя на грани тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, Правительствующій Сѵнодъ молитъ чадъ своихъ: «поминайте наставниковъ вашихъ святыхъ и равноапостольныхъ братій, Меѳодія и Кирилла, иже глаголаша вамъ слово Божіе на родномъ намъ языкѣ».

Приводимъ этотъ любопытный документъ, который навсегда останется памятникомъ перваго истекшаго тысячелѣтія просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей.

«Божіею милостію Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ.

Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ святыя, соборныя, Апостольскія церкви россійскія.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всѣми вами (2. Коринф. 13, 13).

6 апрѣля 885 года, «свѣтающу дню вторника Страстныя Седмицы», въ Моравскомъ Велеградѣ почилъ о Господѣ присноπамятный учитель Словенскихъ народовъ, святый и равноапостольный Меѳодій, архіепископъ Моравіи и Паннонія, и нынѣ, чрезъ тысячу лѣтъ, Всероссійская церковь, слѣдуя наставленію святаго апостола: поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13, 7) свѣтло чествуетъ память сего великаго святителя и прославляетъ, приснаго ему по духу, брата его преподобнаго отца нашего Кирилла.

Подвигнутые Духомъ Божіимъ, съ благословенія общей нашей матери, Великой Константинопольской церкви, святые братія положили начало православія въ родственныхъ намъ Словенскихъ странахъ, Болгаріи, Моравіи и Панноніи, проповѣдію Слова Божія на языкѣ Словенскомъ и преложеніемъ глаголовъ живота вѣчнаго (Іоан. 6, 68) съ греческаго языка на родное намъ нарѣчіе.

Въ священныхъ пѣснопѣніяхъ, Православная церковь, именуя сихъ святыхъ братій—«церкви словенскія апостолами, Словенскихъ странъ просвѣтителями и учителями», ублажаетъ ихъ за подвиги апостольства. Они озарили свѣтомъ Евангелія Словенскіе языки, коснѣвшіе во тьмѣ и сѣни смертнѣй; они подъяли апостольскіе труды, проповѣдуя Слово Божіе, и въ южныхъ предѣлахъ нашего отечества; они много за православіе потерпѣли, ревнуя объ утвер-

жденіи правой вѣры въ новопросвѣщенной ими паствѣ Словенской. Даннымъ отъ Бога художествомъ, изобрѣтши словенскія письмена, они явили намъ источникъ Богопознанія, изъ него же, даже до днесь, неоскудно почерпаемъ воду живу—Слово Божіе. Глаголы Христовы духъ суть и животъ суть (Іоан. 6, 63), и благочестіе по духу вѣры Христовой имѣетъ обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго (1. Тимоф. 4, 8). Потому подвиги, подъятые святыми братьями Меѳодіемъ и Кирилломъ во благо всѣхъ словенскихъ народовъ, поистинѣ достойны приснаго прославленія. Благодатію Божіею чрезъ нихъ намъ ниспослано Благовѣстіе Христово, чрезъ нихъ мы познали церковную красоту, и приведены отъ тьмы къ свѣту, и отъ смерти къ животу вѣчному. Языкъ Словенскій содѣланъ сокровищницею духа и жизни, святымъ Кивотомъ Божественныхъ тайнъ. И такъ, отъ церкви святой насаждено на землѣ нашей книжное ученіе, въ познаніе истины, во спасеніе душамъ, на пользу повременной жизни.

Благодарно исповѣдуя дивное промышленіе о насъ неизсчетнаго въ милостяхъ своихъ Господа, воздвигшаго въ Словенскихъ странахъ сіи два великіе свѣтильника, молимъ васъ, возлюбленные о Господѣ чада святыя, Соборныя и Апостольскія церкви Россійскія, поминайте наставниковъ вашихъ святыхъ и равноапостольныхъ братій Меѳодія и Кирилла, иже глаголаша вамъ Слово Божіе на родномъ намъ языкѣ; поминайте трудившихся для васъ во благовѣстіи Христовомъ, подражайте вѣрѣ ихъ, призывайте ихъ въ молитвахъ вашихъ къ Господу Богу, да предстательствомъ ихъ обильно вселяется въ сердца ваши проповѣданное ими вамъ Слово Божіе, да благостроиется жизнь ваша по духу вѣры и ученію святой православной церкви, да будемъ вси единодушни и единомудри въ вѣрѣ и любви, и Богъ любве и мира да будетъ со всѣми нами (2. Коринф. 13, 11). Аминь».

Подписали:

Исидоръ, митрополитъ Новгородскій и Петербургскій.
Платонъ, „ Кіевскій и Галицкій.
Іоанникій, „ Московскій и Коломенскій.
Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій.
Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій.
Палладій, епископъ Тамбовскій и Шацкій.

Посланіе это разослано было во всѣ эпархіи для прочтенія 6 апрѣля, въ церквахъ, предъ началомъ благодарственнаго молебствія.

Почти во всѣхъ городахъ Имперіи, въ память тысячелѣтія свв. Кирилла и Меѳодія, мѣстнымъ духовенствомъ совершены были крест-

ные ходы. Въ учебныхъ заведеніяхъ на время прекращены были занятія. Въ университетахъ, академіяхъ и другихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ прочитаны рефераты, посвященные событію дня *). Особенно торжественно отпразднована была память тысячелѣтія въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ.

Въ Москвѣ торжество началось наканунѣ всенощнымъ бдѣніемъ во всѣхъ московскихъ храмахъ, при чемъ на литіи, на ектеніи послѣ евангелія и на отпустѣ, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, были поминаемы свв. Кириллъ и Меѳодій.

На другой день, 6 апрѣля, къ началу литургіи въ храмъ Христа Спасителя прибыли по 10—15 учениковъ и ученицъ изо всѣхъ московскихъ городскихъ школъ, съ учителями. По окончаніи литургіи въ храмѣ Христа Спасителя, отъ него тронулся къ Успенскому собору малый крестный ходъ для участія въ общемъ Кремлевскомъ крестномъ ходѣ, который совершенъ былъ изъ Успенскаго собора на Красную площадь. Пока шла литургія въ Успенскомъ соборѣ, вся Кремлевская набережная и Красная площадь наполнились несмѣтными толпами народа. Самый крестный ходъ отправленъ былъ съ небывалою торжественностію—по московски. Открыло его 40 паръ хоругвей изъ соборовъ; за хоругвеносцами шли попарно 130 псаломщиковъ, 140 діаконовъ, 150 протоіереевъ и іереевъ; затѣмъ слѣдовалъ синодальный хоръ пѣвчихъ, 6 священниковъ съ иконами святителей московскихъ, 9 архимандритовъ, протоіерей съ иконой святыхъ угодниковъ Кирилла и Меѳодія; затѣмъ шествовали 3 епископа, 3 настоятеля и митрополитъ, за которымъ слѣдовали свѣтскія высокопоставленныя лица и народъ сплошною, пестрою толпою.

Въ Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ соборѣ, наканунѣ празднованія, безплатно выдавались брошюры и жетоны съ изображеніемъ свв. Кирилла и Меѳодія. Жетоны изготовлены были на монетномъ дворѣ. Всего роздано 15,000 брошюръ.

Во время богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ присутствовалъ Его Величество Государь Императоръ и весь Высочайшій дворъ.

По окончаніи богослуженія совершенъ былъ величественный крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ Исаакіевскій, при громадномъ стеченіи народа, съ предносимою во главѣ всей процессіи, нарочито устроенною, хоругвіею свв. Кирилла и Меѳодія.

Заслуживаютъ упоминанія нѣкоторыя частныя особенности этого праздника и въ другихъ мѣстахъ имперіи.

---

*) Московское уѣздное земство разослало въ школы уѣзда 6,000 брошюръ о Кириллѣ и Меѳодіи, которыя раздавались крестьянскимъ дѣтямъ послѣ молебствія, отслуженнаго въ каждой сельской школѣ.

Во Владимірской эпархіи, братствомъ св. Александра Невскаго распространено было, изданное имъ ко дню торжества, житіе свв. Меѳодія и Кирилла, въ количествѣ 42,000 экземпляровъ; роздано народу 25,000 экземпляровъ «Троицкаго листка», подъ заглавіемъ: «Славянскіе Апостолы»; въ каждую изъ 150 церковно-приходскихъ школъ послано: по 1 экземпляру изображенія свв. Меѳодія и Кирилла, службы имъ и по два экземпляра гимна, составленнаго въ честь славянскихъ апостоловъ.

Въ Калужской эпархіи, кромѣ общаго торжественнаго празднованія, распространена была повсюду брошюра: «Житіе свв. Кирилла и Меѳодія», и, между прочимъ, разослана была во всѣ мѣста заключенія, гдѣ также отслужены были молебны.

Въ Самарской эпархіи, по свидѣтельству преосвященнаго Серафима, послѣ празднованія 6 апрѣля, родители, отдавая дѣтей въ школу, начали служить молебны свв. Кириллу и Меѳодію о дарованіи дѣтямъ силъ къ уразумѣнію книжнаго ученія.

Въ г. Казани, памятникомъ всеславянскаго торжества будетъ служить каменный храмъ во имя славянскихъ апостоловъ, начатый постройкою въ 1885 году, въ одной изъ населеннѣйшихъ частей города.

ПИСЧАЯ БУМАГА

Тряпичный промыселъ.—Цѣны на тряпье въ Петербургѣ.—Зависимость тряпичнаго промысла отъ развитія книжнаго дѣла.—Парижскія тряпичники.—Матеріалы для письменъ у древнихъ народовъ.—Первыя писчебумажныя фабрики въ Россіи.—Писчебумажное производство въ Россіи, въ 1885 году.—Писчебумажныя фабрики—Говарда и Варгунина.—Производство „карточной бумаги".—Международная статистика писчебумажнаго производства.

Кто изъ насъ не видалъ въ большихъ городахъ тряпичниковъ? Съ просторнымъ мѣшкомъ за плечами и съ желѣзнымъ крюкомъ, насаженнымъ на рукоятку, ходятъ они по заднимъ дворамъ, по мусорнымъ ямамъ и оврагамъ въ окрестностяхъ города, собирая старое выброшенное тряпье.

Тряпичниковъ, напримѣръ, Петербургскихъ можно подраздѣлить на два рода: одни, болѣе зажиточные, ходятъ только по дворамъ, «на крикъ», и скупаютъ у обывателей столицы разнаго рода старье. Войдя во дворъ и озирая окна пяти этажнаго зданія, эти тряпичники кричатъ:

— Костей, тряпокъ! Костей, тряпокъ!

Напротивъ, другіе тряпичники исключительно бродятъ по мусорнымъ ямамъ и навознымъ кучамъ и роются въ нихъ, отыскивая кости и тряпки, такъ-что добываютъ свой товаръ даромъ.

Тряпичникъ послѣдняго рода — «пропащій человѣкъ», отребье общества. Роясь въ грязи, онъ и самъ грязенъ, и часто одѣтъ не по времени года. Глядя на его дырявую одежду, на его худощавое лицо, вы невольно подумаете, что ему и холодно, и голодно. На его одеждѣ «возлѣ каждой дыры по заплатѣ», какъ говоритъ русская пословица. Стряслась съ человѣкомъ бѣда, нѣтъ работы, и онъ идетъ собирать тряпки. Насбиравъ тряпья, тряпичникъ несетъ его своему собрату, маклаку-тряпичнику, который даже и не взвѣшиваетъ принесенный товаръ, а просто на просто беретъ мѣшокъ съ тряпьемъ въ руку и на глазъ опредѣляетъ, сколько дать. Если слишкомъ тяжело, такъ что трудно поднять, то платитъ копѣекъ 30; если полегче, то даетъ копѣекъ 10—15.

Въ столицѣ существуетъ цѣлый кварталъ тряпичниковъ. Такъ, напримѣръ, у одного «поставщика тряпья» 6 артелей, всего человѣкъ до 100 тряпичниковъ. Войдя во дворъ, вы видите огромные каменные сараи для склада тряпья, которое свозятъ сюда тряпичники или на себѣ, посредствомъ двухколесной телѣжки или на ломовикахъ, огромными возами, или, наконецъ, просто на своихъ плечахъ—большими узлами. Во всѣхъ сараяхъ—около 100 отдѣленій, по одному на каждаго тряпичника.

Войдя въ такой сарай, вы подумаете, что тутъ собраны нищенскіе пожитки со всего Петербурга! Ни свѣтъ ни заря, тряпичники отправляются шнырять по Петербургу, а къ вечеру, подобно муравьямъ, возвращаются съ добычей.

Въ 1886 году, въ Петербургѣ стояли слѣдующія цѣны на тряпье по сортамъ:

сборка	отъ	1	р.	25	к.	до	1	р.	50	к. за пудъ.
бѣлая тряпка 1 сорта	„	2	„	—	„	„	2	„	40	„ „
„ „ 2 „	„	1	„	70	„	„	1	„	90	„ „
сѣрая тряпка 1 „	„	1	„	50	„	„	1	„	60	„ „
„ „ 2 „	„	1	„	20	„	„	1	„	30	„ „
синяя тряпка 1 „	„	1	„	65	„	„	1	„	75	„ „
„ „ 2 „	„	1	„	50	„	„	1	„	60	„ „
мѣшковинная тряпка .	„	1	„	10	„	„	—	„	—	„ „
ситецъ цвѣтной . .	„	—	„	80	„	„	—	„	—	„ „
каленкоръ бѣлый . .	„	1	„	90	„	„	—	„	—	„ „
веревка	„	1	„	—	„	„	—	„	—	„ „
канаты	„	1	„	30	„	„	1	„	50	„ „
джутъ	„	—	„	65	„	„	—	„	70	„ „

Трудно судить о размѣрѣ тряпичнаго промысла въ Россіи. Даже въ такихъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, и то этотъ промыселъ, можно сказать, почти совсѣмъ не обслѣдованъ. Что касается деревни, то крестьяне знаютъ, что не сегодня, такъ завтра, къ нимъ непремѣнно явится тряпичникъ, поэтому крестьянскія дѣти заранѣе собираютъ тряпье и кости, и хранятъ накопленный товаръ на чердакахъ, въ чуланахъ или амбарахъ.

Покупка этого товара производится слѣдующимъ образомъ: Тряпичникъ, набравъ въ коробъ крестиковъ, бусъ, шелковыхъ лентъ для косъ, волшебныхъ зеркалецъ, душистаго казанскаго мыла и прочаго «галантерейнаго товара», отправляется странствовать по селамъ, деревнямъ и урочищамъ нашего обширнаго отечества. При этомъ онъ забирается преимущественно куда-нибудь въ глушь, гдѣ больше носятъ льняныя ткани домашняго производства. Пріѣхавъ въ деревню, тряпичникъ останавливается по-

срединѣ улицы и открываетъ свою лавочку, которая и вся-то помѣщается въ какомъ-нибудь небольшомъ сундукѣ, стоящемъ на передкѣ телѣги.

Деревенскія бабы съ радостью встрѣчаютъ хитраго коробейника, который и предлагаетъ имъ «вымѣнять» свой товаръ на тряпье. Обыкновенно, въ ожиданіи тряпичника, деревенскія франтихи прикапливаютъ, по возможности, побольше тряпья; за неимѣніемъ же его, нерѣдко спускаютъ послѣднюю свою юбку, чтобы только получить какія-нибудь «заморскія серги съ самоцвѣтными каменьями». Для деревенскихъ мальчишекъ у коробейника припасены пряники, баранки и т. п. лакомства.

Не мудрено, что, какъ только покажется въ деревнѣ тряпичникъ, мальчишки кричатъ.

— Тряпичникъ пріѣхалъ! Тряпичникъ пріѣхалъ!

Мелкіе тряпичники набираютъ такимъ образомъ отъ 50 до 100 пудовъ тряпья и продаютъ его «кулакамъ»; тѣ, накопивъ до 1000 пудовъ, продаютъ, въ свою очередь, тряпье «гуртовщикамъ», которые пріобрѣтаютъ уже до 15,000 пудовъ и болѣе. Съ открытіемъ навигаціи, по Волгѣ и ея притокамъ ходитъ цѣлая флотилія судовъ, которыя нагружены накопленнымъ за зиму тряпьемъ.

Лѣто—самое горячее время для сбора тряпья. Обыкновенно, по окончаніи посѣвовъ и до начала сѣнокоса, крестьяне свободны.

Въ это время, многочисленные возы съ тряпьемъ тянутся къ пристанямъ Волги, гдѣ и перекладываются на суда. Центральная пристань для такихъ судовъ—Нижній-Новгородъ. Здѣсь, во время Нижегородской ярмарки, съ «маклаками» заключаются условія на поставку тряпья въ Петербургъ и Москву, на писчебумажныя фабрики.

Спросъ на тряпье—большой. Напримѣръ, на одну только Невскую фабрику Варгуниныхъ ежегодно расходуется на 150,000 р. тряпья, которое, кромѣ Нижняго-Новгорода, покупается: въ Ярославлѣ, Угличѣ, Ростовѣ, Нерехтѣ и Новоторжкѣ. Не удивительно по этому, что тряпья не хватаетъ, такъ-что для приготовленія писчей бумаги идетъ нерѣдко норвежская ель, подъ названіемъ «древесной массы», которая подмѣшивается къ тряпью въ количествѣ 25%. Если бы вамъ показали эту массу, то вы ни за что не отличили бы ее отъ обыкновенной писчей сѣрой бумаги. А между тѣмъ, это—чистѣйшая ель, механическимъ способомъ обращенная въ бумажную массу. Въ Россіи, первое примѣненіе дерева къ писчебумажному производству сдѣлано въ концѣ 1850 года на Славутинской фабрикѣ князя Сангушко, въ Волынской губерніи,

для выдѣлки сахарной оберточной бумаги, но въ настоящее время уже 11 фабрикъ изготовляютъ «древесную массу», а именно: въ Волынской губерніи—3, въ Московской—2, въ Финляндіи—2, въ Новгородской—1, въ Могилевской—1, Виленской—1 и въ Петербургской—1.

Для полученія «древесной массы», у насъ употребляется преимущественно: ель въ Финляндіи, и осина и сосна въ другихъ губерніяхъ. Лучшая «масса» дѣлается изъ осины. Изъ «древесной массы» у насъ приготовляютъ, преимущественно, оберточную и сахарную бумаги, а печатную бумагу—только для газетъ. Бумага, сдѣланная изъ примѣси разныхъ суррогатовъ тряпья, скоро рвется и, вообще, не долговѣчна: она годится только на «картузы», обертку, а также для печатанія газетъ и дешовыхъ школьныхъ изданій, которыхъ долговѣчность не повышаетъ, въ первомъ случаѣ, нѣсколькихъ дней, а во второмъ случаѣ—нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Для солидныхъ же изданій или письменныхъ актовъ, которые должны пережить много поколѣній, слѣдуетъ выбирать хорошую, крѣпкую бумагу.

Замѣтимъ, что разнообразіемъ сортовъ бумаги, смотря по потребностямъ, отличается японская бумага. Такъ, напримѣръ, кромѣ бумаги обыкновенной писчей, японцы выдѣлываютъ особую бумагу для первоначальнаго обученія азбукѣ, особую — для начертанія нравоучительныхъ надписей, вывѣшиваемыхъ въ храмахъ, особую —для писанія стихотвореній, для упаковки предметовъ, раздаваемыхъ въ подарокъ и проч., и проч. Такъ-что вы уже по внѣшнему виду японской бумаги можете угадать для какой цѣли она служитъ: для школьниковъ ли, для поэтовъ ли и т. д.

Изъ Вологодской и Архангельской губерній привозятъ въ Петербургъ водой, на судахъ, огромное количество старыхъ крестьянскихъ лаптей, которые идутъ на сѣрую бумагу. На писчебумажную фабрику Крылова ежегодно идетъ до 50,000 пудовъ лаптей, изъ Вологодской губерніи. Пудъ лаптей обходится отъ 60 до 70 копѣекъ.

На фабрикѣ, тряпье прежде всего сортируютъ по качеству, напримѣръ, бѣлое тряпье, синее, ситцевое, «сборка» (изъ мусорныхъ кучъ), рѣчныя сѣти, пакля, мочала и т. п. Всего существуетъ до 12 сортовъ тряпья. Грубая тряпка идетъ на выдѣлку сахарной и оберточной бумаги или картона, а тонкая—на выдѣлку высшихъ сортовъ бумаги. Изъ одного фунта тряпья выдѣлывается $^3/_4$ фунта бумаги. Сортировкой тряпья занимаются на фабрикахъ—«сортировщицы». Онѣ, въ тоже время, распарываютъ у тряпокъ швы, чтобы вытряхнуть засѣвшую тамъ пыль и отпарываютъ пуговицы.

Каждая «сортировщица» можетъ разсортировать отъ 10 до 14 пудовъ тряпья въ одинъ день. Послѣ того, тряпье поступаетъ на машину, въ рубильный барабанъ, гдѣ оно рѣжется на мелкія части и, наконецъ, попадаетъ въ огромные паровые котлы, изъ которыхъ каждый можетъ вмѣстить въ себѣ до 100 пудовъ тряпичной массы. Вываренное и очищенное тряпье идетъ затѣмъ въ чаны (рольни), гдѣ оно перетирается механическимъ способомъ до тѣхъ поръ, пока изъ него не образуется жидкая кашица, которая, отъ примѣси бѣлилъ и соды, принимаетъ бѣлый цвѣтъ. Изъ этой кашицы сдѣлать бумагу уже легко: бумажная масса, двигаясь по безконечной металлической сѣткѣ, попадаетъ па огромные мѣдные цилиндры, плотно прикасающіеся своими, поверхностями другъ къ другу. Бумага наматывается на нихъ, и они въ одно и то же время сушатъ и пресуютъ ее. Побывавъ на писчебумажной фабрикѣ, вы увидите любопытное зрѣлище: на вашихъ глазахъ, мало по малу, тряпье превращается въ бумагу!

Общее количество тряпья, необходимаго для удовлетворенія производства нашихъ фабрикъ, должно равняться $2^1/_2$ милліонамъ пудовъ. Это количество легко могло бы быть добыто въ Россіи: полагая на каждаго человѣка только 3 фунта тряпья (во Франціи приходится 7 фунтовъ на 1 человѣка), общее количество тряпья во всей Россіи составитъ свыше 5.000,000 пудовъ. Съ развитіемъ книжнаго дѣла въ Россіи, и тряпичный промыселъ усовершенствуется и притянетъ къ себѣ болѣе рабочихъ рукъ. Наше тряпье поступаетъ въ торговлю не сортированнымъ, тогда какъ заграницей сортировка тряпья доведена до высокой степени совершенства.

О размѣрахъ потребленія тряпья разными странами существуютъ только нѣкоторыя приблизительныя свѣдѣнія. Такъ, въ Англіи, кромѣ собираемаго внутри страны, ввозится еще 1.500,000 пудовъ тряпья изъ разныхъ странъ, и въ томъ числѣ около 100,000 пудовъ изъ Россіи.

Во Франціи расходуется около 7.000,000 пудовъ тряпья; въ Бельгіи—1.000,000 пудовъ туземнаго и 100,000 пудовъ привознаго изъ Гамбурга, Швеціи и Россіи.

Во Франціи болѣе 100,000 рукъ занимаются сборомъ тряпья, причемъ тряпичники раздѣляются на нѣсколько корпорацій или артелей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой опредѣленный районъ, и не имѣетъ права заходить въ чужой.

Въ Парижѣ, въ 1884 году, занимающихся тряпичнымъ дѣломъ числилось 7,050 человѣкъ обоего пола, изъ коихъ 5,000 человѣкъ живутъ въ самомъ Парижѣ, и 2,000 человѣкъ въ пред-

мѣстьяхъ столицы, откуда они ночью приходятъ за добычей въ Парижъ, а съ зарею съ добытой ношей возвращаются домой.

Каждый парижскій тряпичникъ зарабатываетъ около 3 франковъ въ сутки, что составляетъ на всю тряпичную корпорацію въ Парижѣ — заработокъ отъ 6 до 7 милліоновъ франковъ въ 1 годъ.

Парижскіе тряпичники раздѣляются на слѣдующіе разряды: 1) дилletanты, занимающіеся днемъ другимъ дѣломъ, а съ наступленіемъ ночи ищущіе пропитаніе въ тряпичномъ промыслѣ, напримѣръ, таковые встрѣчаются между студентами, которые, днемъ опрятно одѣтые, засѣдаютъ въ аудиторіяхъ, а ночью берутся за крюкъ и фонарь для добыванія въ навозныхъ кучахъ «ячменнаго зерна», т. е. средствъ къ существованію; такіе случайные члены называются «tiffins» или «chineurs»; 2) далѣе идутъ «rouleurs»,— настоящіе тряпичники по ремеслу, ничѣмъ другимъ не занимающіеся; 3) тряпичники, пріобрѣвшіе большое довѣріе со стороны домохозяевъ и дворниковъ, они допускаются въ самые дома для собиранія тряпья въ мусорѣ, прежде нежели этотъ послѣдній будетъ выброшенъ на улицу,—ихъ называютъ «placiers», и, наконецъ; 4) капиталисты—подрядчики, скупающіе тряпье.

Настоящіе тряпичники, по профессіи, живутъ особыми колоніями въ предмѣстьяхъ Парижа. Ихъ жилища очень бѣдны и легко построены. Отъ сохраняющихся въ жилищахъ и во дворахъ собранныхъ тряпокъ, воздухъ не только въ домахъ, но и на улицахъ очень непріятенъ. Эти колоніи представляютъ собою особый міръ. Ремесло переходитъ отъ отца къ дѣтямъ.

Размѣръ потребленія бумаги, справедливо, признается вообще мѣриломъ образованности странъ.

Въ 1861 году, въ Англіи производствомъ бумаги занимались до 400 фабрикантовъ и около 18,000 рабочихъ. Вообще, англійская бумага отличается необыкновенною крѣпостію, чистотою, гладкостью и глянцевитостью.

Во Франціи производствомъ бумаги занято 34,000 человѣкъ; общее количество производства достигаетъ 130.000,000 килограммовъ, изъ нихъ около 7.000,000 килограммовъ вывозится заграницу. За Франціей, и въ особенности за Парижемъ, остается до сихъ поръ пальма первенства въ производствѣ, такъ называемыхъ, papiers de fantaisie, которые отличаются художественностію отдѣлки и находятъ обширное примѣненіе, благодаря требованіямъ моды, роскоши и развитію изящнаго вкуса въ переплетномъ дѣлѣ, въ кондитерскихъ, аптекахъ и т. д.

Въ Германіи, своей бумаги не хватаетъ, и она давно уже служитъ обширнымъ рынкомъ для сбыта бумаги, потому что для 3,000 журналовъ и газетъ и для 8,000 — 10,000 книгъ требуется не менѣе 800.000,000 листовъ бумаги ежегодно.

Любопытно хотя вкратцѣ, прослѣдить исторію писчебумажнаго производства.

Когда, въ средніе вѣка, въ Европѣ царилъ мракъ невѣжества, писчебумажное производство находилось въ самомъ зародышѣ. Хотя у Китайцевъ приготовленіе бумаги было извѣстно еще за 2,000 лѣтъ до Рождества Христова, но въ Европѣ писчая бумага появилась только 600 лѣтъ тому назадъ. Первое ея появленіе относятъ къ 1270 году, когда принцъ Жуанвильскій написалъ письмо къ французскому королю Людовику Святому.

Въ Императорской публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, есть собраніе матеріаловъ письменъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Къ чему, чему не прибѣгало человѣчество, чтобы начертать свои мысли для грядущаго потомства.

Древніе египтяне писали на *папирусѣ*. Это—травянистое растеніе, отъ 8 до 12 футовъ вышины, густыми массами растущее въ болотахъ Египта, Палестины и Сициліи.

Папирусъ (papirus antiquus) относится къ семейству кипрейныхъ растеній. Наши виды кипрейныхъ растеній — карлики, въ сравненіи съ растущими въ жаркихъ странахъ. Одинъ писатель пятаго вѣка говоритъ объ Египтѣ слѣдующее: «Тамъ стоитъ лѣсъ безъ вѣтвей и листьевъ, который составляетъ жатву воды и украшеніе болотъ».

По словамъ Плинія, изъ папируса бумагу приготовляли такъ: сочный стебель раскалывали и снимали съ него различныя перепонки, изъ которыхъ наружныя и внутреннія доставляли худую, а немногочисленныя среднія—хорошую бумагу. Полученныя этимъ путемъ, полосы луба клали краями одну возлѣ другой, на нихъ поперекъ—другой слой такихъ же полосъ. Все это смачивали водой, сжимали, сушили и выглаживали. Выдѣлкой папируса занимался городъ Александрія, при устьѣ Нила.

Греки для письменъ употребляли пергаментъ, изобрѣтенный за 300 лѣтъ до Рождества Христова, въ городѣ Пергамѣ. Это—очищенная и лощеная шкура животныхъ, именно, овечья, баранья, телячья, козья и ослиная. Въ библіотекѣ казанскаго университета сохранилось пятикнижіе Моисеево, написанное на телячьей шкурѣ. Царапаніе буквъ было древнѣйшимъ способомъ письма.

Греческое слово chartes (по латыни charta) хотя и употреблялось въ древнія времена для обозначенія бумаги изъ папируса, но

происходитъ оно отъ глагола царапать. Въ нѣкоторыхъ странахъ, Азіи, особенно на Цейлонѣ, до сихъ поръ еще пишутъ на пальмовыхъ листьяхъ.

Законы Солона были написаны на деревянныхъ цилиндрахъ и треугольныхъ доскахъ. Способъ писанія былъ «бустрофедонъ», т. е. строки шли то отъ лѣвой руки къ правой, то отъ правой къ лѣвой. Треугольныя доски назывались *кирбіями*, и на нихъ были написаны религіозные законы; столбы, или цилиндры—*аксоны*, числомъ 12, заключали въ себѣ свѣтскія постановленія. И тѣ и другія сохранялись въ аѳинскомъ акрополѣ.

Римляне писали на деревянныхъ доскахъ, покрытыхъ воскомъ; орудіемъ письма служили желѣзныя палочки (stylus). На такихъ доскахъ легко можно было дѣлать поправки: стоило только подержать доску, покрытую воскомъ, надъ огнемъ, чтобы растаялъ воскъ. Такія доски назывались tabula rasa (чистая доска).

Въ Ліонскомъ музеѣ, во Франціи, можно видѣть бронзовую доску, которая занимаетъ почти всю стѣну входной залы: на ней сохранилась лучшая часть рѣчи римскаго императора Клавдія о гражданахъ, избранныхъ въ Ліонской колоніи для присутствованія въ Римскомъ сенатѣ.

Письменные документы древнихъ нерѣдко были массивны. Въ Св. Писаніи разсказывается о каменныхъ скрижаляхъ Моисея и выражается желаніе, чтобы начертанныя на нихъ слова были вырѣзаны желѣзнымъ грифелемъ на свинцѣ.

Китайцы чертили свои письменные знаки шиломъ на бамбуковыхъ дощечкахъ или крѣпкихъ листьяхъ. Затѣмъ, изъ бамбука стали выдѣлывать бумагу. Самое слово бумага—китайскаго происхожденія. Въ древней Руси бумагу называли «бамбицина». Отъ китайцевъ бумага перешла въ Туркестанъ, отсюда въ Аравію, а изъ нея занесена въ Испанію и Италію.

Русскія книги писались даже на берестѣ. Въ публичной библіотекѣ до сихъ поръ еще сохраняется такая книга, шитая лыкомъ. Кромѣ того, въ библіотекѣ есть родъ росписки, изъ Сибири, XVII вѣка — на берестѣ. Въ юридическихъ актахъ XV столѣтія нерѣдко встрѣчаются выраженія: «да и на лубъ выписались... да и велись по лубу».

Въ 1577 году, изъ покореннаго Новгорода *государскіе лубы* (цѣлый дѣловой архивъ) привезены были къ царю въ архивъ.

И теперь еще, въ дремучихъ лѣсахъ сѣверной Россіи, крестьяне нерѣдко пишутъ на берестѣ, «на лубу», а для счета употребляютъ— «бирки», длинныя палочки, на которыхъ сдѣланы надрѣзы.

Въ домашнемъ быту Зырянъ, особенно между безграмотными, до сихъ поръ еще существуетъ обыкновеніе вести особаго рода счетъ житейскимъ расходамъ, на тонкихъ четыреугольныхъ планочкахъ, на которыхъ вырѣзываютъ прямолинейные и угловатые знаки, имъ только извѣстные, и читаютъ по нимъ, какъ по книгѣ.

Напримѣръ, случится записать, что такой-то проѣзжающій бралъ за прогоны столько-то лошадей, такой-то столько-то лошадей безъ прогоновъ и проч. Зырянинъ отмѣчаетъ ножомъ на деревянной планочкѣ значки, и по окончаніи года является за разсчетомъ къ подрядчику, безъ ошибки разбираетъ свои іероглифы, называетъ имена и фамиліи лицъ, бравшихъ у него лошадей, и на повѣрку выходитъ, что все сказанное имъ согласно съ книгою содержателя станцій. Этими же знаками отмѣчаетъ Зырянинъ, чѣмъ, напримѣръ, былъ замѣчателенъ прошлый годъ въ хозяйственномъ отношеніи, въ какихъ мѣстахъ болѣе ловилась бѣлка, каково шли промыслы; когда началась весна, когда пахать начали, какой былъ урожай хлѣба, какія цѣны стояли на туземный товаръ, и проч. Подобная Зырянская планочка, исчерченная разнообразными знаками, называется «пасъ».

Такимъ же точно образомъ, Зыряне дѣлаютъ своеобразные календари, съ обозначеніемъ всѣхъ мѣсяцевъ и чиселъ, съ указаніемъ двупадесятыхъ праздниковъ и дней, уважаемыхъ въ крестьянскомъ быту.

Эти миніатюрные календари длиною въ $^1/_4$ аршина, толщиною въ $^1/_2$ вершка, сдѣланы изъ дерева, на подобіе правильнаго шестигранника, который легкими надрѣзами ножа раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ коихъ въ каждой по 6 мѣсяцевъ и по 2 времени года. Каждая грань имѣетъ гладкую поверхность и столько нарѣзокъ, сколько дней въ мѣсяцѣ, которому она соотвѣтствуетъ. Двунадесятые праздники и мѣстные обозначены особыми значками на граняхъ. Конечно, безъ комментарій трудно добраться до смысла этого незатѣйливаго зырянскаго календаря.

Собственно же бумага, сколько до сихъ поръ извѣстно, употреблялась въ Россіи издревле только трехъ родовъ: а) пергаментная, на коей писаны всѣ древнѣйшія книги и грамоты до XV вѣка, а нѣкоторые грамоты и послѣ того; б) хлопчатая, замѣтная толщиною и плотностію своею; она обыкновенно вылащивалась зубомъ или какимъ другимъ орудіемъ у писцовъ; на такой бумагѣ написаны татарскія и калмыцкія грамоты; в) холстинная бумага, появившаяся съ XIV вѣка.

Древнѣйшая русская грамота, донынѣ извѣстная, на бумагѣ (и, конечно, на хлопчатой) писана около 1350 г., при великомъ

князѣ Симеонѣ Ивановичѣ Гордомъ. А древнѣйшая книга бумажная, писанная въ 1371 году, находится въ библіотекѣ С.-Петербургской Академіи наукъ.

Есть указаніе, что писчая бумага приготовлялась у насъ еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но въ такой мѣрѣ дурно, что русскіе постоянно выписывали ее изъ-за границы.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, хотя въ Россіи и существовали уже двѣ бумажныя фабрики, но писчую бумагу для государственныхъ нуждъ покупали въ Англіи. По порученію царей, «гости» въ Архангельскѣ покупали бумагу для производства дѣлъ въ приказахъ. Въ 1642 году было куплено 860 стопъ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича бѣлая бумага хорошаго достоинства покупалась отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. за стопу.

Петръ Великій, во время путешествія своего за границей, посѣтилъ писчебумажную фабрику въ Дрезденѣ. Вернувшись въ Россію, онъ основалъ въ Дудергофѣ казенную писчебумажную фабрику. Такъ какъ бумажное дѣло только-что начало тогда развиваться, то цѣна на бумагу была весьма высока.

Да къ тому же нѣкоторые барышники скупали всю бумагу и продавали, почемъ хотѣли.

Вслѣдствіе этого, въ 1719 году, правительство издало указъ, которымъ была опредѣлена «казенная цѣна бумаги», и о продажѣ ея объявляли народу «съ барабаннымъ боемъ». Въ Петербургѣ продажа производилась въ Адмиралтействѣ, о чемъ приказано «публиковать съ барабаннымъ боемъ, и въ пристойныхъ мѣстахъ выставить листы, дабы о покупкѣ той бумаги его, царскаго величества, указъ вѣдали, и для покупки той бумаги присылали въ Адмиралтейство».

На первыхъ же порахъ писчебумажнаго производства въ Россіи началъ ощущаться недостатокъ въ тряпьѣ. Петербургъ не въ состояніи былъ обезпечить своимъ тряпьемъ существовавшія въ то время писчебумажныя фабрики. Въ 1720 году отъ правительства послѣдовала инструкція московскому оберъ полиційместеру, Грекову, обязывавшая его заботиться о собираніи тряпья въ Москвѣ: «дабы всякихъ чиновъ люди, кто имѣетъ у себя изношенныя тонкія полотна, такожъ хотя и не гораздо тонкія, что называютъ Ивановскія полотна, и такіе тряпичники приносили бы, и объявляли въ канцеляріи полиційместерскихъ дѣлъ, за что, по опредѣленію, заплочены будутъ имъ деньги изъ кабинета его царскаго величества». Кромѣ того, на фабрику принимали и рваную мусорную бумагу, за которую платили «по препорціи», по 8 денегъ съ пуда. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ писчебумаж-

номъ дѣлѣ господствовала монополія. Напримѣръ, Святѣйшій Сѵнодъ для своихъ учрежденій обязанъ былъ покупать бумагу у фабриканта Затрапезнаго, что, конечно, тормозило развитіе писчебумажнаго производства.

Находя, что бумага Затрапезнаго «весьма противъ другихъ бумажныхъ фабрикъ содержателей въ цѣнѣ превосходительна», Святѣйшій Сѵнодъ, въ 1742 году жаловался императрицѣ, на своего поставщика, что его бумага «на книжное печатаніе гораздо толста: надлежитъ на печатаніе книжное бумагу употреблять добротою тоньше, чтобы книги могли выходить субтильнѣе».

Императрица Екатерина II, указомъ своимъ, въ 1764 году, поручила сенату разсмотрѣть: «какимъ образомъ лучше и дешевле доставлять бумагу во всѣ судебныя мѣста, такъ чтобы дѣлаемая на нашихъ заводахъ бумага имѣла всегда преимущество предъ выписною (изъ-за границы)». По собраннымъ справкамъ оказалось, что на 13 фабрикахъ выдѣлывалось въ годъ 119,500 стопъ бумаги.

Количество это не удовлетворяло всего спроса, а потому присутственныя мѣста и типографіи употребляли какъ русскую, такъ и заграничную бумагу. Для осуществленія желанія императрицы, сенатъ предписалъ присутственнымъ мѣстамъ имперіи покупать бумагу у русскихъ фабрикантовъ.

Въ началѣ XIX вѣка, въ Россіи числилось 64 писчебумажныхъ фабрикъ. Въ 1804 г., при 6,957 человѣкъ рабочихъ, на нихъ было приготовлено бумаги писчей 377,746 стопъ, книжной и прочей—126,580 стопъ и 71,000 листовъ.

Въ 1835 г. цыфра бумажныхъ заведеній возросла до 134.

По свѣдѣніямъ за 1862 г., всѣхъ писчебумажныхъ фабрикъ въ Россіи было 165 съ 12,280 рабочихъ. Производство бумаги существовало въ 36 губерніяхъ. Въ 1850 году въ Россіи изготовлялось только 1.500,000 стопъ бумаги, стоимостью въ 3.000,000 р.

Вся производимая въ Россіи бумага употребляется внутри страны. Какъ распредѣляется у насъ потребленіе бумаги, опредѣлить довольно трудно. Напримѣръ, на обертку сахара, изготовляемаго въ Россіи, требуется 72.000,000 листовъ, или около 140,000 стопъ.

Потребителями печатной бумаги являются періодическія изданія, газеты и книги.

Въ 1885 г. въ Россіи по почтѣ переслано было разныхъ абонементныхъ періодическихъ изданій 102.000,000 экземпляровъ: начиная отъ уличнаго летучаго листка и кончая «толстыми журналами».

Такъ, напримѣръ, число печатныхъ листовъ, изготовляемыхъ типографіей «Нивы», равняется 20.475,000. Длина употребленной бумаги для печатанія „Нивы“ составляетъ 18.555,470 аршинъ=12,370 верстъ. Вѣсъ бумаги ежегодно расходуемой на «Ниву» равняется около 27,000 пудовъ, стоимостью въ 200,000 р.

Въ 1887 г., въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, вышло 7366 сочиненій, въ количествѣ 24.403,242 экземпляровъ. На каждый экземпляръ, среднимъ числомъ, смѣло можно положить по 1 фунту бумажной массы, что составитъ около 600,000 пудовъ въ 1 годъ.

Потребность въ писчей бумагѣ также громадна. Сколько бумаги тратится для написанія черновыхъ, прошеній по тяжебнымъ и другимъ судебнымъ дѣламъ!

Въ 1885 году, по почтѣ переслано было иногородныхъ, мѣстныхъ и международныхъ закрытыхъ писемъ 111.000,000, каждое письмо вѣсомъ около 1 лота. Такъ что для «обмѣна мыслей» по почтѣ—ежегодно расходуется около 100,000 пудовъ бумаги.

Не маловажнымъ потребителемъ писчей бумаги у насъ является и само правительство, отпускающее значительныя суммы въ разныя учрежденія на такъ называемыя «канцелярскія принадлежности», т. е. на чернила и бумагу.

Принимая во вниманіе, что во всякой канцеляріи количество №№ «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ бываетъ громадно, надо допустить, что и спросъ на бумагу въ канцеляріяхъ всегда—большой.

Учащееся молодое поколѣніе тоже изводитъ бумаги достаточно.

Въ 1885 г. въ Россіи числилось 41,492 учебныхъ заведеній, въ коихъ находилось 2.500,000 человѣкъ обоего пола. Если положить на каждаго школяра, среднимъ числомъ, по 1 дести бумаги въ 1 годъ, и то ужъ получатся солидныя цифры.

По мѣрѣ развитія книжнаго дѣла въ Россіи, фабрикація писчей бумаги будетъ увеличиваться. Еще въ 1882 году экспертная коммиссія по писчебумажному дѣлу, на всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ, признала, что писчебумажное производство въ Россіи сдѣлало громадные успѣхи. «Если сравнить, говоритъ докладъ, нынѣшнія (1882 г.) произведенія русскихъ писчебумажныхъ фабрикъ съ ихъ произведеніями десять лѣтъ назадъ, то очень трудно найти между ними какое-либо сходство. Всѣ бѣленыя бумаги, безъ исключенія, достигли высокой бѣлизны. Производство оберточной бумаги крайне разнообразно и приспособлено для всякаго рода продуктовъ. Въ то время, какъ прочія отрасли нашей промышленности довольствуются про-

изводствомъ среднихъ товаровъ, писчебумажная—производитъ высшія сорта, и даетъ полную возможность обходиться безъ заграничной бумаги».

Производство писчей бумаги въ Россіи въ 1885 году, (на какую сумму).

Архангельская	—	Саратовская	—
Астраханская	12,500 р.	Симбирская	40,500 "
Бессарабская	—	Смоленская	1,540 "
Виленская	354,289 "	Таврическая	—
Витебская	4,000 "	Тамбовская	150,650 "
Владимірская	831,300 "	Тверская	834,000 "
Вологодская	149,308 "	Тульская	151,840 "
Волынская	540,516 "	Уфимская	—
Воронежская	—	Харьковская	174,000 "
Вятская	340,950 "	Херсонская	135,000 "
Гродненская	730 "	Черниговская	10,000 "
Войско Дон. обл.	—	Эстляндская	37,000 "
Екатеринославская	170,000 "	Ярославская	425,000 "
Казанская	—		
Калужская	1,909,460 "	Итого	12.594,144 "
Кіевская	524,855 "	Число фабрикъ 120.	
Ковенская	—	На нихъ рабочихъ 12,714 челов.	
Костромская	284,435 "	Привислянскія губерніи:	
Курляндская	—	Варшавская	624,950 р.
Курская	18,000 "	Калишская	382,660 "
Лифляндская	814,694 "	Кѣлецкая	348,611 "
Минская	—	Ломжинская	—
Могилевская	708,244 "	Люблинская	16,030 "
Московская	505,193 "	Петроковская	527,114 "
Нижегородская	18,250 "	Плоцкая	500 "
Новгородская	476,396 "	Радомская	2,380 "
Олонецкая	—	Сувалкская	—
Оренбургская	—	Сѣдлецкая	—
Орловская	146,980 "		
Пензенская	336,000 "	Итого	1.902,245 р.
Пермская	253,600 "	Число фабрикъ 38.	
Подольская	13,800 "	На нихъ рабочихъ 2,257 челов.	
Полтавская	—		
Псковская	—	Всего	14.496,389 р.
Рязанская	20,000 "	Число фабрикъ 158.	
Самарская	—	На нихъ рабочихъ 14,971 челов.	
С.-Петербургская	2.200,900 "		

Самыя извѣстныя писчебумажныя фабрики въ Россіи, это — Говарда, въ Калужской губерніи, и Варгунина — въ Петербургѣ, въ селѣ Александровѣ.

Троицко-Кондровская писчебумажная фабрика Говарда основана въ 1790 г.; находится въ Калужской губерніи, въ Медынскомъ уѣздѣ при селахъ Троицкѣ и Кондровѣ. Фабрика имѣетъ 4 самочерпальныя машины и вырабатываетъ на нихъ всевозможные сорты бумагъ: почтовыхъ, писчихъ, газетныхъ, обойныхъ, рояльныхъ, александрійскихъ, чайныхъ, портретныхъ, конвертныхъ, книжныхъ,

слоновыхъ, альбомныхъ, мундштучныхъ, товарныхъ, пакетныхъ и оберточныхъ—до 1,200 пудовъ въ 1 сутки, при годовомъ оборотѣ до 2.000,000 рублей.

Всѣхъ рабочихъ на фабрикѣ до 2,000 человѣкъ, большая часть которыхъ имѣетъ квартиры отъ фабрики. Фабрика имѣетъ склады бумагъ—въ Астрахани, Перми, Одессѣ, Екатеринбургѣ, Ростовѣ-на-Дону, Петербургѣ и Кіевѣ; главный же сбытъ бумаги — въ Москвѣ, такъ-какъ въ ней одной продается бумаги на сумму до полутора милліона рублей.

Писчебумажная фабрика Варгунина существуетъ съ 1839 года: въ маѣ 1889 года ей минетъ ровно 50 лѣтъ. На фабрикѣ работаетъ 600 человѣкъ рабочихъ, пять паровыхъ машинъ, въ общей сложности въ 600 лошадиныхъ силъ пароваго движенія. Фабрика переработываетъ ежегодно 165,000 пудовъ тряпья, большая часть котораго закупается на Нижегородской ярмаркѣ, и только 65,000 пудовъ поставляются тремя петербургскими тряпичными тузами. Изъ упомянутаго количества тряпья вырабатывается 5.000,000 фунтовъ разныхъ сортовъ бумаги—въ годъ. Здѣсь фабрикуютъ почтовую, писчую, слоновую, александрійскую, имперіалъ, карточную — это первые номера бумаги, съ двумя проклейками. Они продаются отъ 20—23 копѣйки за 1 фунтъ. Слѣдующіе номера, низшіе по качеству, продаются 15—18 коп. за 1 фунтъ; учебныя тетради— по 17 коп. за 1 фунтъ; 9-й номеръ писчей бумаги по 15 коп. за фунтъ, и, наконецъ, самый низшій сортъ писчей бумаги и картузная, продаются по 14 копѣекъ за 1 фунтъ.

Смотря по качеству и плотности бумаги, въ стопѣ, въ 480 листовъ бываетъ отъ 10 фунтовъ и до 30 фунтовъ вѣсу. Почтовая бумага тянетъ отъ 14 ф. до 28 фунтовъ въ стопѣ. Въ карточной бумагѣ полагается 500 листовъ въ 1 стопѣ.

На фабрикѣ Варгунина ежегодно изготовляется для карточной фабрики 15,000 стопъ карточной бумаги, которая идетъ на выдѣлку игральныхъ картъ, кои изъ Петербурга расходятся по всей Россіи.

Какъ извѣстно, Петербургская карточная фабрика Воспитательнаго дома — единственная въ Россіи. Карточная бумага плотна и крѣпка, такъ-что стопа тянетъ 80 фунтовъ и продается по 18 рублей за стопу. Величина листа карточной бумаги $=16^3/_8$ дюймамъ$\times 25^3/_4$ дюймовъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи на игральныя карты ежегодно идетъ 25.000,000 листовъ карточной бумаги, стоимостью около 300,000 рублей. Количество же фабрикуемыхъ картъ простирается на сумму до $1^1/_2$ милліоновъ рублей ежегодно; Петербургъ упла-

чиваетъ за карты 200,000 рублей, да Москва столько же; остальное выпадаетъ на долю провинціи.

На фабрикѣ Варгунина до 50 женщинъ, «счетчицъ», занимаются счетомъ бумаги по стопамъ.

Нельзя не удивляться ловкости и быстротѣ, съ какою счетчицы пересчитываютъ бумагу. Передъ каждой счетчицей, на столѣ лежатъ кипы бумагъ: надо ее пересчитать, чтобы въ каждой стопѣ было 480 листовъ—ни больше, ни меньше, чтобы фабрикантъ не былъ въ накладѣ, да и покупателю не было бы обидно. Счетчицы выработали особую технику счета, «на двѣнадцать пальцевъ», какъ они выражаются.

Захвативъ лѣвою рукою кипу бумаги, счетчица быстро просовываетъ пальцы правой руки—черезъ каждые четыре листа, начиная съ большаго пальца. Живо просунувъ всѣ 5 пальцевъ, счетчица подхватываетъ отсчитанные листы лѣвой рукой, и начинаетъ процедуру снова: просовывая всѣ пять пальцевъ; снова захватываетъ лѣвой рукой, и потомъ еще просовываетъ два пальца. Такимъ образомъ, счетчица на 12 пальцевъ взяла по 4 листа на каждый палецъ, т. е. всего 48 листовъ: эти листы она откладываетъ въ сторону, и, повторивъ процедуру 10 разъ, — получаетъ стопу, т. е. 480 листовъ.

По истинѣ, счетчицы напоминаютъ собою «живыхъ машинъ»: такъ быстро онѣ считаютъ!

Опытная счетчица можетъ отсчитать 60 стопъ въ 1 день, т. е. около 30,000 листовъ. Счетчицы получаютъ за свою работу отъ $^1/_2$ копѣйки и до 12 копѣекъ за каждую сосчитанную стопу, напримѣръ:

за стопу папиросной бумаги . . .	$^1/_2$ к.	
„ „ эстампной „ . . .	15 „	
„ „ карточной „ . . .	12 „	и т. п.

Отсчитанная бумага упаковывается въ кипы, отъ 1—5 стопъ; на каждую кипу наклеивается ярлычекъ, на которомъ обозначено: 1) названіе бумаги, 2) форматъ (наприм. 22×28 квадр. дюймовъ), 3) вѣсъ стопы и 4) число стопъ въ кипѣ.

Счетчицы имѣютъ дѣло съ готовой бумагой, вышедшей уже изъ подъ бумажной машины: здѣсь нѣтъ той пыли, какая царитъ въ тряпичномъ «отдѣленіи», гдѣ тряпка, собранная изъ разныхъ губерній Россіи, сортируется по своему качеству.

Работа счетчицъ—чистая работа и безвредная по своимъ послѣдствіямъ.

Совсѣмъ иную картину представляетъ «тряпичное отдѣленіе». Это—настоящій адъ: до 200 женщинъ, блѣднолицыхъ, полуголод-

ныхъ, виднѣются тамъ и сямъ сквозь облако пыли; онѣ сортируютъ, рѣжутъ и порютъ груды тряпья. Отъ страшной пыли—сортировщицы подвязали свои рты платками, чтобы не задохнуться окончательно. На одеждѣ, на волосахъ и даже на ресницахъ осѣла масса пыли. Въ воздухѣ стоитъ особый специфическій тряпичный запахъ, вызывающій головокруженіе у свѣжаго человѣка. «Первоначальныя сортировщицы» получаютъ по 3 коп. съ 1 пуда и зарабатываютъ отъ 50—60 к. въ день. По словамъ сортировщицъ, каждая, вновь поступившая «въ тряпичное отдѣленіе» работница, начинаетъ съ того, что отъ непривычки къ тряпичной пыли, сляжетъ въ постель недѣли на двѣ, а потомъ мало-по-малу привыкаетъ.

На фабрикѣ имѣется «соломенное отдѣленіе», гдѣ выдѣлываютъ 25,000 соломенной массы, примѣшиваемой къ бумагѣ.

Въ нашъ вѣкъ писчебумажное производство достигло высокой степени развитія. Не даромъ XIX вѣкъ называютъ вѣкомъ просвѣщенія. Въ сравненіи съ другими государствами Западной Европы, Россія занимаетъ скромное мѣсто. Нигдѣ бумажное дѣло не достигло такого развитія, какъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Англіи и Франціи. Понятно, что спросъ на бумагу зависитъ столько же отъ развитія книгопечатанія, сколько и отъ распространенія грамотности. Чтобы удовлетворить громадному спросу на бумагу въ Сѣверной Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ работаетъ 3,000 машинъ. Выдѣлывается бумаги на 36.000,000 руб. въ годъ. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о размѣрахъ производства бумаги въ Европѣ, скажемъ, что полосою машинной бумаги, вырабатываемой ежегодно только одной Франціей, можно бы обвернуть земной шаръ—28 разъ.

По Американской статистикѣ, число фабрикъ бумажныхъ и бумажно-маисовыхъ для всего міра можетъ быть принято въ 4,463; распредѣленіе ихъ слѣдующее:

Америка	1,165
Германія	1,108
Франція	555
Австрія	138
Великобританія	371
Италія	205
Россія	139
Испанія	118
Швеція	80
Нидерланды	72
Швейцарія	57
Бельгія	56
Норвегія	44

Производство бумаги распредѣляется такъ:

	Всего.	На человѣка.
Америка	12.834,000 пудъ.	11 фунт.
Германія	12.586,000 »	10 »
Англія	11.160,000 »	11 »
Франція	8.184,000 »	7,3 »
Австрія	5.126,000 »	5 »
Италія	3.137,000 »	4,3 »
Испанія	1.897,000 »	4 »
Россія около. . . .	2.000,000 »	0,3 »

Такимъ образомъ, Россія занимаетъ по числу фабрикъ 7-е, и по производству бумаги на 1 человѣка 8-е мѣсто въ свѣтѣ.

ПЕРЕПИСЧИКИ КНИГЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Свидѣтельство Нестора о переписчикахъ при Ярославѣ мудромъ.—Чернецъ Илларіонъ, св. Сергій и Кириллъ Бѣлоозерскій.—Ошибки въ книгахъ, возникавшія по безграмотности и невѣжеству писцовъ.—Дороговизна рукописныхъ книгъ.—Техника переписыванія.—Происхожденіе выраженій „красная строка" и „рубрика".—Знаки препинанія, употреблявшіеся въ старину.—Остромирово Евангеліе.—Господствовавшая въ старину склонность нашихъ предковъ къ богословскимъ познаніямъ.—Псалтырь—самая распространенная книга въ древней Руси.—Указъ, или правила старинной декламаціи—какъ читать псалтырь.—Древній обычай гадать по псалтырю.—Русскія лѣтописи и лѣтописцы.

Какъ извѣстно, книгопечатаніе въ Россіи введено было при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. До этого времени существовали только рукописныя книги. Есть указаніе, что „переписчики" существовали въ Россіи въ самыя древнѣйшія времена. По словамъ Нестора, они были уже при Ярославѣ Мудромъ: „Бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая часто въ нощи и во дни, и собра писцы многи и прелагающе отъ Грекъ на славянское письмя и списаша книги многи, ими же поучахуся людіе".

Князь Николай святоша, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ, тратилъ на покупку книгъ свою казну и просилъ переводить ихъ инока Ѳеодосія.

Переписываніе служило единственнымъ способомъ распространенія книгъ. Оригиналъ изъ рукъ автора переходилъ въ руки переписчиковъ. По словамъ того же Нестора, въ Печерскомъ монастырѣ: „чернецъ Илларіонъ баше и книгамъ хитръ писати, ту по вся дни и нощи писаше книгы въ келіи у блаженнаго Ѳеодосія". Къ переписыванію книгъ приступали съ благоговѣніемъ: „горе пишущимъ Святыя Божіи книги, а страха Божія и вѣры правы въ сердцѣ—Богу не имуще. Таковый осужденъ есть муцѣ вѣчной и огню негасимому". Въ Тріоди постной, полууст. XV в., рукописи Троице-Сергіевскаго монастыря, имѣется такое начало: „помози рабу Божію Олексѣю писати книги начало триводи постной". Въ древнее время, монастыри на Руси служили школою для народа. Въ уединенной тишинѣ монашескихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы отцевъ церкви. Иноки,

принимаясь за переписку книги, обращались къ игумену за благословеніемъ. Основатель и первый игуменъ Троице-Сергіевскаго монастыря, преподобный Сергій, съ первыми подвижниками своими, за неимѣніемъ бумаги писалъ даже „на берестѣхъ“ и отличалъ особою любовію хорошихъ книгописцевъ.

Объ ученикѣ Сергія, Аѳонасіи, съ 1374 года игуменѣ Серпуховскаго-Высоцкаго монастыря, жизнеописатель препод. Сергія говоритъ: „въ божественныхъ писаніяхъ бѣ зѣло разуменъ, и добро-писанія многа руки его и донынѣ свидѣтельствуютъ, и сего ради любимъ зѣло старцу (т. е. св. Сергію)“.

Въ уставѣ Іосифа Волоколамскаго, въ 10-й главѣ, подъ названіемъ: „отвѣщаніе любозазорнымъ“, говорится, что по бѣдности „въ обители блаженнаго Сергія (Радонежскаго) и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ“.

Кириллъ Бѣлоозерскій, другъ и собесѣдникъ Сергія, еще простымъ инокомъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ занимался перепискою книгъ, а на Бѣлоозерѣ самъ ничего не держалъ въ своей келіи, кромѣ книгъ. Доселѣ хранятся въ монастырѣ 17 книгъ, писанныхъ его рукою. Нилъ Сорскій, читая разныя книги, списывалъ изъ нихъ мѣста, болѣе ему нравившіяся,—находя въ этомъ величайшее удовольствіе, какъ самъ признавался въ письмѣ къ князю—иноку Вассіану: „Печаль пріемлетъ мя и обдержитъ, аще не пишу“. О Моисеѣ, 1353—1362 г., Новгородскомъ архіепископѣ, лѣтопись говоритъ, что онъ „добре пасяше стадо свое, поживъ въ цѣломудріи, и многи писцы изыскавъ и книги многы исписавъ“.

Въ началѣ XIII вѣка, великій князь Константинъ Всеволодовичъ устроилъ училище во Владимірѣ, при церкви св. Михаила, гдѣ учили юношей русскіе и греческіе монахи. Умирая, онъ завѣщалъ училищу свой домъ и книги. Константинъ былъ большой любитель книгъ; онъ держалъ при себѣ ученыхъ людей и покупалъ по высокой цѣнѣ греческія книги. Результатомъ его дѣятельности была—библіотека во Владимірѣ, гдѣ однихъ греческихъ книгъ насчитывалось болѣе 1,000.

Митрополитъ Макарій, въ предисловіи къ своимъ четьи-минеямъ, говоритъ: „Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ-Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя сребра и всякихъ почестей“.

Переписчики книгъ, по безграмотности и невѣжеству, дѣлали въ рукописи массу ошибокъ, которыя, съ теченіемъ времени, накоплялись больше и больше.

Уже св. Кипріанъ обращался къ переписчикамъ съ просьбою, чтобы они внимательнѣе переписывали его сочиненія.

Въ послѣсловіи къ служебнику, хранящемуся въ московской синодальной библіотекѣ, онъ говоритъ: „аще кто восхощетъ сія книги переписывати, смотряй, не преложити или отложити тычку едину, или крючкы, иже суть подъ строками въ рядѣхъ, ниже перемѣнити слогню нѣкую".

Даже опытные „доброписцы" говорили, что „не писа Духъ Святый, ни Ангелъ, но рука грѣшна и брьна", и потому просили исправлять ошибки „Бога дѣля". Нерѣдко приходилось исправлять ошибки наугадъ даже такимъ лицамъ, каковъ былъ митрополитъ Іосафъ, помѣстившій въ нѣкоторыхъ сборникахъ, имъ переписанныхъ, слѣдующее предисловіе „писахъ съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правы, и обрѣтохъ въ спискахъ онѣхъ много неисправлена. И елика возможна моему худому разуму, сія исправляхъ; а яже невозможна, сія оставляхъ, да имущіи разумъ больше насъ, тіи исправятъ неисправленная и наполнятъ недостаточная. Азъ же что написахъ, и аще кая обрящутся въ тѣхъ несогласна разуму истины, и азъ о сихъ проіценія прошу".

Перепискою книгъ занимались и иноки, и лица бѣлаго духовенства, и миряне, иногда даже и князья, какъ напримѣръ, Владиміръ Васильевичъ Галицкій. Нѣкоторые посвящали этому занятію всю свою жизнь.

Пожертвованіе той или другой книги въ какую-либо церковь считалось важнымъ вкладомъ. Лѣтописцы наши почти о каждомъ благочестивомъ князѣ русскомъ говорятъ: „церковные уставы любилъ, церкви созидалъ и украшалъ ихъ святыми иконами и книгами наполнялъ". Въ псалтырѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ, т. F, № 1, XIII вѣка, на послѣднемъ листѣ написана слѣдующая вкладная: „Въ лѣто 69 сотное 39-е (т. е. 1431) сію книгу дала раба Божія Ульяна, нареченная въ иноческомъ житіи Елена, церкви чудо святаго архангела Михаила на поминокъ господину своему князю великому Глѣбу Смоленскому и мнѣ инокинѣ Еленѣ и нашимъ дѣтемъ. И кто сію книгу отъиметъ, погубитъ нашу память, самого его погубитъ Христосъ, Сынъ Бога живаго. Ему слава со Отцемъ и со святымъ Духомъ ввѣки аминь".

Въ Октоихѣ, писанномъ полууставомъ, въ 1497 г., въ Троице-Сергіевской лаврѣ, переписчикъ обращается къ читателю: „Аще кто сію книгу покусится отъ святыя сія обители отдати, или продати, или въ закладъ положити, и да судится онъ на второмъ пришествіи предъ Господомъ нашимъ Іс. Христомъ".

Точно также на „Апостолѣ", 1309—1312 года, одинъ ста-

роста Воскресенской церкви въ Псковѣ написалъ, что онъ далъ эту книгу въ церковь на память не только себѣ, своимъ братьямъ, всему своему семейству, но и всему своему племени.

Переписчикъ, писавшій книгу для монастыря, нерѣдко обозначалъ, по чьему благословенію онъ предпринялъ трудъ; и почти всегда, въ послѣсловіи, обращался къ братіи, съ просьбою, чтобы она не предавала его забвенію, и вмѣстѣ съ книгою поминала бы его.

Въ *„Лѣствицѣ“* (рукопись Троице-Сергіевской лавры) имѣется слѣдующая приписка: „Помощію Св. Троицы списася книга сія, ей же именованіе: Лѣствица, на имя священнику Матѳею, рукою грубаго и худаго, страннаго, послѣдняго въ инοцѣхъ—Варлаама. Слава свершителю Богу и Пречистѣй Его матери въ вѣки. Аминь. Ты же возлюбленный о св. Дусѣ, Священно-иноче Матѳее, Христа ради не сотвори мя забвена, егда престоиша предъ Престоломъ славы, и ту да помянеши мя въ священныхъ ти молитвахъ, и не сотвори мя забвена грубости ради писанія. Въ лѣто ѕцк написася Божественная Лѣствица мца Октоврія дї день, на память святыхъ мучениковъ... въ обители преподобнаго Сергія. Въ то же лѣто и освящена бысть въ церкви, въ той же обители, мца семптямрія въ ке день.

О, лѣнивый Варламе, готовися къ ранамъ. Близь есть конецъ“.

Въ *Зерцалѣ* переписчикъ оповѣщаетъ, что онъ приступилъ къ сему дѣлу „не отъ себе устремляемъ, но принужденъ былъ отъ Отца духовнаго, именемъ Каллиника, житіе убо имуща въ странахъ Смоленскихъ“.

По окончаніи труда прибавлено слѣдующее размышленіе переписчика: „словеса убо писаная придоша въ конецъ: уму же да не будетъ когда пріяти конецъ. Въ любителехъ душеспасительныхъ словесъ кое убо когда будетъ насыщеніе“?

Черезъ нѣсколько строкъ—

„Въ лѣто 6926 списана бысть книга сія, рекомая, по Еллинѣхъ: Діатропа, по насъ же: Зерцало, Святѣй Троицы въ Сергіевъ монастырь, замышленіемъ игумена Никона, а рукою раба Божія Іосифа...“

Въ Евангеліи, полууст. XVI вѣка, на оборотѣ 9-го листа—запись: „Лѣта 7047, ноября мѣсяца, въ пятый день, положилъ Евангеліе тетръ у Николы у чудотворца въ своей вотчине, въ Заозерие“. Внизу по листамъ: „Книга княгини Василисы Васильевны по своему мужу по князе по Петре по Феодоровиче, а никому того Евангелія с престола не снять“.

Жертвовали книги или единственно по усердію или, большею частію, съ условіемъ вѣчнаго поминовенія жертвователя, и имя его

заносилось въ синодикъ. Иногда при этомъ выговаривалось, кромѣ своего собственнаго имени, записать еще нѣсколько другихъ именъ. Напримѣръ, „рпо году дали сію книгу сборникъ съ Москвы пушкари Семенъ Яковлевъ да Иванъ Захарьевъ, а за ту книгу написати въ подстѣнный синодикъ к имянъ“.

Въ Соловецкомъ монастырѣ находится слѣдующая любопытная книга съ надписью: „Дарю сію книгу *уставъ* въ домъ Пресвятыя Троицы анзерскія пустыни. Царь и государь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всѣя россіи“.

Въ этихъ такъ называемыхъ „вкладныхъ“, въ концѣ книги, или по листамъ, говорится кто за кого и какому церковному учрежденію пожертвовалъ книгу; при этомъ вкладчикъ заклинаетъ тѣхъ, кто нарушитъ его завѣщаніе, и часто грозитъ за это судомъ Божьимъ. Такъ, напримѣръ, патріархъ Никонъ, въ концѣ такъ называемой „никоновской лѣтописи“ собственною рукою сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Лѣта 1661 сію книгу положилъ въ домъ Святаго живоноснаго воскресенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, Новаго Іерусалима, Смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоить, якожъ Ахарь, сынъ Харміевъ, или утаить, яко Ананія и Сапфира, да отъиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость, и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да пріидетъ на него не благословеніе, а клятва, и казнь Божія душевная и тѣлесная, въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука“.

Иногда во „вкладной“ обозначалось, что книга пожертвована не однимъ вкладчикомъ, а нѣсколькими, или даже отъ цѣлаго прихода. Напримѣръ, на харатейномъ Новгородскомъ прологѣ, въ Московской синодальной библіотекѣ, имѣется слѣдующая „вкладная“: „въ лѣто 6998 написана быша книга сія, глаголемая прологъ ко Святома Чудотворцома Козмѣ и Даміану на Кузмодемьяну улицу при князи Великомъ Василіи Дмитріевичѣ, при архіепископѣ Новгородскомъ влцѣ Иванѣ, а повелѣніемъ рабовъ бжіихъ боголюбивыхъ бояръ: Юрія Онисифоровича, Дмитрія Микитинича, Василія Кузмича, Ивана Даниловича и всѣхъ бояръ и всѣй улици Кузмодемьянѣ».

Книгами благочестивые люди благословляли иногда дѣтей своихъ и обозначали это въ припискѣ: «а иному никому до сея книги дѣла нѣтъ», прибавляетъ одинъ изъ такихъ отцовъ.

Если книга продавалась кому нибудь, то владѣлецъ отмѣчалъ это въ припискѣ на послѣдней страницѣ. Напримѣръ, «Чернецъ Давидъ продалъ чернецу Панфутію и деньги взялъ». При этомъ, иногда обозначалась и цѣна, за которую книга продана: «р іг

году продалъ сію книгу архангельскаго города Спасскому попу Ивану Романову Ѳилатко Иванъ Воронинъ, взялъ на ней рубль двадцать шесть алтынъ».

Очень часто владѣлецъ книги собственноручно записывалъ на ней свою фамилію—въ знакъ того, что книга принадлежитъ ему, а не кому-нибудь другому: «сія книга (библія XVI — XVII вѣка) Володимірскаго уѣзду синодальная Боглачевской волости, деревни Конюшни крестьянина Кирила Лукъянова, сына Курицына». Или: «Сія книга лежитъ въ закладѣ у старца» (Шестодневъ, XVI в., полууст. ркп Троице-Сергіевскаго монастыря).

Считалось грѣхомъ — небрежное отношеніе къ книгѣ, особенно если она находилась въ церкви. Въ припискѣ къ одному евангелію значится: «а который попъ или дьяконъ чтетъ, а не застѣгаетъ всихъ застѣжекъ, буди проклятъ».

Вообще литература послѣдней страницы старинныхъ рукописныхъ книгъ довольно любопытна. Классифицируя разнаго рода записи и приписки на послѣднихъ страницахъ старинныхъ книгъ — по своему содержанію, эти записи и приписки можно подраздѣлить такъ: 1) «вкладная», 2) «послѣсловіе», 3) доказательство о принадлежности книги, 4) свидѣтельство о продажѣ книги, 5) родительское благословеніе, 6) случайныя записи историческаго характера и, наконецъ, 7) разнаго рода заклинанія, чтобы никто другой книгу не трогалъ, чтобы съ книгой обращались бережно и т. п.

Какъ извѣстно, нынѣшнія, современныя книги нерѣдко выходятъ въ свѣтъ съ «предисловіемъ», которое помѣщается въ началѣ книги, предпосылается самой книгѣ. Встарину почти каждая книга заканчивалась «послѣсловіемъ», помѣщавшимся въ концѣ книги.

Для изслѣдователя «послѣсловіе» — самая интересная и необходимая составная часть старинной книги. «Послѣсловіе» проливаетъ намъ свѣтъ на внѣшнюю обстановку возникновенія книги: благодаря «послѣсловію», мы узнаемъ, кѣмъ книга написана, для кого она написана, въ какомъ городѣ и въ какомъ году она написана и т. п.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ нѣкоторые наиболѣе характерные образцы древнихъ книжныхъ „послѣсловій“:

Во Мстиславовомъ евангеліи, написанномъ по повелѣнію князя Мстислава для новоотстроенной имъ, въ 1103 г., церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы близъ Новгорода, на 213 листахъ на пергаментѣ (евангеліе хранится въ Московскомъ соборѣ) имѣется слѣдующее «послѣсловіе»: „Господи Боже отецъ нашихъ авраа-

мовъ, исааковъ, іаковъ и сѣмене ихъ праведнаго, сподобивый мя грѣшнаго раба своего алексу (т. е. Алексѣя) написати сіе евангеліе благовѣрному и христолюбивому и Богомъ чтимому князю Ѳедору. а мирски Мстиславу. внуку сущу вьсеволожю а сыну володимирю. князю новгородскому. иже съверши сие евангеліе на благословеніе прѣчистѣй честнѣй владычице нашей богородицы. дай же ему Господь Богъ милость свою и наслѣдіе царства небеснаго и долголѣтно княженіе и со всѣми своими аминь»

Затѣмъ черезъ строку:

«вы же братіе почитающе сие евангеліе. аще где криво налезете. то исправивше чьтѣте. а не кльнѣте. азъ бо грѣшный рабъ алекса (т. е. Алексѣй) написалъ сие евангеліе. сынъ лазоревъ (т. е. Лазаревъ) просвитера»

Какъ видно, писецъ Алекса смиренно заявляетъ, что Богъ сподобилъ его написать Евангеліе, далѣе разсказываетъ для кого оно написано, и въ заключеніе обращается къ читателямъ: «аще где криво налѣзете, т. е. если найдете ошибки, то исправивше чьтѣте же, а не кльнѣте»

Приводимъ другое „послѣсловіе," позднѣйшее:

„Лѣта 7134 марта 15 дня, сія книга, глаголемая Трефолой писана бысть при государе (орфографія, какъ въ подлинникѣ) царе и великомъ князе. Михаиле Феодоровиче всея Руси и при великомъ государе святѣйшемъ Филарете патріархе Никитиче Московскомъ і всея Руси, Кинѣшемскаго уезду, Владычинскіе волости, Троицкаго и Никольскаго попа Ивана Кирилова сына и его дѣтей Терентія да Марка, а писалъ сію книгу азъ, попъ Иванъ, самъ своею рукою и подписалъ, и гдѣ прописался азъ грешный не разумомъ, или не смыслилъ, или недоумѣніемъ, или непокорствомъ, или непослушаніемъ, или не разсмотрѣлъ, или поленился разсмотрѣть, или не дозрилъ, и вы меня, Бога ради, простите и не кляните, а сами собою исправливайте. Богу нашему слава и нынѣ и присно и ввѣки вѣковъ. Аминь."

Выше мы замѣтили, что въ монастыряхъ переписчики принимались за переписываніе книгъ „съ благословленія" игумена монастыря: нерѣдко это обозначалось и въ „послѣсловіи." Напримѣръ, въ „послѣсловіи" къ поученіямъ Ефрема Сирина (писано въ 1591 году), читаемъ: „сія книга, глаголема Ефремъ, писана бысть... въ монастырѣ пречистыя Богоматери на Симановѣ, повелѣніемъ и многотщаніемъ архимандрита Варлаама Симановскаго рукою многогрѣшнаго діакона Васьки."

Вначалѣ возникновенія рукописнаго книжнаго дѣла, перепис-

чики смиренно подписывали свое имя въ концѣ переписанной книги, какъ бы смущаясь, что ихъ имя соединяется съ какою-нибудь священною книгою. Въ XV и XVI вѣкахъ это смиреніе переходитъ въ гордыню и увѣренность въ свое право—на память потомства. Подписываются не просто: напримѣръ, „грѣшный рабъ Алекса“, а для пущей важности прибѣгаютъ къ разнаго рода криптографіямъ—тайнописямъ.

„Въ лѣто 7006-е списана бысть сія книга святое благовѣствованіе Матѳѣя, Марка, Іоанна, Луки на введеніе пречистыя владычицы нашея Богородицы у святаго Георгія, и далѣе тайнописью: а нилась циятопъ Ишапъ Рогасошъ“ т. е. а писалъ діяконъ Иванъ Мочаловъ.

Это—одна изъ самыхъ легкихъ и употребительнѣйшихъ криптографій, когда гласныя оставались тѣ же самыя, а согласныя употреблялись въ обратномъ азбучномъ порядкѣ.

Въ шенкурскомъ прологѣ (1229 года) десять строкъ — тайнописью, изъ нихъ на первыхъ пяти стояло:

Мацъ щы[к] томащсь
именсышви нугипу
ромьятую. като хе
и ниледь топгашви тъ—
пичу лию. арипъ.

Эту тайнопись разобрать не трудно, если помнить, что буквы въ ней приняты одна за другую по такому ключу:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п.

Именно, она означаетъ слѣдующее:

радъ быс[т] корабль
переплывши пучину
морьскую, тако же
и писець кончивши къ—
нигу сию. аминь.

Случалось, что имя писца скрывалось „счетною тайнописью“, напримѣръ, въ „книгѣ апостольскихъ чтеній, 1307 г.“; рукопись хранится въ синодальной библіотекѣ:

вв (2+) 2 = 4 = д; нк (50 + 20) = 70 = о;
кк (20 + 20) = 40 = м; дд (4 + 4) = 8 = и;
вв (2 + 2) = 4 = д; ъ = **Домидъ**.

Затѣмъ другая тайнопись то же:

давидъ. органъ. мысль. истина. добро ч. домидъ.

Позднѣе, вмѣсто тайнописанія, является нѣчто въ родѣ шарадъ: „имя его седмилитерно, троесложно, въ немъ же убо 4 гласныхъ и 3 согласныхъ; начало пріемлетъ отъ перваго гласнаго, число же его суть...“ (не дописано: Іоасафъ?)

Выказывая смиреніе паче гордости, писецъ не скрываетъ и своей неподдѣльной радости при окончаніи труда, фигурально сравнивая себя съ зайцемъ, «избѣгшимъ изъ тенетъ, или съ птицею, излетѣвшей изъ клепци».

Вотъ напримѣръ, послѣсловіе писанное въ 1350 году:

«О владыко Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! О всесвятая владычица приснодѣвыя Марія, мати Христа Бога нашего! О святителю Христовъ Николае, скорый помощникъ теплый заступникъ! И святыя безмездницы Христовы, чудотворцы Козьма и Дамьянъ, скорые пособники и поспѣшники, и всѣ святые угодники Христовы: Яко сподобили есте написати сію книгу, глаголемую прологъ, много грѣшною рукою малоумнаго, нечистаго, безумнаго, неразумнаго, неистоваго... (Затѣмъ, по свидѣтельству Строева, еще 43 подобныхъ эпитета) раба Божія Парфенія Маркова сына Злобина; а сотвореніемъ и благословеніемъ священнаго ерея Марка Павлова сына, Спаскаго монастыря, у Головциныхъ, въ Логиновѣ стану, на Покшѣ рѣкѣ. А скончана бысть сія книга въ лѣто 7058, мѣсяца маія въ 24 день, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сѵміона Столпника, иже на дивнѣ горѣ, чудотворца, при царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при господинѣ отцѣ Митрополитѣ Московстѣмъ Макаріи всея Руси; а писана тому, кому дастъ Богъ. А какъ радъ заяцъ изъ тенетъ избѣгши, а птица изъ клепци излетѣвъ, тако радъ писецъ, списавъ сію книгу. А гдѣ буду, господине, предъ Богомъ согрѣшилъ, и въ сей книгѣ гдѣ описался, вражьимъ навожденіемъ въ помыслѣ, Бога для не покляните, да собою направляйте: а будетъ согрѣшена здѣсе и утаена, и будетъ предъ Богомъ не утаена. Слава совершителю Іс. Христу. Аминь».

Самая техника переписыванія книгъ заключалась въ слѣдующемъ:

Для веденія строкъ въ равномъ одна отъ другой разстояніи, писецъ проводилъ по бумагѣ прямыя черты. Писали, такъ называемымъ, уставнымъ или полууставнымъ почерками, а также и скорописью. Орудіемъ письма служили «трости», или такъ называемые «каламы», привозимые изъ Греціи. Начальную букву «красной строки» писали красными чернилами, киноварью; отсюда произошло и самое названіе «красной строки», а также и слово «рубрика» (Rubrica, т. е. буква краснаго цвѣта). Изъ знаковъ препинанія

ставили только точки, и то не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ. Запятая, двоеточіе и прочіе знаки препинанія появились съ XIV вѣка.

Даже въ завѣщаніи преподобнаго Діонисія Глушицкаго, писанномъ около 1437 г. на бумагѣ, поставлены только точки *послѣ каждаго слова*. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ точки ставились при срединѣ буквъ, а не при подошвѣ, какъ нынѣ.

Въ концѣ грамотъ и статей и въ книгахъ писывалась не одна точка, но либо три, либо четыре, съ разными чертами, крестами и проч. Въ концѣ строки, при не оконченныхъ реченіяхъ, не было знака переноса.

Обыкновенно древнія грамоты нашихъ государей всегда писались черными чернилами, и извѣстенъ только одинъ примѣръ, что царь Иванъ Васильевичъ письмо свое къ Гурію, архіепископу Казанскому, въ 1555 году, все написалъ киноварью. Съ XVI вѣка въ Польшѣ появились «золотыя письмена» въ грамотахъ, и то только при прописи королевскихъ именъ.

Жизнь рукописей, какъ и жизнь людей, преисполнена треволненіями. Замѣчательные и рѣдкіе памятники письменности имѣютъ своего рода біографіи. Изъ старинныхъ русскихъ рукописей особенной святыней считается Остромирово евангеліе, написанное въ 1056—1057 г., въ Новгородѣ, для посадника Остромира, діакономъ Григоріемъ. Евангеліе это—древнѣйшая изъ извѣстныхъ доселѣ рукописей кирилловскаго письма, съ означеніемъ года. Оно написано на пергаментѣ, длиною 8 вершковъ, шириною безъ малаго 7 вершковъ, тетрадями по 8 листовъ, всего 294 листа. Изъ нихъ 290 занято чтеніями, а 4 предопредѣлены для изображенія евангелистовъ: на 1 листѣ—изображеніе св. Іоанна, на 57 должно бы было быть изображенію св. Матѳея, но оно осталось ненарисованнымъ, на 87 листѣ — изображеніе св. Луки, на 196—св. Марка. Эти изображенія писаны разными красками и украшены золотомъ.

Каждое чтеніе начинается большою рисованною буквою; нѣкоторые буквы и знаки написаны киноварью. Вся книга писана въ два столбца по линіямъ, проведеннымъ желѣзнымъ орудіемъ съ правильнымъ размѣромъ разстояній между строками. Ширина столбцовъ безъ малаго 2 вершка, длина—5 вершковъ. Разстояніе между столбцами $^1/_2$ вершка. Въ каждомъ столбцѣ 18 строкъ. Начато евангеліе 21 октября 1056 года, а кончено 12 мая 1057 года. Слѣдовательно написано въ продолженіе 6 мѣсяцевъ и 3 недѣль, съ небольшимъ: всего 203 дня, т. е. по 10 листовъ въ недѣлю, съ небольшимъ по 100 строкъ въ 1 день.

Нельзя не удивляться ясности и простотѣ языка Остромирова Евангелія. Приведемъ начало благовѣствованія Іоаннова:

«Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога. И тѣмъ вся быша, и безъ него ничьто же не бысть еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ. Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Иоаннъ. Тъ приде въ свидѣтельство да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вьси вѣру имуть имъ. Не бѣ тъ свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истиньный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядуща въ миръ. Въ мирѣ бѣ, и миръ тѣмъ бысть, и миръ его не позна. Въ своя приде, и своя его не пріяша. Елико же ихъ приятъ, и дасть имъ область чядомъ Божиемъ быти, вѣрующемъ во имя его.

ВЪ ВРѢМА ОНО·
ИАВИСА ИС̃ ОУ
ЧЕНИКОМЪ
СВОИМЪ· ВЪ
СТАВЪ ОТЪ МЬ
РТВЫХЪ· И ГЛ̃А

Иже не отъ кръви, ни отъ похоти плътскыя, ни отъ похоти мужскыя, но отъ Бога родишася. И Слово плъть бысть, и вселися въ ны. И видѣхомъ славу Его: славу яко единочяднаго отъ Отца: испълнь благодати и истины. Иоаннъ съвидѣтельствова о немъ, и възъва, глаголя: сь бѣ Его же рѣхъ; грядыи по мнѣ, предъ мною бысть: яко пьрвѣи мене бѣ. И отъ испълненія Его мы вьси прияхомъ благодать възблагодать. Яко законъ Мосеомь данъ бысть, благодать и истина Іисусъ Христомь бысть».

Остромировъ списокъ Евангелія изъ всѣхъ памятниковъ русской письменности въ наибольшей чистотѣ удержалъ особенности древнѣйшаго болгарскаго текста, съ котораго былъ списанъ.

Носовыя ѫ и ѭ, ѧ и ѩ, полугласныя ъ и ь, равно какъ и буква ѣ, употребляются большею частiю правильно, по древнеболгарски, какъ въ корняхъ словъ, такъ и въ окончанiяхъ.

Иногда, какъ исключенiе, вмѣсто щ встрѣчается шт.

Это евангелiе принадлежало потомъ Новгородскому Софiйскому собору, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая на первомъ листѣ, единственная въ цѣлой рукописи надпись, крупнаго скорописнаго почерка XVI вѣка: «Еѵⷢалiе Софѣйское апрокⷭо». По красотѣ письма, роскоши украшенiй и сохранности Евангелiя, надо полагать, что оно было въ соборѣ — напрестольнымъ; но о времени пожертвованiя его туда и лицѣ, сдѣлавшемъ этотъ вкладъ, не сохранилось никакихъ указанiй, точно также какъ не имѣется до нынѣ никакихъ свѣдѣнiй, по какому случаю и кѣмъ эта драгоцѣнная рукопись, какъ полагаютъ библiографы, была поднесена императрицѣ Екатеринѣ II. Знали только, что послѣ смерти императрицы, Остромирово Евангелiе было найдено въ ея покояхъ Я. А. Дружининымъ, который въ 1806 году представилъ его императору Александру I.

Директоръ Спб. Публичной Библiотеки обращался, начиная съ 1851 г., къ разнымъ вѣдомствамъ, въ архивѣ которыхъ, по его мнѣнiю, можно было ожидать свѣдѣнiй объ этой драгоцѣнной рукописи; полученные отвѣты не содержали ничего новаго.

Совершенно неожиданно отыскиваемые слѣды исторiи Остромирова Евангелiя были открыты въ концѣ 1858 года, архиварiусомъ Московской Оружейной Палаты, г. Филимоновымъ. Занимаясь, по распоряженiю директора Московской Оружейной Палаты, составленiемъ новой описи книгамъ и рукописямъ, хранящимся въ архивѣ палаты, г. Филимоновъ обратилъ между прочимъ свое вниманiе на описныя книги утвари церквей, входившихъ съ давняго времени въ составъ дворцовыхъ, и потому состоявшихъ въ завѣдыванiи московской оружейной палаты. Въ одной изъ этихъ описныхъ книгъ, содержащей въ себѣ: а) осмотръ (т. е. повѣрку наличности) утвари Спасской церкви, *что у Государей на верху*, составленной въ 1720 году противъ прежней описи 1700 года, и б) списки вещамъ, оказавшимся сверхъ описей въ церквахъ Воскресенской, Предтеченской, Распятской и Спасской, — г. Филимоновъ встрѣтилъ Остромирово Евангелiе въ любопытномъ перечнѣ книгъ, принадлежавшихъ нѣкогда *Воскресенской церкви, что у Государей на верху*. На оборотѣ 65 листа описной книги написано: «Въ большомъ сундукѣ, а въ немъ книги: Евангелiе писано уставомъ на пергаминѣ чернилами и золотомъ, оболочено бархатомъ

красным, застешки и пристешки серебряныя. На немъ надпись внизу: (слѣдуетъ извѣстное послѣсловіе Остромирова Евангелія, буквально переписанное). Въ началѣ послѣсловія, между строками и на поляхъ страницы сдѣлана отмѣтка: «послано по указу въ Санктъ Петербургъ, ноября 13 нынѣшняго 1720 года». Такимъ образомъ видно, что Остромирово Евангеліе издавна находилось *въ Москвѣ, въ ризницѣ Воскресенской церкви, что у Государей вверху*, и что оно было послано отсюда въ Петербургъ въ 1720 г. по указу Петра Великаго.

По какому случаю Остромирово Евангеліе попало въ Москву?

Въ Новгородской третьей лѣтописи, подъ 7078 (1570) годомъ, при описаніи запустѣнія Новгорода, вслѣдствіе похода на него Іоанна IV сказано: «...а дворецкому своему Льву Андреевичу Салтыкову и протопопу Евстафіеву, и прочимъ боярамъ своимъ повелѣлъ Государь итти въ соборную церковь святыя Софіи и взять ризную казну и прочія драгія освященныя вещи церковныя, и святыя корсунскія иконы, ризы и колокола»...

Полагаютъ, что въ числѣ вещей, взятыхъ изъ Софійскаго собора, находилось и Остромирово Евангеліе, которое такимъ образомъ и могло быть вывезено изъ Новгорода въ Москву.

Въ 1843 году Остромирово евангеліе издано академикомъ Востоковымъ съ приложеніемъ греческаго текста Евангелія, словаремъ и грамматикою.

Что читали наши предки въ старину? Циклъ книгъ для чтенія былъ не великъ по количеству и однообразенъ по качеству.

Читали: 1) священное писаніе, 2) книги богослужебныя, часословъ и псалтырь, 3) разныя лѣтописи, 4) всевозможныя «житія», изъ коихъ особенно назидательны тѣ, гдѣ описываются подвиги святыхъ, подвизавшихся въ сѣверныхъ странахъ: тутъ имъ приходилось вступать въ борьбу съ самою, почти первобытною, природою. Къ «житіямъ» относятся и разныя «сказанія», напримѣръ «сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ», объ «осадѣ Троицкой лавры», и т. п., и наконецъ 5) повѣсти и сказки, напримѣръ «о Горѣ-Злосчастьѣ», сатира Шемякинъ судъ и т. п.

Кто не умѣлъ читать, тѣ слушали «калинъ-перехожихъ», которые появились на Руси давнымъ-давно, чуть-ли не въ эпоху введенія христіанства въ Россіи. Калики-перехожіе распѣвали про Алексѣя Божьяго человѣка, про бѣднаго Лазаря и т. п.

Вообще наши предки особенное вниманіе обращали на богословскія познанія. Уже въ XI вѣкѣ по этой части прославились: Иларіонъ, Несторъ, Кириллъ Туровскій и др. О Никитѣ-затворникѣ (XI в.) Поликарпъ говоритъ: «не можаше никто стязатися

съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта: весь бо изъ устъ умѣяше— Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числъ, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и вся книги...»

Лѣтописцы наши называли людей образованныхъ такъ: «бѣ любя словеса книжныя», «мужъ хытръ книгамъ и ученію», «въ словесехъ книжныхъ веселуяся», «учителенъ и хытръ ученію божественныхъ книгъ», «книжный философъ», «исполненъ книжнаго ученія» и мн. др.

Подъ грамотою разумѣли умѣнье *читать* и *писать*. Такъ про св. Бориса говорится: «взимаше книгъ и чтяше: бяше бо и грамотѣ наученъ». Св. Ефросинія Полоцкая, научившись книжному писанію, «нача книги писати своима рукама».

Псалтырь, какъ произведеніе лирическое, была самою любимою и распространенною книгою въ древней Руси. Многіе иноки знали наизустъ весь псалтырь, такъ о св. Спиридонѣ читаемъ: «и изучи весь псалтырь изустъ». Древній уставъ иноческаго житія почти весь связанъ былъ съ псалтырью. Двадцать кафизмъ псалтыри дѣлились на четыре «статіи» для удобства исполненія псалтыри въ теченіи сутокъ. Прочтеніе одной кафизмы замѣнялось произношеніемъ 300 разъ Іисусовой молитвы, а вмѣсто всей псалтыри требовалось произнести 6,000 разъ эту молитву.

Самъ основатель русской иноческой жизни, преподобный Ѳеодосій, говоритъ своей братіи: «паче же имѣти въ устѣхъ псалтырь Давыдовъ подобаетъ черноризцемъ, симъ бо прогоняши бѣсовское уныніе».

Въ рукописномъ требникѣ митрополита Макарія, начала XVI вѣка, встрѣчается молитва «на ученіе грамотѣ дѣтямъ», въ которой испрашивается отъ Бога помощь уразумѣти ученіе книжное и псалмы Давидовы. Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго—причиной къ изданію этой грамматики между прочимъ поставляется и то, что «издревле россійскимъ дѣтоводцемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ же часословцу и псалтыри».

Нерѣдко при псалтыри прилагались и правила самаго обученія—подъ названіемъ: «Наказаніе ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учитися Божественному писанію и разумѣнію». Въ нихъ между прочимъ заповѣдуется «самимъ учителемъ знати естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дебѣло и тоностно, и гдѣ съ пригибеніемъ устъ, и гдѣ съ раздвиженіемъ, и гдѣ просто».

Научившись читать псалтырь, или лучше сказать, выучивши

ее почти наизусть, русскій человѣкъ, можно сказать, почти не разставался съ нею. (Иногда даже и во время путешествія).

Въ древнихъ рукописныхъ псалтыряхъ встрѣчается особый «указъ» или правила, какъ читать псалтырь: «Зри, внимай, разумѣй, разсмотряй, памятуй, какъ псалтырь говорити».

Первое—что говорити; второе—всяко слово договаривати; третіе—на строкахъ ставитися; четвертое—умомъ разумѣти словесе, что говорити; пятое — пословицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ по тому-жъ, слово чисто, звонко, ровнымъ голосомъ, ни высоко, ни низко, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, *а крѣпко по три или по четыре строки духомъ;* а ровно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ держится и красится во всякомъ человѣцѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ, и гласъ, и языкъ требуетъ помощи сея молитвы, воздержанія и чистоты».

Въ древнемъ быту русскаго народа псалтырь употреблялся (и даже и теперь): 1) какъ книга богослужебная, 2) какъ книга назидательная, 3) какъ книга учебная и 4) какъ книга спасительная въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ жизни.

Рейнтенфелсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1670 году, говоритъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что онъ «употребляя большую часть дня на дѣла государственныя, не мало также занимался благочестивыми размышленіями и даже ночью вставалъ славословить Господа пѣснопѣніями вѣнценоснаго пророка».

Предки наши нерѣдко брали псалтырь даже въ своихъ путешествіяхъ.

Слѣдуетъ упомянуть объ обычаѣ гадать по псалтыри. Указаніе на этотъ обычай можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ Владиміра Мономаха:

...«и отрядивъ я (отославъ пословъ), веземъ псалтырю въ печали, и то ми ся выня: Вскую печалуеши душе... Не ревнуй лукавствующимъ...» Находясь въ тяжкомъ положеніи, въ какое поставило его посольство отъ князей, Мономахъ искалъ облегченія и разрѣшенія своихъ недоумѣній въ псалтыри, раскрылъ ее на угадъ, на удачу, и вотъ что вышло, говоритъ онъ: «не ревнуй лукавствующимъ».

На одной рукописной псалтыри XVI вѣка встрѣчается слѣдующая приписка прежняго владѣльца ея: «Я гадалъ по сей псал-

тыри, и мнѣ вышло жить только пять лѣтъ, а я думалъ жить еще пятьдесятъ лѣтъ».

Говоря о переписчикахъ книгъ въ древней Руси, слѣдуетъ упомянуть и о нашихъ лѣтописцахъ.

Почти въ каждомъ монастырѣ былъ свой лѣтописатель, который въ краткихъ замѣткахъ заносилъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ своего времени. Полагаютъ, что лѣтописямъ предшествовали календарныя замѣтки, которыя и считаются родоначальникомъ всякой *лѣтописи*. По своему содержанію лѣтописи можно подраздѣлить на 1) лѣтописи государственныя, 2) лѣтописи семейныя или родовыя, 3) лѣтописи монастырскія или церковныя.

Фамильныя лѣтописи составляются въ родахъ служилыхъ людей, чтобы видѣть государственную службу всѣхъ предковъ.

Послѣдовательность, соблюдаемая въ лѣтописи, есть—хронологическая: года описываются одинъ за другимъ.

Если въ какомъ-нибудь году не случилось ничего примѣчательнаго, то противъ этого года въ лѣтописи ничего не значится. Напримѣръ, въ лѣтописи Нестора:

Въ лѣто 6368 (860 года). Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды....

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373. Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на Греки...

Если случалось «знаменіе небесное», лѣтописецъ отмѣчалъ и его; если было солнечное затменіе, лѣтописецъ простодушно записывалъ, что такого-то года и числа «солнце погибло».

Отцомъ русской лѣтописи считается преподобный Несторъ, монахъ Кіевопечерской лавры. По изслѣдованіямъ Татищева, Миллера и Шлецера, онъ родился въ 1056 г., 17 лѣтъ поступилъ въ монастырь и умеръ въ 1115 году. Его лѣтопись не сохранилась, но зато дошелъ до насъ списокъ съ этой лѣтописи. Этотъ списокъ называется Лаврентіевскимъ спискомъ, или Лаврентіевскою лѣтописью, потому что списанъ Суздальскимъ инокомъ Лаврентіемъ въ 1377 году.

Въ Патерикѣ Печерскомъ про Нестора сказано: «что онъ поживе лѣта довольна, труждаясь въ дѣлахъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая».

Лаврентіевская лѣтопись писана на пергаментѣ, на 173 листахъ; по сороковую страницу она писана древнимъ уставомъ, а съ 41 страницы до конца—полууставомъ. Рукопись Лаврентіевской лѣтописи, принадлежавшая графу Мусину-Пушкину, была поднесена

нимъ императору Александру I, который подарилъ ее Императорской Публичной Библіотекѣ.

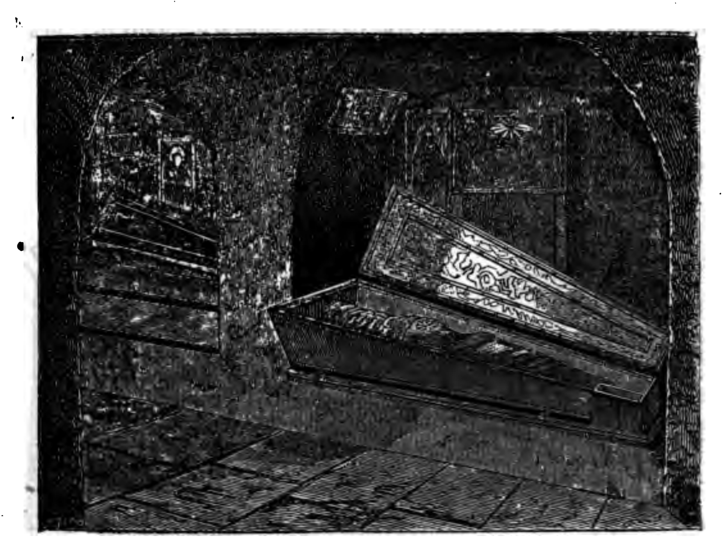
Изъ знаковъ препинанія въ лѣтописи употребляется только точка, которая однако жъ рѣдко стоитъ на своемъ мѣстѣ.

Эта лѣтопись заключала въ себѣ событія до 1305 года (6813 г.).

Лаврентіевская лѣтопись начинается слѣдующими словами:

«Се повѣсти временъныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ первѣе сынове Ноеви раздѣлиша землю....» и т. д.



Гробница лѣтописца Нестора, въ Кіевопечерской лаврѣ.

Въ концѣ лѣтописи имѣется слѣдующее послѣсловіе.

«Радуется купецъ, прикупъ сотворивъ и кормчій въ отишье приставъ и странникъ въ отечество свое пришедъ, такожде радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ... И нынѣ, господа отци и братія! оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ: чтите, исправляя Бога дьля, а не клените, занеже книги ветшаны, оумъ молодъ, не дошелъ, слышите Павла Апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами Христьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ

Бога живаго, Ему же слава и держава и честь и покланянье со отцемъ и пресвятымъ Духомъ, и нынѣ и присно въ вѣки, аминь.»

Кромѣ Лаврентьевской лѣтописи извѣстны «Новгородская лѣтопись», «Псковская лѣтопись», «Никоновская лѣтопись», названная такъ потому, что на листахъ имѣется подпись, скрѣпа, Патріарха Никона (см. выше), и мн. друг.

Всего насчитывается до 150 варіантовъ или списковъ лѣтописей.

Наши древніе князья повелѣвали вносить въ лѣтопись все, что случалось при нихъ, доброе и недоброе, безъ всякой утайки и украшеній: «первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ».

Въ періодъ междоусобій, въ случаѣ какого нибудь недоразу-

Пишущій монахъ, рисунокъ изъ Лаврентіевской лѣтописи.

мѣнія, русскіе князья иногда обращались къ лѣтописи, какъ къ письменному доказательству.

Въ позднѣйшее время—вспомните Гермогена, останавливающаго преступленіе народа угрозой занести сказаніе о немъ въ лѣтопись.

Пушкинъ въ своей извѣстной драмѣ «Борисъ Годуновъ» представилъ намъ величавый образъ русскаго лѣтописца—въ лицѣ Пимена.

Мы позволимъ себѣ привести начало знаменитой сцены въ кельѣ Чудова Монастыря.

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ (*спящій*).

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*): Еще одно
послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,—
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро;
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*Пишетъ*).

ВОЗНИКНОВЕНІЕ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

Іоаннъ Гутенбергъ и его библія.—Распространеніе книгопечатанія въ славянскихъ земляхъ.—Краковскій октоихъ и часословъ—1491 года.—Появленіе книгопечатанія въ Бѣлоруссіи въ 1525 году.—Докторъ Францискъ Скорина и его библія на бѣлорусскомъ языкѣ.

Въ исторіи человѣчества изобрѣтеніе книгопечатанія составляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ. Четыре тысячи лѣтъ тому назадъ египтяне вырѣзывали цѣлыя легенды и историческія повѣствованія на стѣнахъ своихъ пирамидъ. На развалинахъ Вавилона попадаются кирпичи съ выдавленными на нихъ письменными знаками. Въ кабинетѣ медалей парижской національной библіотеки хранится кусокъ серебристаго свинца, добытаго римлянами изъ рудниковъ Испаніи, за 100 лѣтъ до христіанской эры; на этомъ кускѣ отпечатаны крупными буквами имена двухъ предпринимателей разработки рудниковъ. Оффиціальные акты древнихъ народовъ: египтянъ, грековъ—нерѣдко вырѣзывались на каменныхъ или бронзовыхъ пластинкахъ. Документы помѣщались вдоль стѣнъ, иногда прибивались къ нимъ гвоздями. Такъ напримѣръ, почетные атестаты, которые выдавались военными властями римскимъ солдатамъ послѣ многихъ лѣтъ хорошей службы, были писаны на бронзовыхъ пластинкахъ. Если такая пластинка была исписана съ обѣихъ сторонъ, то ее не прибивали къ стѣнѣ, а подвѣшивали на маленькихъ цѣпочкахъ, чтобы посѣтители могли прочитать, что написано на обѣихъ сторонахъ.

Съ изобрѣтеніемъ папируса, пергамента и бумаги, начали распроспространяться рукописныя книги.

Въ средніе вѣка перепиской книгъ занимались по преимуществу монахи. Во всѣхъ большихъ монастыряхъ имѣлось особое отдѣленіе, Scriptorium, для переписки книгъ. Подобное усидчивое занятіе не могло не нравиться монахамъ—людямъ созерцательнаго и спокойнаго характера. Многіе монастыри обладали обширными библіотеками рукописныхъ книгъ. Короли и нѣкоторые богатые

частные люди занимались собираніемъ рукописей. Такъ напримѣръ во Франціи Карлъ V составилъ библіотеку въ 1200 томовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особенно тѣ, у которыхъ уцѣлѣли переплеты съ надписью короля, до сихъ поръ сохраняются во французской національной библіотекѣ.

Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка Франція была одною изъ странъ, гдѣ наиболѣе процвѣтало производство хорошихъ и красивыхъ книгъ. Переписчики, иллюминаторы (украшавшіе книги разными рисунками), переплетчики и пергаментщики составляли въ Парижѣ особый промышленный классъ, пользовавшійся извѣстностью во всей Европѣ.

Переписываніе служило единственнымъ способомъ размноженія книгъ. Оригиналъ изъ рукъ автора переходилъ въ руки переписчиковъ. Нерѣдко текстъ книги диктовали сразу нѣсколькимъ переписчикамъ. Такъ-какъ переписчики были часто люди малограмотные, то они дѣлали много ошибокъ и даже иногда искажали самый смыслъ текста.

Случалось, что авторы, предвидя это, принимали совсѣмъ особыя мѣры для сохраненія своихъ произведеній отъ порчи при перепискѣ. Такъ одинъ изъ нихъ, въ началѣ своей хроники, обращается въ «примѣчаніи» съ горячею мольбою къ будущимъ переписчикамъ, чтобы они не забывали выставлять число противъ событія, къ которому оно относится. Писцы аккуратно переписывали это «примѣчаніе» и все-таки не всегда точно исполняли заключавшуюся въ немъ просьбу. Нерѣдко каллиграфъ, подписывая свой трудъ, поручалъ себя, «бѣднаго грѣшника», снисходительности и молитвамъ своихъ читателей. Случалось даже (въ латинскихъ рукописяхъ Запада), что переписчикъ послѣ своей послѣдней строки прибавлялъ довольно грубый стихъ, смыслъ котораго можно перевести такимъ образомъ:

«Здѣсь оканчивается моя книга; ради Бога, дайте мнѣ на чай!» (explicit totum, per christum da mihi potum).

Такъ-какъ для переписки книги требовалось много времени, нерѣдко около года, то и цѣны на книги были высокія. Напримѣръ, за рукописную библію платили 1000 червонцевъ. Только богатые люди могли имѣть книги. Собственники книгъ, отдавая ихъ на прочтеніе, взимали за это большую плату. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ того времени особенно важное мѣсто занималъ вопросъ о судьбѣ оставшихся книгъ. Въ читальняхъ книги нерѣдко приковывались къ стѣнѣ желѣзными цѣпями, чтобы устранить возможность похищенія ихъ. При высокой цѣнѣ книжнаго товара и чтеніе книгъ не для всякаго было доступно. Книжныя сокровища

составляли исключительную принадлежность богатыхъ классовъ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія цѣна на книги, на первыхъ же порахъ сразу понизилась на 4—5%. Дешевыя книги, отпечатанныя, какъ тогда выражались, manu stannea (оловянною рукою), породили массу читателей. Количество грамотныхъ людей все возростало, и свѣтъ науки мало-по-малу началъ озарять и темный народъ.

Книгопечатаніе возникло не сразу; ему предшествовали нѣкоторыя подготовительныя изобрѣтенія. Около 1300 г., черезъ итальянцевъ и испанцевъ, нѣмцы познакомились съ игральными картами. Сначала эти карты рисовали отъ руки; но когда спросъ на нихъ увеличился, то ихъ стали дѣлать при помощи трафарета *) и наконецъ пришли къ мысли вырѣзывать изображеніе игральныхъ картъ на деревянной доскѣ и получать съ нея сколько угодно оттисковъ.

Кромѣ картъ такимъ же образомъ вырѣзывали на доскахъ, «таблицахъ», и другіе несложные рисунки съ небольшими надписями. Это и есть, такъ называемый, табличный способъ печатанія. Сохранилось до 30 разныхъ сочиненій, отпечатанныхъ этимъ способомъ. Изъ нихъ особенною извѣстностью пользуется «Библія для бѣдныхъ». Это—собраніе 40 библейскихъ картинокъ, снятыхъ съ оконной живописи одного монастыря. Эта книга представляетъ теперь конечно величайшую рѣдкость, такъ что одинъ англійскій лордъ за экземпляръ ея заплатилъ 1300 рублей.

Неудобства табличнаго способа печатанія очевидны: текстъ каждой страницы приходилось вырѣзывать на доскѣ, поэтому, если книга состояла, напримѣръ, изъ 100 страницъ, то необходимо было на 100 „таблицахъ“ вырѣзывать содержаніе каждой страницы.

Іоанну Гутенбергу пришла счастливая мысль примѣнить подвижныя деревянныя буквы, чтобы такимъ образомъ можно было, по желанію, соединять ихъ между собой въ какомъ угодно порядкѣ, составлять слова и страницы, затѣмъ, разбирать для составленія новыхъ страницъ и т. д. Для осуществленія своего предпріятія Гутенбергъ сошелся съ однимъ богатымъ человѣкомъ—Фаустомъ, который оказалъ ему денежную помощь. Вскорѣ къ нимъ присоединился зять Фауста—Шефферъ, искусный каллиграфъ; ему

---

*) На пластинкѣ вырѣзывается нужный рисунокъ и пластинка эта накладывается на чистый листъ, и затѣмъ сразу смазываютъ краской. Когда снимается трафаретная пластинка, то на бумагѣ получается требуемый рисунокъ. Работа этимъ способомъ идетъ гораздо скорѣе, чѣмъ раскрашиваніе отъ руки.

приписываютъ изобрѣтеніе металлическихъ литыхъ буквъ вмѣсто деревянныхъ.

Когда изобрѣтеніе книгопечатанія готово было осуществиться, для Гутенберга наступили черные дни. Фаустъ захотѣлъ одинъ воспользоваться выгодами отъ книгопечатанія, что ему и удалось привести въ исполненіе.

Давъ Гутенбергу взаймы, Фаустъ подалъ на него въ маинцкій судъ искъ на 2000 гульденовъ *). Судъ постановилъ или возвратить деньги, или отдать Фаусту всѣ типографскія снаряды. Избавившись отъ Гутенберга, Фаустъ и Шефферъ занялись печатаніемъ книгъ. Первая книга, которую они отпечатали въ 1455 г., была

Et rex dauid senuerat:
habebatq; etatis plu-
rimos dies. Cumq;
operiretur vestibus nō
calefiebat. Dixerunt
ergo ei servi sui. Que-
ramus dnō nostro regi adolescentulā
virginem: et stet corā rege et foveat eū
dormiatq; in sinu suo: et calefaciat do-
minum nrm regem.

Изъ библіи Гутенберга

Библія; она состоитъ изъ двухъ томовъ и каждая страница содержитъ въ себѣ 42 строки, отчего она и называется «сорока-двухъстрочною библіею», или «Гутенберговой». Эта любопытная книга сохранилась только въ 16 экземплярахъ: 7—на пергаментѣ и 9—на бумагѣ. Почти всѣ они находятся въ Англіи и Франціи. Въ самомъ Маинцѣ не осталось ни одного экземпляра. Въ настоящее время цѣна ихъ возросла до баснословныхъ размѣровъ. Напримѣръ, въ декабрѣ 1884 г., въ Лондонѣ происходила продажа знаменитой библіотеки Систа, гдѣ въ числѣ другихъ рѣдкостей находи-

*) Теперь гульденъ на наши деньги стоитъ 81 коп.

лась первая библія, отпечатанная подвижными буквами. Эта библія была продана за 3,900 фунтовъ стерлинговъ, что на наши деньги составитъ около 39,000 рублей! Въ первое время искусство книгопечатанія хранилось въ величайшей тайнѣ. Фаустъ заставлялъ своихъ рабочихъ клясться на Евангеліи, что они не разболтаютъ о новомъ способѣ производства книгъ. Мало того, онъ запиралъ рабочихъ въ мастерскихъ, устроенныхъ въ темныхъ подвалахъ.

Фаусту удалось бы, можетъ быть, посредствомъ низкихъ происковъ лишить Гутенберга въ глазахъ потомства заслуженнаго имъ безсмертія, еслибы молодой Шефферъ не сдѣлалъ слѣдующей надписи на одной книгѣ, напечатанной въ Маинцѣ въ 1505 г. и посвященной императору Максимиліану:

«Въ 1450 г., въ Маинцѣ изобрѣтено талантливымъ Гутенбергомъ удивительное типографское искусство, которое впослѣдствіи было улучшено и распространено въ потомствѣ трудами Фауста и Шеффера».

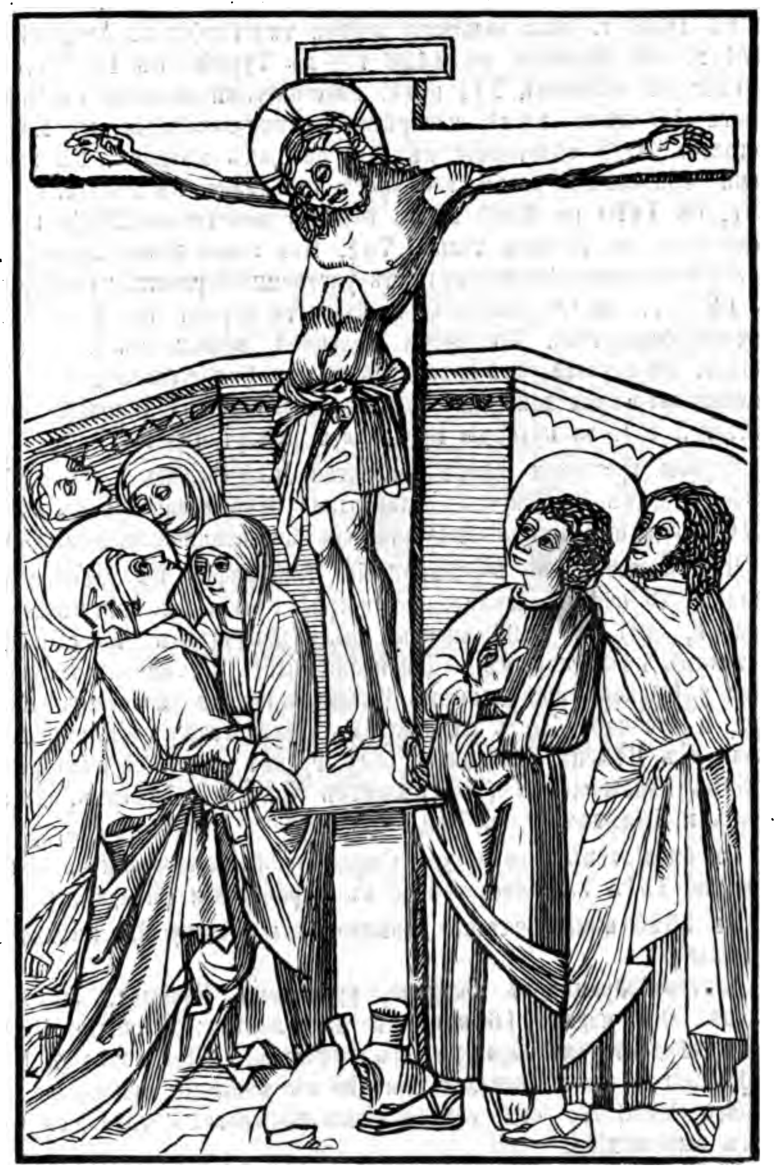
Между тѣмъ, Гутенбергъ, при помощи добрыхъ людей, открылъ новую типографію, гдѣ отпечаталъ, въ 1460 г., «Каталиконъ»— латинскую грамматику съ этимологическимъ словаремъ. Въ концѣ книги разсказывается, какъ возникла она. Вотъ это любопытное «послѣсловіе».

«При помощи Всевышняго, по мановенію котораго дѣти становятся краснорѣчивыми и нерѣдко малые получаютъ откровеніе въ томъ, что скрывается отъ мудрыхъ,—отпечатана и окончена эта превосходная книга «Каталиконъ» въ 1460 г., послѣ вочеловѣченія Христа, въ добромъ, славномъ городѣ Маинцѣ, принадлежащемъ нѣмецкой націи, которая, по благости Бога, и удостоилась предъ другими народами земли предпочтеніемъ дара столь величественнаго духовнаго свѣта. Книга эта произведена не съ помощью трубокъ, грифеля или пера, но удивительнымъ сочетаніемъ, отношеніемъ и согласованіемъ патроновъ и формъ».

Фаустъ продавалъ печатныя книги въ Парижѣ по той же цѣнѣ, какъ и писанныя, и вскорѣ разбогатѣлъ. Послѣ его смерти типографія перешла въ руки Шеффера, который погибъ при взятіи Маинца штурмомъ непріятельскими войсками. Наборщики или, какъ ихъ называли въ то время, „дѣти Гутенберга“, разбѣжались во всѣ стороны и вездѣ распространяли свое искусство. Съ необыкновенной быстротой развилось книгопечатаніе во всѣхъ образованныхъ государствахъ Европы.

Во Франціи оно появилось въ 1470 г. Сперва его встрѣтили съ недовѣріемъ: книгопечатаніе считалось дѣломъ колдовства, и только благодаря Людовику XI, оно получило законное право на

существованіе. Король Людовикъ XII пошелъ еще далѣе: въ своемъ



Древнѣйшая славянская гравюра изъ Краковскаго Часословца, 1491 года.

указѣ 1513 г. онъ, вовсе не считая типографщиковъ служителями

сатаны, называетъ «искусство и науку тисненія изобрѣтеніемъ— болѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ».

Въ 1640 г. была основана первая типографія въ Америкѣ, въ 1474 г.—въ Испаніи, въ 1426 г.—въ Турціи, въ 1812 г.—въ Египтѣ; въ половинѣ XVI вѣка, миссіонерами занесена въ Индію. Спустя 50 лѣтъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, въ Европѣ считалось 1000 типографій въ 200 разныхъ мѣстахъ. Въ первое время наибольшее количество книгъ печаталось въ Италіи. Напримѣръ, съ 1470 по 1500 г. въ Венеціи напечатано 2835 книгъ, тогда какъ въ Парижѣ только 751. Изъ этого факта видно, что Италія въ то время стояла во главѣ умственнаго развитія въ Европѣ. Въ 1437 г. во Флоренціи была открыта первая въ Европѣ публичная библіотека. Во время турецкой войны, въ Венеціи въ 1563 г., въ первый разъ появились газеты. Самое слово „газета"— итальянскаго происхожденія: такъ называлась мелкая монета (стоимостью 2 к.), за которую продавался нумеръ газеты.

Первая греческая книга напечатана въ Миланѣ 1476 г.; въ 1475 году, въ Эйслингенѣ, напечатана первая еврейская книга; въ 1615 году въ Генуѣ появилась первая напечатанная арабская книга.

Что касается до возникновенія типографій въ славянскихъ земляхъ, то первая славянская типографія была основана въ городѣ Краковѣ, «гдѣ въ 1491 впервые былъ напечатанъ "Часословецъ» съ такимъ послѣсловіемъ: «Докончана бысть сія книга у великомъ градѣ у Краковѣ при державѣ Великаго короля Польскаго Казимира, и доконана бысть мѣщаниномъ Краковьскимъ Швайполтоль Фѣоль изъ Нѣмець, Нѣмецкаго роду Франкъ», «и скончашася по Божіимъ нароженіемъ» (по Рождествѣ Христ.) «14 сотъ, девять десятъ и 1 лѣто» (т. е. 1491 г.).

Въ библіотекѣ Московской Синодальной типографіи хранится евангеліе 1513 г., напечатанное въ Угровалахіи (Молдавіи).

Въ 1525 книгопечатаніе появилось въ Бѣлоруссіи, именно въ г. Вильнѣ.

Докторъ Франдискъ Скорина, уроженецъ Полоцка, жилъ въ Вильнѣ. Онъ издалъ 16 книгъ ветхаго завѣта: «Библія Руска выложена докторомъ Франдискомъ Скориною, с. Полоцка»; съ 1517 по 1519 г. Скорина перевелъ библію съ чешскаго оригинала, изданнаго 1506 г., «съ сохраненіемъ во многихъ случаяхъ чешскихъ выраженій».

Библія печаталась «у великомъ мѣстѣ Пражскомъ», т. е. въ великомъ городѣ Прагѣ.

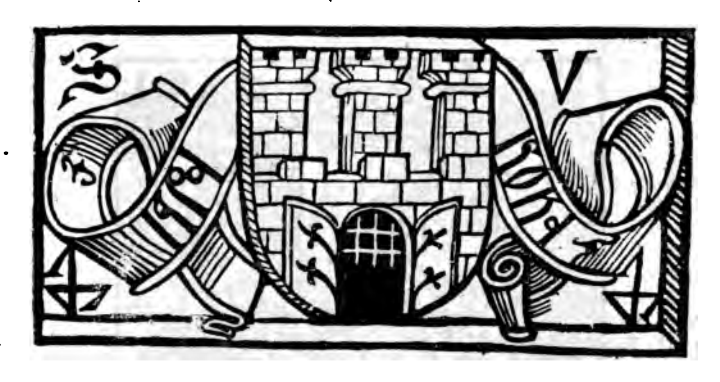
Первая книга Скорины пражская псалтырь напечатана въ

1517 г.; въ 1527 году изданъ въ Вильнѣ «Апостолъ» и друг. книги.

Въ предисловіи къ «Псалтырю» Скорина дѣлаетъ указаніе на значеніе этой книги: «дѣтемъ малымъ початокъ всякое добро науки», и при этомъ желаетъ «абы мы псалтыри поючи, чтучи и говорячи».

«Библія Русска» Скорины издана съ гравюрами.

Изъ церковно-славянскихъ изданій до Скорины только въ одномъ изданіи Фѣоля, въ Осьмогласникѣ 1491 г., находили гра-



Докончана бы сиа книга у великомь градѣ оу
краковѣ при державѣ великаго короля полскаго
казимира. и докончана бы мѣщанином краковь
скым швайполтомь, фѣоль, из нѣмець не
мецкого городоу, франкь. и скончяша по божиеми
нароженнеми ді сѣть. девятьдесят и а лѣто.

Послѣсловіе Краковскаго Часословца, 1491 года.

вюру «Распятія». Обычай изображать библейскіе сюжеты въ гравюрахъ связанъ съ извѣстными изданіями biblia pauperum. Въ своихъ предисловіяхъ Скорина такъ объясняетъ цѣль гравюръ: «Ктобы какъ межи простыми людми братіи моеи хотел яснее разумети яковым обычаем былъ храмъ оудѣланъ, Кивот, Стол, Светильник, Требник и Ризы греческіе, Тое все вымалевоное нижеи знайдеть». Вотъ, напримѣръ, подпись къ одной изъ картинокъ: «Юдифъ Вдовица отсече главу Олоферну воеводѣ».

Въ предисловіи къ книгѣ Іова Скорина о пользѣ этой книги

говоритъ такъ: «Всякому человѣку потребна чести (т. е. читать), понеже есть зерцало житія нашего, Лекарство душевное, Потѣха всѣмъ смутнымъ наболеи они же суть въ бѣдахъ и въ немощахъ положены. Протожъ я Францишекъ Скоринъ сынъ Полоцка лекарскихъ наукахъ Докторъ. Знаючи сее иже есть наивышша мудрость. Размышленіе смерти и познаніе самого себе и въспоминаніе наприйдущіе речи. Казалъ есми тиснути».

Въ доказательство того, что переводъ Скорины весьма несходенъ съ нашимъ древнимъ Славянскимъ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ Іова, гл. 10-я.

Изъ Библіи Скорины.

Переводъ Скорины.

„Тоскнится души моей въ животѣ моемъ; выпущу противъ собѣ глаголы моя. Пророку въ горькости души моея и реку къ Богу; не погубляй мене.

Сповѣждь ми, чему мя такъ судишь? И чи ли добро ся тобѣ видить гонити мя и погубити мя, дѣло рукъ своихъ, и совѣтъ нечестивыхъ укрѣпити? И чи тѣлесные очи у тебѣ суть, или яко видить человѣкъ, по тому жь и ты смотрѣти будешь? Таковы ли же суть дніе твои яко и людскіе, и лѣта твоя яко и времена человѣческія, яко питаешися о грѣсѣхъ моихъ, и беззаконіе мое слѣдилъ еси? Да вѣси, яко нечестія не

Въ нашей библіи.

„Труждаюся душею моею: стеня испущу на мя глаголы моя, возглаголю горестію души моея одержимъ, и реку къ Господеви: не учи мя не чествовати, и почто мя сице судилъ еси? Или добро ти есть, аще вознеправдую; яко презрѣлъ еси дѣла руку твоею, совѣту же нечестивыхъ внялъ еси; или яко же человѣкъ видитъ, видиши; или яко же зритъ человѣкъ, узриши; или житіе твое человѣческо есть, или лѣта твоя, яко дніе мужа; яко истязалъ еси беззаконіе мое и грѣхи моя изслѣдилъ еси. Вѣси бо, яко не нечествовахъ: но кто есть изъимаяй изъ руку твоею; руцѣ

учиних; нѣсть убо кто изъ руки твоея могый исторгнути.

Руцѣ твои, Господи, сотвористѣ мя и създастѣ мя всего окресть. И тако ноглѣ отметаешь мене. Вспомяни, молю ти ся иже яко бы грязь слѣпилъ мя еси, и въ персть паки премѣняешь мя. Се яко млеко издоихъ мя еси. Кожею и тѣломъ пріодѣлъ мя еси; костями и жилами споилъ мя еси. Животъ и милосердіе далъ еси мнѣ, и навожденіе твое стерегло есть духа моего. Аще ли таише того въ сердцѣ своемъ, но вѣмъ яко вся сія помниши. Согрѣшилъ ли есьмъ, и на часъ прозрѣлъ мя еси, и чему отъ беззаконія моего чиста мя быти не дозволиши? И буду ли неучтивый, горе мнѣ будешь; пакъ ли справедливый, не вознесу главы моея, насыщенный болѣсти и горькости. И гордосте дѣля якобы львицу имѣши мя, и навернувшимся дивнѣ мя мучиши. Чему вывелъ мя еси изъ ложеснъ материныхъ? Раднѣй быхъ загинулъ былъ, ижъ бы око не соглядало мене, и быхъ яко бы не бывый, изъ утробы пренесоша мя въ гробъ. И чи ли краткость дній моихъ не искончалася скоро? Остави мя, молю ти ся, да быхъ оплакалъ мало болѣсть мою, паки аще не пойду, отноду же не вернуся: въ землю темную и покрытую мракомъ смерти, въ землю бѣды и темности, гдѣ же то стѣнь смерти и нѣсть ни единаго ряду, но вѣчный страхъ пребываетъ".

твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя потомъ же преложивъ, поразилъ мя еси.

Помяни, яко бреніе мя создалъ еси, въ землю же паки возвращаеши мя. Или не яко же млеко измельзилъ мя еси, усырилъ же мя еси равно сыру. Кожею же и плотію мя облеклъ еси, костьми же и жилами сшилъ мя еси. Животъ же и милость положилъ еси у мене: посѣщеніе же твое сохрани мой духъ.

Сія имѣяй въ тебѣ, вѣмъ, яко вся можеши и невозможно тебѣ ничто же. Аще бо согрѣшу, храниши мя, отъ беззаконія же не безвинна мя сотворилъ еси. Аще бо нечестивъ буду, лютѣ мнѣ: аще же буду праведенъ, не могу возникнути: исполненъ бо есмь безчестія; ловимъ бо есмь аки левъ на убіеніе, паки же преложивъ лютѣ убиваеши мя. Почто убо мя изъ чрева извелъ еси, и не умрохъ; око же мене не видѣло бы, и быхъ бы аки не былъ. Почто убо изъ чрева во гробъ не снидохъ; или не мало есть время жизни моея; остави мене почити мало, прежде даже отъиду, отнюду же не возвращуся, въ землю темну и мрачну, въ землю тмы вѣчныя, идѣ же нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго".

Скорина писалъ языкомъ своего отечества и времени, который гораздо сходнѣе съ нынѣшнимъ великорусскимъ нарѣчіемъ, нежели языкъ древне славянской библіи, переведенной въ Моравіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ особенности Библія Скорины заинтересовала нашихъ старообрядцевъ, съ ихъ исключительной точки зрѣнія: во всѣхъ книгахъ Скорины вмѣсто Іисусъ напечатано і҃с т. е. исусъ. Вначалѣ XVIII вѣка въ знаменитыхъ „Поморскихъ отвѣтахъ", между другими авторитетами, приводится и библія Скорины: „Сице въ древней бѣлорустѣй книзѣ аі҃с Сирахова печатанны въ Празѣ въ лѣтъ 1517 сице напечатася: книга ісуса Сирахова рекомая понаретосъ и надписаніе на верхнихъ поляхъ книга ісуса Сирахова, въ концѣ книги докончено есть—сія книга ісуса Сирахова".

Приводимъ хронологическую таблицу распространенія книгопечатанія въ славянскихъ земляхъ.

Краковъ . . . . 1491 году, число экземпл. 5

Венеція	1493	„	„	„	1
Цетинье ... 1494—	1495	„	„	„	3
Угроволахія	1512	„	„	„	3
Прага .... 1517—	1519	„	„	„	1
Вильно	1525	„	„	„	1
Москва	1564	„	„	„	1
Львовъ........	1574	„	„	„	1
Острогъ.......	1585	„	„	„	1
Кіевъ	XVI ст.		—	—	—
Петербургъ	1711	„	—	—	—
Тобольскъ въ Сибири	1789	„			
Закаспійская область	1886	„			

Ни одно изобрѣтеніе не имѣло такого многосторонняго практическаго приложенія, какъ печать: она открыта не случайно, а составляетъ плодъ духовной жизни столѣтій, и для своего развитія требовала значительнаго техническаго совершенствованія другихъ искусствъ.

Книжная торговля, переплетное мастерство, фабрикація красокъ, машинное производство, рѣзьба по дереву, множество изобрѣтеній въ области графическихъ искуствъ, все это—находится въ связи къ книгопечатаніемъ.

Искусный наборщикъ можетъ набрать въ одинъ часъ до 2,500 буквъ, а въ 1 день, работая 10 часовъ, 25,000 буквъ. Вычислено, что рука наборщика, при безпрестанномъ движеніи во время набора, дѣлаетъ около 9 миль въ 1 день.

Набранныя страницы или столбцы разстанавливаются въ опредѣленномъ порядкѣ на доску; промежутки между строками книги наполняются шпонками,—низенькими желѣзными брусочками; затѣмъ накладывается желѣзная рама, которая плотно скрѣпляется. Послѣ всего этого остается только снять оттискъ на корректурномъ прессѣ. Первый оттискъ поступаетъ къ корректору: онъ долженъ исправить корректурныя и орфографическія ошибки.

Во Франціи искусный наборщикъ metteur en pages беретъ себѣ рукопись и распредѣляетъ ее между своими подчиненными. Метеръ состоитъ на опредѣленномъ жалованіи, а другіе наборщики получаютъ задѣльную плату.

Въ Англіи искусный наборщикъ беретъ на себя печатаніе всего сочиненія, заставляетъ другихъ только набирать буквы, а самъ исполняетъ всѣ прочія работы. Плату получаютъ за все дѣло вмѣстѣ, и потомъ раздѣляютъ ее между собою по равнымъ частямъ.

Скоропечатная машина была изобрѣтена въ 1818 году нѣмцемъ Кенигомъ. Скоропечатная машина, при помощи 2-хъ мальчиковъ

замѣняетъ пятерную работу двухъ опытныхъ печатниковъ. Набранный шрифтъ лежитъ на фундаментѣ, который машиною подводится подъ доску, натертую краскою, подъ валъ. На послѣднемъ находится бумага для печати. Бумага наводится на валъ помочами и ими же, по отпечатаніи, отводится и отбрасывается.

Потомъ фундаментъ съ наборнымъ шрифтомъ выдвигается назадъ, и прежняя операція печатанія повторяется. Такая машина доставляетъ въ 1 часъ 1000—1400 оттисковъ, и отпечатываетъ листъ на одной сторонѣ. Вскорѣ стали пользоваться и оборотнымъ путемъ машины, присоединивъ къ ней еще одну доску, натертую краской, и другой валъ для печатанія. Такимъ образомъ, печатали при обратномъ движеніи еще одинъ листъ, слѣдовательно, въ 1 часъ—двойное количество

Издатель лондонской Ullustrates News, Литтле, изобрѣлъ вдвойнѣ дѣйствующую скоропечатную машину, которая 8 валами, при каждомъ движеніи впередъ и обратно, доставляетъ 14 оттисковъ, а въ 1 часъ 15,750 оттисковъ на одной сторонѣ листа.

Типографскія чернила ни что иное, какъ сажа—отъ кипяченія смолы, смѣшанная съ льнянымъ масломъ.

Въ 1814 г., знаменитая англійская газета «Times» *) возвѣстила своимъ читателямъ, что они имѣютъ въ рукахъ произведеніе парового скоропечатнаго станка. Съ этой поры книгопечатаніе вступило на новый путь, который привелъ къ удивительнымъ результатамъ. Теперь скоропечатная машина даетъ отъ 10 до 60 тысячъ оттисковъ въ сутки! Въ послѣднее время директоръ одной машинной фабрики въ Филадельфіи, Фейстеръ, изобрѣлъ машину, превосходящую всѣ другія скоропечатныя машины по быстротѣ работы. Одновременно съ печатаніемъ листовъ, машина свертываетъ ихъ, брошюруетъ, сшиваетъ и переплетаетъ. Для выпуска совсѣмъ готоваго календаря въ 36 страницъ потребовалась одна минута. Не даромъ говорятъ, что книгопечатному станку суждено завладѣть міромъ.

Наибольшее количество книгъ, журналовъ и газетъ печатается въ Англіи, Бельгіи, Соединенныхъ Штатахъ. Въ Англіи на одного человѣка приходится 64 экземпляра въ годъ, въ Бельгіи—59, въ Соединенныхъ Штатахъ—51. Въ общемъ итогѣ, число отдѣльныхъ нумеровъ, издающихся въ Европѣ журналовъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ и ежедневныхъ, простирается до 7,390 милліоновъ, а въ Америкѣ—до 2,800 милліоновъ.

Самая распространенная англійская газета расходится въ коли-

---

*) Надо выговаривать „Таймсъ“ (Времена).

чествѣ 612,000 экземпляровъ ежедневно. Изъ русскихъ журналовъ наибольшее число подписчиковъ имѣетъ «Нива», именно, до 100,000 Американскія газеты отличаются грандіозностію своихъ размѣровъ. Напримѣръ «New-Jork Herald» *) выпустилъ въ одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ 1881 г. 28 страницъ, въ 168 столбцовъ большаго формата. Для набора такой массы матеріала, въ типографіи упомянутой газеты работаютъ свыше 100 наборщиковъ: газета имѣетъ свои пароходы, сама устроила пересылку нумеровъ и, въ случаѣ надобности, снаряжаетъ экстренные желѣзнодорожные поѣзда.

Нѣкоторыя типографіи въ Европѣ, по размѣрамъ своего производства, пріобрѣли всемірную извѣстность. Напримѣръ, типографія Брокгауза въ Лейпцигѣ, императорская государственная печатня въ Вѣнѣ и Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ въ Петербургѣ.

Типографія Брокгауза носитъ международный характеръ; здѣсь день и ночь печатаются книги на всевозможныхъ языкахъ. Даже мусульманинъ, и тотъ покупаетъ брокгаузовское изданіе Корана, ибо оно дешевле, да и вѣрнѣе.

Мѣсто и годъ печатанія сначала не обозначали; заглавіе впервые появилось въ 1476 г.; до этого времени содержаніе сочиненія обозначалось на первой строкѣ. Не имѣли обыкновенія обозначать ни страницъ, ни листковъ; оглавленіе появилось въ концѣ XV вѣка.

Чтобы показать, до какой степени совершенства доведено книгопечатное искусство, Рейхель (бывшій директоръ Экспедиціи заготовленія Государственцыхъ Бумагъ) велѣлъ, въ 1855 г., отпечатать для любителей библіографическихъ рѣдкостей нѣсколько экземпляровъ басенъ Крылова, въ 256-ю долю листа, набранныхъ микроскопическимъ шрифтомъ, называемымъ діамантовымъ. Только крѣпкіе глаза могутъ читать это изданіе, а между тѣмъ, разсматривая печать въ увеличительное стекло, видишь совершенную четкость и правильность набора.

Вотъ величина этой любопытной книги:

Натуральная величина.

*) Нью-Іоркъ Херальдъ (Нью-Іоркскій Курьеръ).

ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ—ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КНИГОПЕЧАТНИКЪ.

Жалоба Ивана Грознаго на Стоглавомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1551 году на неисправность письменныхъ книгъ.—Указъ Стоглаваго собора для пресѣченія „описьливыхъ“ книгъ. — Рукописный промыселъ. — Гансъ Миссингеймъ.—Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ.— Первенецъ русской печати.—„Дѣянія апостольскія“.—Дороговизна бумаги.—Несчастная участь первыхъ русскихъ книгопечатниковъ.—Бѣгство ихъ изъ Москвы въ Литву.— Типографія въ Заблудовѣ.—„Евангеліе учительное“.—Второе изданіе „Апостола“ въ Львовѣ. — Библія Острожская. — Надгробная плита на могилѣ Федорова въ предмѣстьи города Львова. — Дальнѣйшая судьба русскаго книгопечатанія.—Андроникъ Тимофѣевъ Невѣжа и Никифоръ Тарасіевъ.— Псалтырь 1568 г.—Двѣ тріоди 1590—1592 г.—Октоихъ—1594 г.—Исправленіе церковныхъ книгъ.— Наши первые справщики.— Грамота Михаила Өеодоровича въ 1616 году объ исправленіи „Требника“.—Архимандритъ Діонисій и его враги. — Московскій соборъ при патріархѣ Никонѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ. — Возникновеніе церковнаго раскола.— Московская „правильня“ для церковныхъ книгъ.—Переименованіе московской типографіи въ синодальную.—Начало печати въ Сибири.

Начатки искусства книгопечатанія посвящены были богослуженію и теологіи.

Церковь обрѣла въ типографскомъ станкѣ важную опору. Ошибки и злоумышленныя перемѣны давали поводъ къ разнымъ толкованіямъ; отъ словъ рождались ереси, распри и преслѣдованія. Искусство книгопечатанія успокоило церковь: способы размноженія однообразныхъ книгъ упрочили навсегда цѣлость священныхъ пѣснопѣній, правилъ и т. п.

Царь Іоаннъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1551 г., между прочимъ, въ 5 вопросѣ своемъ жаловался на неисправность письменныхъ книгъ, говоря: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописи и точки не прямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ».

Соборъ на это опредѣлилъ:

«Протопопомъ и старѣйшимъ священникамъ и избраннымъ священникамъ со всѣми священники въ коемждо градѣ, во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати священныхъ книгъ, святыхъ Евангелій и Апостолъ и прочихъ книгъ, ихъ же соборная церковь пріемлетъ,

и которыя обрящутся не правлены и описьливы, тѣ всѣ съ добрыхъ переводовъ исправливати соборнѣ. А которые писцы по городамъ книги пишутъ, и имъ велѣти писать съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правити, потомъ же бы продавати; а не правивъ бы книгъ не продавали. А который писецъ, написавъ книгу, продаетъ не исправивъ, и тѣмъ возбраняти съ великимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купитъ, и къ тому потомужъ возбраняти съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь такъ не творили. А впередъ таковіи обличени будутъ, продавецъ

Иванъ IV Грозный.

и купецъ, и у нихъ тѣ книги имати даромъ безъ всякаго зазору; да исправивъ отдавати въ церковь, которыя будутъ книгами скудны, да видячи таковыя и прочихъ страхъ имутъ».

Громадное развитіе рукописнаго дѣла сильно тормозило появленіе въ Россіи книгопечатанія. Списываніе рукописей въ то время было и дѣломъ благочестія, и прибыльнымъ промысломъ.

Занимаясь этимъ дѣломъ, по словамъ людей того времени, человѣкъ достигалъ трехъ цѣлей сразу: питался отъ своихъ трудовъ, разнаго бѣса изгонялъ и съ Богомъ бесѣдовалъ.

«Доброе и преславное дѣло», какъ тогда выражались лучшіе люди про книгопечатаніе, должно было положить конецъ распространенію «растлѣнныхъ рукописей».

По просьбѣ царя, въ 1550 году Датскій король Христіанъ III прислалъ въ Москву въ 1552 году мастера Іоганна или Ганса Миссингейма съ письмомъ къ государю. Христіанъ между прочимъ писалъ: «...посылаемъ тебѣ искренно нами любимаго Ганса Миссингейма и Библію съ двумя другими книгами, въ коихъ содержится сущность нашей (Лютеранской) христіанской вѣры. Если приняты и одобрены будутъ тобою, митрополитомъ, патріархомъ, епископами и прочимъ духовенствомъ сіе наше предложеніе (т. е. принятіе лютеранства) и двѣ книги вмѣстѣ съ Библіею,—то оный слуга нашъ напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ означенныя сочиненія, переведя на отечественный вашъ языкъ, такъ-что симъ способомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшествовать и содѣйствовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славѣ Христовой и своему спасенію».

Но еще до пріѣзда Ганса въ Москву здѣсь уже были 2 печатника—Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, которые «малыми нѣкіими и неискусніи начертаніи печатываху книги».

Какъ извѣстно, книгопечатаніе было введено въ Московскомъ государствѣ спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изобрѣтенія и распространенія въ Западной Европѣ.

Въ 1553 году царь Иванъ Васильевичъ, нуждаясь въ богослужебныхъ книгахъ для вновь строившихся многихъ церквей, воздвигаемыхъ усердіемъ царя въ завоеванномъ Казанскомъ царствѣ и другихъ мѣстахъ Россіи,—повелѣлъ скупать рукописныя книги на торжищахъ [1]). Но оказалось мало исправныхъ, и вотъ, по словамъ современнаго сказанія, въ томъ же 1553 году «царствующему надъ всею Россіею царю и великому князю Іоанну Васильевичу вложилъ Богъ въ умъ благую мысль, какъ бы ему изряднѣе въ русской землѣ учинить и вѣчну память о себѣ оставить: произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія и спорнаго (скораго) дѣланія, и ради легкой цѣны, и ради своей похвалы, дабы (можно) было всякому православному христіанину праведно и несмутно читать святыя книги и говорить по нимъ, и дабы (можно было) повелѣть испущать (эти печатныя книги) во всю Русскую землю».

---

[1]) Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе, что въ 1555 г. по Московскому государству собирали книги для Казани: „По всѣмъ монастыремъ новгородскимъ сбирали деньги на владыку Казанскаго на Гурія, да и книги нѣвчіи имали по монастыремъ, апостолы, и евангеліи и четьи въ Казань“.

Митрополитъ Макарій, узнавъ отъ царя о такомъ благомъ начинаніи, сказалъ, что «эта мысль внушена царю самимъ Богомъ, что это—даръ, свыше сходящій».

Евангелистъ Лука—гравюра изъ первопечатнаго „Апостола“.

Ободряемый такимъ образомъ, царь Иванъ Васильевичъ приказалъ строить въ Москвѣ особый домъ для помѣщенія типографіи.

Въ 1563 начали заниматься книгопечатаніемъ два русскіе мастера: дьяконъ Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславецъ. Въ мартѣ 1564 г. окончено было печатаніе «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго Апостола Павла посланія». Этотъ первенецъ русской печати состоитъ изъ 267 листовъ, въ 25 строкъ на каждой страницѣ. Внѣшность книги весьма удовлетворительна. По обычаю того времени, она отпечатана съ разными украшеніями, между прочимъ съ рисункомъ, гдѣ изображенъ евангелистъ Лука. Онъ держитъ развернутый свитокъ, на которомъ, написано: «первое убо слово». Да, это было дѣйствительно первое печатное слово въ Россіи! Наборъ по большей части безъ отдѣленія предлоговъ и союзовъ, и разстановка между главами отмѣчена на поляхъ счетомъ. Вотъ что говоритъ Карамзинъ объ этой книгѣ:

«Сія книга рѣдка; я видѣлъ ее въ московской типографской

Заставка изъ „Апостола“.

библіотекѣ. Форматъ — въ малый листъ, бумага плотная, чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью; правописаніе худо».

По причинѣ рѣдкости приводимъ послѣсловіе «Апостола».

«Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, повелѣніемъ Благочестиваго Царя и Великаго князя Ивана Васильевича, всея Великія Россіи Самодержца и Благословеніемъ Преосвященнаго Макарія, митрополита всея Руси. Многи Святыя церкви воздвигаемы бываху во царствующемъ градѣ Москвѣ и по окрестнымъ мѣстомъ и по всѣмъ градомъ Царства его, паче въ новопросвѣщенномъ мѣстѣ, во градѣ Казани и въ предѣлѣхъ его. И сія вся святыя храмы Благовѣрный Царь украшаше честными иконами и святыми книгами и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещами по преданію и по правиломъ Святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ отецъ, и по изложенію Благочестивыхъ

царей Греческихъ во Царѣ-градѣ царствовавшихъ, Великаго Константина и Іустиніана, и Михаила, и Өеодоры, и прочихъ Благочестивыхъ царей, въ свое время бывшихъ. И тако благовѣрный Царь и Великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи повелѣ святыя книги на торжищахъ куповати и въ святыхъ церквахъ полагати, Псалтыри, Евангелія и Апостолы и прочая святыя книги, въ нихъ же мали обрѣтошася потребни, прочія же вси растлѣни отъ преписующихъ не наученыхъ сущихъ и не искусныхъ въ разумѣ, овоже и неправленіемъ нишущихъ. И сіе доиде къ царю вслухъ, онъ же начатъ помышляти, како изложити печатныя книги, яко же въ Грекехъ и Венеціи и во Фригіи и въ прочихъ языцѣхъ, дабы впредь Святыя книги изложилися праведнѣ. И тако возвѣщаетъ мысль свою Преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи. Святитель же слышавъ зѣло возрадовася и Богови благодареніе воздавъ, Царю глаголаше, яко отъ Бога извѣщеніе пріемшу, и свыше даръ сходящъ. И тако повелѣніемъ благочестиваго царя и Великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи и благословеніемъ Преосвященнаго Макарія митрополита, начаше изыскивати мастеровъ печатныхъ книгъ въ лѣто 61 осьмыя тысячи (1553 отъ Р. Хр.) въ 30 лѣто Государства его. Благовѣрный же царь повелѣ устроити домъ отъ своея царскія казны, идѣже печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателемъ, Николы Чудотворца Гостунскаго Діакону Ивану Өедорову да Петру Тимофѣеву Мстиславцеву на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ успокоенію дондеже и на совершеніе дѣло ихъ изыде. И первѣе начаша печатати сія святыя книги—Дѣянія Апостольска и Посланія Соборная и Святаго Апостола Павла посланія въ лѣто 7070 первое (1563) Апрѣля въ 19, на память преподобнаго отца Іоанна Палеврета, сирѣчь ветхія лавры; совершенни же быша въ лѣто 7070 второе (1564), марта въ 1 день, при архіепископѣ Аөанасіѣ, митрополитѣ всея Русіи, впервое лѣто святительства его, во славу Всемогущія и живоначальныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

«Апостолъ» былъ напечатанъ на плотной голландской бумагѣ. Лѣтописцы оставили намъ извѣстія о дороговизнѣ бумаги, что, разумѣется, должно было ихъ занимать. Такъ, въ Новгородской лѣтописи, подъ 1545 годомъ, находимъ извѣстіе: въ этомъ году была бумага дорога, «десть 2 алтына книжная»; подъ 1555 г.: бумага дорога была, «листъ полденьги писчей».

На первыхъ же порахъ книгопечатанію пришлось бороться съ предразсудками темныхъ людей. Кромѣ этого въ то время въ Москвѣ существовалъ обширный классъ «доброписцевъ», которые за-

нимались перепиской книгъ. Книгопечатаніе отнимало у нихъ работу и лишало доходовъ. Все это было причиною, что первыхъ типографщиковъ обвинили въ ереси и волшебствѣ, въ связи съ

Первое убо слово сътворихъ о всѣхъ,
о Ѳеофиле. о нихже нача Іс, тво
рити же и учити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра възнесеся. прениман
же и постави себе жива пострада
нїи своемъ. въ мнозѣхъ истинныхъ знаме
нїихъ. днми четыридесятьми являя
ся имъ и глаголя яже о цртвїи бжїи. и съ ни
ми же ядый. повелѣваше имъ от Іерусали
ма не отлучатися. но ждати обѣтованїе
отче, еже слышасте от мене. яко Іоаннъ
убо крстилъ есть водою. вы же имате кре
ститися дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ сихъ
днехъ. они же убо сшедшеся. въпрашаху

в лѣтѹи и великѹи нл пасхи. и на възнесе
нїе гне.

Первая страница изъ первопечатнаго „Апостола“.

нечистою силою. Не находя защиты въ своемъ отечествѣ, Иванъ Ѳедоровъ, подобный въ своей участи Гутенбергу, оставя свой городъ и родную землю, убѣжалъ за-границу. Ѳедоровъ со своимъ

Гербъ Ходкевича.

товарищемъ удалились въ Литву, гдѣ ихъ радушно принялъ гетманъ Хоткевичъ, который въ своемъ имѣніи Заблудовѣ основалъ

типографію. Первою книгою, отпечатанной въ заблудовской типографіи, въ 1568 г., было «Евангеліе учительное», изданное на средства Ходкевича, который въ предисловіи къ сочиненію говоритъ: «не пощадѣхъ отъ Бога дарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати, ктому же изобрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарскомъ людей наученыхъ Ивана Ѳедоровича Москвитина, да Петра Тимофѣевича Мстиславца. повелѣлисмы имъ учинивши варштатъ друкарски выдруковати сію книгу Евангеліе учительное».

Затѣмъ Ѳедоровъ поселился въ Львовѣ, главномъ городѣ Галиціи (Червонной Руси). Здѣсь, въ 1574 г., было напечатано второе изданіе «Апостола».

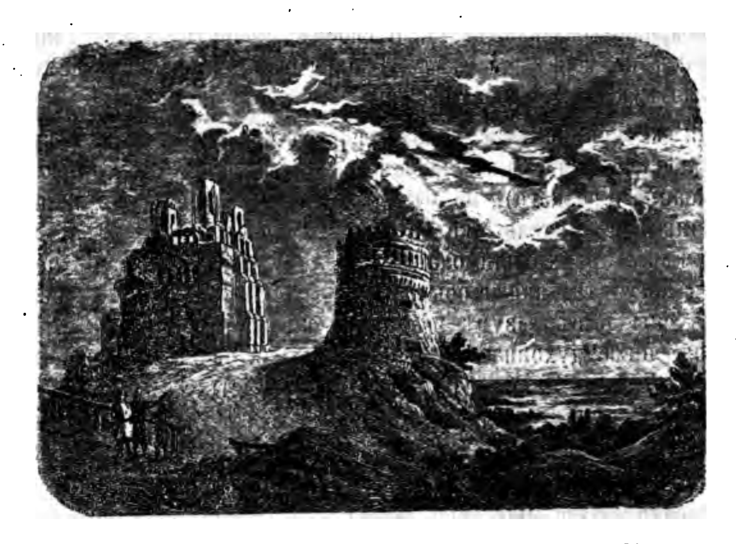
Эта книга любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней Ѳедоровъ подробно разсказываетъ о своемъ происхожденіи, гоненіяхъ и трудахъ по печатному дѣлу. Говоря о причинахъ, заставившихъ его бѣжать изъ Москвы, онъ пишетъ слѣдующее:

«Сія же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣльнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ, не отъ самаго государя (Іоанна Грознаго), но отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и Божіе дѣло вконецъ погубити; якоже обычай есть злонравныхъ и ненаученыхъ, и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло принесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается: сія убо насъ отъ земли и отечества, и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели».

Ходкевичъ далъ Ѳедорову деревню во владѣніе, но энтузіастъ-типографщикъ пылалъ страстью къ своему дѣлу и предпочиталъ «вмѣсто житныхъ сѣмянъ, духовныя сѣмена по вселенной разсѣвати». По приглашенію князя Константина Острожскаго, воеводы Кіевскаго, Ѳедоровъ отправился въ городъ Острогъ. Здѣсь вмѣстѣ со своимъ сыномъ, въ 1585 г., Ѳедоровъ напечаталъ по порученію благочестиваго князя знаменитую Библію Острожскую, первую полную Библію на славяно-русскомъ языкѣ. Вотъ полный титулъ этой книги: «Библія, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго завѣта по языку словенску, отъ еврейска въ еллинскій языкъ седмидесятъ и двѣма Богомудрыми преводники прежде воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа Т҃Н лѣта, на желаемое повелѣніе Филадельфа царя Египетска—преведены съ тщаніемъ и прилежаніемъ елико мощно помощію Божіею послѣдовася и исправися».

Въ концѣ «Библіи» приложено послѣсловіе Θедорова на греческомъ и славянскомъ языкахъ:

«Всесильный и неизрѣченный Богъ въ тріехъ составѣхъ отъ всея твари покланяемый и славимый, Ты еси всякая благости начало и вина! Поспѣшеніе и совершеніе! благоволилъ еси убо православному князю въ умѣ сіе пріяти, да мнѣ грѣшному и дѣло недостойному повелитъ Божественное слово Твое всѣмъ по всюду тисненіемъ печатнымъ предложити. Тѣмъ же убо азъ, аще и не достойно, повинухся повелѣнію, надѣяся щедротамъ твоимъ, вергохся въ пучину неизслѣдимую Божественнаго и всесвѣтлаго писанія твоего, купно съ поспѣшники и единомышленники моими,



Замокъ К. Острожскаго, гдѣ помѣщалась типографія.

яко же нынѣ Твоимъ человѣколюбіемъ въ пристанище совершенія достигохомъ; души колѣни преклоняюще и главами нашими въ землю ударяюще, со слезами радости славимъ и превозносимъ Твое трисвятое и прехвальное имя Отца и Сына и Святаго Духа. Всѣмъ же повсюду православнымъ христіаномъ, господіемъ и братіи и другомъ, раболѣпно метаніе до лица земнаго умилено сътворяю, отъ усердія же души прилежно молю, аще приключися нѣко погрѣшеніе, прощайте, сами же сподобльшеся отъ богатодавца большихъ дарованій духовныхъ и исправляйте, вѣдуще яко Господинъ винограда сего пріемлетъ послѣдняго, яко и перваго, и отъ едино-

надесятаго часа дѣлавшаго, яко и тяготу вседневнаго варэ понесшаго».

Первый русскій книгопечатникъ умеръ въ страшной нищетѣ,

Библіа сирѣчь книгы
ветхаго и новаго завѣ
та, по языку словенску.
Съ еврейска, въ еллинъскій языкъ,
седми десятъ и двѣма, его же
мудрыми преводники. прежде воплоще
нія Спаса Бога нашего Іс Хса, ҃т ҃п
лѣта, нажелаемое повелѣніе Птоло
мея Филадельфа царя египетска.
преведенаго зело сътщаніемъ,
и прилежаніемъ елико мощно,
помощію Божіею последовавъ, и и
справнѣ. в лѣто, по воплощеніи
Гда Бга Спса нашего Іс Хса.
҂аф па

Страница изъ Острожской библіи.

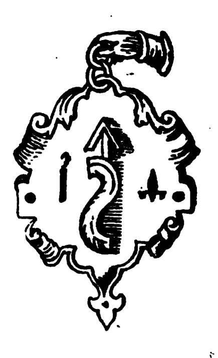
въ предмѣстьи города Львова. Въ церкви преподобнаго Онуфрія показываютъ простой надгробный камень съ надписью:

«друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе... преставися въ Львовѣ, року АФПГ, декевр.;

на верху доски:

«успокоенія, воскресенія изъ мертвыхъ чаю»;

Надгробная плита на могилѣ Ѳедорова.



Гербъ Ѳедорова.

внизу доски:

«друкарь книгь предтымь не виданныхь».

Дѣло книгопечатанія въ началѣ у насъ не было оцѣнено по всей своей важности. Задачу типографщика долго у насъ не отличали отъ менѣе важной задачи переписчика. Первые типографщики

наши были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми исправителями богослужебныхъ книгъ.

На мѣсто первыхъ типографщиковъ поступили ихъ прежніе сотрудники: Андроникъ Тимофѣевъ, прозваніемъ Невѣжа, и Никифоръ Тарасіевъ. Въ 1568 году они напечатали въ Московской типографіи Псалтырь въ 4 д. л. Въ послѣсловіи они замѣчаютъ, что «составили штанбу», т. е. набрали буквы и вставили ихъ въ печатальныя доски, по повелѣнію самаго царя, «къ очищенію и исправленію ненаученыхъ и неискусныхъ книгописецъ». Съ 1590 по 1592 г. они же напечатали двѣ Тріоди въ листъ: Постную и Цвѣтную. Въ 1594 году вышелъ Октоихъ и печатался два года.

Во время междуцарствія Трубецкой съ товарищами думали возстановить типографію. Въ 1612 году, когда еще Пожарскій былъ въ Ярославлѣ, бояре московскіе составили смѣту «сдѣлати два станы на фряжское дѣло со всѣмъ сполна, какъ въ нихъ печатати всякія книги». При этомъ случаѣ составлена роспись жалованья мастерамъ печатнаго дѣла. Любопытно, сколько въ то время получали жалованья эти мастера. Главному мастеру назначено въ годъ 15 рублей, 15 четвертей ржи и столько же овса; словолитцамъ по 10 рублей, да еще хлѣбнаго жалованія по 28 четвертей каждому.

Вначалѣ XVII вѣка церковныя книги до такой степени были наполнены погрѣшностями всякаго рода — грамматическими, логическими, догматическими, что это стали замѣчать многіе. Самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ говорили, что въ церковныхъ книгахъ было: «многое нѣкое и преизлишнее разгласіе, еже и къ заповѣдемъ Господнимъ не сличное стихословіе», отъ котораго возникало уже «всякое несогласіе и несостояніе въ церковномъ соединеніи».

Преподобный старецъ Арсеній, извѣстный дѣятель по исправленію книгъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, такъ характеризуетъ первыхъ нашихъ справщиковъ: «иные изъ нихъ едва и азбукѣ умѣютъ; а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбукѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя; а еже осьмь частей слова разумѣти, и къ симъ предстоящая, сирѣчь, роды и числа, и времена, званія же и залоги, то имъ ниже въ разумъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала... Божественная же писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не понудятся вѣдѣти».

Любопытна характеристика типографщика Логина, котораго патріархъ Филаретъ, въ окружной грамотѣ въ 1633 году, называетъ

«воромъ и бражникомъ». Въ житіи преподобнаго Діонисія объ этомъ справщикѣ говорится, что онъ, имѣя отличный голосъ, умѣлъ пѣть на семнадцать напѣвовъ, но только «хитрость грамматическую и философство книжное нарицалъ еретичествомъ». Преподобный Діонисій сказалъ ему однажды: «ты мастеръ всему, и что поешь и говоришь, того въ себѣ не разсудиши... только вопиши великимъ гласомъ: Аврааму и семени (вм. сѣмени) его до вѣка». Обличая укоренившуюся привычку довольствоваться только формою и не вникать въ смыслъ, Діонисій говорилъ: «Видишь ли, апостолъ Павелъ говоритъ: «воспою языкомъ, восхвалю же умомъ»; «если не знаю силы слова, какая изъ того польза? Быхъ яко кимвалъ», т.-е. всеравно бубенъ или колоколъ. Человѣкъ, не знающій смысла слова, которое произноситъ, похожъ на собаку, лающую на вѣтеръ; впрочемъ и умная собака не лаетъ напрасно, а подаетъ лаяніемъ вѣсть господину. Только безумный песъ, слыша издалека шумъ вѣтра, лаетъ всю ночь!»

Когда поляки выгнаны были изъ Москвы, и смута улеглась въ Московскомъ государствѣ,—на престолѣ сидѣлъ избранный народомъ государь Михаилъ Өеодоровичъ; первымъ дѣломъ его было возстановить книгопечатаніе: онъ приказалъ собрать бѣжавшихъ изъ Москвы печатниковъ и вызвалъ изъ Нижняго-Новгорода Никиту Фофанова и «повелѣ домъ печатный превеликій вновь состроити на древнемъ мѣстѣ». Приступивъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ, рѣшили передать это дѣло не самимъ типографщикамъ, а подчинить его знающимъ людямъ. Грамотою 8 ноября 1616 года царь поручилъ архимандриту Діонисію исправленіе «Требника», назначивъ ему помощниками старцевъ обители преподобнаго Сергія—Арсенія Глухаго, Антонія Крылова и священника Ивана Насѣдкина. Трудившихся въ исправленіи книгъ велѣно было снабжать всѣмъ нужнымъ отъ обители, облегчать во всемъ, чтобы дѣло исправленія шло скорѣе. И послѣ царскаго указа иные еще боялись приняться за исправленіе. Арсеній пишетъ: «Я, нищій чернецъ, говорилъ архимандриту Діонисію на всякъ день: Архимандритъ, откажи дѣло Государю, не сдѣлать намъ того дѣла въ монастырѣ безъ митрополичьяго совѣта, а привеземъ книгу изчерня въ Москву, и простымъ людямъ будетъ смутно».

Однако, поддерживаемый Насѣдкинымъ, Діонисій принялся за дѣло смѣло. Исправители имѣли при себѣ 20 списковъ пергаментныхъ и бумажныхъ; изъ нихъ нѣкоторые были 200-лѣтней давности. Между славянскими списками отличался списокъ митрополита Кипріана. Имѣя такія пособія, исправители усердно занимались дѣломъ исправленія. «Богъ свидѣтель, говоритъ Арсеній, безъ вся-

кія хитрости сидѣли полтора года день и ночь». При тщательномъ разсмотрѣніи исправители между прочимъ нашли: 1) прибавленія противъ старыхъ списковъ «Требника»; напримѣръ, въ чинѣ освященія воды на день Богоявленія Господня напечатано было въ молитвѣ: „Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ“. Послѣднее слово оказалось прибавкою. Въ древнихъ спискахъ этого слова не было. Любопытно, что въ одномъ изъ списковъ слово „огнемъ“ приписано было на поляхъ рукописи, а въ другомъ—поверхъ строки.

Такимъ образомъ видно, какъ мало-по-малу „ошибка“ или „прибавка“ внѣдряется въ текстъ книги.

Исправители исключили изъ молитвы слово «огнемъ».

Сознавая многочисленность и важность въ церковномъ отношеніи поправокъ въ служебникѣ, исправители рѣшили предварительно донести объ этомъ исправленіи царю и испросить согласія и совѣта высшей духовной власти. Архимандритъ Діонисій, съ исправленнымъ печатнымъ служебникомъ, самъ отправился въ Москву, въ 1618 году и представилъ исправленный служебникъ митрополиту Іонѣ. Но враги Діонисія и невѣжественные защитники прежнихъ ошибокъ обвинили исправителя въ ереси, и потому въ 1618 г. предали его суду. Діонисія обвиняли въ томъ, что «имя Святой Троицы велѣлъ въ книгахъ марать, и Духа святаго не исповѣдуетъ, яко огнь есть».

Четыре дня сряду призывали исправителя на патріаршій дворъ, потомъ дѣлали ему истязанія въ Вознесенскомъ монастырѣ. Не внимая никакимъ оправданіямъ, заключили всѣхъ исправителей въ оковы. Лихоимцы просили было съ архимандрита Діонисія 500 рублей, чтобы погасить дѣло. Но Діонисій отвѣчалъ: «Я денегъ не имѣю, да и дать не за что: худо для чернеца, если велятъ его разстричь, а достричь—сіе ему вѣнецъ и радость». Его поставили на правежъ въ сѣняхъ на патріаршемъ дворѣ, глумились надъ нимъ, плевали на него. Діонисій не падалъ духомъ, но смѣялся и шутилъ съ тѣми, которые ругались надъ нимъ: «Грозятъ мнѣ Сибирью, Соловками. Я не боюсь этого. Я тому радъ. Это мнѣ и жизнь». Діонисія 40 дней били и мучили и наконецъ увезли его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Такъ какъ всѣ дороги заняты были поляками, то его оставили въ Новоспасскомъ монастырѣ, назначивъ ему епитимію по 1000 поклоновъ въ день. Нерѣдко, особенно въ праздничные и торговые дни, митрополитъ Іона приказывалъ приводить Діонисія на патріаршій дворъ, и тамъ заставлялъ класть земные поклоны. Его привозили сюда верхомъ на клячѣ. Грубая чернь ругалась надъ нимъ и бро-

сала въ него грязью за то, что онъ хотѣлъ, по ихъ словамъ, «огонь вывесть изъ міра».

Раздражались противъ Діонисія особенно тѣ, которые, по роду своихъ занятій, постоянно обращались съ огнемъ, напримѣръ разнаго рода мастера, повара, кузнецы и т. п. Уважающіе его люди говорили: «Ахъ, какая надъ тобою бѣда, отче Діонисій!»—«Это не бѣда», говорилъ имъ Діонисій: «это притча надъ бѣдою. Это милость на мнѣ явилась: господинъ мой, первосвященный митрополитъ Іона паче всѣхъ человѣкъ говоритъ мнѣ добро».

Заточеніе Діонисія было непродолжительно: въ Москву пріѣхалъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ.

Филаретъ, по современнымъ извѣстіямъ, спрашивалъ Ѳеофана: «Есть ли въ вашихъ греческихъ книгахъ прибавленіе: и огнемъ? Ѳеофанъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, и у васъ тому быть непригоже; добро бы тебѣ, брату нашему, о томъ порадѣть и исправить, чтобы этому огню въ прилогѣ и у васъ не быть». Вслѣдствіе этого собранъ былъ соборъ. Призванный къ отвѣту, Діонисій болѣе 8 часовъ защищалъ правоту сдѣланныхъ исправленій въ напечатанномъ «Требникѣ»; онъ успѣлъ обличить всѣхъ своихъ противниковъ и съ торжествомъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ продолжалъ «искать красоты церковной и благочинія братскаго». Митрополитъ и архіепископы цѣловали его въ знакъ мира и любви. Впрочемъ, Филаретъ Никитичъ не былъ еще успокоенъ доказательствами Діонисія и свидѣтельствомъ Ѳеофана; онъ говорилъ послѣднему: «Тебѣ бы, пріѣхавъ въ Греческую землю и посовѣтовавшись съ своею братіею, вселенскими патріархами, выписать изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ, какъ тамъ написано». Въ ожиданіи разрѣшенія своихъ недоумѣній, приказалъ печатать исправленный Діонисіемъ «Требникъ» съ оставленіемъ въ молитвѣ на день Богоявленія словъ: «и огнемъ». Но тутъ же на поляхъ припечатано было: «быти сему глаголанію до Соборнаго указу».

Въ 1625 г. апрѣля 5 привезены были грамоты отъ патріарха Герасима Александрійскаго и Ѳеофана Іерусалимскаго и переводы изъ древнихъ греческихъ Требниковъ, скрѣпленные ихъ подписью. Тогда только Филаретъ предписалъ наконецъ исключить изъ молитвы слова: «и огнемъ».

Въ половинѣ XVII вѣка вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ возникъ снова, и на этотъ разъ послужилъ причиною возникновенія раскола въ православной церкви. Искаженіе книгъ особенно было распространено при патріархѣ Іосифѣ, съ 1642—1652 годъ.

«И бысть всѣхъ книгъ, говоритъ митрополитъ Тобольскій

Игнатій, вкупѣ 6,000. И всю Россію оный смрадъ подхне и заразн».

По просьбѣ патріарха Никона царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году созвалъ въ Москвѣ соборъ изъ высшаго духовенства, которому предложенъ былъ на разсмотрѣніе вопросъ: слѣдовать ли новымъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ? На это всѣ единогласно отвѣчали: «достойно и праведно исправити противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ».

Патріархъ Никонъ.

«Патріархъ Никонъ, пишетъ митрополитъ Макарій, отнюдь не навязывалъ собору своихъ мыслей; онъ только напоминалъ своимъ сопастырямъ, отцамъ собора, ихъ священный долгъ хранить неизмѣнно все переданное святыми апостолами, святыми соборами и святыми отцами... а потомъ указалъ нѣкоторыя новины въ нашихъ тогдашнихъ книгахъ и церковныхъ обычаяхъ».

Изъ всего собора только одинъ епископъ Коломенскій Павелъ,

не согласился признать указанные Никономъ обряды новизнами, о чемъ и заявилъ въ своей подписи подъ соборнымъ уложеніемъ. Никонъ послалъ грамоту къ царьградскому патріарху Паисію, съ изложеніемъ признанныхъ нашимъ соборомъ новинъ, прося разсудить вмѣстѣ съ прочими патріархами и архіереями о замѣченныхъ въ нашихъ книгахъ разностяхъ, причемъ упомянулъ, что неученые люди считаютъ эти новины истиной и тѣмъ производятъ смуту и возжигаютъ ненависть. Въ то-же время царь и патріархъ приказали собрать изъ монастырскихъ книгохранилищъ древнія харатейныя рукописи и отправили Арсенія Суханова на Аѳонъ и другія мѣста востока за греческими книгами; тамошніе монастыри, въ томъ числѣ и русскій, прислали съ нимъ 500 книгъ; между ними были такія, которымъ считалось 1050, 700, 600, 500 и 400 лѣтъ. Для сличенія вновь привезенныхъ книгъ съ нашими, призваны были люди, хорошо знакомые со славянскимъ и греческимъ языками: напримѣръ, іеромонахъ Епифаній Славеницкій—изъ Кіевобратскаго училища, келарь Сергіевской лавры Арсеній Сухановъ, архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій и старецъ Арсеній Грекъ.

Никонъ созвалъ новый соборъ, на которомъ присутствовали два патріарха—Антіохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ.

На этомъ соборѣ Макарій заявилъ о недостаткахъ и новизнахъ въ русской церкви и обрядахъ, причемъ занялись разсмотрѣніемъ греческихъ и славянскихъ рукописей и «обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ съ греческими и славянскими древними—многая несогласія и погрѣшности».

При этомъ соборъ постановилъ напечатать исправленный уже по древнимъ книгамъ «Служебникъ», и приступилъ къ исправленію прочихъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ находились погрѣшности.

Издатели «Служебника» 1655 года имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, «лукавство исчезе, неправда отгнана бысть, лжа истребися, вмѣсто же сихъ—истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ».

Однако многіе были недовольны исправленіемъ книгъ. Кромѣ упомянутаго выше епископа Павла, особенною привязанностью къ старымъ книгамъ заявилъ себя Нероновъ, попъ Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ и въ особенности протопопъ Аввакумъ.

Всѣ они подозрѣвали въ новинахъ латинскія тенденціи. Многіе изъ простонародья были также противъ Никоновскихъ новшествъ.

Антіохійскій патріархъ Макарій съ дороги изъ Макарьевскаго желтоводскаго монастыря писалъ въ Москву къ патріарху Іосифу. «Въ здѣшней странѣ много раскольниковъ и противниковъ, не только между невѣждами, но и между священниками».

Что-нибудь исправить въ церковно-богослужебной книгѣ, значило: «загладить великій догматъ премудрости». «Дрожь великая поимала и ужасъ напалъ на меня, говоритъ писецъ Михаилъ Медоварцевъ, когда преподобный Максимъ Грекъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ.

Протопопъ Аввакумъ, вопреки канонамъ церкви, устроилъ самовольно особую молельню на сушилѣ и переманивалъ туда богомольцевъ изъ Казанскаго собора, говоря, что «въ нѣкоторое время и конюшня де иныя церкви лучше».

Аввакумъ сосланъ былъ въ Пустозерскій острогъ на Печорѣ— вмѣстѣ съ его сообщниками—дьякономъ Ѳеодоромъ и попомъ Лазаремъ. Держали ихъ тутъ въ строгомъ отдаленіи отъ внѣшняго міра. «Осыпали насъ землею», разсказываетъ протопопъ: «срубъ въ землѣ, и паки около земли другой срубъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками, стражіе же предъ дверьми стражаху темницы». Все это не помѣшало однако узникамъ написать цѣлый рядъ посланій и догматическихъ сочиненій, которыя они черезъ стражу же, мало-по-малу перешедшую на ихъ сторону, распространяли между своими единомышленниками.

Когда пустозерскія посланія достигли до властей, преслѣдованія неисправимыхъ расколоучителей усилилось: Аввакума посадили въ отдѣльный срубъ, врытый въ землю, на хлѣбъ и на воду, а дьякону Ѳедору и попу Лазарю, за ихъ рѣзкія выраженія повырѣзали языки.

Четырнадцать лѣтъ провелъ Аввакумъ въ Пустозерскѣ, не отказываясь ни на іоту отъ своихъ убѣжденій. Въ 1681 году онъ написалъ письмо къ царю Ѳедору Алексѣевичу, въ которомъ онъ обращается къ царю съ такою просьбою: «а что царь-государь, кабы ты мнѣ волю далъ, волю, я бы ихъ (никоніанцевъ), что Илія пророкъ всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ, чаю... Перво-бы Никона, собаку, разсѣкли на четверо, а потомъ бы никоніанъ». Но этого мало, Аввакумъ начинаетъ поносить память Алексѣя Михайловича, за что и присужденъ былъ къ сожженію на кострѣ вмѣстѣ со своими «соузниками». «1 Апрѣля 1681 г., сообщаетъ Мельниковъ на основаніи раскольничьей литературы, построили въ Пустозерскѣ срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и

Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги.

На казнь собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли— замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: «вотъ будете этимъ крестомъ молиться—во вѣкъ не погибнете, а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ»! Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли.

На одной изъ далекихъ окраинъ Россіи, въ Поморьѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, въ 1657 году, вспыхнуло открытое возмущеніе по поводу исправленныхъ книгъ. Когда туда проникли новые служебники, то «черный соборъ», съ митрополитомъ во главѣ были не довольны ими: «встали новые учители и отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ».

Монахи послали царю челобитную, которую мы и приводимъ ниже, какъ образецъ стариннаго слога.

«Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Варсонофій, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и больнишная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ *архимаритъ* Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ, и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, а преданія великихъ святыхъ Апостолъ и св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватій и Германъ и преосвященный Филиппъ митрополитъ, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы чрезъ преданія св. Апостолъ и св. отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ по новому преданію, вмѣсто *Ісуса* написано съ приложеніемъ излишней буквы *Іисусъ*, чего страшно намъ грѣшнымъ не точію приложити, но и помыслити» и т. д. Милосердый государь! помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели *архимариту* Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа преданіе нарушить, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врознь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безмодства не запустѣть».

Алексѣй Михайловичъ, получивъ челобитную, хотѣлъ воздѣйствовать на монаховъ мѣрами кротости и послалъ увѣщаніе. Но монахи были непреклонны и послали въ отвѣтъ: «Вели, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе».

И Алексѣю Михайловичу пришлось дѣйствительно прибѣгнуть къ силѣ.

Пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей обители, монахи цѣлые 20 лѣтъ отсиживались за стѣнами ея отъ царскихъ воеводъ, пока наконецъ въ 1676 году не были усмирены окончательно. Главнѣйшіе мятежники были повѣшены.

При царевнѣ Софіи споры изъ-за старыхъ книгъ возникли съ новою силою, и при томъ не гдѣ-нибудь на далекой окраинѣ, какъ мы видѣли напримѣръ въ Соловкахъ, а въ самомъ центрѣ государства, въ Москвѣ.

Раскольники, опираясь на стрѣльцовъ, благодаря которымъ Софья захватила въ свои руки царскую корону, рѣшили подать челобитную, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ, за что они старыя книги возненавидѣли?

Рѣшено было подать челобитную отъ имени стрѣльцовъ. Но среди ихъ не нашлось ни одного человѣка, который бы съумѣлъ составить челобитную: «во воинѣхъ таковыхъ вѣдцевъ святыхъ писаній, кіи бы могли сію добрѣ сочинити и отвѣтъ дати патріарху и прочимъ архіереомъ, не обрѣталось». Послѣ долгихъ поисковъ, стрѣльцы обратились «къ ревнителю отеческихъ преданій, къ твердому адаманту» монаху Сергію. «Подвигнемся!», отвѣчалъ имъ Сергій. Сочинили челобитную и прочитали стрѣльцамъ: «и вси со ушіи ту прилежно слушаху, мнози же и плакаху», такъ какъ «во днѣхъ своихъ такого изряднаго слогу и толикаго описанія въ новыхъ книгахъ ересей отнюдь доселѣ не слыхали».

Для обсуденія вопроса о старыхъ и новыхъ книгахъ, раскольники требовали торжественнаго собора на Лобномъ мѣстѣ или въ Кремлѣ, межъ соборами, у Краснаго Крыльца—предъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи патріарха и властей. Съ своей стороны главнымъ оппонентомъ раскольники выставили извѣстнаго Никиту Пустосвята, премудраго книжника и искуснаго совопросника, противъ котораго архіереи не могутъ ни мало глаголати: «той вскорѣ уста имъ заградитъ, и прежде сего ни единъ изъ нихъ не можаше противу его стати, но яко листіе падоша».

5 іюля 1682 года и происходило въ московскомъ кремлѣ знаменитое преніе о старыхъ и новыхъ книгахъ, исправленныхъ Никономъ.

Рано утромъ раскольники отпѣли молебенъ, благословились у отца Никиты, взяли крестъ, евангеліе, образъ Богородицы, страшнаго суда, старыя книги, зажгли свѣчи и торжественно отправились въ Кремль, сопутствуемые огромною толпою народа. Давка была страшная. Въ толпѣ раздавались похвалы раскольничьимъ монахамъ и священникамъ. Болѣе всего нравились ихъ старинные клобуки, надвинутые на глаза, ихъ постническій видъ. «Не толсты брюхи-то у нихъ, не какъ у нынѣшнихъ учителей!» говорили въ толпѣ. Раскольничій крестный ходъ остановился у Архангельскаго собора. Здѣсь разставили налои, разложили на нихъ иконы, книги, зажгли свѣчи и начали проповѣдывать противъ Никоновскихъ новшествъ. Патріархъ въ это время со страхомъ и со слезами на глазахъ служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ.

По окончаніи молебна патріархъ выслалъ къ народу протопопа Василія съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту. Но раскольники побили протопопа.

Главари раскола требовали публичнаго обсужденія старыхъ и новыхъ книгъ. Патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ, что пусть раскольники войдутъ въ Грановитую палату, но раскольники боялись, не устроена ли тутъ для нихъ ловушка; кромѣ того они чувствовали себя сильными среди народа, на площади: «Пусть патріархъ свидѣтельствуетъ книги передъ всѣмъ народомъ, а мы въ палату не пойдемъ», говорили они. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ препирательствъ раскольники согласились войти въ Грановитую палату.

Учинивши на Красномъ крыльцѣ кулачную потасовку съ православными священниками, раскольники шумною пестрою толпою ринулись въ зало и начали хозяйничать, какъ на площади: разставили налои, разложили книги, зажгли свѣчи, не обращая вниманія на присутствовавшія здѣсь власти.

Кромѣ патріарха тутъ на царскихъ тронахъ возсѣдали Софья Алексѣевна, тетка ея Татьяна Михайловна, Наталья Кириловна и Марья Алексѣевна.

Преніе началось:

Патріархъ спросилъ: «Зачѣмъ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?»

— Мы пришли бить челомъ объ исправленіи православной вѣры, отвѣтилъ Никита.

Патріархъ сказалъ: «Не подобаетъ вамъ исправлять церковныя дѣла; а книги исправлены съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую онъ содержитъ въ себѣ силу!»

— Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ!—возразилъ Никита.

За патріарха сталъ отвѣчать Холмогорскій епископъ Аѳанасій.

— Ты, нога, становишься выше головы; я говорю не съ тобою, а съ патріархомъ! — закричалъ на него Никита и «отведе его малою рукою», какъ деликатно выражается раскольничій писатель. На самомъ-же дѣлѣ Никита ударилъ архіерея по лицу. Царевна Софья поднялась съ трона и сказала: «Видите, что Никита творитъ, при насъ архіерея бьетъ!» Затѣмъ стали читать челобитную, писанную на двадцати столбцахъ.

Когда челобитная была прочитана, патріархъ взялъ въ одну руку евангеліе, писанное митрополитомъ Алексѣемъ, въ другую соборное дѣяніе патріарха Іереміи съ исправленнымъ символомъ вѣры: «вотъ старыя книги, сказалъ Іоакимъ, и мы имъ вполнѣ послѣдуемъ!»

Потомъ выступилъ какой-то священникъ «чрево веліе имый», и въ доказательство неисправностей любимыхъ раскольниками изданій, вычиталъ изъ книги, изданной при патріархѣ Филаретѣ—разрѣшеніе на сыръ и мясо въ великій четвертокъ и великую субботу. Доказательство было чрезвычайно убѣдительно. Чреватый попъ попалъ прямо въ цѣль. Никита, до сихъ поръ молчавшій, снова разразился бранью: «Книгу эту печатали такіе же плуты, какъ и вы!»

Споръ ни къ чему не привелъ. Раскольники, выходя изъ палаты на площадь, кричали народу: «Мы всѣхъ архіереевъ препрѣхомъ и посрамихомъ!»

Опасаясь народнаго возмущенія, царевна Софія приказала Никиту Пустосвята казнить: ему отрубили голову.

Для исправленія церковныхъ книгъ при Московской типографіи организована была такъ называемая «правильня». Въ помѣщеніи печатнаго двора устроена была особая палата, называвшаяся «правильнею». Къ «правильнѣ» прилегала библіотека, или книгохранительная палата, въ которую сдавались книги и рукописи, необходимыя для исправленія книгъ, приготовляемыхъ къ изданію. Здѣсь же между прочимъ хранились и такъ называемыя «кавычныя книги», т. е. тѣ подлинники, на которыхъ дѣланы были корректурныя поправки и замѣтки справщиковъ. Печатный приказъ относился очень внимательно къ вопросу о снабженіи «правильни» необходимыми пособіями для справы и тратилъ значительныя суммы на пріобрѣтеніе книгъ, нужныхъ для перевода. Такъ напримѣръ, 190 года сентября въ 9 день, по указу великаго господина Іоакима, патріарха московскаго... «взята книга

уставъ въ переплетѣ изъ Зачатейскаго монастыря, выходу 141 г., а быть той книгѣ на книжномъ дворѣ въ книгохранильной палатѣ, а у нихъ та книга лишняя. А денегъ указалъ пять рублей за книгу житіе Николая чудотворца».

Исправленія дѣлались чернилами и киноварью, ихъ помѣщали надъ текстомъ или на поляхъ книги, а тамъ, гдѣ приходилось дѣлать большія измѣненія и вставки, ихъ записывали на особыхъ листахъ, которые приклеивались къ книгѣ.

Статьи и мѣста, подлежавшія исключенію, зачеркивались киноварью, иногда съ объясненіемъ на поляхъ причины. По окончаніи «справы» приступали къ печатанію книги: оно происходило по указу Государя и по благословленію патріарха. Предъ началомъ печатанія каждой книги служили молебенъ, при этомъ священникамъ выдавали за молебенъ «по гривнѣ», а мастеровымъ людямъ, приступавшимъ къ печатанію, наборщикамъ по 4, а прочимъ по 2 деньги «на калачи». Этотъ обычай продолжался до конца XVII вѣка.

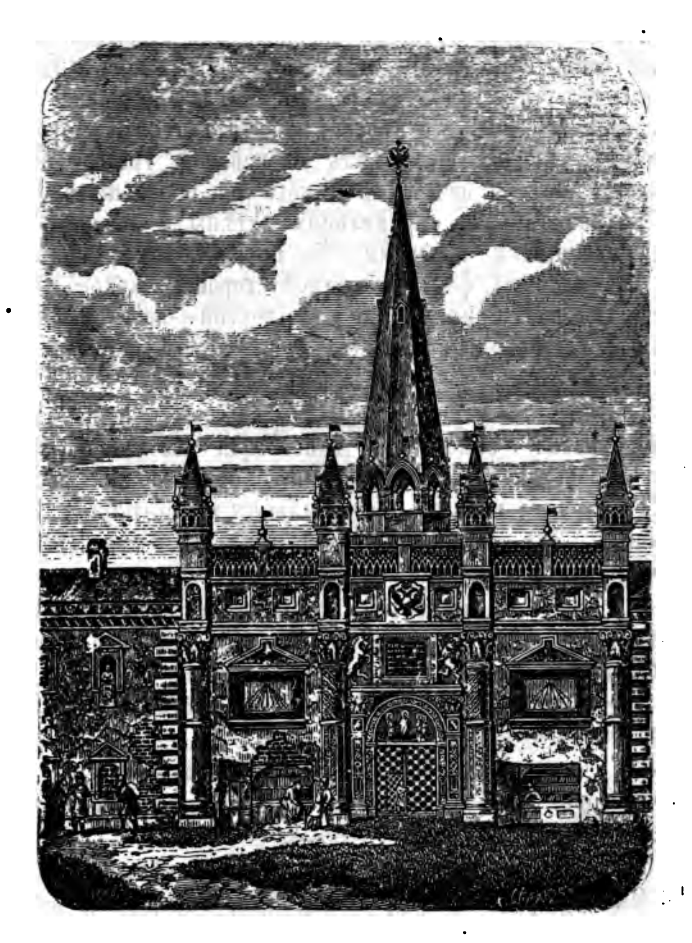
Въ «правильню», втеченіе XVI и XVII вѣковъ, для исправленія книгъ выбирали, по словамъ царской грамоты 1616 года, людей «духовныхъ и разумичныхъ, которые подлинно и достохвально извычни книжному ученію и граматику и исторію умѣютъ».

Въ теченіи XVII вѣка въ званіи типографскихъ справщиковъ были почти всѣ передовые люди того времени, напримѣръ: Арсеній Глухой, Сильвестръ Медвѣдевъ, Епифаній Славеницкій и т. д. Въ 1653 году, по повелѣнію патріарха Никона, для типографской правильни была составлена и передана въ правильню московской типографіи особая подробная опись монастырскимъ библіотекамъ «того ради, чтобы было вѣдомо, гдѣ которыя книги взяти—книгъ печатнаго дѣла исправленія ради».

По отпечатаніи книги, извѣстное количество экземпляровъ оставлялось для поднесенія государю, членамъ царской семьи и патріарху. Кромѣ того, безплатные экзмпляры выдавались также и справщикамъ. Затѣмъ оставшіяся экземпляры обращались въ продажу для публики, по цѣнѣ, которая назначалась «по указу великаго Государя». По выходѣ изъ печати устава, въ 1641 году, положено было, напримѣръ, «имѣть за продажныя 1131 книгу по 2 рубля 23 алтына 2 деньги книга въ тетратѣхъ опричь тѣхъ денегъ, что поднесено государю царю и великому князу Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи—девять книгъ по образцу золоченыхъ и въ простомъ переплетѣ. Да въ приказъ большаго дворца государеву казну—50 книгъ въ тетратѣхъ безденежно.

Да Государева жалованья дано книжнымъ справщикамъ: двумъ

протопопамъ да ключарю, да старцу Савватію, да діакону Ивану, да Шестому (фамилія) шесть книгъ въ тетратехъ безденежно. Да исправщикамъ—кавычная книга. А противу выходу 1200 книгъ стали въ дѣлѣ по 2 рубля по 18 алтынъ по 3 деньги съ полушкою книга въ тетратяхъ».



Московская типографія.

Патріархъ Іоакимъ установилъ еще новую цензуру передъ выходомъ книги изъ типографіи до выпуска ея въ обращеніе. Цензура состояла въ томъ, что новоизданную книгу прочитывали въ «крестовой полатѣ» въ присутствіи патріарха, и уже послѣ этого, если

не оказывалось никакихъ препятствій, книгу преподносили государю и патріарху.

По выходѣ книги въ свѣтъ, подводили итоги сдѣланнымъ исправленіямъ.

Во время патріарха Іосифа московская типографія достигла такого цвѣтущаго состоянія, что, по свидѣтельству иностранцевъ, могла стоять на ряду съ лучшими европейскими учрежденіями этого рода. Самое зданіе типографіи отличалось изяществомъ и роскошью архитектуры—въ русскомъ стилѣ. На фасадѣ рѣзныхъ воротъ изображенъ былъ «левъ и единорогъ»: этотъ гербъ употреблялся и на книгахъ, выходившихъ изъ Московской типографіи. Эта эмблема появилась на печати съ самаго ея основанія. Особенно роскошно отдѣлана была «правильня»: стѣны и потолокъ расписаны были масляными красками. На потолкѣ изображенъ сводъ небесный: на голубомъ фонѣ—съ одной стороны золотое солнце съ серебряными и золотыми лучами, а съ другой—золотой мѣсяцъ на серебряныхъ облакахъ: остальное пространство потолка усѣяно звѣздами.

Чрезъ 6 лѣтъ по учрежденіи свят. синода, именно въ 1727 году, петербургская синодская типографія Александро-Невскаго монастыря переведена была въ Москву, и тогда древняя Московская типографія получила названіе *Синодальная типографія*. Значеніе ея съузилость: она получила право печатать, подъ вѣдѣніемъ синода, однѣ только церковныя книги.

Въ 1810 году, за ветхостію зданія типографіи, нужно было приступить къ сломкѣ старинныхъ палатъ. Духовное начальство настаивало, чтобы новое зданіе сооружено было по образцу прежняго, въ особенности, чтобы сохранены были прежнія ворота, «яко древностію ознаменованныя».

Въ 1811 году зданіе Синодальной типографіи въ Москвѣ отстроено заново... въ готическомъ вкусѣ. Въ основаніе положена мѣдная доска съ надписью:

«Божіею милостію, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича, Самодержца всероссійскаго, Монарха кроткаго, милосердаго отца своихъ поданныхъ, къ славѣ великой имперіи, къ чести своего вѣка, къ украшенію древней столицы, положено дома сего для печатанія книгъ духовныхъ основаніе въ лѣто отъ сотворенія міра 7319, отъ Рождества Христова 1811, благополучнаго же Его Императорскаго Величества царствованія въ 11 лѣто».

Въ 1815 году зданіе было окончено и открыто.

Въ 1865 году въ Московской Синодальной типографіи праздновалась трхсотлѣтняя годовщина напечатанія первой книги въ Москвѣ.

Въ этой типографіи хранится, какъ драгоцѣнность, печатный станокъ Петра Великаго, и на этомъ самомъ станкѣ, въ 1864 году, печатались билеты, разсылавшіеся отъ Синодальной типографіи къ разнымъ лицамъ съ приглашеніемъ на торжество.

На окраинахъ Россіи книгопечатаніе появилось позднѣе. Начало печати въ Сибири относится къ 1789 году, т. е. спустя почти $2^1/_4$ столѣтія съ того времени, когда книгопечатаніе возникло въ Москвѣ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появилось книгопечатаніе въ Сибири.

Петръ I не разрѣшилъ открытія типографіи въ Сибири Филофею Лещинскому, обращавшемуся къ нему въ 1705 году съ челобитной.

Благодаря закону, предоставлявшему воможность широкаго развитія типографской дѣятельности въ царствованіе Екатерины II, начали заводиться типографіи во многихъ городахъ. Въ 1789 году послѣдовало открытіе въ Тобольскѣ перваго печатнаго станка въ Сибири. Эта первая сибирская типографія принадлежала Тобольскому 1-й гильдіи купцу Василію Корнильеву, владѣвшему кромѣ того бумажной фабрикой, устроенной близь Тобольска, издѣлія которой покупались всѣми присутственными мѣстами Тобольскаго намѣстничества: на этой бумагѣ печатались изданные въ свѣтъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Тобольскѣ книги и журналы. Объ открытіи сибирской типографіи Тобольское намѣстническое управленіе извѣщало печатнымъ указомъ 5 апрѣля 1789 года, несомнѣнно бывшимъ первымъ оттискомъ сибирскаго печатнаго станка.

Указъ Тобольскаго намѣстнаго правленія разосланъ былъ во всѣ присутственныя мѣста и учрежденія намѣстничества.

Первой, печатанной въ типографіи Корнильева книгой, а слѣдовательно и первой книгой, вышедшей въ свѣтъ изъ подъ типографскаго сибирскаго станка, какъ это видно изъ указа Тобольскаго намѣстнаго правленія, извѣщавшаго объ открытіи типографіи, была переведенная съ французскаго языка англійская повѣсть: «Училище любви». Съ перваго же года открытія вольной типографіи въ Сибири, сталъ издаваться въ Тобольскѣ и первый періодическій ежемѣсячный журналъ: «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», подписная цѣна 3 рубля. Въ 1790 году журналъ имѣлъ 186 подписчиковъ, въ 1791 году—106 подисчиковъ, и затѣмъ журналъ прекратился. Неразошедшіеся въ продажѣ экземпляры «Иртыша» раздавались въ награду отличившимся ученикамъ Тобольскаго главнаго народнаго училища, въ силу устава: «отличившимся въ наукахъ—

раздавать каждому изъ сихъ отличившихся по учебной книгѣ въ хорошемъ переплетѣ».

Такъ какъ, вслѣдствіе плохой подписки на журналъ, ежемѣсячныхъ выпусковъ осталось много, то, въ отвращеніе гибели отъ мышеядья, оставшіеся экземпляры переплетены были заразъ и потомъ впродолженіе долгаго времени служили наградами для отличившихся въ успѣхахъ учениковъ.

Въ самое послѣднее время, съ расширеніемъ русскаго владычества въ Средней Азіи, книгопечатаніе проникло въ Закаспійскій Край, гдѣ въ 1886 году въ Асхабадѣ открыта впервые — типографія.

Чтобы показать, какіе успѣхи сдѣлало русское печатное дѣло, со времени Ивана Федорова, т. е. свыше, чѣмъ за 300 лѣтъ, приведемъ слѣдующую небезъинтересную таблицу о количествѣ типографій въ Россіи въ 1885 году по губерніямъ:

Архангельская	1	типографія	Оренбургская	1	"
Астраханская	3	"	Олонецкая	5	"
Бессарабская	8	"	Орловская	13	"
Виленская	17	"	Пензенская	3	"
Витебская	7	"	Пермская	20	"
Владимірская	6	"	Подольская	13	"
Вологодская	4	"	Полтавская	12	"
Волынская	7	"	Псковская	5	"
Воронежская	8	"	Рязанская	13	"
Вятская	11	"	Самарская	8	"
Гродненская	1	"	Петербургская	62	"
Область войска Донскаго	11	"	Саратовская	6	"
Екатеринославская	12	"	Симбирская	5	"
Казанская	9	"	Смоленская	3	"
Калужская	2	"	Таврическая	8	"
Кіевская	12	"	Тамбовская	8	"
Ковенская	6	"	Тверская	15	"
Костромская	4	"	Тульская	—	"
Курляндская	5	"	Уфимская	4	"
Курская	9	"	Харьковская	16	"
Лифляндская	27	"	Херсонская	9	"
Минская	7	"	Черниговская	9	"
Могилевская	5	"	Эстляндская	11	"
Московская	30	"	Ярославская	3	"
Нижегородская	1	"			
Новгородская	9	"	Итого	474	типографіи.

Въ настоящее время общее количество типографій должно быть еще больше. Такъ напримѣръ, въ Петербургѣ теперь уже насчитывается 125 типографій.

КНИГОПЕЧАТНОЕ ДѢЛО ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Введеніе Петромъ Великимъ гражданскаго шрифта. — Геометрія — первая книга, отпечатанная гражданскимъ шрифтомъ.—„Приклады, како пишутся комплементы".—Переводная литература.—Петръ Великій основываетъ въ Россіи газету.—Первая печатная ариѳметика въ Россіи—Магницкаго.— Петръ Великій вводитъ математику въ сферу народнаго образованія. — Когда введены въ Россіи арабскія цифры?—Слово на похвалу Петра Великаго, Ѳеофана Прокоповича.

До Петра Великаго книги въ Россіи печатались церковно-славянскимъ шрифтомъ, неудобнымъ по своей сложности. Этотъ шрифтъ назывался тогда церковнымъ, евангельскимъ, кутеинскимъ и прочими именами. Петръ создалъ новый, такъ называемый, гражданскій шрифтъ, которымъ и понынѣ печатаются всѣ книги, кромѣ церковныхъ. Вотъ что пишетъ Третьяковскій касательно введенія гражданскаго шрифта въ Россіи. «Петръ Великій, оный вѣчныя славы и безсмертныя памяти Государь, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, когда, по данному себѣ отъ Божія престола просвѣтченію, восхотѣлъ въ нынѣшнее сіяютчее состояніе преобразить свою Россію: то между прочими прехвальными новыми учрежденіями и заведеніями не оставилъ и того, чтобъ ему не приложить старанія своего и о фигурѣ нашихъ буквъ.

Видя толь красную печать въ европейскихъ книгахъ, потщался и нашу также той сдѣлать подобную. Того ради повелѣлъ написать образецъ азбуки нашея. По подтвержденіи онаго, указалъ послать въ Голландію, а именно въ Амстердамъ, и тамъ точно по образцу вылить новую оную азбуку для гражданскія печати. Вылита оная и привезена въ Москву... не прежде 1708 года. Прекрасная была сія самая первая печать: кругла, мѣрна, чиста. Словомъ, совершенно уподоблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется». Нѣкоторыя буквы были латинскія, напримѣръ, g, n, m (т.-е. д, п, т): «сіе очамъ россійскимъ, по выраженію Третьяковскаго, сперва было дико и дѣлало нѣкоторое затрудненіе въ чтеніи, особливо-жъ такимъ, которые и старую московскую печать съ превеликою запинкою читаютъ».

Изъ Славяно-русской азбуки выключены были буквы: *земля* (вмѣсто нея осталось зѣло) *иже*, *икъ*, *отъ*, *э*, *пси*, *юсъ* и *ижица*. Съ 1716 г. введено опять въ азбуку *иже*, а съ 1718 г.—*ижица*. Съ 1735 г. *земля* вмѣсто *зѣла*, а *ижица* и *кси* отставлены, буква Э оборотное также введена, «хотя форма сея буквы ешче съ повреждения Кирилловскаго алфавита началась, а намъ стала быть вѣдома, какъ скоро Мелетiевская граматика вышла въ свѣтъ». (Тредiаковскiй).

Первою книгою, отпечатанною гражданскимъ шрифтомъ, считается „Геометрiя“, изданная подъ слѣдующимъ титуломъ:

Петръ Великiй.

„Геометрiя, славянски землемѣрiе. Издадеся новотипографскимъ тисненiемъ. Повелѣнiемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержца, при благороднѣйшемъ Государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Въ лѣто мiрозданiя 7216. Отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1708, индикта перваго, мѣсяца марта“.

„Геометрiя“ напечатана со многими рисунками и чертежами. На второй страницѣ—гравюра, гдѣ изображенъ юноша, котораго два мудреца ведутъ въ храмъ науки. На верху гравюры—аллегрическое изображенiе славы, трубящей въ трубы.

ГЕОМЕТРІА

СЛАВЕНСКІ

ЅЕМЛЕМѢРІЕ

Іздадеся новотипографскимъ тісненіемъ.

повелѣніемъ благочестівѣйшаго велікаго государя нашего царя, і велікаго князя,

Петра Алексіевіча,

всея велікія, і малыя і бѣлыя россіи самодержца.

прі благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевічѣ і велікомъ князѣ

АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.

въ царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ.

Въ лѣто міроздания 7216 отъ рождества же по плоті бога слова 1708 індикта перваго. мѣсяца Марта.

Геометрія, 1708 года, первая книга гражданской печати.

На третьей страницѣ трактуется о геометріи вообще:

„Геометрія есть слово греческое, на русскомъ же языкѣ, есть оное землемѣріе, і художество, поля ізмѣряті".

На восьмой страницѣ разсказывается о происхожденіи Геометріи (о начатіи мѣры художествія): Ради годоваго разліянія велікія рѣкі Ніла во егіптѣ, онаго же всѣ сосѣдственныя пашни, поля і луга потопляліся, порубежные знакі, полевыя прімѣты вырывалісь, і межевыя рвы тако наносомъ і пескомъ наполнялісь, что съ трудомъ по спаденіі оноі, всякоі владѣтель свое ему прінадлежащее добро, і полевую землю познати і отъ прочіхъ отдѣліті могъ, ізъ чего часто немалые споры между владѣтели бываютъ. І дабы отъ такихъ ссоръ ізбавітісь, і что бы впредь оныя не водворялісь, тщаліся егіптяне землемѣрію, таковымъ убо ревнітельствомъ что нехотя пріобычаіномъ остатісь, но тако оное высоко вознесли і украсілі сіе іскуство такимі многімы правілы і вымышленіі, что вселенная потомная о томъ удівляется і мѣры художествіе надъ всѣмі іскуствы почітаетъ.

Какъ высоко онуую Грекі почіталі, і общеі пользѣ за надобно ізбралі, то показалъ Платонъ філософъ надпісаніемъ сего пісма на дверяхъ учіліщя:

Неразумѣяі землемѣрія да не внідетъ во учіліще.

Для примѣра приведемъ изъ „Геометріи" обращикъ математическихъ опредѣленій. На страницѣ десятой въ главѣ подъ названіемъ: „істолкованіе нѣкоторыхъ словъ, яже обычаіно прі математическіхъ іскуствіяхъ употребляются", значится:

Пунктъ, есть мнѣішая точка, о неі же мысліти возможно, і не можетъ вяще мнѣіші раздѣлена быті, ілі въ неі же намъ здѣ не надлежитъ какова дѣленія прімѣчаті. А раді недовольноі остроты очесъ оная іногда довольно веліка.

Если стоитъ пунктъ посреди круга, то называется centrum.

Пунктъ касательныі, есть тоі, когда прямая лінія мимо їдучі въ одномъ мѣстѣ до круга докоснется, а не прорѣжетъ, сіе мѣсто называется пунктъ касательный.

Книга распадается на слѣдующія части: 1) О Геометріи вообще; 2) Общественныя знаемости; 3) Обѣщанія или допущенія (напримѣръ, обѣщается каждому свободно данную прямую линію продолжити, коль долго похощешь, токмо бы мѣста свободнаго довольно было); 4) Первая книга о предлогахъ (задачахъ) линейныхъ 5) вторая книга о плоскихъ фигурахъ 6) книга третья о вписательныхъ фигурахъ 7) четвертая книга о кругомъ описанныхъ фигурахъ 8) пятая книга о пропорціональныхъ линіяхъ 9) шестая книга о корпусахъ или тѣлесахъ.

Въ концѣ „Геометріи", на обложкѣ, имѣется слѣдующая надпись, начертанная старинной каллиграфіей.

„Сія книга лейбъ Гвардіи Семеновскаго полку каптенармуса Аполона Хомутова. Подписалъ своею рукою 1745 года, ноября 5 дня".

Благодаря тому, что эта книга рѣдкая, случайный собственникъ ея, каптенармусъ Хомутовъ, вмѣстѣ съ книгою, передалъ свое имя для отдаленнаго потомства: позднѣйшій библіографъ съ любопытствомъ будетъ читать эту надпись, какъ уцѣлѣвшую эпитафію на древнемъ могильномъ памятникѣ.

«Геометрія» была не что иное, какъ русскій переводъ нѣмецкаго учебника, изданнаго въ Аугсбургѣ, въ 1690 г.

Касательно введенія въ Россіи гражданскаго шрифта, а также и первой книги, отпечатанной этимъ послѣднимъ,—въ московской типографской конторѣ, въ бумагахъ, имѣлись слѣдующія любопытныя данныя:

«Въ ономъ 1708 году Генваря въ 1-е Великій Государь Царь и Великій князь Петръ Алексѣевичъ вся великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ по именному своего Великаго Государя указу—присланнымъ Голландскія земли города Амстердама книжнаго печатнаго дѣла мастеровымъ людямъ наборщику Индриху Силбаху, тередорщику и батыйщику Ягану Фоскулу да словолитцу Антону Демей, тако жь которые съ нимъ словолитцемъ присланы—сдѣлать новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ три азбуки съ пунсоны и матрицы и формы, да два стана на ходу со всякимъ управленіемъ и тѣми азбуками напечатать книгу Геометрію на русскомъ языкѣ, которая прислана изъ военнаго походу, и иныя гражданскія книги печатать тѣми же новыми азбуками.

«По оному указу въ Московской типографіи печатаніемъ начались Генваря съ 14 числа того 1708 года на русскомъ языкѣ предписанными новоизобрѣтенными Амстердамскими литерами разнаго званія гражданскія книги, въ томъ числѣ и Геометрія, да азбука, и изъ оныхъ книгъ Геометріи имѣется въ типографской библіотекѣ два экземпляра въ полдесть, одинъ—письменный съ поправленіемъ во многихъ мѣстахъ, а чьей руки—не извѣстно; но по сношенію съ предписаннымъ поправленнымъ журналомъ, признана Его-жъ Величества руки; другой —печатный гражданскими литерами въ кожаномъ переплетѣ по обрѣзу золотомъ, безъ поправокъ; азбука—напечатанная въ полдесть же въ переплетѣ бумажномъ: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ, хранится въ библіотекѣ типографской; въ оной азбукѣ, на первомъ переплетномъ листу, на оборотѣ, собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Сими литеры печатать историческія и манифактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять».

Алексѣй Барсовъ, директоръ типографіи, свидѣтельствуетъ, что самъ видѣлъ: «набранный листъ гражданскими буквами и собственной рукою подписанный тако: Петръ».

Упомянутымъ выше голландскимъ мастерамъ, въ 1709 году, платилось слѣдующее жалованье: Антону Демею—225 рублей, Яну Фускулу и Сильбаху по 205 рублей, изъ русскихъ—2 печатника и 3 тередорщика получали по 5 копѣекъ на день и 8 разныхъ дѣлъ работниковъ—по 3 копѣйки на день.

При «Вѣдомостяхъ» 1710 года приложенъ «реестръ книгамъ гражданскимъ, которыя, по указу Царскаго Величества, напечатаны новоизобрѣтенною Амстердамскою азбукою».

Это—первое дошедшее до насъ печатное объявленіе о продажѣ рускихъ книгъ. Всего опубликовано 15 названій книгъ, а именно:

1) Комплементы или образцы, какъ писать письма къ разнымъ особамъ.
2) О слюзныхъ дѣлахъ.
3) Геометрическіе о пріемѣ циркуля и линейки.
4) Архитектура военная, или штурмовыя науки образцы.
5) Римплеровы о строеніи крѣпостей.
6) Боздорфовы гварнизонные и наполные штурмовые.
7) Брауновы артиллерійскіе.
8) Брынкины артиллерійскіе.
9) Кугорновы инженерные.
10) Исторіа Квинта Курціа, о Александрѣ царѣ македонскомъ.
11) Історіа, о взятіи града трои.
12) Тріумфальныхъ вратъ описаніе на 1710 годъ.
13) Географіа, или описаніе земли сокращенное.
14) Календари.
15) Маніфесты Королеи, полскаго и датскаго.

Послѣ «Геометріи» изданы: «Приклады како пишутся комплементы [1])». Переведены тоже съ нѣмецкаго. Извѣстно, что нѣмцы того времени о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ писали высокопарнымъ слогомъ, напыщенно и темно.

Вотъ полное заглавіе этой любопытной книги:

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что прежде считали первой книгой гражданской печати „Приклады, како пишутся комплементы“; но, по указанію г. Бычкова, „Геометрія“ вышла мѣсяцемъ раньше, „Прикладовъ“.

Приклады

Како пишутся

Комплементы

разные на мѣстномъ языкѣ,
то есть пісанія

отъ потентантовъ
къ потентатамъ

Поздравительные і сожалѣтельные, і іные:
Такожде между сродніковъ
і пріятелеі.

Переведены съ нѣмецкаго на Россіискіі языкъ
напечатанные повѣленіемъ благочестівѣішаго велікаго Государя
Царя, і велікого Князя

Петра Алексіевіча

Всея велікія і малыя Россіі
самодержца

При благороднѣішемъ Государѣ царевічѣ,

і велікомъ Князѣ

Алексіі Петровичѣ

Въ царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ
лѣта Господня 1708. Априлліа.

Въ концѣ книги приложенъ реестръ комплементамъ, обрѣтающімся въ книгѣ.

Напримѣръ: Объявительное пісаніе о супружествѣ. Княжеское звательное письмо въ кумы. Благодарственное пісаніе за угощеніе. Утѣшительное пісаніе отъ пріятеля къ пріятелю, которыі злую жену имѣетъ. Поздравленіе къ новому году. Сожалѣтельное писаніе къ нѣкоторому министру, у котораго жена умре. Благодарственное писаніе къ нѣкоторой госпожѣ о дозволенномъ доступѣ. Просительное писаніе нѣкотораго человѣка къ женскому полу.

Всего въ книгѣ помѣщено 130 комплементовъ, на разные случаи въ жизни человѣка, какъ гражданина, семьянина и т. д.

Не трудно догадаться, какія образцовыя нѣмецкія письма вышли въ русскомъ переводѣ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы судить о прочихъ.

Просительное писаніе нѣкотораго человѣка къ женскому полу.

„Моя госпожа.

Я предъ долгимъ временемъ честь искалъ съ вами въ компанію притти, и потомъ соизволенія просити, дабы я себя могъ за вашего преданнаго слугу почесть, но понеже вы тако набожны, что васъ нигдѣ индѣ кромѣ церкви видѣть не получаю. Однако же я и на семъ святомъ мѣстѣ чрезъ частое разсужденіе и усмотрѣніе васъ яко такого изряднаго ангела, толико желанія къ вашей знаемости получилъ, что я того долѣе не могу скрыти, но принужденъ оное вамъ съ достойнымъ почитаніемъ представить. Вы, моя госпожа, не имѣете чрезъ высокосклонное позволеніе мнѣ приступа ничего опасаться, дабы то вашей славѣ вредительно быти могло, понеже я позволеніе вашія пріязни тако буду въ осмотрѣніи имѣть, что я вашимъ добродѣтелямъ никогда ущербу не приключу... и трудитися буду случая искать дабы я не еднѣмъ именемъ, но и въ дѣлѣ самомъ себя явити могъ.

Вашъ моей госпожи
прилежный слуга N. N“.

Другой примѣръ.

Утѣшительное писаніе отъ пріятеля къ пріятелю, который злую жену имѣетъ.

„Мнѣ дрожаишій пріятелю.

Повѣдаютъ о Сократѣ, премудрейшемъ греческомъ учителѣ, что онъ отъ гнѣву жены своея токмо смѣхомъ отходилъ, и хотя такой даръ учтивства и терпѣнія не многимъ мужьямъ данъ есть, однакожъ подаетъ утѣшеніе, егда увидишь, что и въ иныхъ мѣстахъ такое-жь тяжелое иго бываетъ. Кто вельми печалится о смертности (?). Егда тѣлеса королей и князей увидитъ носимыхъ, всякое несчастіе легче бываетъ, егда на общихъ плечахъ лежитъ, кромѣ того, что иногда намъ ложками, инымъ же ковшемъ смѣряется. Кто терпѣніемъ вооружается, тотъ имѣетъ совершенную побѣду въ рукахъ, понеже оная побѣждаетъ непобѣдимое женское жестоковыйство“...

«Приклады» переведены по приказанію Петра. Ими онъ хотѣлъ дать образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ, общепринятыхъ въ Западной Европѣ. Въ то время русскіе вельможи и писали, и говорили всѣмъ на «ты», любили употреблять разныя уничижительныя имена; въ «прикладахъ» ничего подобнаго нѣтъ, и кромѣ того, впервые введена вѣжливая форма на «вы». Для примѣра приведемъ обращикъ письма, по формѣ своей, по стилю соотвѣт-

ствующаго до-Петровской Руси. Письмо писано княземъ Куракинымъ князю Василію Голицину.

«Государю моему брату князю Василію Васильевичу братишко твой Ивашко Куракинъ челомъ бьетъ: Государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ, какъ тебя, Государя моего, Богъ милуетъ. А пожалуешь про насъ изволишь спросить; и Государи мои батюшко Князь Григорій Семеновичъ, и матушка Княгиня Ульяна Ивановна, и Азъ з женишкою, и з дѣтишками, при государской милости царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича, всея великія и малыя Россіи самодержца,—Іюля по 23 день живы, а впреди Богъ воленъ. Сынъ твой Государь князь Алексѣй Васильевичъ въ походы за великимъ Государемъ ѣздитъ. Буди, Государь братецъ, тебѣ вѣдомо: Іюля въ 20 день женишку мою Богъ простилъ: родила сына, а имя нарекли Борискомъ; а по семь тебѣ Государю своему много челомъ бью.»

А вотъ начало письма жены князя В. Голицына къ своему мужу:

„Государю моему Князю Василію Васильевичу женишка твоя Дунька челомъ бьетъ до лица земнаго...“ и т. п.

Петръ Великій, при помощи „Прикладовъ‘‘, и внѣшнія письменныя выраженія общественныхъ отношеній хотѣлъ втиснуть въ извѣстныя, строго опредѣленныя рамки.

Въ 1711 году въ Петербургѣ основана первая типографія, съ однимъ печатнымъ станкомъ, для печатанія царскихъ указовъ. Типографію эту называли «государевою письмопечатнею.».

Первая отпечатанная въ Петербургѣ книга была: «Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ Царскаго Величества Россійскихъ совершенныхъ. С. П. 1713 г.», съ искусно гравированными рисунками и портретомъ Петра I. Корректурный экземпляръ этой книги до нынѣ хранится въ библіотекѣ Московской духовной типографіи. Въ этомъ экземплярѣ не только буквы, но и во многихъ мѣстахъ слова и рѣченія поправлены собственноручно Петромъ I, напримѣръ, на страницѣ 17, въ надписи: «Осада города Юрьева, бывшая въ лѣто отъ Хр. 1704»—зачеркнуто слово *осада* и написано *белагръ*; вмѣсто *Юрьева* поставлено *Дерптъ*. Тамъ же, вмѣсто «*нарочитый флотъ*» написано *эскадру*; на страницѣ 26, вмѣсто *кавалеровъ—офицеровъ* и т. д. На гравированныхъ рисункахъ при книгѣ попадаются также замѣчанія и поправки рукою царя.

При Петрѣ Великомъ въ Россіи процвѣтала преимущественно переводная литература. Великій преобразователь Россіи усердно старался насаждать западно-европейскую науку на дѣвственной русской почвѣ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому,

чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Хотя изученіе новыхъ языковъ не входило въ программу древняго образованія, но въ Посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще для веденія посольскихъ дѣлъ, существовали толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ, преимущественно, поляковъ и нѣмцевъ.

Послѣ толмачей посольскаго приказа главными переводчиками, были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академіи. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе, и французскіе ученые, и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, зная латинскій языкъ, Московскіе и Кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Напримѣръ, Гавріилъ Бужинскій, не зная нѣмецкаго языка, перевелъ «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ», нѣмецкаго писателя Пуффендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ братья Лихуды и ученики ихъ Ѳедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ.

По учрежденіи синода, Петръ сталъ посылать книги для перевода въ синодъ. «Посылаю при семъ, писалъ онъ въ 1721 году книгу Пуффендорфа, въ которой два тракта, первый—о должности человѣка гражданина (de officiis hominis et civis), другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ».

Сознавая всю важность переводовъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ Великій самъ руководилъ этимъ дѣломъ, самъ выбиралъ книги и слѣдилъ за ихъ переводомъ, нѣкоторые переводы самъ просматривалъ и повѣрялъ и въ то же время издавалъ правила, какъ слѣдуетъ переводить. Въ 1713 году онъ отдалъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ для отсылки въ Москву, для перевода на русскій языкъ. Узнавъ, что о древнихъ языческихъ религіяхъ есть хорошее сочиненіе Аполлодора, онъ поручилъ Синоду перевести его «Библіотеку о богахъ». Когда назначенныя книги не переводили, онъ сердился и дѣлалъ выговоры черезъ того же Мусина-Пушкина, черезъ котораго отдавалъ книги для перевода. Такъ, въ 1718 году Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ переводчику Поликарпову: «Да для чего, спрашивалъ Государь, по сію пору не переведена книга Виргинія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній, книга небольшая, а такъ мешкаете. Отпиши о томъ Ло-

патинскому» (Ѳеофилакту Лопатинскому, который тогда былъ ректоромъ московской академіи). Въ другомъ письмѣ къ нему-же онъ писалъ: «Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій Государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и чтобы не навелъ гнѣву». Въ третьемъ письмѣ сказано: «Писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ, и чтобъ говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ; а нынѣ Великій Государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ». Когда въ 1723 г. Петру представлены были въ переводѣ нѣкоторыя статьи изъ назначенной имъ для перевода книги Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld Leben Вольфганга Гелмгарда Гохберга, то онъ принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственной рукою написанное наставленіе: «Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казалися, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякой вещію разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты—и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Петръ требовалъ полнаго и точнаго перевода, если книга была согласна съ его взглядами и цѣлями.

Извѣстно, какъ онъ разсердился на Бужинскаго, когда тотъ въ переводѣ «Введеніе въ исторію Европейскихъ Государствъ» Пуффендорфа выпустилъ одно мѣсто, гдѣ Пуффендорфъ слишкомъ грубо и обидно отзывается о характерѣ русскаго народа: «Глупецъ, что я тебѣ приказалъ сдѣлать съ этою книгою? Спросилъ царь Бужинскаго.—Перевести, отвѣчалъ тотъ. «Развѣ это переведено?» возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто. «Тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть». Въ послѣдній годъ своего царствованія, т. е. въ 1724 году, Петръ издалъ слѣдующій указъ, касательно перевода книгъ: «Для перевода книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ (научныхъ), понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ

художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкомъ, и чтобъ (были) всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества же слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ - цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя». Замѣтимъ, что при переводѣ книгъ предписывалось держаться болѣе простого слога и русскаго языка—передъ славянскимъ. Возвращая Поликарпову переведенную имъ Географію Варенія, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему, что она «переведена гораздо плохо» и прибавилъ: «того ради исправь хорошенько, невысокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, тако-жъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словесныхъ класть ненадобеть, но посольскаго приказу употреби слова».

Кромѣ правительства о переводѣ книгъ и о составленіи библіотекъ заботились и нѣкоторые частные люди.

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго по распространенію наукъ въ Россіи былъ знаменитый графъ Брюсъ (р. 1670 ум. 1735 г.). «Будучи изъ младыхъ лѣтъ при Петрѣ Великомъ говоритъ о немъ Татищевъ, многія къ знанію нужныя и пользѣ государя и государства—съ англійскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ книги переводилъ, и собственно для употребленія его величества Геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ». Библіотеку свою, состоявшую изъ 1,500 книгъ и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію Наукъ. Татищевъ тоже любилъ собирать книги и составилъ библіотеку въ 1000 книгъ.

Не безъинтересно привести нѣсколько примѣровъ о вознагражденіи переводчиковъ за ученые труды въ началѣ XVIII столѣтія.

Мусинъ-Пушкинъ выхлопоталъ у царя Поликарпову за его исторію и переводъ лексикона 200 рублей.

Въ 1725 году Алексѣй Барсовъ ходатайствовалъ о награжденіи его за переводъ книги Аполлодора о богахъ (см. выше), а также по переводамъ съ русскаго на греческій языкъ присяги архіерея смоленскаго, архимандрита венеціанскаго Ѳоки, и съ греческаго на русскій—грамотъ, присылаемыхъ изъ Греціи. Синодъ призналъ справедливымъ это ходатайство и полагалъ выдать Барсову, сверхъ жалованія справщика, до 100 рублей. Хотя объ этомъ доставленъ былъ докладъ Екатеринѣ I, однако утвержденіе его послѣдовало только въ 1730 г.

Въ 1727 году Иванъ Каргопольскій просилъ вознагражденія за переводъ половины сочиненія Өеодорита «о промыслѣ Божіи». При этомъ переводчикъ объяснялъ, что данный ему переводъ «укоснѣлъ», за невыдачею ему кормовыхъ денегъ жалованія за ученіе въ школахъ и по неимѣнію въ распоряженіи своемъ писцовъ. По такому ходатайству, Каргопольскому опредѣлено было выдать въ награду 5 рублей.

Какія книги переводились при Петрѣ Великомъ на русскій языкъ?

Ихъ можно подраздѣлить на три отдѣла:

1) Книги, имѣвшія цѣлію познакомить русское общество съ теоріями устройства государства, а также — по части исторіи, права и законодательства; таковы, напримѣръ, были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: Гуго Гроція—«О законахъ брани и мира», Самуила Пуффендорфа—«О законахъ семейства народовъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина»; Іоста Липсія—«Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе», Іоанна Слейдена — «О четырехъ великихъ монархіяхъ»; Баронія — «Дѣянія церковныя и гражданскія»; Мавра Орбини—«О славянахъ»; по географіи: Гюгенса:—«Книга міровзрѣнія», замѣчательная между прочимъ тѣмъ, что въ ней въ первый разъ принята система Коперника; Гюбнера:—„Краткіе вопросы изъ новой географіи" и проч.

2) Ко второму отдѣлу относятся книги общеобразовательныя, наприм., „Притчи Эзопа", „Библіотека о богахъ", „Зрѣлище житія человѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ съ истинными къ тому приличными повѣстьми"; „Исторія о раззореніи града Трои", „О изобрѣтателяхъ вещей", „Метаморфозы Овидія", „Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ». Затѣмъ слѣдуютъ правила, какъ держать себя въ обществѣ, соблюдать разныя свѣтскія приличія. „Зерцало", переведенное съ нѣмецкаго, должно было при Петрѣ Великомъ замѣнить нашъ русскій „Домострой". Въ этомъ „Зерцалѣ" между прочимъ предписывается слѣдующее правило: „Молодые отроки всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно отъ другихъ не знающихъ болвановъ распознать"... О „прикладахъ, како писати комплементы", мы уже упоминали выше.

3) Наконецъ, къ третьему отдѣлу относятся учебники, изданные по порученію Петра для просвѣщенія русскаго юношества, Тессингомъ и Копіевичемъ, напримѣръ: „Введеніе краткое

въ исторію“, напечатано въ Амстердамѣ, 1699 г.; «Славянская и латинская грамматика и вокабулы»; «Руководеніе въ ариѳметику», напечатанное въ Амстердамѣ, 1699 г.; «Географія или краткое земнаго круга описаніе», 1710 г. и пр.

Во время Петра Великаго кругъ читателей былъ такъ незначителенъ, потребность въ чтеніи такъ ничтожна, что даже немногія печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта. Еще въ 1703 году одинъ голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, печатанными по волѣ царя въ Амстердамѣ, писалъ къ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли: «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало».

Въ 1752 г. въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на бумажныя фабрики, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ: послѣдняя мѣра приводилась въ исполненіе въ 1752, 1769 и 1779 годахъ. Употреблено было на обертки 11,000 экземпляровъ вѣдомостей разныхъ годовъ, указовъ 8,000 экземпляровъ, календарей 4,572 экз.

Въ половинѣ XVIII столѣтія особенный спросъ былъ на слѣдующія книги: «Табель о рангахъ», «Военный уставъ съ процессами», «Ерусалимская исторія», «Пуфендорфовы книги о должности человѣка-гражданина», Квинта Курція «Исторія о Александрѣ Великомъ», «Троянская война», «Эзоповы притчи» и др. Академія Наукъ, представляя Сенату, что всѣ эти книги распроданы до послѣдняго экземпляра, а между тѣмъ, «народъ съ охотою купить ихъ желаютъ, а Академія Наукъ, по силѣ полученныхъ указовъ, безъ апробаціи Сената, вновь печатать не смѣетъ», просила о разрѣшеніи напечатать ихъ и «въ продажу производить». Зато много хлопотъ было съ другими книгами, накопившимися въ академической книжной лавкѣ: на русскія книги только изрѣдка находились покупатели, а иностранныхъ почти никто не покупалъ. Не зная, чѣмъ помочь бѣдѣ, придумали наконецъ весьма оригинальное средство—просили «учинить милостивое учрежденіе», состоящее въ томъ, чтобы:

1) Всѣ таможни и судебныя мѣста обязательно покупали не только уложеніе и тарифы, но и художественныя, историческія, нравоучительныя и всѣ безъ исключенія книги, изданныя на русскомъ языкѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

2) Губернаторамъ, вице-губернаторамъ, совѣтникамъ, ассессорамъ, генераламъ, штабъ-офицерамъ и т. д. вмѣнить въ обязан-

ность, чтобы изъ каждой сотни получаемаго ими жалованья они непремѣнно употребляли пять или шесть рублей на покупку книгъ «для собственнаго чтенія и полезнаго наставленія дѣтямъ своимъ».

3) Купцамъ вмѣнить въ обязанность покупать изъ Академіи книги «по препорціи своего торгу», и такая мѣра тѣмъ удобнѣе, что русское купечество очень любитъ читать историческія и нравоучительныя книги.

4) Что же касается до огромнаго количества лежащихъ въ академической лавкѣ книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и на другихъ европейскихъ языкахъ, то постановить, чтобы Рига, Ревель, Дерптъ и другіе города покупали эти книги для тамошнихъ школъ, дворянства и духовенства.

Общее разстройство экономическихъ и финансовыхъ дѣлъ отразилось самымъ яркимъ образомъ на судьбѣ Академіи. Члены Академіи терпѣли крайнюю нужду: имъ по цѣлымъ годамъ не давали жалованья, вслѣдствіе чего они должны были дѣлать долги и платить проценты. Жалованье выдавалось большею частью не деньгами, а книгами. Студентъ Протасовъ, будущій академикъ, просилъ, при наступленіи зимы, о выдачѣ ему жалованья за *прошлый* годъ, чтобъ сшить себѣ теплое платье: ему выдали „Описаніе тріумфальныхъ воротъ“ и еще нѣсколько книгъ изъ академической книжной лавки. Лица, служившія при Академіи, „брали въ зачетъ заслуженнаго жалованья книгами по указанной цѣнѣ, а продавали оныя книги съ великимъ урономъ, а именно: отъ каждаго рубля по двадцати и по тридцати копѣекъ съ накладомъ. И для ежедневнаго пропитанія брали у разныхъ купцовъ муку до выдачи жалованья, съ наддачею на каждый куль по тридцати и по сорока копѣекъ“.

Книги, печатанныя гражданскимъ шрифтомъ, въ эпоху великаго преобразователя Россіи, причисляются всѣ вообще къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Императорская Публичная Библіотека успѣла собрать ихъ до 1854 г. сто одиннадцать названій. Кромѣ „Геометріи“ и „Прикладовъ“ любопытны: „Книга о способахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободное“; а также: „Повѣренныя воинскія правила, како непріятельскія крѣпости силою брати... изображены чрезъ Эриста Фридриха барона фонъ Боргсдорфа, 1709 г. іануарія въ день“.

При Петрѣ Великомъ возникла въ Россіи г а з е т а.

Мысль объ изданіи печатныхъ политическихъ вѣдомостей для публики принадлежитъ Петру Великому, который и считается основателемъ русской газеты. Онъ же былъ и первымъ редакторомъ „Вѣдомостей“. Доказательствомъ этому служитъ то, что онъ самъ

назначалъ карандашемъ для перевода и помѣщенія въ нихъ мѣста изъ Голландскихъ газетъ, даже самъ занимался чтеніемъ корректуры. Какъ драгоцѣнный памятникъ, въ Синодальной библіотекѣ хранится нѣсколько №№ съ корректурными замѣтками державной его руки.

16 декабря 1702 Императоръ Петръ Великій указалъ „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя подле-

Вѣдомости московскiе.

Из новыя крѣпости Питербурга пишут, что
нынѣшняго iюля в 7 день. Господин генерал
Чамберс с четырмя полками конных, да
с двома пѣших, ходили на генерала Кро-
нiорта, который со многими людми и с три-
натцатью пушки стоял на жестокой пере-
правѣ. И по жестоком с обоих стран огнѣ
Божiею помощiю наше войско мост и переправу
овладѣли, и непрiятель узким и трудным
путем версты с двѣ бегучи ушел на
гору, откуду наша конница прогнала его в лѣс,
и порубили непрiятелей с тысячу человѣк,
в которых многiе были велми знатные офiцеры,
а больше того раненые от тяжких ран по-
лѣсам померли, а наших побито 32 человѣка,
да нѣсколько ранено.
В прежних вѣдомостях объявлено о сыска-
нiи желѣза в Сибирѣ, и нынѣ iюля в 31 день
привезли к Москвѣ из Сибири, в сорокѣ
двух стругах, триста двадцать три пушки
великих, двенатцать мартиров, 14
гаубиц, из того желѣза зделанных, да
с тѣмиж пушками привезено желѣза, стали,
укладу, немалое число, и еще ожидаем
другаго каравана вскорѣ, а в Сибири велми
умножается желѣзной завод, и такова
добраго желѣза в Свейской землѣ нѣт.

Номеръ „Вѣдомостей“.

жатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ Государствъ людямъ, печатать куранты, и для печатныхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ Приказахъ о чемъ нынѣ какіе есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ Приказовъ въ Монастырскій приказъ, безъ мотчанья, а изъ Монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ“.

Желаніе Петра Великаго не замедлило исполниться: 2 января 1703 года явился въ Москвѣ первый листъ печатныхъ русскихъ вѣдомостей—первая русская газета, напечатанная церковно-славянскимъ шрифтомъ. Она выходила подъ такимъ заглавіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ". Потомъ въ теченіи года явилось 39 нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, объемомъ отъ 2 до 7 листовъ, въ 8^0, каждый нумеръ съ отдѣльной нумераціей, а иногда и вовсе безъ нумераціи.

Чтобы ознакомиться съ характеромъ содержанія петровскихъ вѣдомостей, мы приведемъ въ сокращеніи первый нумеръ ихъ.

«Вѣдомости московскіе»

„На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ, гоубицъ и мартировъ вылито 400. Тѣ пушки ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ; гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые; мартиры бомбомъ девяти, трехъ и двупудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ, великихъ и среднихъ къ литью пушекъ, гоубицъ и мартировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болѣе 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили.

Въ математической штурманской школѣ болѣе 300 человѣкъ учится и добрѣ науку пріемлютъ.

Въ Москвѣ, ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужескаго и женскаго полу 386 человѣкъ.

Изъ Персіи пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ не малую быть прибыль московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: въ Китайскомъ государствѣ іезуитовъ весьма не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскіе—ругозенскую и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы. А на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число... и соловскую мызу сжегъ, и около соловской многіе другіе мызы и деревни, дворовъ съ тысячу, пожегъ же...

Изъ Львова пишутъ декабря въ 14 день: силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются; вырубя въ Немировѣ камендаита, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренѣ есть Бѣлую церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городкомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войски...

Крѣпость Орѣшекъ—высокая, кругомъ глубокою водою объята,—въ 40 верстахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осаждена и уже болѣе 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ, вдругъ по 20 выстрѣловъ, было и уже болѣе 1500 бомбъ выбросано, но по сіе время не великій убытокъ учинили, и еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣсть ту крѣпость овладѣютъ...

Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нарѣченной, ежедневно 600 человѣкъ работаютъ.

На Москвѣ 1703 г. января во 2 день".

Какъ видно изъ вышеприведеннаго образца, въ то время газета печаталась безъ всякой системы: не было подраздѣленія содержанія газеты по рубрикамъ; не было ни „передовыхъ статей", ни „фельетоновъ" и т. п. Факты записывались въ газетѣ безъ всякой связи, имъ не была сдѣлана надлежащая оцѣнка по ихъ значенію. Крупный фактъ или событіе изъ государственной жизни помѣщался рядомъ съ какой-нибудь мелкой замѣткой.

Печатались вѣдомости въ числѣ 1000 экземпляровъ; послѣ 1703 г. вводились въ нихъ постепенно разныя измѣненія. Съ 1705 начали внизу первой страницы нумеровъ помѣщать цыфру, обозначающую порядокъ выхода въ свѣтъ; въ 1710 году впервые появился номеръ вѣдомостей, напечатанный гражданскимъ шрифтомъ; съ этого года до 1717 года вѣдомости печатались то церковно-славянскимъ, то гражданскимъ шрифтомъ; а съ 1717 года исключительно однимъ гражданскимъ шрифтомъ, кромѣ однако экстраординарныхъ прибавленій, содержавшихъ въ себѣ реляціи военныхъ дѣйствій, которыя набирались еще церковно-славянскими буквами.

Мая 11-го 1711 года появился отпечатанный въ Петербургѣ первый листокъ Петербургскихъ вѣдомостей. Съ того времени №№ вѣдомостей выходили иногда въ Петербургѣ, иногда въ Москвѣ.

Въ 1727 году изданіе вѣдомостей прекратилось; редакція ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ, которая 2 января

1728 года и выпустила первый номеръ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей». Изданіе же особыхъ вѣдомостей въ Москвѣ возобновилось 1756 года.

Всѣ нумера первыхъ вѣдомостей представляютъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость: ихъ сохранилось въ Россіи только 2 полныхъ экземпляра, и оба принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ 1855 году начальство Императорской Публичной Библіотеки перепечатало ихъ не только страница въ страницу, но и строчка въ строчку.

Эта перепечатка съ предисловіемъ, гдѣ изложена первоначальная исторія вѣдомостей, издана подъ заглавіемъ: «Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ». Изданіе это, посвященное Императорскому Московскому университету, въ день празднованія столѣтія, со времени его основанія 12 января 1855 года, напечатано было въ количествѣ 600 экземпляровъ, которые въ теченіи 2 мѣсяцевъ были всѣ распроданы, такъ-что въ наше время само это изданіе стало библіографической рѣдкостью.

Первоначальную редакцію Петербургскихъ академическихъ вѣдомостей (издаваемыхъ при академіи наукъ) принялъ на себя адъюнктъ Миллеръ, и первый № доселе существующихъ вѣдомостей былъ выпущенъ 2 января 1728 года, въ 4 долю листа на 4 страницахъ.

Въ концѣ № помѣщено извѣстіе:

«Сіи вѣдомости будутъ въ предъ дважды въ недѣлѣ, а именно: во вторникъ и въ пятницу, на почтовомъ дворѣ и въ новой Библіотекѣ выданы; которые охоту имѣютъ оные держать, и за оные половину денегъ на передъ платить, тѣмъ будутъ оные порядочно присланы».

Онѣ имѣли заглавный листъ:

С.-Петербургскія вѣдомости. (Далѣе слѣдуетъ гербъ, двуглавый орелъ съ раскрытыми крыльями, надъ орломъ большая корона, орелъ окруженъ Андреевской цѣпью). № 1. Во вторникъ 2 дня Генваря 1728 года. Печатаны въ Типографіи Академіи наукъ».

Полный экземпляръ Петербугскихъ вѣдомостей состоитъ изъ 105 №№ 424 страницъ in 4-о.

Въ 1703 году вышла знаменитая Ариѳметика Магницкаго: это —первая печатная ариѳметика въ Россіи.

Извѣстно, что уже въ теченіи XVII вѣка на нѣкоторыхъ гравюрахъ, помѣщавшихся при изданіи Кіевской и Львовской типографіяхъ, годы, въ которые рѣзались изображенія, означены арабскими цифрами. Въ напечатанномъ въ Москвѣ 1647—49 г. «Ученіи

и хитрости ратнаго строенія» во многихъ чертежахъ являются арабскія цифры.

Такимъ образомъ арабскія цифры появились у насъ прежде всего введенными на гравюрахъ, рѣзанныхъ на мѣди, или на деревѣ.

Еще въ 1676 г. во время слѣдствія и суда надъ Артамономъ Матвѣевымъ его допрашивали о книгѣ лечебникѣ, «въ которомъ лечебникѣ многія статьи писаны цифирью». Бояринъ отвѣчалъ, что такой книги у него нѣтъ, а есть «тетрадка славянскаго письма, а въ той тетрадкѣ писаны пріемы отъ всякихъ болѣзней, и подмѣчены тѣ статьи словами цифирными для пріисканія лекарствъ». Однако слѣдователи не удовольствовались такимъ отзывомъ: осматривали весь домъ Матвѣева, но «книги непотребныя и противныя Закону Божію не нашли».

Даже когда Матвѣевъ находился въ ссылкѣ, то и тогда его не оставляли въ покоѣ. Въ своей первой челобитной изъ Пустоозерскаго острога въ Москву, въ 1677 г., на имя царя Матвѣевъ между прочимъ пишетъ:

«Царю, Государю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу,—не имѣющіе помощи и заступленія, развѣ всесильнаго и милостиваго Бога и Тебя, помазанника Его, Великаго Государя, бьютъ челомъ холопы твои бѣдные и до конца раззоренные Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ червемъ, сынишкомъ своимъ Андрюшкой. Въ прошломъ, Великій Государь, 1676 г., зависти и ненависти ради, принесено на меня, холопа твоего, чего въ умѣ моемъ не бывало, и дондѣже дышу, того не будетъ; и безо всякія моея вины отлученъ премногія твоея Государскія милости и посланъ въ Сибирь на Верхотурье, и въ 1677 годѣ оставленъ въ Лаишивѣ. И ноября въ 25 день, по твоему Великаго Государя указу пріѣзжалъ Полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Алексѣй Лужинъ и спрашивалъ у меня, холопа твоего, книги лечебника, въ которомъ лечебникѣ многія статьи писаны цифирью, и тотъ лечебникъ и людишекъ моихъ—Ивашка Еврея и Карла Захарка велѣно у меня взять. И я, холопъ твой, ему Алексію сказалъ, что у меня лечебника такого, что многія статьи писаны цифирью, нѣтъ, а людишекъ Ивашка и Захарка ему отдалъ, и говорилъ ему, Алексію, съ великимъ прошеніемъ, чтобы онъ въ домишкѣ моемъ, гдѣ я поставленъ, въ рухлядишкѣ моей обыскалъ, и къ человѣку моему на дворишко обыскать пошелъ...» Однако «непотребныя книги» не нашли.

Арабскія цифры, извѣстныя во всей Европѣ, вошли во всеобщее употребленіе въ Россіи со времени Петра Великаго.

Въ концѣ XVI в. появилось первое руководство къ Ариѳметикѣ, написанное весьма неясно и вѣроятно переводъ, подъ заглавіемъ: «Книга рекома по гречески Ариѳметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость».

По свидѣтельству иностранца, Россія въ XV и XVI столѣтіяхъ не имѣла вовсе математическихъ наукъ. Петръ Великій впервые внесъ въ сферу народнаго образованія и Математику.

Ѳеофанъ Прокоповичъ въ «Словѣ на похвалу Петра Великаго», произнесенномъ 29 іюня 1725 г., говоритъ:

«Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Естьли на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пированія, и прочіе благопріятные обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ намъ научилъ? И чѣмъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи объ Ариѳметикѣ, Геометріи, и прочихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти Россійстіи съ охотою учатся, съ радостію навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркуль, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано».

Въ 1700 году открыта была въ Сухаревой башнѣ въ Москвѣ математическая и навигаторская школа, которую Петръ назвалъ Адмиралтейскою. Такъ какъ Россія въ то время была бѣдна людьми, способными занять учительскія должности, особенно для преподаванія математики и мореплаванія, то для этой цѣли приглашены были иностранцы. Но математику съ самаго начала существованія школы преподавалъ—русскій. Учитель этотъ былъ Леонтій Филипповичъ Магницкій. Петръ Великій, бесѣдуя съ нимъ многократно о математическихъ наукахъ, былъ такъ восхищенъ глубокими познаніями его въ этихъ наукахъ, что называлъ его магнитомъ, и приказалъ писаться Магницкимъ. Государь оказалъ ему много милостей, пожаловалъ деревнями во Владимірской и Тамбовской губерніяхъ и приказалъ ему выстроить домъ на Лубянкѣ.

Петръ съ любовію слѣдилъ за успѣхами учениковъ навигаторскаго училища. Въ «Вѣдомостяхъ», изданныхъ въ 1703 г. въ Москвѣ, сказано: «2 января. Повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили,

Въ математической Штурманской школѣ болѣе 300 человѣкъ учатся и добре науку пріемлютъ».

Въ 1703 г. Магницкій выпустилъ въ свѣтъ первую печатную ариѳметику въ Россіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ преведенная, и воедино собрана и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго Великаго Государя нашего, царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца: при благороднѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ царевичѣ и Великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, типографскимъ тисненіемъ — ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена». Магницкій напечаталъ имя свое при самомъ обрѣзѣ книги, мелкими буквами: «сочинена сія книга чрезъ труды Леонтія Магницкаго». Любопытно, что авторъ въ награду за составленіе книги получалъ «кормовыя деньги» съ 2 февраля 1701 г. по 1 января 1702 г., по 5 алтынъ на день, что составляло всего 49 руб. 31 алтынъ и 4 деньги.

Ариѳметика Магницкаго долгое время служила для русскихъ единственнымъ руководствомъ по математикѣ. Въ настоящее время эта книга представляетъ библіографическую рѣдкость. Не безъинтересно ознакомиться хотя вкратцѣ съ ея содержаніемъ.

Въ Ариѳметикѣ Магницкаго кромѣ ариѳметики содержатся еще начальныя основанія Алгебры и Геометріи. Ариѳметика издана in folio: напечатана она славянскимъ шрифтомъ, цифры въ задачахъ употреблены арабскія, но счетъ страницъ обозначенъ буквами славянской азбуки. Ариѳметика украшена картинкою, на которой изображены Архимедъ и Пиѳагоръ; надъ этими двумя фигурами развѣвается государственный гербъ—двуглавый орелъ; подъ картинкой слѣдующее четверостишіе:

„Ариѳметика политика,
Сихъ и другихъ логистика,
И многихъ иныхъ издателей
Въ разные времена списателей“.

На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ кругъ, наверху котораго сидятъ двое юношей съ цвѣтами въ рукахъ; въ кругѣ изображенъ растущій цвѣтокъ, а вокругъ надпись: «Человѣкъ яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ».

На виньеткѣ, украшающей первый листъ ариѳметики, изображена ариѳметика въ образѣ вѣнценосной жены, сидящей на престолѣ; подъ нею написано еврейскими буквами имя Божіе; на сту-

пеняхъ, ведущихъ къ престолу, начертано: «дѣленіе, умноженіе, вычисленіе, сложеніе, счисленіе».

Магницкій начинаетъ свою книгу вопросомъ: что есть ариѳметика?

И опредѣляетъ эту науку такъ:

«Ариѳметика или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явльшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное».

Далѣе онъ продолжаетъ:

«Колико-губа есть ариѳметика практика?

«Есть сугуба:

1. Ариѳметика политика или гражданская.

2. Ариѳметика логистика, не ко гражданству токмо, но къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая».

Раздѣливъ все сочиненіе на двѣ книги, Магницкій каждую книгу въ свою очередь подраздѣляетъ на нѣсколько частей.

Въ первой книгѣ излагаются: правила нумераціи, четыре правила ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми числами, дробными числами, тройныя правила, правила товарищества, смѣшенія, способы опредѣленія учета векселей и процентовъ. Эта часть снабжена множествомъ практическихъ задачъ, имѣющихъ ближайшее приложеніе къ жизни или, говоря словами автора, «гражданству потребныхъ». Далѣе объясняются прогрессіи, квадратные и кубичные корни.

Вторую книгу авторъ начинаетъ предисловіемъ, въ которомъ объясняетъ значеніе ариѳметики логистики, названной такъ потому, что «она не имѣетъ подлежащихъ вещей наручныхъ и въ гражданствѣ обносимыхъ, но словомъ только объясняетъ искомая, паче же ко движенію небесъ принадлежащая». Затѣмъ объясняется фигура земного шара, законы тяготѣнія планетъ, горизонтъ, экваторъ и т. п. Въ заключеніе сообщаются свѣдѣнія, необходимыя для мореплаванія. Чтобы имѣть понятіе о методѣ Магницкаго, приведемъ слѣдующій примѣръ, именно: о вычитаніи цѣлыхъ чиселъ:

«Что есть субтракціо?»

«Субтракціо, или вычитаніе есть имже малое число изъ большаго вычитаемъ и излишнее объявляемъ.

Яко егда случится тебѣ сицевъ перечень (т. е. число) 57 вычитати изъ 89 и оставльшее объявити, и ты постави меньшій перечень подъ большимъ сице: 89, прочертивъ же подъ нимъ черту,
57
———

и начни вычитати отъ правой руки умствуя: 7 изъ 9, останется 2, еже постави противъ 7, подъ чертою 89

57

2, потомъ паки умствуй: 5 изъ 8 останется 3, и ты тое постави противъ 5 подъ чертою же 89

57

32 и объявится излишнее большаго перечня предъ меньшимъ подъ чертою.

Примѣръ задачи на вычитаніе:

Нѣкоторый человѣкъ обѣща нищимъ раздати 5604 копѣйки и остатки въ церковь отдати: и нѣсколько раздавъ, обрѣте остатковъ 2981 к. и восхотѣвъ видати, колико роздалъ нищимъ.

Вичиталъ сице:

5604 обѣщаное

2981 церковное что осталось

2623 нищимъ роздано.

Учебникъ Магницкаго испещренъ силлабическими стихами, которыми авторъ хотѣлъ придать живость въ изложеніи предмета. Тяжела была для уразумѣнія ариѳметика Магницкаго, но наши предки все-таки выучивались по ней. По ней же учился и Ломоносовъ.

Говоря о первой печатной ариѳметикѣ въ Россіи, слѣдуетъ упомянуть и о первой русской азбукѣ, по которой обучалось юношество въ до-Петровскую Русь. Какъ мы видѣли, первая печатная ариѳметика появилась въ Россіи въ годъ основанія Петербурга, т. е. 1703 г.; самою первою по времени изданія можетъ считаться азбука, изданная 1634 году Василіемъ Бурцевымъ, и передѣланная имъ изъ грамматики, изданной въ 1621 году въ городѣ Вильнѣ.

Въ предисловіи эта азбука названа Лѣствицею къ изученію часослова, псалтыри и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ предисловіи, изданія 1637 года, между прочимъ говорится:

„Рустіи сынове, младыя дѣти, первіи починаютъ учитися по сей составнѣй словенстѣй азбуцѣ, по ряду, словамъ, и потомъ узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учити часовникъ и псалтырю и прочая книги. И прежде тіи саміи младыя младенцы быша и отъ матерень сосецъ млеко ссаху и питахуся. По возращеніи же тѣлеси къ твердѣй дебелѣй пищи прикасахуся и насыцевахуся. Тако же и нынѣ начинающе учитися грамотѣ, первѣе простымъ словесемъ и сло-

гамъ учатся, потомъ же, яко же и выше рѣхомъ, яко по лѣствицѣ къ преждереченнымъ тѣмъ книгамъ и къ прочимъ божественнымъ догматамъ касаются, на ученіе и на чтеніе простираются".

Предисловіе азбуки заканчивается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ:

„Вы же младыя отроча слышите и разумѣйте и зрите сего:

Сія зримая малая книжица
По реченному алфавитица.
Напечатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ младымъ дѣтямъ къ наученію...
Ты же благоумное отроча сему внимай,
И отъ нижнія степени на высшую возступай,
И не лѣностнѣ и не нерадивѣ учися.
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися...

Послѣ наставленія продолжаетъ:

Первіе начинается вамъ отъ дидаскала сей зримый азъ,
Потомъ и на прочая пойдетъ вамъ указъ.

Азбука Бурцева начинается изображеніемъ „училища", гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ передъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгами.

Затѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, числа до 10 до 1000, знаки препинанія, глаголы и имена сходныя по начертанію, и различныя по смыслу, склоненія именъ. Потомъ идетъ *азбука толковая*, т. е. изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя по алфавиту. Такъ напримѣръ, буква:

А—Начинается текстомъ: „Азъ есть всему міру свѣтъ,
В—„Вижу всю тайну человѣческую",
Г—„Глаголю же вамъ, сыномъ человѣческимъ",
Д—„Добре есть вѣрующимъ во имя Мое", и т. п.

На 28 и 29 страницахъ помѣщено по алфавиту 26 словъ, которыхъ разный смыслъ зависитъ отъ перемѣщенія ударенія: буди—буди, варите—варитé, говорите—говоритé, держите—держитé и т. п.

Надъ этою статьею имѣется слѣдующее заглавіе: „По просодіи. А еже дващи въ единыхъ лежащее, се есть повелительная и сказательная."

По азбукѣ Бурцева учился грамотѣ и Петръ Великій.

Прилагаемый рисунокъ взятъ изъ азбуки Бурцева. На немъ

два человѣка, согнувшись, представляютъ собою очертаніе буквы О; далѣе идетъ свыше двадцати различныхъ начертаній буквы О;

Страница изъ азбуки Бурцева 1637 года.

затѣмъ помѣщены рисунки нѣсколькихъ животныхъ и обыденныхъ предметовъ, коихъ имена начинаются со звука О: оводъ, оса, овца,

орелъ, око, окунь, околяры (очки), оселъ, овощникъ, орало, органы и, наконецъ—текстъ, подобранный такимъ образомъ, что фраза начинается съ буквы О.

Листъ окруженъ изящной рамкой, въ старинномъ стилѣ.

Въ 1723 году, по повелѣнію Петра Великаго составлена Ѳедоромъ Максимовымъ грамматика для Новгородской Греко-Славянской школы и издана въ Петербургѣ.

Въ 1721 году издана грамматика Мелетія Смотрицкаго.

Нѣсколько словъ о внѣшности книгъ.

Внѣшній видъ книгъ, переплетъ, бумага, печать и т. п. чрезвычайно разнообразны.

Особою роскошью переплетовъ отличаются богослужебныя книги, которыя русскій вкусъ любитъ дѣлать тяжеловѣсными. Такъ напримѣръ, въ Хутынскомъ и Соловецкомъ монастыряхъ находится: въ первомъ — огромное евангеліе въ серебряномъ окладѣ, вѣсящее болѣе 2 пудовъ, а во второмъ — есть евангеліе даже въ $2^1/_2$ пуда—въ немъ одного серебра 34 фунта и 25 золотниковъ; оно пріобрѣтено на средства монастыря въ 1801 г. за 2,435 руб. 30 коп.

Эти книги не употребляются при богослуженіи; ихъ показываютъ посѣтителямъ только ради „благолѣпія." Меньшимъ вѣсомъ, но большею цѣнностію отличаются евангелія: 1) въ Московской лаврѣ два евангелія въ золотыхъ окладахъ, съ драгоцѣнными каменьями — подарки великихъ князей Василія Дмитріевича и царя Михаила Ѳедоровича; 2) въ Кіевской лаврѣ одно большое въ 17,773 руб., а другое—маленькое стоитъ до 30,000 руб.

VII. НОВИКОВЪ—ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ЖУРНАЛИСТЪ И ИЗДАТЕЛЬ КНИГЪ.

Начало журнальной дѣятельности Новикова.—Недостатокъ въ сотрудникахъ.—Аренда университетской типографіи.—Дружеское ученое общество.—Количество и качество книгъ, изданныхъ Новиковымъ.—Участіе Новикова въ Массонскомъ обществѣ.—Заточеніе Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость.—Отзывъ Карамзина о просвѣщенной дѣятельности Новикова.—Новиковъ организуетъ книжную торговлю въ провинціальныхъ городахъ и основываетъ дѣтскій журналъ.—Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ.—Мнѣніе Болотова о Новиковѣ.

Вѣкъ Екатерины II, не смотря на громкія побѣды «Екатерининскихъ орловъ», не смотря на то, что въ то время у насъ переводили французскихъ энциклопедистовъ, отличался однако низкимъ уровнемъ образованности, начиная отъ царедворцевъ и кончая помѣщиками съ ихъ крестьянами. По словамъ Грибовскаго, статсъ-секретаря Императрицы Екатерины II, въ послѣдніе годы ея царствованія изъ всѣхъ современныхъ ему вельможъ только двое знали русское правописаніе: это были—князь Потемкинъ и графъ Безбородко. Фонъ-Визинъ говоритъ о «знаменитыхъ невѣждахъ» (Екатерининскихъ временъ), что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди».

Образованіе духовенства стояло тоже на низкой ступени. Державинъ разсказываетъ, что въ бытность его губернаторомъ въ Петрозаводскѣ, пришлось ему «за неимѣніемъ ученыхъ духовныхъ» сочинить рѣчь на случай открытія больницы,—эту рѣчь и произнесъ священникъ собора Іоаннъ.

То же самое случилось съ нимъ и въ Тамбовѣ, при открытіи въ 1787 году народнаго училища: однодворецъ Захаровъ говорилъ рѣчь, сочиненную Державинымъ, потому-что «преосвященный былъ тогда человѣкъ не ученый, и при немъ таковыхъ людей не было, кто бы могъ сочинить на тотъ случай приличную проповѣдь».

Какъ относилось русское общество конца XVIII вѣка къ кни-

гамъ и писателямъ—объ этомъ имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство современника. Селивановскій, сынъ извѣстнаго типографщика Екатерининскихъ временъ, говоря о появленіи въ свѣтъ «Путешествія», Радищева, прибавляетъ: «цензуры тогда не было: книги разсматривались при Управѣ или оберъ-полицмейстеромъ, т. е. предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была нѣчто пустое, не важное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*».

Сами писатели не сознавали еще своего важнаго значенія. Извѣстно напримѣръ, что Державинъ болѣе цѣнилъ въ себѣ чиновника, чѣмъ поэта. Поэзію онъ считалъ забавой, и такъ выражается о ней въ своей одѣ «Фелица»:

Поэзія тебѣ (Фелицѣ) любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Авторъ «Недоросля», Фонъ-Визинъ смотрѣлъ иногда на свой умъ, какъ на средство забавлять людей.

Сохранился анекдотъ о томъ, какъ Ник. Ив. Панинъ предложилъ однажды императрицѣ для разогнанія скуки и нездоровья, послушать Фонъ-Визина, который представляетъ игру въ карты гр. Разумовскаго, кн. Голицына, кн. Вяземскаго и Кара, споривщихъ за вистомъ, и Бецкаго, останавливающаго ихъ игру разсужденіями о казенныхъ заведеніяхъ.

Позднѣе Грибоѣдовскій Фамусовъ говоритъ:

...Ужь если зло пресѣчь,
Собрать всѣ книги бы да сжечь.

Переводныя сочиненія Вольтера и энциклопедистовъ оставили глубокій слѣдъ въ русскомъ обществѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ нашемъ языкѣ образовалось даже новое слово: вольтеріанецъ. Напримѣръ, въ «Горе отъ ума», Грибоѣдова:

„Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ".

Въ «Ревизорѣ» Гоголя:

Городничій: «Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ»!

Вольтеръ въ глазахъ Павла Петровича былъ образцомъ великаго писателя. Желая похвалить Ломоносова, послѣ только-что прослушанной 5-й оды, великій князь выразился: «ужесть какъ хорошо! Это—нашъ Вольтеръ!»

Фонъ-Визинъ въ своей «Челобитной Россійской Минервѣ отъ

Россійскихъ писателей», жалуясь на вельможъ, что они опредѣлили—«всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять», проситъ Минерву «такое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить, дабы мы, именованные, говоритъ онъ отъ лица всѣхъ русскихъ писателей, служа Россійскимъ музамъ *на досугѣ*, могли *главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества*».

Фонъ-Визину и въ голову не приходило

„Что служенье музъ не терпитъ суеты",

что писательство такой же трудъ на пользу отечества, какъ и государственная служба, съ тою однакожъ разницею, что она благотворнѣе по своимъ результатамъ, потому-что, благодаря типографскому станку, писатель оказываетъ вліяніе на массы, а не на отдѣльныхъ личностей.

Иначе смотрѣлъ на литературу Ник. Ив. Новиковъ. Въ своемъ предисловіи къ «Трутню», 1769 г., онъ иронически про себя говоритъ: «Отъ лѣности никакой еще и службы по сіе время не избралъ: ибо всякая служба не сходна съ моею склонностію. Военная кажется мнѣ безпокойною и угнетающею человѣчество: она нужна, и безъ нея никакъ не можно обойтись; она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная—хлопотлива... надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя... И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однакожъ она не по моимъ склонностямъ... Къ чему жъ потребенъ я въ обществѣ? *Безъ пользы въ свѣтѣ жить—тягчить лишь только землю*, сказалъ славный россійскій стихотворецъ. Сіе взявъ въ разсужденіе, долго помышлялъ, чѣмъ бы могъ я оказать хотя малѣйшую услугу моему отечеству... Наконецъ вспало на умъ, чтобы хотя изданіемъ чужихъ трудовъ принесть пользу моимъ согражданамъ. И такъ вознамѣрился издавать въ семъ году еженедѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ «Трутня».

Николай Ивановичъ Новиковъ родился 27 апр. 1744 года, въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи. Отецъ его служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ и былъ человѣкомъ достаточнымъ. О воспитаніи Новикова, какъ и о ранней юности его, имѣются скудныя свѣдѣнія. Извѣстно, что онъ, подобно другимъ современникамъ, обучался грамотѣ у дьячка. Когда въ 1755 году учрежденъ былъ въ Москвѣ университетъ вмѣстѣ съ двумя гимназіями, Новиковъ четыре года находился въ московской университетской гимназіи. Въ 1760 году за лѣность и нехожденіе въ классы онъ былъ исключенъ изъ университетской гимназіи, о чемъ по современному

университетскому обычаю и было пропечатано въ Московскихъ вѣдомостяхъ—во всеобщее свѣдѣніе.

Поступивъ въ военную службу и пріѣхавъ въ Петербургъ, Новиковъ пошелъ своею дорогою и не терялъ времени даромъ.

Предаваясь чтенію, онъ быстро успѣлъ восполнить пробѣлы своего скуднаго образованія и, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, уже въ 1767 г. «началъ онъ быть извѣстенъ своею склонностію къ словесности, наипаче россійской и успѣхами въ оной».

Н. И. Новиковъ.

Въ 1767 г. въ Москву отправлены были молодые гвардейцы для занятія письмоводствомъ въ коммиссіи депутатовъ для составленія проэкта новаго уложенія; въ числѣ ихъ находился и Новиковъ, который велъ журналы общаго собранія депутатовъ и «читалъ при докладахъ императрицѣ, узнавшей его тогда лично».

Начиная «Трутень», Новиковъ обратился ко всему русскому обществу съ просьбою присылать ему статьи, замѣтки и переводы.

Какъ извѣстно, Новиковъ очень ратовалъ противъ французоманіи, сильно господствовавшей въ то время въ русскомъ обществѣ. Онъ указывалъ между прочимъ на отвращеніе «Россійскихъ господчиковъ къ чтенію русскихъ книгъ» потому только, что онѣ русскія, и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ «французскими литерами».

Въ «Живописцѣ» (1772 г. стр. 63), Новиковъ прославляетъ Екатерину за учрежденіе «собранія старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ». Это «собраніе» учреждено было при С.-Петербургской академіи наукъ.

Императрица приказала ежедневно выдавать по 500 рублей для уплаты переводчикамъ за труды ихъ; по этому поводу Новиковъ замѣтилъ: это лучше, чѣмъ если бы дали переводчикамъ опредѣленное жалованіе: гдѣ должность, тамъ принужденіе, а науки любятъ свободу и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ.

Комиссія время отъ времени публиковала о своихъ занятіяхъ, объявляя о книгахъ, уже изданныхъ, а также и о назначенныхъ къ изданію и переводу. Переводились сочиненія Гомера, Теофраста, Діодора, Тацита, Теренція, Торквато Тассо, Монтескье, Геллерта и многія другія. Нѣкоторыя изъ русскихъ писали на иностранныхъ языкахъ: бывали даже случаи, что иностранныя книги выходили подъ псевдонимомъ русскихъ писателей.

Издавая «Вивліоѳику», Новиковъ испросилъ позволеніе у Екатерины—посвятить ей свой новой трудъ; она сама вычеркнула изъ посвященія нѣкоторыя выраженія: «все то (по словамъ ея), что свѣту показаться можетъ ласкательствомъ». Императрица подписалась на 10 экземпляровъ «Вивліоѳики» и кромѣ того помогла изданію денежными субсидіями. Императрица «соизволила подкрѣпить мое изданіе знатною суммою денегъ», пишетъ Новиковъ при объявленіи объ изданіи своей «Вивліоѳики».

Гонорара за литературныя статьи въ то время не существовало. Иногда въ выноскѣ, въ концѣ статьи или стихотворенія, Новиковъ выражалъ «чуствительнѣйшую благодарность» авторамъ этихъ послѣднихъ.

Въ 1779 г. Новиковъ взялъ на содержаніе университетскую типографію въ Москвѣ. По контракту типографія была ему отдана на 10 лѣтъ за 4,500 рублей въ годъ, причемъ Новиковъ обязывался принять на себя издержки по содержанію типографскихъ служителей.

Въ 1781 году онъ учредилъ при университетѣ *Собраніе университетскихъ питомцевъ* для упражненій въ сочиненіяхъ и переводахъ.

По мысли професора Шварца, Новиковъ основалъ въ 1781 году *Дружеское ученое общество*, въ которое сдѣлали значительные денежныя пожертвованія многія знатныя фамиліи русскаго родовитаго дворянства, напримѣръ, князья Трубецкіе, князь Алексѣй Александровичъ Черкаскій, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій и др. Съ позволенія московскаго главнокомандующаго, графа Чернышева, и съ благословенія архіепископа московскаго Платона, Дружеское ученое общество торжественно было открыто 6 ноября 1782 года, въ присутствіи графа Чернышева. На открытіе его были приглашены всѣ знаменитости Москвы. Въ печатныхъ приглашеніяхъ объяснено, что цѣль этого общества—печатаніе учебныхъ книгъ, что оно уже раздало такихъ книгъ по семинаріямъ на 3,000 рублей и что тридцать молодыхъ людей будутъ содержаться на его счетъ въ педагогической семинаріи.

Членъ общества Ив. Вл. Лопухинъ также открылъ типографію, на что право предоставлено было указомъ 1782 г.—о вольныхъ типографіяхъ. Лопухинъ такъ опредѣляетъ цѣль *Дружескаго ученаго общества*: «цѣль сего общества была: издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности и истинѣ евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовившимся на проповѣдь Слова Божія... Для чего и воспитывались у насъ болѣе 50 семинаристовъ, которые были отданы отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ съ великою признательностію».

Въ упомянутыхъ выше печатныхъ приглашеніяхъ, учрежденіе «Дружескаго общества» мотивировалось такъ: 1) Одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ на предложенный ему вопросъ: что всего труднѣе? справедливо отвѣтилъ: то, чтобы умѣть расположить праздное время. И вотъ сіе самое побудило насъ, учинивъ выборъ друзей, знаменитыхъ своими дарованіями и добродѣтелями, составить общество; и симъ способомъ подкрѣпить себя взаимною помощію, дабы тѣмъ удобнѣе трудъ и упражненіе свободнаго нашего времени обратить въ пользу и къ свѣдѣнію многихъ. 2) Дружеское общество, составленное изъ разныхъ мужей и юношей, имѣетъ цѣлію сихъ различествующихъ другъ отъ друга лѣтами, образомъ жизни, разностью упражненій и дарами счастья соединить между собою. Взаимный между ними союзъ, взаимная благосклоность и взаимныя добрыя качества производятъ имъ взаимную пользу, взаимныя услуги и взаимныя совершенствованія. 3) Особливо же вниманіе дружескаго ученаго общества обращено будетъ къ тому, чтобы тѣ части учености, въ которыхъ, сравнивая ихъ съ прочими,

не столько упражняются—какъ напримѣръ греческій и латинскій языки, знаніе древностей, знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ, употребленіе химіи и другія познанія, процвѣли вящте, и могли приносить свои плоды. 4) Печатать своимъ иждивеніемъ различнаго рода книги, особливо же учебныя, и доставлять ихъ въ училища. 5) Учрежденіе Филологической семинаріи. Сіи семинаристы три года наставляемы будутъ въ предписанныхъ имъ наукахъ со всякимъ раченіемъ, дабы по прошествіи того времени, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, могли они сами вступить въ учительское званіе».

Такимъ образомъ, цѣль «*Дружескаго общества*», кромѣ изданія книгъ, была еще и филантропическая.

Въ одномъ изъ засѣданій Новиковъ говорилъ рѣчь, по случаю бывшаго тогда въ Москвѣ голода, о неслыханной дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Бѣдствія неимущаго класса были описаны имъ столь краснорѣчиво, что все собраніе было тронуто до глубины души. Тогда въ толпѣ слушателей всталъ человѣкъ, подошелъ къ оратору и прошепталъ ему что-то на ухо. Это былъ богачъ Г. М. Походяшинъ. Подъ впечатлѣніемъ рѣчи Новикова, онъ тутъ же отдалъ на помощь бѣднымъ все свое состояніе, простиравшееся около милліона. По другимъ извѣстіямъ, богатство Походяшина простиралось до 3 милліоновъ рублей.

Мало по малу *Дружеское ученое общество* расширяло кругъ своей дѣятельности изданіемъ книгъ и распространеніемъ ихъ въ Россіи.

Въ 1784 году изъ этого общества образовалась *Типографская компанія*. Къ чести Новикова и его друзей слѣдуетъ замѣтить, что ни одна книга, вышедшая изъ ихъ типографіи, не можетъ быть названа пустою, особенно по своему времени. Типографія издавала между прочимъ разныя нравственныя сочиненія для бѣдныхъ, продавая ихъ по самой низкой цѣнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что когда кто-нибудь со стороны приносилъ Новикову, какъ къ издателю, переводъ книги, которую Новиковъ считалъ вредною, онъ покупалъ рукопись и потомъ сжигалъ ее.

Изъ «Росписи книгамъ, печатавшимся въ университетской типографіи Новикова» видно, что число названій простиралось до 455.

Въ 1791 году типографская компанія должна была прекратить свое дѣйствіе, вслѣдствіе того, что Новиковъ замѣшанъ былъ въ Массонское общество, проникнувшее къ намъ съ Запада.

Въ 1792 году Новиковъ былъ арестованъ съ большими предосторожностями. Въ подмосковное селеніе Авдотьино былъ посланъ для

этого цѣлый эскадронъ гусаръ. Новиковъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и заточенъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Нѣсколько лѣтъ провелъ Новиковъ въ крѣпости, скучая бездѣйствіемъ и страдая отъ болѣзней. Единственнымъ развлеченіемъ для знаменитаго русскаго журналиста были куры, которыхъ онъ разводилъ въ своемъ тѣсномъ жильѣ.

Освобожденъ былъ Новиковъ изъ своего заточенія въ 1796 году. Сотоварищъ его по Дружескому обществу С. Гамалѣя такъ описываетъ пріѣздъ Новикова на родину: «Николай Ивановичъ отправился отсюда (изъ Тихвина, куда Новиковъ на пути изъ Шлиссельбурга заѣхалъ къ своему товарищу Гамалѣѣ) въ С.-Петербургъ, получа третьяго дня чрезъ московскаго главнокомандующаго, по письму генералъ прокурора Его Императорскаго Величества, повелѣніе быть въ С.-Петербургѣ. Онъ прибылъ къ намъ 19 ноября поутру, дряхлъ, старъ, согорбенъ, въ разодраномъ тулупѣ и проч. Докторъ и слуга его крѣпче его. Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего. Да будетъ Ему честь, слава и благодареніе за вся вѣчно. Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получили; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній. Вы желали знать, какъ дѣти встрѣтили Николая Ивановича? Сынъ въ безпамятствѣ подбѣжалъ, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ—отецъ ея. Высочайшій указъ уже воспослѣдовалъ объ отдачѣ всего имѣнія Николая Ивановича, сколько онаго въ казенномъ вѣдомствѣ находится. P. S. По написаніи сего, я получилъ письмо Н. И—ча, что онъ 5 декабря представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ-что описать не можетъ—слава Богу!»

Послѣ освобожденія своего императоромъ Павломъ, Новиковъ не является уже на литературномъ поприщѣ; однако, въ 1805 г. у него снова возникло желаніе возобновить свою типографскую дѣятельность,—именно, онъ предложилъ на торгахъ за содержаніе типографіи московскаго университета ежегодную плату 11,000 рублей, но дѣло это не состоялось.

Новиковъ умеръ въ 1818 году.

Еще при жизни Новикова, Карамзинъ писалъ въ 1802 году «о книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи». Въ своей небольшой, но интересной статьѣ, онъ воздаетъ похвалу просвѣщенной дѣятельности Новикова. «За 25 лѣтъ передъ симъ, пишетъ онъ, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не про-

давали въ годъ на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли: умножилъ книгопечатаніе, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ... угадывалъ общій вкусъ къ чтенію... Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо содержательнѣе, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно «Дѣтское чтеніе», которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000».

При Новиковѣ впервые возникли книжныя лавки въ провинціи, именно онъ завелъ ихъ въ слѣдующихъ городахъ: въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ; такъ что Новиковъ является организаторомъ русской книжной торговли.

«Московскія Вѣдомости», которыхъ изданіе Новиковъ принялъ на себя въ 1779 году, съ 1780 года увеличили свой форматъ и установили новое распредѣленіе содержанія. Политическія извѣстія извлекались изъ гамбургскихъ, ирландскихъ, кенигсбергскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и лейденскихъ газетъ. Редакція просила сообщать обо всѣхъ замѣчательныхъ естественныхъ явленіяхъ по всей Россіи, равно и объ открытіяхъ въ наукахъ и художествахъ. Обращались съ особенною просьбою къ архипастырямъ о сообщеніи числа новорожденныхъ, умершихъ и сочетавшихся бракомъ въ каждую треть года, что весьма часто и исполнялось.

Наша дѣтская литература, которая теперь разрослась до значительныхъ размѣровъ, много обязана Новикову: онъ первый въ Россіи основалъ журналъ для дѣтей. Въ 1785 году, при Московскихъ Вѣдомостяхъ, началось изданіе «Дѣтскаго чтенія для сердца и разума». Цѣль журнала была чисто педагогическая: доставить дѣтямъ такое же чтеніе на русскомъ языкѣ, какое они могутъ имѣть на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ.

„Всякому, кто любитъ свое отечество, говорятъ издатели, обращаясь къ дѣтямъ, весьма прискорбно видѣть многихъ изъ васъ, которыя лучше знаютъ по французски, нежели по русски, и которыя, вмѣсто того, чтобы, какъ говорится, съ материнскимъ млекомъ всасывать въ себя любовь къ отечеству, всасываютъ, питаютъ,

возращаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего, что токмо отечественнымъ называется".

Издатели скрываютъ свои имена отъ дѣтей, говоря: „Имянъ нашихъ знать нѣтъ вамъ нужды, а чиновъ и состояній еще меньше: ни то, ни другое не сдѣлаетъ листовъ нашихъ ни лучше, ни пріятнѣе. Довольно того, что мы почти всѣ—россіяне, ваши собратья, любящіе свое отечество и васъ, какъ будущую его опору..."

Карамзинъ вырабатывалъ въ «Дѣтскомъ чтеніи» свой слогъ.

Профессоръ Шварцъ, другъ и сотрудникъ Новикова, свидѣтельствуетъ, что въ 1781 году университетская типографія приведена была въ такое цвѣтущее состояніе, что не много подобныхъ ей можно было указать въ Европѣ, и въ три года при университетѣ напечатано было Новиковымъ книгъ болѣе, нежели за всѣ 24 года существованія университета.

Въ 455 сочиненіяхъ и переводахъ, напечатанныхъ въ типографіяхъ Новикова и продававщихся въ его книжной лавкѣ, пересмотрѣнныхъ въ 1787 году по Высочайшему повелѣнію преосвященнымъ Платономъ, найдено было только 6 книгъ, которыя подвергнуты были запрещенію.

Преосвященный Платонъ о книгахъ изданныхъ Новиковымъ, доносилъ императрицѣ Екатеринѣ II такъ:

„Что же касается до книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Новикова, и мною разсмотрѣнныхъ, я раздѣляю ихъ на 3 разряда.

Въ первомъ находятся книги собственно литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги, въ этомъ родѣ, были болѣе и болѣе распространяемы и содѣйствовали бы къ образованію.

Во второмъ, я полагаю книги мистическія, которыхъ не понимаю, а потому не могу судить о нихъ.

Наконецъ въ третьемъ разрядѣ суть книги самыя зловредныя, развращающія добрыя нравы и ухищряющія подкапывать твердыни святой нашей вѣры..."

Вотъ названія шести книгъ, которыхъ продажа не была разрѣшена.

1) *Апологія, или защищеніе* В. К. (Вольныхъ каменьщиковъ).

2) *Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ В. К.* (Вольнымъ каменьщикамъ).

3) *Карманная книжка для Вольныхъ каменьщиковъ и для тѣхъ, которые не принадлежали къ числу оныхъ.*

4) *О заблужденіяхъ и истинѣ.*

5) *Химическая псалтырь или философія правила о камнѣ мудрыхъ, соч. Парацельса.*

б) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть.

Издательская дѣятельность Новикова была просто изумительна: въ какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ онъ издалъ 455 сочиненій (1779 годъ по 1791 годъ)—цифра весьма крупная и въ наше время, а сто лѣтъ тому назадъ—колоссальная.

Съ величайшимъ интересомъ разсматриваемъ мы теперь роспись Новиковскихъ изданій: онѣ обнимаютъ всѣ отрасли человѣческаго знанія: и исторію, и классическихъ писателей, и географію, и естествознаніе, и медицину. Кромѣ того, есть и много беллетристики—переводной и оригинальной. Двѣ трети всего количества Новиковскихъ изданій посвящены сочиненіямъ общеполезнаго содержанія; и одна треть—сочиненіямъ религіозно-нравственнымъ.

Однимъ словомъ, дѣятельность новиковскаго дружескаго общества есть дѣятельность общенародная, просвѣщенная, по своей интенсивности не имѣющая ничего равнаго себѣ ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Въ 1772 году Новиковъ издалъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», собранный «изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій». Авторъ говоритъ въ предисловіи: «Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сей книги меня побудило. Польза, отъ таковыхъ книгъ происходящая, всякому просвѣщенному читателю извѣстна; не можетъ также быть не вѣдомо и то, что всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, а безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніяхъ прославившихся мужей. Одна Россія по сіе время не имѣла такой книги, и, можетъ быть, сіе самое было погибелью многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣемъ мы свѣдѣнія».

Въ словарѣ собраны свѣдѣнія о триста семнадцати писателяхъ. Особенно подробно говорится о жизни и сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича, Волкова—перваго русскаго актера, Ломоносова, Кантемира и Тредьяковскаго. Изъ общаго числа писателей огромное большинство относится къ XVIII столѣтію и только $^1/_7$ часть приходится на долю писателей предшествовавшихъ вѣковъ. Несмотря на добросовѣстность Новикова, онъ не много нашелъ русскихъ писателей на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ до XVIII столѣтія.

Опытъ словаря писателей былъ единственный въ то время; надо удивляться только, какъ Новиковъ рѣшился предпринять подобное изданіе: труды собирателя даже печатныхъ матеріаловъ усложнялись плохимъ состояніемъ книжной торговли. Не было не

только каталоговъ, но и книжныхъ лавокъ: книги продавались или при типографіяхъ, въ которыхъ печатались, или у переплетчиковъ. Единственный порядочный каталогъ, съ точными заглавіями и съ обозначеніемъ формата и года изданія, изданъ книгопродавцемъ Миллеромъ. Каталогъ его былъ невиданною новостью въ Россіи и единственною пригодною книгою для библіографическихъ справокъ.

По выходѣ въ свѣтъ словаря Новикова, было объявлено въ вѣдомостяхъ, что онъ продается у переплетчика Миллера.

Почти всѣ извѣстія о писателяхъ, впервыя собранныя Новиковымъ, вошли въ позднѣйшія сочиненія о русской литературѣ, въ томъ или другомъ видѣ, съ различными измѣненіями, поправками и дополненіями.

Указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 года.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

Жуковъ.

З.

Заборовскій. Зибелинъ. Золотницкій. Золотой. Зубова.

И.

Иваненко. Игнатій, архіепископъ. Игнатій, дьяконъ. Ильинскій. Иннокентій, архіепископъ. Исаія, архимандритъ. Истоминъ.

І.

оакимъ, курсунянинъ. Іоакимъ, патріархъ. Іоаннъ, архим. Іоаннъ, священникъ. Іосифъ, волоколамскій. Іосифъ, келейникъ. Іова.

К.

Каменскій-Бантышъ. Кантемиръ, Антіохъ. Кантемиръ, Димитрій. Кантемиръ, Сербанъ. Каринъ, Алекс. Каринъ, Николай. Каринъ, Өедоръ. Катавасья, Юрьевъ. Кахановскій. Кемскій, князь. Кипріанъ, митроп. Кириллъ, бѣлозерскій. Климовскій. Княжнина, Екатерина. Княжнинъ. Козачинскій. Козельскій, Яковъ. Козельскій, Өедоръ. Козицкій. Козловскій. Колосовскій. Комаровскій. Кондратовичъ. Кониской. Константинъ, архим. Кошевичъ. Косновичъ. Котельниковъ, Матө. Котельниковъ, Семенъ. Красильниковъ. Крашенинниковъ. Крекшинъ. Кременецкій. Кроликъ. Крутень. Кулибинъ. Кулябка. Курбскій, кн. Кургановъ.

Л.

Лаврентій, арх. Лаврентій, іеромон. Лащевскій. Леванда. Левашовъ. Леонтовичъ, С. Леонтовичъ, Ө. Леонтьевъ. Лепехинъ. Лихачевъ. Лобановъ. Лодыжинскій. Ломоносовъ. Лопатинскій. Луговской, дьяк. Лукинъ. Лухутьевъ (Лихуда, Софроній). Лызловъ. Лящевецкій.

М.

Магницкій. Майковъ. Макарій, митроп. Максимовичъ, Ив. Максимовичъ, М. Максимовъ. Малиновскій. Мамонтовъ. Маркелъ, еписк. Мартиніановъ. Матвѣевъ, бояринъ. Матвѣевъ, графъ. Медвѣдевъ. Меркурьевъ. Миллеръ. Михаилъ, архіерей. Михайловскій. Мнихъ. Могила. Могилеанскій, А. Могилеанскій, Е. Мочульскій. Муравьевъ. Мятлевъ.

Н.

Назарьевъ. Нарожницкій. Нартовъ. Нарышкинъ, А. Нарышкинъ, С. Нащинскій. Несторъ. Несынъ. Никита Ивановъ. Никонъ, архим. Никонъ, патріархъ. Нифонтъ.

О.

Олсуфьевъ.

П.

Палладій, еп. Палицынъ, Авр. Палицынъ, Варл. Памва Берынди. Перекрестовичъ. Перепечинъ. Пермскій. Петровъ, В. Петровъ, митроп. Петровъ, студ. Петрункевичъ. Питиримъ. еписк. Платонъ, арх. Погорецкій. Поликарповъ, Ө. Поликарпъ, архим. Поповскій. Поповъ, М. Поповъ, Н. Порошинъ, Порфирій. Посошковъ. Потемкинъ. Приклонскій. Прокоповичъ, Ө. Прокудинъ. Протопоповъ.

Изъ этого указателя видно, что изъ 317 писателей до 40 писателей были лица духовнаго званія: это все больше—епископы, архіепископы и т. п. Женщинъ—писательницъ насчитывалось всего только 6.

При составленіи словаря писателей, Новиковъ относился чрезвычайно снисходительно къ ихъ литературнымъ заслугамъ. Помѣщены имена авторовъ, которые ни разу не напечатали ни одной строки, и коихъ произведенія хранились гдѣ-либо въ рукописи.

Напримѣръ, «Дегенинъ, генералъ-поручикъ, сочинилъ книгу: описаніе сибирскихъ рудокопныхъ заводовъ, и украсилъ ее многими чертежами. Сія книга рукописною хранится въ Императорской библіотекѣ».

Къ Василію Кирил. Тредьяковскому Новиковъ относится съ глубокимъ уваженіемъ. Умалчивая объ его плохихъ поэтическихъ сочиненіяхъ, онъ говоритъ: «сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія... Приэтомъ, не обинуясь, къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ; а паче къ стихотворству: причемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ, и первый положившій толико труда и прилежанія въ переводѣ на россійскій языкъ преполезныхъ книгъ».

О Сумароковѣ у Новикова читаемъ:

«И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина».

Вслѣдъ за словаремъ сталъ выходить второй сатирическій журналъ Новикова—«Живописецъ». Какъ и въ «Трутнѣ», въ своемъ новомъ журналѣ Новиковъ нападалъ на французоманію.

«Живописецъ» утверждаетъ, что прежде, когда въ нашей литературѣ были романы и сказки—ихъ покупали очень много; теперь же, когда многія наилучшія книги переведены съ иностранныхъ языковъ, ихъ читаютъ мало.

Съ 1773 г. начала выходить въ свѣтъ «Древняя Россійская Вивліоѳика». Цѣлью Вивліоѳики, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи, было—«начертаніе нравовъ и обычаевъ» нашихъ предковъ, чтобы мы познали «великость духа ихъ, украшеннаго простотою».

Кромѣ вышеупомянутыхъ журналовъ, Новиковъ издавалъ еще слѣдующіе журналы: «Кошелекъ» 1774 г., «Утренній свѣтъ» 1777—1780 г., «Экономическій магазинъ» 1780 — 1789 г., «Московское ежемѣсячное изданіе» 1781 г. «Вечерняя заря» 1782 г.,

«Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1783—1784 г. и «Покоющійся трудолюбецъ» 1784—1785 г.

Знакомство съ содержаніемъ этихъ періодическихъ изданій, съ идеями, которыя Новиковъ проводилъ въ жизнь—не входитъ въ предѣлъ нашей задачи: для этого существуютъ особыя монографіи.

Заканчивая нашъ очеркъ о журнальной и издательской дѣятельности Новикова, мы не можемъ не замѣтить еще разъ, что онъ оказалъ глубокое вліяніе на развитіе русской литературы.

Болотовъ, разсказывая объ освобожденіи Новикова изъ крѣпости, при воцареніи императора Павла, признаетъ его «достопамятнѣйшимъ» изъ всѣхъ лицъ, получившихъ тогда свободу; онъ называетъ его человѣкомъ «славнымъ», «прославившимся возстановленіемъ нашей литературы» и приведеніемъ ея «въ короткое время въ цвѣтущее состояніе».

БИБЛІОТЕКИ ВЪ РОССІИ.

Извѣстіе о старинныхъ русскихъ библіотекахъ. Монастырскія библіотеки— въ Соловецкомъ монастырѣ и Троице-Сергіевской лаврѣ. Пользованіе книгами изъ церквей—при обученіи грамотѣ. Библіотеки, основанныя правительствомъ: академическая библіотека и Императорская Публичная библіотека. Богатство нашей библіотеки: Остроміровo евангеліе, Синайская библія, коллекція Дубровскаго, Rossica. Автографы коронованныхъ особъ и русскихъ писателей. Земскія школьныя библіотеки. Уличныя библіотеки.

Немного сохранилось свѣдѣній о старинныхъ русскихъ библіотекахъ.

Когда Василій Ивановичъ по вступленіи своемъ на престолъ „отверзе царскія сокровища древнихъ великихъ князей прародителей своихъ“; то „обрѣте въ нѣкоторыхъ палатахъ безчисленное множество греческихъ книгъ.“

Желая узнать содержаніе оныхъ, Великій князь просилъ Константинопольскаго патріарха прислать человѣка, который могъ бы сдѣлать опись этому книжному богатству. Въ 1506 году прибылъ въ Москву Максимъ Грекъ, и съ честію былъ принятъ Великимъ княземъ и митрополитомъ Симіономъ. Ему отвели мѣсто въ Чудовомъ монастырѣ, а содержаніе получалъ отъ двора великокняжескаго.

Когда Великій князь показалъ ему греческія книги, то Максимъ Грекъ, изумленный безчисленнымъ множествомъ ихъ, воскликнулъ: «Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя моимъ единоземцемъ отъ варваровъ Магометовыхъ».

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ видѣлъ эту библіотеку одинъ дерптскій пасторъ Иванъ Ваттерманъ. По его словамъ, «библіотека состояла изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, и хранилась возлѣ царскихъ покоевъ, въ двухъ каменныхъ сводахъ, какъ драгоцѣнное сокровище». Наслышавшись много хорошаго объ этомъ ученомъ мужѣ, Великій князь велѣлъ разломать каменные своды съ книгами, которые цѣлые сто лѣтъ не откры-

вались. Ватерманъ нашелъ между ними нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, не встрѣчавшихся уже болѣе на Западѣ. По желанію Ивана Грознаго, царскіе дьяки предлагали Ватерману и тремъ иностранцамъ Шрефферу, Шредеру и Бракелю заняться переводомъ одной изъ книгъ, но они убоялись, что ихъ заставятъ переводить и другія (хотя имъ предлагали приличное вознагражденіе), и потому отказались отъ работы, отговариваясь недостаткомъ подготовки. Книги были отнесены опять подъ своды и тщательно сокрыты. Полагаютъ, что Московская библіотека погибла въ смутное время, можетъ быть, при сожженіи Москвы въ 1611 году. Въ библіотекѣ было 800 рукописей. Впрочемъ, изъ этой библіотеки взята была псалтырь *толковая*, переведенная Максимомъ Грекомъ.

Въ древнее время монастыри служили единственными книгохранилищами въ Россіи. О библіотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря можно судить по описи ея, составленной въ 1573 году. Всѣхъ книгъ библіотека заключала 1150, и между ними печатныхъ только 15. Большая часть книгъ—богослужебныя, а небогослужебныхъ было лишь 354.

Въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря насчитывалось 1,343 №№ рукописей и 83 №№ старопечатныхъ книгъ. Хотя начало пустынножительства на Соловецкихъ островахъ положено было еще въ первой половинѣ XV вѣка, однако, основаніе Соловецкой библіотеки восходитъ не далѣе конца XV и начала XVI вѣковъ.

Въ Соловецкій монастырь, не смотря на его отдаленность, стекалась люди со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества; поэтому въ числѣ жертвователей встрѣчаются имена не только новгородцевъ, вологжанъ, псковитянъ, но и москвитянъ, казанцевъ и сибирцевъ. Жертвовали въ монастырь книгами не только духовенство, которое такъ или иначе соприкасалось съ монастыремъ, но и многіе бояре и цари. Изъ московскихъ царей больше всѣхъ жертвовалъ въ Соловецкій монастырь Іоаннъ Грозный. Въ 1539 году онъ пожертвовалъ *Евангеліе письменное* въ полдесть, обложенное червчатымъ бархатомъ, на немъ распятіе и лики евангелистовъ серебряные позолоченые. Всего имъ пожертвовано 13 книгъ.

Въ 1694 году, царь Петръ Алексѣевичъ пожертвовалъ *Евангеліе.*

Послѣ митрополита св. Филиппа осталось въ монастырѣ 9 №№ его рукописей.

Патріархъ Никонъ оставилъ *служебникъ*, съ слѣдующею соб-

ственноручною припискою самаго Никона «продалъ я Никонъ сію книгу священнику Геронтію въ 126 году, мая въ 3 день».

Библіотека Троице-Сергіевской лавры по своему богатству и значенію для древней Руси занимаетъ собою едва-ли не самое видное мѣсто. Царь Михаилъ Өеодоровичъ, возлагая на преподобнаго Діонисія исправленіе Требника писалъ: «У живоначальныя Троицы у васъ, Чудотворцевѣ въ Сергіевѣ обители книгами исполнено». Изъ Лавры были взяты въ Москву рукописныя книги, частію «книгъ печатнаго дѣла исправленія ради», напримѣръ, «Библія письменная, въ десть, дачи Варлаама митрополита всея Руси», частію «на обличеніе раскольниковъ».

Троицкая библіотека составилась изъ пожертвованій, вкладовъ, а также и отъ переписыванія.

Въ 1616 году въ лаврѣ была уже «многобогатная божественныхъ описаній книгохранильница». По описи монастыря 1642 г. между другими книгами означены: «Два служебника на харатьѣ»; свертки на деревцѣ, чудотворнаго Сергія. Эта рукопись, принадлежавшая, вѣроятно, самому основателю монастыря св. Сергію, въ настоящее время не сохранилась. Псалтырь въ полдесть, на бумагѣ, письмо Ісаака-молчальника (ум. 1374 г.).

Въ XVI и XVII вв. лаврскою библіотекою завѣдывали особые «старцы», называвшіеся книгохранителями.

Въ должность библіотекаря избирались монахи, іеродіаконы и іеромонахи и т. п.

Книги Троицкой лавры—преимущественно церковныя и духовно-историческаго содержанія.

По описи 1854—1857 годахъ, въ лаврской библіотекѣ насчитывалось однихъ только рукописныхъ книгъ 823, изъ нихъ 44 писаны на пергаментѣ и 12—на бомбицинѣ.

По времени происхожденія (написанія) рукописи распредѣлялись такъ:

XII	столѣтія	. .	2	рукописи.
XIII	„	. .	3	„
XIV	„	. .	41	„
XV	„	. .	156	„
XVI	„	. .	400	„
XVII	„	. .	200	„
XVIII	„	. .	21	„

Какъ видно изъ приведенной таблицы, на XVI столѣтіе выпадаетъ наибольшее количество рукописей.

Кромѣ рукописей, въ 1878 году въ лаврѣ было 6,500 печатныхъ книгъ.

Изъ самыхъ объемистыхъ рукописей—въ Лаврѣ обращаетъ на себя вниманіе Псалтырь, писанная полууставомъ XVI вѣка: въ ней насчитывается 1,314 листовъ! На 1235 листѣ имѣется любопытная статья неизвѣстнаго автора: «Въ первый день луны Адамъ сотворенъ бысть. Въ той день на все строенъ: купити и продати, и по водѣ плавати и проч. Во второй день луны—отъ вечера Ева сотворена бысть отъ ребра Адамова. Въ той день все строити добро: бракъ—свадьбы творити, вино и медъ переливати, съ властели большими бесѣдовати и т. д. Въ 24-й день луны Фараонъ родился. Въ той день добро въ великій санъ влѣзти...» и т. д.

Замѣчателенъ и хранящійся при библіотекѣ старинный вотчинный архивъ: въ немъ встрѣчаются историческія и хозяйственныя свѣдѣнія о многихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ владѣнія лавры находились почти во всей Россіи. Въ числѣ древнѣйшихъ подлинныхъ актовъ сохранилась грамота князя Өеодора Андреевича Пр. Никону — на озера, писанная на лоскутѣ бумаги, длиною съ небольшимъ въ вершокъ, шириною около двухъ вершковъ.

Рукописи Троице-Сергіевской библіотеки даютъ богатый матеріалъ для изученія древняго рукописнаго дѣла. Почти на каждой книгѣ имѣются «послѣсловія», которыя важны для насъ, между прочимъ, и тѣмъ, что даютъ понятіе о происхожденіи монастырской библіотеки.

На многихъ книгахъ имѣется лаконическая надпись:

«Ся Троецкая» (книга).

На другихъ къ этой надписи прибавлено: «да никто же никако же не покусится отдѣлити ея отъ того монастыря».

Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе любопытныхъ надписей.

Псалтырь XV в. (№ рукописи: 3-й) «А сію псалтырь писалъ старець Пафнутіе» Апокалипсисъ Толковый XV в.: «Лѣта 7173 (1665 г.) далъ въ домъ Живоначальныя Троицы въ Сергіевъ монастырь сію книгу Апокалипсисъ Келарь старець Симонъ Азарьинъ во вѣки неотъемлемо никому».

Ефрема Сирина Поученія XIII вѣка: «Господи, помози рабу своему, дай Богъ ему гораздо писати, рука бы ему крѣпъка» Іоанна Лѣствичника 1425 г. (№ 185): «Источнику сущу на мѣстѣ, кто жаждею истаешь, явѣ есть, яко не приходяй къ нему. Сице и сія книга источнику есть подобна: аще кто съ усердіемъ разогнувъ прочтеть, напоитъ душу свою живоносныя воды и не вожаждется во вѣки, яко же Господь къ Самарянынѣ глаголя.

Писаны быша сія книги въ лѣто 1425, въ царстѣй обители Св. Троицы, въ окрестныхъ града Москвы, въ потружени св. старца Сергія игумена бывша тояжде обители, юже бѣ самъ сътавилъ. Преподобнаго ти молитвами Христе помилуй насъ».

Четвероевангеліе 1472 года: «И аще ся буде гдѣ описалъ недосяженіемъ ума или съ другомъ бсѣдуя, или възрѣніемъ ока, и вы господа отцы и братія, честная господа священноиноцы, попы и діаконы и благоразумніи діяцы, исправливая чтите, Бога ради, а мене грѣшнаго не кляните».

Если книга поступила изъ другаго монастыря, то это видать по надписи, напримѣръ: «сія книга Кержацкаго монастыря» и т. п.

Несомнѣненъ фактъ, что въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ при церквахъ и по церковнымъ книгамъ учились у насъ грамотѣ.

Стоглавъ свидѣтельствуетъ объ ученіи при церквахъ, когда говоритъ: «и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ, поютъ и учатся и пишутъ съ нихъ». Въ немъ поставляется, что попы и дьяконы должны открыть при церквахъ школы для крестьянскихъ дѣтей, а Поссевинъ сообщаетъ даже, что школы эти дѣйствительно существовали.

Въ древнее время, въ особенности до введенія въ Россіи книгопечатанія, русскій народъ если и пользовался книгами, то, преимущественно, въ церквахъ и монастыряхъ. Въ юридическихъ актахъ, 1686 года, сохранилась одна «порядная», въ которой пономарь обязуется: «будучи у тое церкви въ пономарѣхъ, о церковномъ о всемъ радѣть и смотрѣть накрѣпко, и книгъ беречи, и малымъ ребятамъ, въ кои дни доводетца по книгамъ говорить, и ему, Архипу, надъ ними смотрѣть, и приказывать накрѣпко, чтобы они, говоря по книгамъ, книгъ берегли, не драли, и воскомъ словъ не закапывали, и по домамъ безъ просу и безъ вѣдома никто не бралъ, и ему, Архипу, къ себѣ въ домъ для наученія своихъ дѣтей грамотѣ — церковныхъ книгъ не имать».

Ясно, что церковныя книги были доступны не однимъ священнослужителямъ, но и прихожанамъ.

Въ одномъ монастырскомъ документѣ находимъ упоминанія о продажѣ изъ этого монастыря книгъ.

Въ большихъ монастыряхъ списываніе книгъ *для продажи* было дѣломъ правильно и широко организованнымъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ, напримѣръ, надписей на книгахъ Соловецкаго монастыря: «казенная, пишутъ съ нея книгописцы», или: «живетъ въ книжной палатѣ и пишутъ съ нея житія въ денежную казну на продажу».

Въ Соловецкомъ монастырѣ въ древнее время была такъ называемая «казенная орфографія»: это—особое помѣщеніе, гдѣ работали писцы, занимавшіеся исключительно перепискою книгъ для продажи.

Наибольшее количество всевозможныхъ рукописей,—священныхъ и богослужебныхъ книгъ, твореній отцевъ церкви и сборниковъ самаго разнообразнаго содержанія,—сохранилось до нашего времени отъ XVI вѣка. Преосвященный Макарій говоритъ, что отъ XVI вѣка дошло до насъ рукописей разнаго содержанія—болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ въ совокупности. Достойно замѣчанія, что именно это время считается самою цвѣтущею порою русскаго монашества.

Между тѣмъ какъ съ XI до XIV в. возникло только 90 монастырей, въ XIV в. и въ половинѣ XV в. ихъ открылось до 150, въ XVI в. вновь возникло до 100 монастырей, а въ XVII в.—220 монастырей. По описи, въ половинѣ XVIII вѣка всѣхъ монастырей было 966, изъ числа которыхъ 726 мужскихъ и 240—женскихъ.

Флетчеръ, посѣтившій Россію во второй половинѣ XVI вѣка, называетъ ее «страною монастырей».

«Тамъ, говоритъ онъ, безчисленное множество монаховъ, и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой нибудь католической странѣ. Они снуютъ въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень».

Что касается до книгъ въ церквахъ, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и относительно количества, то имѣются нѣкоторыя довольно любопытныя данныя, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ—въ XVI вѣкѣ. Сохранились въ рукописяхъ и частію уже изданы въ печати «писцовыя книги», заключающія подробныя описи церквей восьми городовъ: Коломны, Можайска, Казани, Свіяжска, Тулы, Венева и Лаишева.

Всего въ упомянутыхъ городахъ описаны книги 34 церквей и 14 монастырей; церквей же о книгахъ, которыхъ не имѣется свѣдѣній—до семидесяти.

Въ этихъ 34 церквахъ и 14 монастыряхъ оказалось 1500 книгъ: всего 95 названій; изъ нихъ: библейскихъ — 376, богослужебныхъ—772 и прочихъ 343. Среднимъ числомъ, на каждую церковь и монастырь приходится около 30 книгъ.

Подобно тому, какъ и монастыри въ Россіи созидались вѣками, такъ точно и монастырскія библіотеки составлялись мало-по-малу, временемъ. Монастырскія библіотеки, по своему содержанію, духовно-нравственнаго содержанія.

Самыя замѣчательныя библіотеки въ Россіи—тѣ, которыя осно-

ваны правительствомъ. Изъ нихъ особенно громкой извѣстностью пользуются: Императорская публичная библіотека и Академическая библіотека. Обѣ онѣ своимъ происхожденіемъ обязаны войнѣ, во время которой онѣ, между прочимъ, и были отняты у нашихъ бывшихъ западныхъ сосѣдей—остзейскихъ нѣмцевъ и поляковъ.

Нынѣшняя библіотека при Академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось съ 1728 г. доступнымъ для общественнаго пользованія. Основаніе этой библіотеки въ Петербургѣ было дѣломъ случая: во время занятія нашими войсками въ началѣ XVIII столѣтія городовъ въ остзейскихъ провинціяхъ, отбирали находимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ, такимъ способомъ пріобрѣтено до 2500 томовъ сочиненій, по большей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ, гдѣ онѣ складывались во дворцѣ, въ Лѣтнемъ саду.

Въ 1719 году библіотека не могла уже вмѣщаться въ Лѣтнемъ дворцѣ и была переведена въ домъ Кикина, близь Смольнаго двора, на берегу Невы, прямо противъ Охтенскихъ слободъ.

Библіотека помѣщалась здѣсь до 1728 г.: съ открытіемъ Академіи наукъ, ей оставаться на старомъ мѣстѣ было неудобно, такъ какъ отъ Шафировскаго дома (на Петербургской сторонѣ), гдѣ сначала жили академическіе профессора, помянутыя Кикинскія палаты отстояли на 4 версты. Поэтому въ 1728 году она переведена на Васильевскій островъ, въ особое зданіе, въ которомъ находится и донынѣ.

Безъ сомнѣнія, всякая публичная библіотека, какъ средоточіе коллективнаго ума всего человѣчества, должна пользоваться особеннымъ вниманіемъ общества. Подобно академической библіотекѣ, знаменитое столичное книгохранилище досталось намъ, какъ военные трофеи послѣ взятія Суворовымъ Варшавы. Графъ Іосифъ Залусскій, епископъ кіевскій, собственнымъ иждивеніемъ, въ продолженіе 43 лѣтъ, собралъ богатую библіотеку, въ которой насчитывалось до 300,000 томовъ и 10,000 рукописей. Отказавшись отъ удобствъ жизни, ограничивая свой обѣдъ кускомъ хлѣба и сыра, неутомимый библіоманъ употребилъ все свое состояніе на покупку книгъ. Обстоятельства благопріятствовали ему. Въ то время книжныя сокровища хранились, обыкновенно, въ монастыряхъ, гдѣ-нибудь на чердакахъ. Невѣжественные монахи не понимали цѣны своимъ сокровищамъ и поэтому не дорожили ими. Братъ Іосифа Залусскаго—Андрей Залусскій умножилъ библіотеку отборными книгами, взятыми изъ музея польскаго короля Іоанна III. Послѣ смерти Андрея, Іосифъ Залусскій утвердилъ какъ домъ, такъ и всю

библіотеку, по сдѣланному имъ завѣщанію, 1761 г., варшавскому іезуитскому коллегіуму. Такимъ образомъ, величайшія драгоцѣнныя рукописи, инкунабулы, уникаты и такъ называемые фениксы, или какъ отмѣчаетъ ихъ Залусскій, книги болѣе рѣдкія, чѣмъ бѣлые вѣроны, мало-по-малу сосредоточились въ варшавскомъ дворцѣ. 3 августа 1747 г. Іосифъ Залусскій торжественно открылъ свою библіотеку для публики. При открытіи присутствовали король и знатнѣйшіе магнаты.

Въ 1767 г., по распоряженію русскаго посланника Репнина,

Императорская Публичная библіотека.

Залусскій былъ арестованъ и отправленъ на житье въ Калугу, а библіотека изъ Варшавы была переведена въ Петербургъ. Живя въ Калугѣ, Залусскій все-таки заботился о своей библіотекѣ: такъ, онъ выписалъ для нея изъ Голландіи книгъ на сумму 3,000 червонцевъ. Изъ Варшавы библіотеку перевозили въ Петербургъ осенью, во время распутицы. Нѣсколько ящиковъ во время пути было подмочено, другіе расшатались, а потому библіотека потерпѣла нѣкоторую убыль: «иныя книги сопрѣлись, другія потеряны или разрознены». Когда библіотека прибыла въ столицу, то въ ней насчи-

тывалось 262,640 томовъ и 24,500 эстамповъ. Одно богословіе простиралось до 40,000 томовъ.

Во время пути часть библіотики была расхищена, чему доказательствомъ служитъ фактъ, что потомъ въ Польшѣ встрѣчались книги за подписью Залусскаго. По прибытіи библіотеки въ Петербургъ, императрица Екатерина II приказала придворному архитектору Соколову составить планъ для библіотеки.

Вначалѣ предполагалось устроить библіотеку въ грандіозныхъ размѣрахъ. Такъ, надъ библіотекой намѣчено было устроить обсерваторію для астрономическихъ наблюденій, куда, между прочимъ, хотѣли поставить знаменитый телескопъ Гершеля. Кромѣ этого, предполагавшійся зимній садъ при библіотекѣ долженъ былъ служить мѣстомъ отдохновенія для утомленныхъ читателей. Всѣмъ этимъ широкимъ замысламъ, напоминавшимъ сады Семирамиды, однако, не суждено было сбыться. Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ библіотека была приведена въ систематическій порядокъ. Прежде всего надлежало разобраться въ хаосѣ книгъ, привести въ извѣстность доставшееся сокровище: приступили къ описи книгъ. Повидимому, самое пустое дѣло—составить опись имѣющимся книгамъ, ибо для этого достаточно списать только заглавный листъ книги. Однако, самый способный библіотекарь въ 6 часовъ усидчивой работы не можетъ описать съ должнымъ тщаніемъ болѣе 35 книгъ.

При вступленіи барона Корфа въ должность директора 1849 г., изъ 640,000 томовъ, составлявшихъ тогда библіотеку, оставалось неописанными около 600,000 книгъ! Десять лѣтъ спустя, 1859 г. изъ 849,900 томовъ оставалось не внесенными въ каталоги менѣе 50,000 томовъ.

Кромѣ книгъ и рукописей изъ Польши, въ библіотекѣ обращаетъ на себя вниманіе такъ называемая «коллекція Дубровскаго», вывезенная изъ Франціи.

Въ 1805 году Императоръ Александръ I пожаловалъ Публичной библіотекѣ «собраніе Дубровскаго».

Богатѣйшая коллекція Дубровскаго заключала въ себѣ: 1) образцы всѣхъ разнообразныхъ графическихъ школъ, процвѣтавшихъ въ Европѣ съ IV вѣка до самаго изобрѣтенія книгопечатанія, 2) памятники миніатюрной живописи римской — до школы Рафаэля, 3) огромное количество мемуаровъ, писемъ и автографовъ (однихъ послѣднихъ до 8000) многихъ монарховъ Европы и разныхъ лицъ, прославившихся на государственномъ, или ученомъ поприщахъ.

Петръ Дубровскій былъ нашимъ неоффиціальнымъ агентомъ за границею для собиранія рѣдкихъ книгъ.

Благодаря его неусыпнымъ стараніямъ, Императорская Публичная библіотека обогатилась такими драгоцѣнностями, которыя составляли гордость и украшеніе королевскихъ дворцовъ и библіотекъ Франціи.

Драгоцѣнныя рукописи достались намъ не какъ трофеи войны, а какъ патріотическій подвигъ Дубровскаго, умѣвшаго воспользоваться въ Парижѣ, во время первой французской революціи.

Во время своего 25-лѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Римѣ, Мадридѣ и другихъ замѣчательнѣйшихъ городахъ Европы, онъ посвятилъ свое время собиранію, съ одной стороны, памятниковъ европейской письменности до изобрѣтенія книгопечатанія, а съ другой— важныхъ автографовъ знаменитыхъ лицъ міра сего; а также собиранію документовъ, относящихся къ исторіи позднѣйшаго времени. Ужасы французской революціи весьма много способствовали къ осуществленію его стремленій. Въ Парижѣ, когда буйный пролетаріатъ взламывалъ двери правительственныхъ мѣстъ и сокрушалъ великолѣпныя палаты и сіяющіе золотомъ дворцы аристократовъ—нашъ библіоманъ являлся къ каждому свѣжему погрому за добычею своего рода. Тайныя хранилища, открытыя революціей, и особливо славная библіотека аббатствъ Сенъ-Жерменскаго и Кербійскаго, наиболѣе его обогатили. Все свое умѣренное сбереженіе онъ употреблялъ на покупку книгъ.

Вотъ что пишетъ о заслугахъ Дубровскаго библіотекарь парижской библіотеки Мармье, который въ 1830 годахъ совершилъ археологическое путешествіе по сѣверной Европѣ.

«Въ первые годы нашей первой революціи находился во Франціи русскій дипломатъ Дубровскій, который путешествовалъ по Англіи, Германіи, изучая повсюду каталоги, отыскивая рѣдкія книги, и который прибылъ въ Парижъ, именно въ ту пору, когда онъ могъ вполнѣ удовлетворить за-даромъ своей библіографической страсти. Во времена волненій и безпорядковъ, убійствъ и терроризма, никто не обращалъ никакого вниманія на значеніе библіотекъ и важность рукописей. Монастырскія и дворцовые архивы были разграблены и разрушены, хранившіяся въ нихъ книги выбрасывались чернью на улицу или продавались за безцѣнокъ. Находчивый Дубровскій, прикрываясь своимъ дипломатическимъ званіемъ, пользовался свободными входами повсюду и вездѣ, по разрушеніи Бастиліи и разграбленіи аббатствъ, освѣдомлялся, гдѣ могъ, достать даромъ или пріобрѣсть за какую нибудь ничтожную плату рукопись, дипломъ, собраніе неизданныхъ писемъ и книги, если онѣ представляли дѣйствительно что-либо замѣчательное и любопытное. Нужно отдать справедливость, что дипломатъ понималъ

цѣнность всего этого, и потому неудивительно, что на этомъ необозримомъ полѣ онъ воспользовался обильною жатвою; онъ не терялъ времени для разсматриванія какой-нибудь обыкновенной книжонки.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился въ свое отечество, увезя съ собою одну изъ драгоцѣннѣйшихъ коллекцій, какая существуетъ на свѣтѣ—эти пергаментныя рукописи, неизданные документы, эти неоцѣнимыя сокровища, похищенныя изъ архивовъ, и невозвратно потерянныя для нашей исторіи».

Слѣдуетъ замѣтить, что еслибы Дубровскій не собиралъ книжныя драгоцѣнности, онѣ легко могли быть уничтожены французской разъярившейся черныо; а теперь всѣ эти сокровища хранятся въ нашей библіотекѣ, гдѣ ими не разъ пользовались французскіе ученые, отдававшіе справедливость заслугамъ Дубровскаго.

По поводу осмотра въ нашей библіотекѣ коллекцій Дубровскаго, Мармье пишетъ:

«На длинныхъ полкахъ, на которыхъ помѣщается эта французская библіотека и которыхъ большое пространство я измѣрялъ съ грустью глазами, я замѣтилъ 120 томовъ in folio писемъ нашихъ королей и принцевъ, 150 томовъ — разныхъ знаменитыхъ людей, одинъ томъ писемъ Морица къ Генриху IV и множество писемъ разныхъ министровъ и французскихъ посланниковъ. Между рукописями мнѣ показывали одинъ листъ бумаги, на которомъ Людовикъ XIV написалъ въ рядъ шесть разъ съ трудомъ разставленными буквами: «L'hommage est dû aux voix, ils sont tout ce qui leur plait». Эту мудрую аксіому наставникъ давалъ своему августѣйшему воспитаннику копировать, какъ упражненіе въ чистописаніи».

Далѣе Мармье описываетъ молитвенникъ Елизаветы англійской, который эта несчастная принцесса имѣла съ собою во время продолжительнаго заточенія.

Вернувшись въ Россію, Дубровскій повергнулъ свою коллекцію въ даръ Императору Александру I.

Государь милостиво изволилъ принять «собраніе Дубровскаго» и наградилъ его по царски: единовременной субсидіей въ 15.000 р. и пожизненной пенсіей въ 3,000 рублей ежегодно, а также и чинами и орденами.

Наша библіотека по количеству книгъ считается третьей въ мірѣ. Каждый годъ въ нее поступаетъ среднимъ числомъ 25,000 томовъ, для помѣщенія которыхъ требуется площадь въ 40 квадратныхъ саженъ.

При императорѣ Александрѣ I Публичная библіотека открыта

для публики и получила Высочайшее утвержденіе какъ штата, такъ и положенія о ней. По закону, всякій авторъ обязанъ жертвовать для нея по два экземпляра вновь вышедшей книги. При Оленинѣ библіотека была приведена въ такой порядокъ, что 2 января 1812 г. ее посѣтилъ императоръ. И уже предполагали открыть для публики.... Какъ вдругъ на политическомъ горизонтѣ появились грозныя тучи. Наполеонъ со своею арміею шелъ на Россію. Время было не для чтенія. Опасались за цѣлость самой библіотеки. Всѣмъ извѣстно было, какъ распоряжался въ Италіи генералъ Бонапартъ съ сокровищами наукъ и искусствъ.

До Бородинскаго сраженія еще думали, что непріятеля не допустятъ къ Москвѣ, но когда стало извѣстно, что Москва взята, начали подумывать, какъ бы поскорѣе выбраться изъ Петербурга.

Архивы большей части казенныхъ учрежденій стали укладывать въ ящики и приготовлять къ отправкѣ свои дѣла и бумаги— въ Вологду.

Смотря на правительство, и многіе изъ жителей стали торопиться, какъ бы поскорѣе выбраться изъ Петербурга. Такъ напримѣръ, книгопродавецъ И. П. Глазуновъ купилъ лодку-тихвинку, въ которую и намѣревался нагрузить свое имущество и кипы книгъ, которыя казались поцѣннѣе, изъ обширныхъ своихъ кладовыхъ, чтобы отправиться вверхъ по Невѣ и далѣе.

Всеобщая паника среди петербургскихъ обывателей увеличивалась все болѣе и болѣе.

По повелѣнію Александра I, 150,000 отборныхъ рѣдчайшихъ книгъ были укупорены въ 180 огромныхъ деревянныхъ ящикахъ и отправлены въ дремучіе лѣса Олонецкой губерніи, гдѣ они и хранились въ деревнѣ Устланкѣ, въ продолженіе 3 мѣсяцевъ.

Приводимъ здѣсь любопытную исторію бѣгства нашей библіотеки изъ Петербурга въ Петрозаводскъ. Подъ надзоромъ Сопикова отправлено 189 ящиковъ, изъ которыхъ въ 142 находились книги, въ 36—рукописи, въ 7—вазы, принадлежащія Публичной библіотекѣ, и въ 4—вещи министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго. Весь этотъ тяжелый грузъ, вѣсомъ болѣе трехъ тысячъ пудовъ, для котораго нанято было особое судно, Сопиковъ долженъ былъ доставить въ Петрозаводскъ, водою. Вслѣдствіе противнаго вѣтра, бригъ, на которомъ находился Сопиковъ съ ввѣренными ему вещами, простоялъ у Невскихъ пороговъ съ 30 сентября по 6 октября 1812 г.

Снявшись съ якоря отъ Невскихъ пороговъ и пройдя Кошкину мель, лежащую при выходѣ изъ Невы, на Ладожскомъ озерѣ, верстахъ въ четырехъ выше Шлиссельбурга, судно двинулось въ даль-

нѣйшій путь при слѣдующихъ обстоятельствахъ, подробно описанныхъ Сопиковымъ:

«Судно наше, пишетъ Сопиковъ, какъ было предположено, совсѣмъ изготовясь, при свѣжемъ вѣтрѣ и при слабомъ лунномъ свѣтѣ, пошло въ назначенный путь. Небо стало покрываться облаками; вѣтеръ вдругъ сдѣлался порывистъ и очень окрѣпъ, пошелъ сильный дождь. Судно, не смотря на то, что подобрали паруса, оставивъ только два, неслось съ такою скоростію, что въ теченіи 9 часовъ успѣло пробѣжать 160 верстъ. Волненіе было жестоко, качаніе судна чрезвычайное. Мы всѣ заплатили общую дань свирѣпствовавшей стихіи: сильно захворали и слегли.

Но къ счастію, это безпокойное состояніе продолжалось не долѣе 2 часовъ пополудни. Въ третьемъ часу вѣтеръ сталъ стихать. Около половины 7-го вѣтеръ совсѣмъ утихъ, и судно бросило якорь въ 7 верстахъ отъ устьевъ Свири. Пройдя устье Свири, остановились у большаго села Сермовки, при соединеніи двухъ рр. Свири и Сермовки, гдѣ на находящейся заставѣ записываются всѣ суда, идущія р. Свирью.

Надежды Сопикова и его спутниковъ не осуществились: имъ пришлось остановиться на зимовку въ деревнѣ Устланкѣ. 23 октября 1812 г. Сопиковъ писалъ:

«Ввѣренный мнѣ бригъ съ вещами Императорской Публичной библіотеки пошелъ рѣкою Свирью, а 19 числа, доплывъ благополучно до деревни Устланки, при сей рѣкѣ въ 30 верстахъ выше Лодейнаго поля находящейся, остановился зимовать въ мѣстѣ удобномъ и безопаснѣйшемъ, какое только есть по всему теченію рѣки Свири; ибо наступила погода съ морозами, не дозволяющая намъ продолжать нашего плаванія. Я съ помощникомъ своимъ и воинской командой съ судна перебрался на квартиру въ 2 крестьянскія избы въ сказанной деревнѣ, не болѣе въ 100 саженяхъ разстоянія отъ нашего судна, которое, кромѣ всегдашней воинской на немъ стражи, посѣщается мною ежедневно. Грузъ судна и люди, мнѣ ввѣренные, находятся въ добромъ состояніи».

10 ноября 1812 г., когда пронеслась политическая буря, по миновании опасности для Петербурга, послѣдовало распоряженіе о перевозкѣ вещей Публичной библіотеки обратно въ Петербургъ, и 19 декабря 1812 г. Сопиковъ привезъ ихъ въ Петербургъ «благополучно и въ добромъ состояніи». И библіотеку, наконецъ, торжественно открыли 2 января 1814 года При открытіи присутствовали всѣ знатнѣйшіе сановники столицы. Крыловъ прочиталъ свою басню «Водолазы». Любопытно припомнить вкратцѣ содержаніе этой басни, безъ сомнѣнія, приноровленной къ «злобѣ дня».

„Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе-ль вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ,
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе-ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, государь собираетъ совѣтъ «разумниковъ», на которомъ бы всякій «хоть слогомъ не кудрявымъ, но съ толкомъ лишь согласно здравымъ», высказалъ свое мнѣніе. Но совѣтъ ни къ чему не привелъ. Однажды, въ полѣ, государь встрѣтилъ «пустынника съ сѣдою бородой и съ книгою въ рукахъ большой».

Къ нему царь и обратился за рѣшеніемъ вопроса. Пустынникъ, разсказавши притчу о водолазахъ, спускавшихся на дно морское за жемчужными раковинами и нерѣдко тамъ погибавшихъ, высказываетъ слѣдующее нравоученіе:

„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою“.

Со дня открытія библіотеки, количество читателей все болѣе и болѣе увеличивалось, такъ что прежняя маленькая читальня не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ заниматься. Вслѣдствіе этого, 1858 г. рѣшено было расширить помѣщеніе библіотеки устройствомъ нынѣшней читальной залы. Для этой цѣли, старшій библіотекарь Собольщиковъ ѣздилъ за границу, чтобы осмотрѣть читальныя залы въ другихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ книгохранилищахъ Европы: при обзорѣ предполагалось позаимствовать все хорошее и избѣжать худаго.

Въ 1860 г. приступили къ постройкѣ читальной залы. Въ основаніе ея положена надпись, изсѣченная на камнѣ, который и былъ «камнемъ основанія». Вотъ эта надпись:

«Въ лѣто отъ Рождества Христова 1860, царствованія же императора Александра Втораго—въ шестое, мѣсяца іюня, въ 29 день, положенъ сей камень въ основаніе зданія читальной залы, сооружаемой при Императорской публичной библіотекѣ по сему плану (въ этомъ мѣстѣ на камнѣ изображенъ планъ постройки). Постройка начата при министрѣ Императорскаго Двора графѣ Владимірѣ Өедоровичѣ Адлербергѣ, при директорѣ библіотеки баронѣ Корфѣ, при помощникѣ его князѣ Одоевскомъ. Строителемъ былъ архитекторъ и старшій библіотекарь Василій Собольщиковъ. Сотрудникомъ же его—Иванъ Горностаевъ. По распоряженію Министерства

Императорскаго Двора, работы условился произвести купецъ первой гильдiи Н. Никитинъ».

Читальное зало разсчитано на 200 человѣкъ. Всего 20 столовъ, за каждымъ по 10 читателей. Посрединѣ, въ длину всего зала, широкiй проходъ. Высокiе потолки увеличиваютъ кубическое содержанiе воздуха, что особенно важно при многочисленности читателей, занимающихся впродолженiе цѣлаго дня, особенно осенью и зимою. Зало освѣщено пятью большими окнами, въ 7 аршинъ высоты, съ тонкими желѣзными переплетами. Окна прорѣзаны на верху читальни, ближе къ потолку, во избѣжанiе того, чтобы разношерстныя сосѣднiя зданiя Невскаго проспекта не отражали сюда свои смѣшанные цвѣта.

Дѣйствительно, благодаря этому приспособленiю, читальня получаетъ чистый естественный свѣтъ, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одна частная библiотека столицы. Жаль, что окна находятся только съ одной стороны, такъ что все-таки замѣтенъ нѣкоторый полумракъ. Въ зимнiе темные вечера зала освѣщается газомъ. На каждомъ столѣ по двѣ лампы съ абажуромъ. Во избѣжанiе пожара, газовое освѣщенiе полагаютъ замѣнить электрическимъ. Конечно, вопросъ о сохраненiи книжныхъ сокровищъ, собранныхъ вѣками, по справедливости, считается первою, самою важною заботою всякаго книгохранилища.

Считается священною обязанностью передать въ сохранности грядущимъ поколѣнiямъ все, что мы сами унаслѣдовали.

На случай огня, надъ библiотекой находится огромный бакъ съ водою, которою можно залить всю библiотеку. Но—увы!—всякiя сокровища «и тля тлитъ, и тать крадетъ». Мѣховая моль, наприм., поѣдаетъ все безъ разбору: и царственныя порфиры, и овчиную одежу бѣдняка.

Какъ ни драгоцѣнны для любителей ихъ книги, коллекцiи гравюръ, картинъ и других предметовъ искусства и науки, но и эти сокровища имѣютъ своихъ опасныхъ враговъ между насѣкомыми! Клещъ eruditus ѣстъ клейстеръ, которымъ бумага приклеена къ переплету, и такимъ образомъ разрушаетъ этотъ послѣднiй. Гусеница маленькой ночной бабочки заводится въ сырыхъ старыхъ книгахъ, между листами, и много вредитъ имъ, такъ что эти грабители похищаютъ изъ рукъ библiофиловъ многiя печатныя рѣдкости, которыя въ нашъ вѣкъ цѣнятся библiоманами на вѣсъ золота. Маленькiе сверлящiе дерево жучки также нападаютъ на книги и просверливаютъ даже по нѣскольку томовъ кряду. Такъ, въ одной рѣдко посѣщавшейся библiотекѣ двадцать семь томовъ in-folio были просверлены по прямому направленiю однимъ и тѣмъ-

же насѣкомымъ, такъ что, просунувъ веревочку, можно было поднять за-разъ всѣ двадцать семь томовъ. Эти «животныя» истребляютъ также гравюры, рисунки и масляныя картины. Такъ, напримѣръ, въ національной галлереѣ, въ Англіи, грунтъ полотна прекрасной картины, изображающей Воскресеніе Лазаря, принадлежащей кисти Себастіана-дель-Піембо, такъ источенъ личинками насѣкомаго, что гибель картины неизбѣжна. Въ Кембриджской библіотекѣ эти насѣкомыя нанесли значительный вредъ арабскимъ рукописямъ, вывезеннымъ изъ Каира.

Во избѣжаніе шума отъ шаговъ при большомъ стеченіи читателей, полъ читальни устланъ пеньковыми коврами. На стѣнахъ повѣшаны объявленія, которыя гласятъ, что запрещается громко говорить. Въ видахъ того, чтобы каждый посѣтитель, взявшій книгу, возвратилъ ее нри своемъ уходѣ изъ читальни,—заведены входные билеты. При входѣ въ библіотеку, каждый посѣтитель беретъ у швейцара бланку, въ которую библіотекарь собственноручно вписываетъ книги, взятыя для прочтенія. При выходѣ—книги сдаются библіотекарю, который на этомъ бланкѣ ставитъ печать библіотеки, свидѣтельствующую, что книги возвращены. Бланкъ предъявляется швейцару, который, удостовѣрившись по наложенному штемпелю, что книги сданы, выдаетъ одежду. Такимъ образомъ, не возвративши книгъ, нельзя получить пальто. Злодѣю, посягающему на книгу, остается одно: принести съ собою какую-нибудь книжонку и посредствомъ ея устроить подмѣнъ. Мы должны замѣтить о весьма печальномъ фактѣ. Наша публика, посѣщающая читальню, относится къ вѣковымъ сокровищамъ чрезвычайно безцеремонно, чтобы не сказать больше. На книгахъ, взятыхъ для прочтенія, дѣлаются и перомъ, и карандашомъ всевозможныя замѣтки, подчеркиванія, вопросительные и восклицательные знаки. Иная книга вся испещрена подчеркиваніями, какъ будто читатель хотѣлъ показать, что онъ вполнѣ понимаетъ всѣ глубокія или пикантныя мѣста книги. Повидимому, подобные читатели руководствуются правиломъ: «послѣ насъ хоть потопъ».

Почти во всѣхъ странахъ Европы можно заниматься въ публичныхъ библіотекахъ лишь до 3 или 4 часовъ дня. Между тѣмъ, въ нашей Публичной Библіотекѣ читатель имѣетъ право заниматься съ 10 часовъ утра и до 9 часовъ вечера. Этого, кромѣ Петербурга, не сыщешь нигдѣ болѣе въ Европѣ. Уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ существуетъ освѣщеніе огнемъ нашей читальной залы по вечерамъ. Британскій музей лишь недавно послѣдовалъ русскому примѣру и значительно увеличилъ число часовъ для занятій. Мюнхенская библіотека и многія другія нѣмецкія открыты для публики въ теченіе

лишь 29 часовъ въ недѣлю, Парижская — въ теченіе 36 часовъ (лѣтомъ отъ мая до сентября въ теченіе 48 часовъ), Берлинская— въ теченіе 39 часовъ, Британскій музей — въ теченіе 66 часовъ; наша же Публичная библіотека—открыта въ теченіе 70 часовъ въ недѣлю, и тѣмъ превосходитъ (уже очень давно) всѣ остальныя.

Нельзя не замѣтить въ читальнѣ двухъ картинъ дрезденскаго художника Дейхерта. Одна изъ нихъ: портретъ императора Александра I, въ царствованіе котораго была открыта библіотека и утверждено положеніе о ней. Другая картина переноситъ насъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Передъ вами Гутенбергъ, Фаустъ и Шефферъ въ своей мастерской разсматриваютъ первый печатный оттискъ. Знаменательный историческій моментъ!

До вступленія въ должность директора барона Корфа, нашей публичной библіотекѣ не хватало одного самаго главнаго качества: ее нельзя было назвать національною. Но благодаря неутомимымъ трудамъ барона Корфа, 1811—1850 г., публичная библіотека получила русскій національный характеръ. Баронъ Корфъ создалъ себѣ памятникъ, составивъ въ публичной библіотекѣ русскій отдѣлъ.

Барону Корфу пришла счастливая мысль собрать воедино все, что написано было когда-либо о Россіи. Во время своего троекратнаго путешествія за границу, онъ завязалъ сношенія со многими знаменитыми книгохранилищами западной Европы. Такимъ образомъ, благодаря его дѣятельности, составлено было русское отдѣленіе, въ 30,000 томовъ, касающееся исключительно Россіи. Составленъ каталогъ, который разосланъ былъ въ заграничныя библіотеки, такъ-что всякій владѣлецъ какой-нибудь книги, касающейся Россіи, могъ выгодно продать въ нашу библіотеку, если этой книги не значилось въ каталогѣ.

Въ алфавитномъ каталогѣ противъ каждаго названія книги указано:

1) Зало; 2) № шкафа; 3) № полки, и 4) № книги. Благодаря этой организаціи, книги выдаются безъ замедленія.

При библіотекѣ числится двѣнадцать библіотекарей, завѣдывающихъ каждый своимъ отдѣленіемъ.

Количество книгъ въ Публичной Библіотекѣ годъ отъ году увеличивается. Чтобы судить о размѣрахъ роста нашего государственнаго книгохранилища, приведемъ слѣдующія данныя — за 1850—1857 годы.

I. Помѣщеніе:

	1850 г.	1858 г.
Залъ, занятыхъ отдѣленіями библіотеки	20	25

Полокъ въ шкафахъ на протяженіи.	42016 футовъ, т.-е. 12 верстъ.	53500 футовъ, т.-е. 15 верстъ.

II. Составъ:

Печатныхъ книгъ—томовъ.	640,415	802,717
Рукописей и автографовъ .	39,815	63,503

III. Каталоги и описи:

Въ 1850 году изъ числа 640,000 томовъ оставалось безъ внесенія въ каталоги около 600,000 томовъ. Къ 1858 г. изъ числа 802,717 оставалось около 125,000 томовъ.

IV. Переплеты:

Въ 1850—1857 годахъ переплетено книгъ и рукописей 60,000 томовъ:

V. Употребленіе библіотеки:

Читателей было въ:

1850 году . . .	7,720	чел.
1853 „ . . .	17,800	„
1856 „ . . .	27,800	„
1857 „ . . .	31,100	„
1864 „ . . .	64,070	„
1874 „ . . .	164,895	„

Какъ видѣли выше, всѣ книги въ Императорской Публичной Библіотекѣ, разставленные на полкахъ плотно корешками, другъ къ другу, занимаютъ собою протяженіе 15 верстъ... Какъ тутъ не испугаться усердному читателю?..

Сокровища нашего книгохранилища неисчислимы. И такъ, какъ «невозможно объять необъятное», какъ говаривалъ Кузьма Прутковъ, то мы хоть упомянемъ, какого рода книжныя драгоцѣнности пріютились въ нашей библіотекѣ.

1) Полимпсесты. Этимъ именемъ называются такія рукописи, съ которыхъ смыто письмо позднѣйшаго времени и химическими средствами возстановлено то, что было написано раньше. На одномъ изъ нихъ было написано сначала по-гречески въ V вѣкѣ, потомъ по-сирійски и, наконецъ, по-грузински.

2) Греческія рукописи со II вѣка, на папирусѣ.

3) Автографы царствующаго дома Романовыхъ, начиная съ патріарха Филарета.

4) Автографы знаменитыхъ русскихъ людей.

5) Автографы русскихъ писателей.

6) Церковно-славянскія рукописи. Остромирово евангеліе 1056 г.

7) Старопечатныя книги, напечатанныя въ Москвѣ и словенскихъ типографіяхъ.

8) Церковно-славянскія рукописи съ крюковыми нотами.

9) Латинскія и французскія рукописи.

10) Собраніе западно-европейскихъ нотныхъ рукописей, когда музыку писали «невмами», безъ линеекъ, IX вѣка.

11) Восточныя рукописи.

Собраніе инкунабулъ занимаетъ особое помѣщеніе, устроенное

Залъ инкунабулъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

въ средневѣковомъ монашескомъ вкусѣ. Тутъ собраны рѣдчайшія старинныя книги, до 1501 г. При входѣ, на порогѣ, прибита пентаграма (которая, припомнимъ, такъ сильно смутила Мефистофеля, что онъ затруднялся, какъ выйти изъ кабинета Фауста).

Свѣтъ слабо пробивается сквозь разноцвѣтныя стекла, разливая мистическій полумракъ. Два, три тяжеловѣсныхъ фоліанта цѣпями прикованы къ стѣнѣ. Передъ письменнымъ столомъ—старинное кресло. На столѣ—незатѣйливые песочные часы и гусиное перо, которыми писали въ тѣ времена. Къ потолку привѣшана лету-

чая мышь съ распростертыми крыльями. Огромные шкафы съ книгами покрыты пылью вѣковъ и даже гороскопъ Валенштейна— который вмѣстѣ съ документами, удостовѣряющими его «знатное» историческое происхожденіе, былъ пріобрѣтенъ великой княгиней Еленой Павловной. Словомъ, вся обстановка переноситъ ваше воображеніе въ историческое прошлое. Для полноты иллюзіи, не хватаетъ только алхимика.

Упомянемъ объ интересной коллекціи портретовъ Петра Великаго, собранной Стасовымъ. Въ числѣ 400 разныхъ экземпляровъ попадаются и такіе, въ которыхъ только при самой пламенной фантазіи можно отыскать нѣкоторое сходство портрета съ оригиналомъ. Во многихъ нѣтъ никакого сходства. Такъ, на одной гравюрѣ изображенъ, повидимому, Янъ-Собесскій, а подписано: Петръ I. Другая гравюра интересна по историческому содержанію: на ней изображенъ Петръ Великій, бесѣдующій съ Карломъ XII въ царствѣ тѣней, вѣроятно, о дѣлахъ подъ Полтавой!

Въ читальной залѣ, какъ въ фокусѣ, отражаются всѣ видоизмѣненія, совершающіяся съ петербургской публикой. Достаточно посмотрѣть, что читаетъ общество, чтобы безошибочно угадать вѣяніе времени. Но этотъ сложный вопросъ не касается насъ. Въ 1882 г. посѣтителей было 120,000 человѣкъ, постоянныхъ читателей 12,000 человѣкъ. Общее число взятыхъ книгъ—228,000 томовъ. Изъ 404 повременныхъ русскихъ изданій было требовано: «Отечественныя Записки»—2,900 разъ, «Русская Рѣчь»—1,700, «Историческій Вѣстникъ»—1,400, «Дѣло»—1,300 разъ. Очевидно, лѣтомъ, когда интеллигентная столичная публика удаляется на лоно природы, въ публичной библіотекѣ и читателей бываетъ меньше, чѣмъ зимою. Въ октябрѣ и ноябрѣ—14,000 человѣкъ, тогда какъ въ іюнѣ и іюлѣ только 5,000 человѣкъ.

По профессіямъ, по количеству читателей, на первомъ мѣстѣ стоятъ учащіеся и окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ — 3,700 человѣкъ, гражданскіе чиновники — 1,000 чел., дворяне—850, генералы и офицеры—615, нижніе чины—123 и духовнаго званія 102 человѣка. Слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ — 407, жены и дочери дворянъ и чиновниковъ — 800, учительницы—53.

По полу количество постоянныхъ посѣтителей распредѣляется: мужчинъ—10,300 человѣкъ, женщинъ—1,900.

Въ 1886 году въ библіотекѣ занималось 11,500 человѣкъ. Книгъ вытребовано для чтенія 236,500 томовъ. Изъ 488, повременныхъ изданій болѣе другихъ читались: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный вѣстникъ», «Наблюдатель», «Русская мысль», «Русское

Богатство», «Новое Время», «Русскій Вѣстникъ», „Новости“ и прочія.

Въ публичной библіотекѣ вы найдете библіи на всѣхъ языкахъ земнаго шара. На парижскую типографскую выставку изъ Россіи, между прочимъ, отправлено было „Отче нашъ“, отпечатанное на 350 языкахъ.

Кромѣ Остромирова Евангелія, любопытнаго для всякаго русскаго человѣка, въ нашей библіотекѣ сохраняется Синайская Библія, имѣющая, такъ сказать, обще-европейскій интересъ.

Синайская Библія — рѣдчайшая рукопись, вмѣстѣ со многими другими рукописями и палимпсестами была привезена съ Востока въ Европу лейпцигскимъ профессоромъ Тишендорфомъ, въ 1859 году. По палеографическимъ признакамъ Синайская Библія относится къ IV—V вѣку. Рукопись написана на тонкомъ пергаментѣ, въ 4 и 2 столбца и состоитъ изъ 346 листовъ, длиною $8^1/_2$ вершковъ и шириною $7^1/_2$ вершковъ; 199 листовъ заняты Ветхимъ завѣтомъ, а остальные 147 листовъ—Новымъ завѣтомъ.

Синайская Библія, какъ одна изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ Библій, является драгоцѣннымъ памятникомъ для изслѣдователей и ученыхъ издателей библейскаго текста, тѣмъ болѣе, что она есть *единственная*, которая заключаетъ въ себѣ полный текстъ Новаго завѣта.

Вотъ какъ эта рукопись досталась намъ. Въ 1856 году профессоръ Тишендорфъ, уже извѣстный своими поѣздками на Востокъ и изданнымъ въ 1846 году отрывкомъ древней рукописи Ветхаго завѣта (этотъ отрывокъ состоитъ изъ 43 листовъ, которыхъ именно и не достаетъ въ Синайской Библіи, изъ коей они были кѣмъ-то вырваны) предложилъ черезъ тогдашняго посланника нашего въ Дрезденѣ: 1) уступить намъ принадлежащее ему собраніе рѣдкихъ рукописей и палимпсестовъ, разновременно полученныхъ имъ отъ восточныхъ греческихъ монастырей и 2) совершить на счетъ русскаго правительства новую поѣздку на Востокъ, для отысканія и пріобрѣтенія въ пользу Россіи разныхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней письменности.

Это предложеніе было принято, и въ 1858 году Тишендорфъ былъ отправленъ на Востокъ, съ выдачею ему изъ государственнаго казначейства потребной суммы на путевыя издержки и на покупку рукописей.

Поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ: онъ пріобрѣлъ важное собраніе греческихъ и восточныхъ рукописей и сверхъ того нашелъ въ монастырѣ св. Екатерины остальную часть рукописи Синайской Библіи.

Въ августѣ 1859 года, вслѣдствіе письма Тишендорфа, было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, что братія Синайскаго монастыря желаетъ поднести рукопись Библіи Его Величеству.

Но такъ какъ въ это время не былъ еще утвержденъ настоятель монастыря, то братія нашла возможнымъ предварительно ввѣрить Тишендорфу, подъ особую росписку, драгоцѣнную рукопись, которую онъ, въ концѣ октября того же года, по прибытіи въ Петербургъ, представилъ на разсмотрѣніе Государю Императору.

Наконецъ, въ 1868 году новый синайскій архіепископъ, препроводивъ при письмѣ на имя генералъ-адъютанта Игнатьева актъ братіи Синайской обители, формально свидѣтельствующій о поднесеніи рукописи Его Императорскому Величеству, заявилъ, что братія считала это совершившимся съ того самаго дня, какъ Библія была передана профессору Тишендорфу.

Синайская рукопись помѣщена въ Библіотекѣ на особо устроенномъ аналоѣ, въ той же залѣ, гдѣ находится, на такомъ же аналоѣ, Остромирово Евангеліе.

Далѣе, слѣдуетъ упомянуть о лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи 1377 года, который былъ поднесенъ въ 1811 году Императору Александру I, знаменитымъ ревнителемъ и изыскателемъ отечественной древности — графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Изъ позднѣйшихъ рукописей назовемъ: экземпляръ стихотвореній Державина, поднесенный имъ Императрицѣ Екатеринѣ II; экземпляръ басенъ Крылова; переводъ Иліады, Гнѣдича; реторика Княжнина; знаменитый переводъ Одиссеи, Жуковскаго. Этотъ автографъ еще любопытенъ въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ самый процессъ поэтическаго творчества. Сказки о золотомъ пѣтушкѣ, Пушкина, гдѣ, между прочимъ, замѣчателенъ и рисунокъ чернилами, сдѣланный авторомъ. Нельзя не замѣтить также висящую на стѣнѣ грифельную доску, на которой собственноручно Державинымъ написано его послѣднее стихотвореніе.

Вотъ эта лебединая пѣснь:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если, что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Изъ польскихъ рукописей замѣчателенъ дневникъ похода 1686 года польскаго короля Яна Собесскаго, собственной его руки.

Въ собраніи латинскихъ рукописей замѣчательно: посланіе Августина къ Симплиціану объ ученіи христіанскомъ, V вѣка; его-же: твореніе о Божьемъ градѣ, писанное въ VI вѣкѣ; письма Филиппа II, короля испанскаго, и супруги его Изабеллы; Маріи Стюартъ, королевы шотландской; Маріи Антуанеты; прописи, писанныя Людовикомъ XIV-мъ въ его дѣтствѣ.

Изъ греческихъ рукописей: отрывокъ изъ перевода семидесяти толковниковъ, V вѣка; Евангеліе IX вѣка, писанное золотомъ и серебромъ на пурпуровомъ (лазоревомъ) пергаментѣ и переплетенное въ серебряномъ окладѣ, съ позолотою.

Въ числѣ историческихъ документовъ особенное любопытство возбуждаютъ два — наглядно показывающіе, такъ-сказать, превратность человѣческой судьбы. Одинъ изъ нихъ: указъ Наполеона о назначеніи Мюрата генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, по взятіи ея французами въ 1812 году. Внизу подпись Наполеона.

Другой—указъ Императора Александра I о назначеніи Остенъ-Саксена генералъ-губернаторомъ въ Парижѣ, когда послѣдній былъ занятъ союзными войсками, въ 1814 году. Внизу подпись Александра.

Оба документа лежатъ рядомъ подъ стекломъ.

Въ 1829 году, по взятіи графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ турецкой крѣпости Ахалциха, найдено было при мечети собраніе восточныхъ рукописей изъ Баязета, Дагестана, Эрзерума и Адріанополя, которое тоже поступило въ Публичную библіотеку.

Разные богатые кораны даютъ понятіе о высокомъ развитіи восточной калиграфіи. Здѣсь же находятся и стихотворенія персидскаго поэта Саади. Въ числѣ восточныхъ рукописей пальма первенства, безъ сомнѣнія, принадлежитъ знаменитому корану Османа. Этотъ историческій коранъ былъ привезенъ въ Петербургъ изъ Самарканда генераломъ Кауфманомъ, въ числѣ военныхъ трофеевъ, послѣ покоренія Ташкента.

Изъ другихъ русскихъ библіотекъ слѣдуетъ упомянуть о библіотекахъ нѣкоторыхъ русскихъ аристократовъ. Такъ, князь Воронцовъ имѣетъ въ С.-Петербургѣ библіотеку въ 12,000 том. и такую же въ Алупкѣ. У княгини Львовой находится 12,790 том., собранныхъ по большей части ея отцомъ, Бибиковымъ, и среди нихъ встрѣчается много славянскихъ сочиненій. Покойный министръ юстиціи Панинъ оставилъ послѣ себя имъ же, по большей части, собранную библіотеку въ 11,000 томовъ и въ нее вошло много русскихъ со-

чиненій, принадлежащихъ когда-то князю Лобанову, а также юридическія сочиненія, обнимающія законодательство различныхъ европейскихъ государствъ. Кромѣ того, фамиліи Паниныхъ принадлежатъ еще библіотеки въ Крыму и въ одномъ подмосковномъ селѣ, въ которомъ находится много автографовъ. Библіотека графа С. Д. Шереметьева основана завоевателемъ Лифляндіи, фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ и въ ней болѣе 25,000 томовъ. Въ составъ ея вошли французскія гравюры на мѣди восемнадцатаго столѣтія, собранныя внукомъ фельдмаршала, Николаемъ Шереметьевымъ, и церковныя мелодіи — сборникъ, составленный графомъ Дмитріемъ Шереметьевымъ. Теперешній обладатель этихъ сокровищъ самъ собралъ до сихъ поръ до 12,000 томовъ, въ томъ числѣ болѣе 2,000 сочиненій по русской исторіи. Дядя послѣдняго имѣетъ въ Михайловскомъ библіотеку въ 3,500 томовъ, а графиня Шереметьева, урожденная княгиня Вяземская,—собраніе изъ новѣйшихъ произведеній русской и англійской литературы. Въ библіотекѣ князя П. П. Вяземскаго въ Осташковѣ имѣется 22,000 томовъ, а въ его же библіотекѣ въ С.-Петербургѣ 10,000; въ томъ числѣ нѣсколько сотъ старинныхъ рукописей. Графъ Левашовъ имѣетъ драгоцѣнную библіотеку въ 6,000 томовъ, а въ рязанскомъ имѣніи покойнаго графа Д. А. Толстого, бывшаго мин. внутр. дѣлъ, существуетъ библіотека въ 12,000 том., относящихся къ исторіи Россіи, педагогикѣ и исторіи обученія. Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о библіотекѣ графа Палена въ Гофцумбергѣ въ Курляндіи, которая состоитъ изъ средневѣковыхъ лѣтописей, старинныхъ изданій высокой стоимости и историческихъ сочиненій на различныхъ языкахъ. Тутъ, между прочимъ, имѣется единственный экземпляръ изданія Commentarii rerum moscovitarum 1594 г. Герберштейна съ собственноручными примѣчаніями самого автора.

Въ восьмидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія земство стало устраивать при деревенскихъ школахъ такъ называемыя школьныя библіотеки; эти послѣднія предназначены не для города, а для деревни; такимъ образомъ, крестьянинъ—главный и единственный читатель книгъ школьной библіотеки. Пройдя элементарную грамотность въ сельской школѣ, мальчикъ-крестьянинъ не порываетъ окончательно связь со школою: о ней ему напоминаютъ школьныя библіотеки.

Въ настоящее время, не смотря на новизну дѣла, насчитывается уже не мало земствъ, гдѣ библіотеки существуютъ при весьма значительномъ числѣ школъ.

Напримѣръ:

Уѣзды:	Число школъ.	Изъ нихъ библіотекъ имѣется.
Бердянскій	108	87
Полтавскій	33	33
Тамбовскій	90	90
Днѣпровскій	43	24
Мелитопольскій . . .	73	19
Шадринскій	56	56
Псковскій.	44	44
Острогожскій	63	32
Херсонскій	?	34
Уржумскій	43	43
Весьегонскій	44	9
Новгородскій. . . .	412	329
Воронежскій	34	19
Смоленскій	?	10

Данныя о дѣятельности школьныхъ библіотекъ пока имѣются лишь относительно немногихъ мѣстностей, но и эти данныя довольно краснорѣчивы. Нижеслѣдующія цифры относятся къ 1886—1887 гг.

Уѣзды:	Библіотекъ.	Читателей.	Прочитано книгъ.
Бердянскій.	871	3,473	27,507
Псковскій	44	—	12,200
Херсонскій.	34	—	18,000

Такимъ образомъ, видно, что скромная библіотека сельской школы выдаетъ отъ 300 до 500 книгъ въ 1 годъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что потребность въ чтеніи въ русскомъ народѣ начинаетъ все болѣе и болѣе проявляться: на это указываетъ тотъ фактъ, что кое-гдѣ отдача книгъ на прочтеніе становится особымъ промысломъ: деревенскіе лавочники покупаютъ книги и раздаютъ ихъ для прочтенія, взимая по 1 копѣйкѣ за 1 день.

Какія книги имѣются въ обращеніи среди народа? Конечно, главные производители народныхъ книжекъ, это — издатели Никольскаго рынка въ Москвѣ.

Нѣкоторые земскіе статистики, произведя подворную перепись, переписывали имѣвшіяся у населенія книги.

Подобная перепись произведена по нѣсколькимъ уѣздамъ, и результаты во всѣхъ уѣздахъ почти одинаковы, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. Для примѣра возьмемъ Орловскій уѣздъ, Вят-

-ской губерніи. Онъ имѣетъ болѣе 200,000 жителей, въ томъ числѣ 21,000 грамотныхъ и учащихся.

По переписи 1885 г. это населеніе имѣло 17,133 экземпляра книгъ. Въ томъ числѣ — 14,545 экземпляровъ религіознаго содержанія и только 2,588 экземпляровъ—свѣтскаго.

Книги первой категоріи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: библій—74 экземпляра, евангелій—2,786, молитвенниковъ—1,583, псалтырей—1,096, святцевъ—1,835, священныхъ исторій—854, часослововъ — 584 и житій святыхъ — 3,074. Книги свѣтскаго содержанія распредѣлялись такъ: азбукъ и учебниковъ—775 экземпляровъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній — 466 (почти все лубочныя изданія), сказокъ, сонниковъ, пѣсенниковъ и оракуловъ—413, календарей—234, исторія—191, географія—64, медицина—36, сельское хозяйство—18, политическая экономія—9, періодическія изданія—87, патріотическихъ и юридическихъ—140 и разныхъ книгъ—89.

Эти живыя цифры говорятъ сами за себя.

Нѣкоторыя земства устраиваютъ склады для продажи книгъ.

Едва-ли не самыя оригинальныя библіотеки, возникшія въ последнее время—для народа: это—такъ называемыя уличныя библіотеки.

По ходатайству оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, начало устройства «безплатныхъ уличныхъ библіотекъ» положено было въ 1881 году Государынею Императрицею Маріей Ѳеодоровной, которая одобрила сіе доброе и полезное дѣло для народа. Иниціатива устройства уличныхъ или, какъ ихъ еще называютъ, летучихъ библіотекъ для народа—положено священникомъ Митрополовымъ.

Уличныя библіотеки имѣются въ слѣдующихъ городахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Владимірѣ, Красноярскѣ, Смоленскѣ, Кунгурѣ, Ржевѣ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Астраханской губерніи.

Въ городѣ Саратовѣ устроено 13 летучихъ библіотекъ, на что израсходовано около 1,000 рублей.

Устройство уличныхъ библіотекъ состоитъ въ томъ, что текстъ наклеивается на доскѣ или картонѣ и затѣмъ вывѣшивается въ рамахъ подъ стекломъ на многолюдныхъ площадяхъ и улицахъ—для прочтенія.

Или же въ особомъ деревянномъ шкафикѣ приспособлены два валика, на которые намотана бумажная лента съ текстомъ. Такъ, напримѣръ, въ такихъ шкафикахъ помѣщаются «Толковыя евангелія», воскресныя и праздничныя, съ обозначеніемъ на недѣльныхъ евангеліяхъ мѣсяцевъ и чиселъ на 1887—1888 годы; 257

страницъ Евангелія наклеены на 70-аршинную коленкоровую ленту, шириною въ 3 вершка; по мѣрѣ того, какъ вертятъ валикъ, и самый текстъ передвигается; для чтенія открыты только 2 страницы. Въ одномъ только Саратовѣ (вмѣстѣ съ Вольскомъ и Хвалынскомъ) выставлено 928 картоновъ съ 7,468 страницами текста—для прочтенія. Одна и та же книга, смотря по величинѣ, наклеивается на нѣсколько картоновъ, напримѣръ, «Житіе Стефана Пермскаго», въ 39 страницъ, умѣщается на 3 картонахъ; «Краткая отечественная исторія» Рождественскаго, въ 238 страницъ, наклеивается на 30 картонахъ; «Жизнь св. Николая Чудотворца», изданіе комитета грамотности, въ 40 страницъ, умѣщается на 5 картонахъ, и т. п.

ИСТОРІЯ ЦЕНЗУРЫ ВЪ РОССІИ.

Зачатки цензуры при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. — „Разбойный приказъ“ и „чернокнижество“.—Духовный регламентъ Петра Великаго о богословскихъ книгахъ.—Первая цензурная кара: запрещеніе ввоза календарей изъ Польши. — Предварительная цензура для „Петербургскихъ Вѣдомостей“ при Елизаветѣ Петровнѣ.—Учрежденіе цензуры въ портовыхъ городахъ.—Цензурный уставъ 1804 года.—Цензурные уставы 1826 года и 1828 года.—Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ Пушкина.—Множественность цензуръ для разныхъ вѣдомствъ.—Столкновенія свѣтской цензуры съ духовной.—Законы о печати 6 апрѣля 1865 года.

Въ Россіи законодательство по дѣламъ печати имѣетъ весьма обширную исторію.

Въ московскомъ царствѣ, по учрежденіи первой типографіи, всѣ печатаемыя въ ней книги были, по преимуществу, духовнаго содержанія и печатались онѣ подъ наблюденіемъ патріарха. Какъ мы видѣли, при Иванѣ Грозномъ велѣно было отбирать «описьливыя книги». Современникъ Алексѣя Михайловича, Котошихинъ, разсказываетъ, что въ «Разбойномъ приказѣ» «жгли живаго за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, *за чернокнижество*, *за книжное преложеніе*, кто учнетъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ, пророковъ и святыхъ отцевъ съ похуленіемъ».

Между законодательными памятниками Алексѣя Михайловича находится договорная статья, заключенная въ Варшавѣ между польскими дворянами и русскими послами: «объ истребленіи печатныхъ предосудительныхъ для Россіи книгъ»: «крѣпкій заказъ былъ безчестныхъ воровскихъ книгъ никому изъ нашихъ королевскаго величества подданныхъ нигдѣ не печатать подъ страхомъ смертной казни». Кстати замѣтимъ, что въ другой договорной статьѣ съ поляками, а также и со шведами условлено «объ исправномъ писаніи великаго государя именованія и титла».

Какъ мы говорили раньше, въ XVI и XVII вѣкѣ при московской типографіи была организована особая «правильня»—для исправленія духовныхъ книгъ. Каждая новая книга выходила съ

«благословенія» патріарха. Этотъ старинный обычай при Петрѣ Великомъ обращенъ былъ въ законъ. Въ 1721 году въ духовномъ регламентѣ сказано: «аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первѣе презентовать въ Коллегіумъ. А въ Коллегіумѣ разсмотрѣть должно, нѣтъ-ли какого въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго»..

Къ этому же времени относится важный по своимъ послѣдствіямъ указъ Петра Великаго къ кіевской и черниговской типографіямъ. «Великому Государю извѣстно учинилось, что въ кіевской и черниговской типографіяхъ въ печатныхъ книгахъ печатаютъ не согласно съ всероссійскими печатьми, которыя со многою противностью восточной церкви. Того ради, Его царское Величество указалъ: новопечерскому и черниговскому монастырямъ вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать, и оныя церковныя старыя книги для совершеннаго согласія съ великороссійскими съ такими церковными книгами справлять прежде печати съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы ни какой розни и особаго нарѣчія въ оныхъ не было; а другихъ ни какихъ книгъ, пи прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявляя объ, нихъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія,—не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ ни какой церкви восточной противности и съ великороссійской печатью несогласія произойти».

Благодаря этой монополіи на печатаніе и продажу церковно-богослужебныхъ книгъ, «лаврская типографія» предохранила южно-русское населеніе отъ наплыва изданій съ «люторскими» и особенно католическими тенденціями. Всѣ церкви южной Россіи снабжались, да и теперь еще снабжаются, богослужебными книгами лаврскаго изданія, т. е. изъ Кіева.

На книги содержанія не богословскаго при Петрѣ Великомъ не было еще предварительнаго правительственнаго просмотра; однако, признаніе книги вредной впервые осуществилось при Петрѣ Великомъ.

Въ 1738 году вышелъ указъ о запрещеніи ввоза календарей изъ Польши: «понеже въ тѣхъ календаряхъ находятся, а особливо объ Украйнѣ, нѣкоторые зловымышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой-нибудь соблазнъ и сумнѣніе; того ради, посланъ указъ нашъ, чтобы всѣ тѣ календари въ Кіевѣ сжечь».

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ установлена была предварительная цензура для «Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся при академіи наукъ, именно, по слѣдующему поводу, какъ

видно изъ указа 1742 года: «въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ печатаются многія несправедливости, какъ напримѣръ, 26 февраля напечатано, якобы того числа Ея императорское величество Михаила Бестужева пожаловала кавалеріею Святаго Апостола Андрея, но котораго, пожалованія, отъ Ея императорскаго величества не бывало. Правительствующій сенатъ приказалъ впредь той академіи наукъ упомянутыя Петербургскія вѣдомости печатать съ апробаціи сенатской конторы, а безъ того отнюдь не печатать».

Такимъ образомъ, первымъ цензурнымъ учрежденіемъ была сенатская контора.

Духовная цензура въ Россіи предшествовала свѣтской; духовенство, кромѣ духовныхъ книгъ, обращало вниманіе и на свѣтскую литературу, какъ это видно изъ «доклада святѣйшаго синода Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о книгахъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности, 1757 года».

Правительствующій синодъ усмотрѣлъ: «что въ ежемѣсячныхъ изъ с.-петербургской академіи выходящихъ примѣчаніяхъ много противнаго вѣрѣ православной имѣется, особенно нѣкоторые переводы и сочиненія находятся, а индѣ и безчисленныя мѣры быти утверждающія, что и священному писанію и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ: того ради, Всеподданнѣйше доносят, просимъ: Академіи наукъ запретить, и вездѣ въ Имперіи Россійской публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался; а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля, переведенную при жизни блаженныя памяти, государыни императрицы Анны Іоановны, княземъ Кантеміромъ—указать вездѣ отобрать и прислать въ синодъ».

При Елизаветѣ Петровнѣ указы печатались въ сенатской типографіи, церковныя книги — въ московской типографіи и, наконецъ, историческія книги—въ академической типографіи.

До царствованія Екатерины II особеннаго развитія цензуры не замѣчалось, но съ этого времени разрозненныя мѣры приводятся въ систему. Въ теченіе большей половины царствованія Екатерины II печать находилась въ благопріятныхъ условіяхъ. Особенно выгодное положеніе для печати создано было либеральнымъ указомъ 1783 года, когда дозволено было во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить вольныя типографіи, не отличая ихъ отъ «прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», но съ непремѣннымъ условіемъ,

«чтобы ничего въ нихъ противнаго законамъ Божескимъ и гражданскимъ, или къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было».

Начало дѣйствительной цензуры книгъ въ Россіи совпадаетъ съ началомъ французской революціи: собственно, слово «цензура» въ первый разъ появилось у насъ съ 1790 года; въ указѣ, 15 мая этого года, на имя главнокомандующаго въ Москвѣ, князя Прозоровскаго, сказано: «цензура книгъ долженствуетъ зависѣть отъ управы благочинія, отъ которой и цензора назначить».

Установленная слабая цензурная дѣятельность вскорѣ показалась не достаточною, стали изобрѣтать болѣе строгій надзоръ за типографіями; они возбудили къ себѣ сильное подозрѣніе, вслѣдствіе дѣятельности Новикова (въ Москвѣ), которая оказалась не вполнѣ соотвѣтствующею видамъ правительства.

Въ 1786 году императрица писала къ московскому митрополиту Платону: «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, призовите къ себѣ помянутаго Новика и прикажите испытать его въ законѣ, равно и книги его типографіи освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности». Типографія Новикова была закрыта, а прочимъ московскимъ типографіямъ повелѣно было «строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, наполненныя подобными странными мудрствованіями, или лучше сказать, сущими заблужденіями».

Въ 1790 году появилась въ печати книга Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненная, какъ сказано въ указѣ императрицы Екатерины II, «самыми вредными умствованіями». Книга эта просмотрѣна была цензурою, но послѣ въ нее прибавлено было еще нѣсколько листовъ, напечатанныхъ потомъ. Державинъ указалъ императрицѣ на эту книгу. Радищевъ преданъ былъ суду, приговоренъ къ смертной казни, которая замѣнена была ссылкою въ Сибирь, въ Илимскій острогъ.

А самая книга, по повелѣнію императрицы, была сожжена; отъ нея сохранилось только 3 экземпляра, изъ коихъ одинъ хранится въ Публичной библіотекѣ, а остальные два—у любителей.

Въ 1789 году (годъ начала французской революціи), Княжнинъ написалъ трагедію «Вадимъ». Въ этомъ же году онъ отдалъ ее на сцену для постановки, были уже розданы роли, но убѣдившись, что піесса не своевременна, онъ взялъ ее обратно со сцены.

«Вадимъ новгородскій» былъ напечатанъ въ 1793 году, спустя два года послѣ смерти ея автора. Вотъ разсказъ княгини Дашко-

вой о томъ, какъ напечатана была эта трагедія и ея дальнѣйшая судьба. Однажды явилась къ княгинѣ вдова Княжнина и просила ее, какъ президента Академіи наукъ, напечатать при академіи неизданную трагедію ея мужа—въ пользу дѣтей покойнаго.

Княгиня приказала напечатать трагедію при академической типографіи.

Прошло нѣсколько времени, какъ вдругъ отъ императрицы явился къ княгинѣ Дашковой оберъ-полицій мейстеръ, съ приказаніемъ отъ Государыни, отобрать изъ книжныхъ лавокъ всѣ экземпляры «Вадима».

Въ тотъ же день пріѣхалъ къ княгинѣ генералъ-прокуроръ, графъ Самойловъ, и объявилъ Дашковой отъ имени Государыни выговоръ за напечатаніе «Вадима», и при этомъ онъ сказалъ, что государыня уподобила печатаніе «Вадима» изданію знаменитаго «Путешествія», Радищева. Въ первое, послѣ этого происшествія, собраніе во дворцѣ, Дашкова замѣтила на лицѣ государыни выраженіе неудовольствія и горечи. Когда Дашкова подошла къ императрицѣ и спросила ее о здоровьи, Екатерина II сказала: «Очень хорошо! Но скажите мнѣ, что я сдѣлала, чтобы вы издавали книги, противныя моей власти?»

— Можете ли вы это думать? спросила княгиня.

— Я говорю вамъ, что эта трагедія должна быть сожжена рукою палача.

«Вадимъ» былъ также уничтоженъ.

Указъ 1771 года установилъ цензуру на иностранную литературу. Нѣкоему иностранцу Гартунгу была дана привиллегія для напечатанія въ Петербургѣ книгъ исключительно на иностранныхъ языкахъ. Ему вмѣнялось въ обязанность предъявлять академіи наукъ для освидѣтельствованія «все, что въ его типографіи будетъ принесено, или выписано». Причемъ для удобнаго контроля, на книгѣ, впервые, обязали пропечатывать названіе типографіи. Черезъ пять лѣтъ, въ 1776 году, выдана привиллегія книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору на печатаніе въ ихъ типографіяхъ книгъ, не только иностранныхъ, но и русскихъ.

Въ 1798 году учреждена цензура во всѣхъ портовыхъ городахъ—для разсматриванія привозныхъ книгъ. Въ указѣ по этому поводу сказано: «правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая распространить безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разнымъ образомъ разсѣявать въ обществѣ, наполняя оными даже и газеты свои. За нужное признаемъ повелѣть Сенату

нашему устроить во всѣхъ портахъ цензуру для привозимыхъ книгъ».

При Павлѣ, 1800 года, ввозъ книгъ временно изъ-за границы былъ вовсе пріостановленъ, потому что «заграничныя книги, какъ говорилось въ указѣ, наполнены развратомъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія». Впрочемъ, этотъ законъ въ слѣдующемъ, 1801 году, былъ отмѣненъ: «повелѣваемъ учиненное указомъ 1800 года запрещеніе на впускъ изъ за границы всякаго рода книгъ и музыкальныхъ нотъ, отмѣнить, равномѣрно запечатанныя, по повелѣнію 1800 года, частныя типографіи распечатать».

Въ 1802 году императоръ Александръ I нашелъ необходимымъ уничтожить вовсе предупредительную цензуру и замѣнить ее карательною, которая, къ сожалѣнію, не была поставлена на надлежащее основаніе. Въ 1803 году возбудилась мысль о возстановленіи предупредительной цензуры. Министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Завадовскимъ, былъ представленъ въ 1804 году въ Государственный совѣтъ проектъ перваго цензурнаго устава въ Россіи.

Въ своей докладной запискѣ на имя Государя, графъ Завадовскій такъ объясняетъ мотивы учрежденія «цензурнаго комитета» въ Россіи, именно въ Петербургѣ. «Ваше Императорское величество, купно съ прочими обязанностями, возложенными на Министерство Народнаго просвѣщенія, предоставили попеченію онаго цензуру книгъ. Министерство не замедлило сдѣлать приличныя по сему предмету распоряженія, поручивъ смотрѣніе за изданіемъ книгъ университетамъ; и таковое распоряженіе, удостоено будучи Высочайшаго утвержденія, дѣйствуетъ въ своей силѣ во всѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ есть уже университеты. Между тѣмъ, поелику въ здѣшней столицѣ университета еще не существуетъ, цензура книгъ осталась на прежнемъ положеніи въ вѣдѣніи гражданскаго губернатора, который, въ разсужденіи множества по должности своей дѣлъ, не могъ надлежащимъ образомъ имѣть смотрѣніе за изданіемъ книгъ. Въ отвращеніе сего, Министерство просвѣщенія положило учредить въ здѣшней столицѣ цензурный комитетъ, до открытія университета, составя оный изъ ученыхъ особъ, и для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей Имперіи, начертало уставъ. *Сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной*».

Управленіе по дѣламъ цензуры, на основаніи этого устава, сосредоточено было въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; при

каждомъ университетѣ устроенъ былъ комитетъ изъ профессоровъ, безъ одобренія котораго никакое сочиненіе не могло подвергаться тисненію —(§ 4).

Всего въ уставѣ насчитывалось 47 параграфовъ.

Главная цѣль предварительнаго разсматриванія: «доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованія нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію (§ 2). Цензурному комитету и каждому цензору въ отдѣльности вмѣнено было въ обязанность наблюдать, чтобы въ произведеніяхъ печати не было ничего противнаго закону Божію, правительству, нравственности и личной чести гражданина (§ 15). Если же въ рукописи встрѣчались подобныя мѣста, то цензоръ долженъ былъ возвращать ее издателю для исправленія, не дозволяя себѣ никакихъ помарокъ. Цензурный комитетъ предаетъ автора въ руки правосудія, если въ своемъ сочиненіи авторъ явно отвергалъ бытіе Божіе, вооружался противъ вѣры и законовъ отечества, оскорблялъ верховную власть и высказывалъ мысли, совершенно противныя духу общественнаго порядка и спокойствія (§ 10). Преслѣдуя злоупотребленія, уставъ однако не преграждалъ пути для успѣшнаго развитія науки и добросовѣстной оцѣнки государственныхъ и общественныхъ вопросовъ: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой-бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія» (§ 22). Золотое правило для цензора: «когда мѣсто, подверженное сомнѣнію имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ, лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать (§ 21).

Сочиненіе, одобренное цензурою къ печати, должно быть скрѣплено по листамъ цензоромъ. Время одобренія и имя цензора выставлялось на оборотѣ заглавнаго листа.

Не смотря на сосредоточеніе цензурной власти при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ цензурное дѣло вмѣшивались всѣ, кто только чувствовалъ собя довольно авторитетнымъ для того, чтобы дѣлать внушенія.

По предложенію министра двора, цензурнымъ комитетомъ было запрещено пропускать статьи объ игрѣ актеровъ.

Графъ Разумовскій въ 1815 году, по поводу нѣсколькихъ статей о театрѣ, представленныхъ цензурою, далъ слѣдующій отзывъ: «сужденія о театрахъ и актерахъ позволительны только

тогда, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскихъ театрахъ и актерахъ, находящихся на службѣ его Величества, онъ находитъ не умѣстными».

Хотя цензурный уставъ 1804 года въ теоріи и представлялъ свободу основательному и добросовѣстному обсужденію вопросовъ, касающихся государственной жизни, но на дѣлѣ это положеніе встрѣчало разныя препятствія.

Такъ, напримѣръ, по поводу тогдашнихъ политическихъ отношеній Россіи къ другимъ державамъ, положеніе цензуры и самихъ авторовъ было затруднительно. Возбранялось, напримѣръ, неодобрительно отзываться о Наполеонѣ.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1808 года сказано: «Въ продолженіе прошедшаго похода, Наполеонъ всегда былъ близокъ къ погибели, и чѣмъ далѣе заходилъ, тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе и т. д.». Подобные отзывы вызвали со стороны министерства замѣчанія: «Таковыя выраженія не приличны и предосудительны при настоящемъ положеніи, въ какомъ находится Россія къ Франціи». И потому всѣмъ учебнымъ округамъ предписано было, чтобы «цензоры не пропускали никакихъ артикулъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія».

Другой примѣръ. Въ 1802 году свободно обращалась книга. «Histoire de Bonaparte», наполненная напыщенными похвалами императору французовъ. Въ 1807 году, т. е. во время войны съ Франціею, книга эта, «во уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ», была запрещена, и цензурный комитетъ далъ слѣдующій отзывъ о ней: «сочинитель этой книги отъ начала до конца превозноситъ Бонапарта, какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ всѣ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ, всѣ его несправедливыя присвоенія и хищничества представляетъ праведными и законными. Вообще авторъ обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революцій, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона».

Во время борьбы Россіи со всей Европой, цензурное вѣдомство издало слѣдующее распоряженіе: осенью на 1812 годъ велѣно было приготовить календарь безъ родословной чужеземныхъ владѣтельныхъ домовъ.

Въ 1817 году въ цензурной практикѣ возникла мысль о предварительномъ просмотрѣ статей, касающихся различныхъ частей государственнаго управленія — тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались. Цензурнымъ комитетамъ предписано было, чтобы

они не пропускали «ничего относящагося до правительства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается».

Авторы горько жаловались на прижимки цензуры. Не говоря уже о писателяхъ мало извѣстныхъ, даже Карамзинъ не избѣжалъ тяжести цензуры: ему, какъ извѣстно, Высочайше дозволено было печатать свою «Исторію Государства Россійскаго» безъ цензуры. Печаталась она въ военной типографіи. Въ 1816 году бывшій дежурный генералъ пріостановилъ печатаніе, требуя цензурнаго разрѣшенія. Карамзинъ жаловался на это князю Голицину. «Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать; надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры, не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ чтò будетъ исторія»?

Желаніе Карамзина было удовлетворено.

Въ 1822 г. Жуковскій жаловался на одного цензора и на Петербургскій цензурный комитетъ вообще—за запрещеніе его баллады: «Смальгольмскій баронъ».

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. «Я на сихъ дняхъ отдалъ для напечатанія въ листахъ „Инвалида“ мой переводъ одной баллады англійскаго стихотворца Вальтеръ-Скотта—„Ивановъ вечеръ“. Сія баллада давняя; содержаніе оной заимствовано изъ древняго шотландскаго преданія, она переведена стихами и прозою на многіе языки, и до сихъ поръ ни въ Англіи, гдѣ всѣ уважаютъ и нравственный характеръ Скотта, и цѣль всегда моральную его сочиненій, ни въ остальной части Европы, никому не приходило на мысль почитать его балладу не нравственною, или почему-либо вредною для читателя. Нынѣ я узнаю съ удивленіемъ, что мой переводъ, въ коемъ соблюдена вся возможная вѣрность, не можетъ быть напечатанъ: слѣдовательно цензура находитъ сіе стихотвореніе или не нравственнымъ, или противнымъ религіи, или оскорбительнымъ для правительства. Нужно ли мнѣ увѣрять, что для меня ничего не стоитъ отказаться отъ напечатанія нѣсколькихъ стиховъ, очень равнодушно соглашаюсь признать ихъ не заслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что переведенную мною балладу не напечатаютъ, потому чтò она можетъ быть *вредна* для читателей,

это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно несправедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ согласиться».

Цензурный комитетъ, вызванный письмомъ Жуковскаго, защищать справедливость своего приговора, написалъ пространный критическій разборъ баллады. Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ разборѣ, укажемъ только на нѣкоторые мѣста, наиболѣе характерныя..

«Самое названіе стихотворенія „Ивановъ вечеръ" можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей греко-россійской церкви обыкли хранить ко дню сего праздника... читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходящими предъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день, въ іюнѣ и августѣ мѣсяцахъ, обыкновенно, бываетъ постъ, по уставу греко-россійской церкви». Баллада Жуковскаго была напечатана два года спустя, въ «Новостяхъ литературы».

Обстоятельства, при которыхъ вступилъ на престолъ императоръ Николай I, не могли расположить къ дарованію льготъ печати. Подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ то время во всей континентальной Европѣ, и спеціально событій 14 декабря 1825 года, изданъ былъ цензурный уставъ 10 іюня 1826 года, воспроизводящій во всей чистотѣ идею предварительной цензуры.

Этотъ уставъ возникъ слѣдующимъ образомъ.

Императоръ Николай Павловичъ приказалъ своему министру Шишкову составить новый цензурный уставъ.

Шишковъ поручилъ это дѣло директору своей канцеляріи князю Ширинскому-Шихматову. Работать князю не пришлось долго: въ главномъ правленіи училищъ уже лежалъ готовый уставъ, составленный Магницкимъ въ компаніи съ Руничемъ въ 1823 г. По инструкціи министра, нужно было сообразоваться со всѣми бывшими нашими и иностранными уставами, и извлечь изъ нихъ: «нужнѣйшія, лучшія, приноровленныя къ обстоятельствамъ времени правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и часто распещренныя цвѣтами злонамѣренныя сочиненія».

Но не помогли ни иностранныя уставы, ни желаніе министра не стѣснять талантовъ писателей,—изъ рукъ его вышелъ такъ называемый *чугунный уставъ*.

Цѣль этого цензурнаго устава—противодѣйствовать духу времени, выразившемуся въ политическихъ потрясеніяхъ Европы.

Цензура учреждена была не только для противодѣйствія положительнымъ вреднымъ направленіямъ, но и для воспитанія общества. На цензурный уставъ 1826 года возложены были три главнѣйшія попеченія: о наукахъ и воспитаніи юношества, о нравахъ и внутренней безопасности и о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ политическими обстоятельствами и видами правительства.

Главнымъ органомъ цензуры сдѣланъ былъ верховный цензурный комитетъ изъ трехъ членовъ министровъ—народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Въ самыхъ цензурныхъ правилахъ до мельчайшей подробности опредѣлены обязанности цензора, именно съ воспитательно-подагогической точки зрѣнія.

Чтобы имѣть хотя какое-нибудь понятіе объ этомъ уставѣ, упомянемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ его параграфахъ, наиболѣе рельефныхъ.

Запрещалось помѣщать оффиціальныя статьи и извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ, относящихся до Россіи, прежде нежели онѣ обнародованы будутъ отъ правительства (§ 139). Не позволялось пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ (§ 151). Запрещалось авторамъ выпущенныя цензурою мѣста обозначать точками или другими знаками, «какъ бы нарочно для того поставляемыми, чтобы читатели угадывали сами содержаніе пропущенныхъ повѣствованій или выраженій, противныхъ нравственности, или общественному порядку» (§ 152).

Запрещались сочиненія, «въ которыхъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка» (§ 154). Вмѣнялось въ обязанность, не пропускать къ книгопечатанію книгопродавческихъ каталоговъ съ несправедливою похвалою книгамъ, чтобы «любители чтенія не могли быть черезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣсти книги, не заслуживающія ихъ вниманія»; не велѣно пропускать отрывки изъ цѣлыхъ сочиненій, не имѣющіе «полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или по крайней мѣрѣ безвредной цѣли». Международнымъ политическимъ отношеніямъ Россіи къ Европѣ того времени — посвященъ слѣдующій параграфъ: цензура обязана строго наблюдать, чтобы не печаталось «ничего неуважительнаго или обиднаго для державъ, находящихся въ дружественныхъ съ Россіею отношеніяхъ, и въ особенности для Священнаго союза». Параграфы 173—185 относятся до книгъ по части словесности, географіи и статистики.

О цензурѣ историческихъ книгъ въ § 181 сказано: «исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію».

Въ §§ 186—193 даются наставленія о цензурѣ книгъ логическихъ, философскихъ, юридическихъ, а также по части естественныхъ наукъ и медицины. Въ отношеніи медицинскихъ наукъ «наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребили нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, напримѣръ, какъ духовность души, внутреннюю свободу и высшее опредѣленіе въ будущей жизни. А потому постановляется въ обязанность цензорамъ, чтобы они тщательно отсѣкали въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ всякое къ тому покушеніе».

Къ счастію, дѣйствіе этого устава было кратковременно: скоро обнаружилось, что подобными постановленіями о печати эта послѣдняя совсѣмъ подрывается въ своемъ корнѣ. Въ обществѣ раздавались голоса противъ строгости цензуры. Говорили, что по такому уставу можно и «Отче нашъ» перетолковать «якобинскимъ» нарѣчіемъ: русской наукѣ и литературѣ приходилось зачахнуть. И потому потребовалась реформа въ цензурномъ уставѣ.

Новый уставъ 1828 года отказался отъ своей педагогической роли: онъ просто обязываетъ цензуру «разсматривать произведенія словесности, науки и искусствъ, назначаемыя къ изданію въ свѣтъ внутри государства, посредствомъ книгопечатанія, гравированія или литографіи».

Новый уставъ слагалъ съ цензоровъ быть судьями въ литерутурномъ отношеніи цензуруемыхъ книгъ. Въ шестомъ § устава говорится, что цензура должна обращать вниманіе на духъ статьи, а не привязываться къ отдѣльнымъ словамъ и фразамъ, «и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Цензура должна была слѣдить за неприкосновенностью «коренныхъ законовъ имперіи», хотя объ остальныхъ законахъ, менѣе важныхъ, можно было писать смѣло.

Подобныя льготы, данныя печати, оживили ее, и тридцатые года можно назвать временемъ возрожденія литературы.

А для геніальнаго нашего поэта Пушкина сдѣлано небывалое въ лѣтописяхъ литературы исключеніе: императоръ Николай Павловичъ возложилъ на себя обязанность—быть цензоромъ его произведеній. Изъ этого факта, между прочимъ, видно, что императоръ признавалъ въ Пушкинѣ крупную общественную силу.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину 30 сентября

1826 года: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

Императоръ Николай Павловичъ по нѣкоторымъ цензурнымъ вопросамъ обнаруживалъ болѣе терпимости, нежели все цензурное вѣдомство.

Комедія Гоголя «Ревизоръ», въ которой видѣли злую сатиру на наши общественные порядки, появилась въ печати по личной волѣ государя.

Разсматривая сочиненія Пушкина, представляемыя въ рукописи, государь отмѣчалъ мѣста, требовавшія объясненія, и давалъ автору совѣты, равносильные приказанію.

Однако, кромѣ царской цензуры, Пушкинъ долженъ былъ представлять всѣ свои сочиненія въ цензуру, обычнымъ порядкомъ. Во исполненіе Высочайше утвержденнаго положенія правительствующаго сената, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ предписалъ оберъ-полиціймейстеру, 16 августа 1828 года: «извѣстнаго стихотворца Александра Пушкина обязать подпискою, дабы онъ впредь никакихъ сочиненій, безъ пропуска и одобренія оныхъ цензурою, не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Посредникомъ между Пушкинымъ и императоромъ былъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и начальникъ третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи.

Всѣ сочиненія Пушкина, представляемыя Государю, разсматривались предварительно Бенкендорфомъ. Не желая безпокоить Государя, Пушкинъ посылалъ свои рукописи на усмотрѣніе Бенкендорфа: «Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе вашего превосходительства новыя мои стихотворенія... Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго среди огромныхъ его заботъ... Совѣстясь безпокоить поминутно Его Величество, я раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

Представляя Государю рукописи Пушкина, Бенкендорфъ прилагалъ къ нимъ краткій очеркъ содержанія и даже критическій отзывъ.

Особенно любопытна литературная исторія знаменитой драмы Пушкина «Борисъ Годуновъ».

Произведеніе это окончено въ 1825 г., и первоначальное названіе его было такое: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ».

Еще до появленія въ печати произведеніе это пріобрѣло извѣстность въ литературномъ кругу. Во время своего пребыванія въ Москвѣ, Пушкинъ читалъ свою «комедію» въ обществѣ писателей и ученыхъ, въ числѣ которыхъ были Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ и др. По этому поводу Бенкендоръ писалъ Пушкину 22 ноября 1826 года: «Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ». Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 29 ноября 1826 года: «Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ, то поставляю себѣ за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить».

9 декабря 1826 года Бенкендорфъ отвѣчалъ Пушкину: «Получивъ письмо вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піессою, я поспѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я онную представлю Его Императорскому Величеству, и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ Высочайшемъ отзывѣ». Вмѣстѣ съ драмою, Бенкендорфъ представилъ государю и свои «замѣчанія» и «выписки». А самую драму Бенкендорфъ охарактеризовалъ такъ: «кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера Скотта».

Въ связи съ этимъ замѣчаніемъ Бенкендорфа написанъ и отзывъ государя. На рукописи Пушкина государь, по свидѣтельству П. А. Плетнева, отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашемъ. На «замѣчаніяхъ» Бенкендорфа государь написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта».

Объ этомъ отзывѣ государя Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина 14 декабря 1826 г.

При этомъ Бенкендорфъ писалъ:

«Увѣдомляя васъ о Высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста, обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго

очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1827 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о Всемилостивѣйшемъ отзывѣ Его Величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать однажды мною написанное».

Въ 1829 г. снова подымается вопросъ о драмѣ Пушкина. Сдѣлавъ «нужныя очищенія», Пушкинъ передалъ свое произведеніе В. А Жуковскому—на свѣжій взглядъ.

Исправленная рукопись была передана Государю, при докладѣ слѣдующаго содержанія: «по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, представляется драматическое стихотвореніе Пушкина о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ».

На докладѣ написано: «Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало, 10 октября 1829 г.». На этомъ же докладѣ Бенкендорфъ приписалъ карандашемъ: «возвратить Пушкину съ тѣмъ, чтобы перемѣнилъ бы нѣкоторыя мѣста, слишкомъ тривіальныя, и тогда я опять доложу Государю».

Въ 1830 году Пушкинъ черезъ Бенкондорфа, между прочимъ, пишетъ къ Государю: «Въ настоящее время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю Его Величество развязать мнѣ руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть».

Накопецъ Пушкинъ получилъ желаемое разрѣшеніе. Въ письмѣ 28 апрѣля 1830 года Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина, что Государь разрѣшаетъ напечатать трагедію—подъ собственною отвѣтственностію автора.

Печатный экземпляръ «Бориса Годунова» былъ представленъ Государю.

О впечатлѣніи, произведенномъ на Государя драмою Пушкина, появившейся въ печати, Бенкендорфъ увѣдомилъ автора письмомъ, 9 января 1831 года, слѣдующимъ образомъ: «Его Величество Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ изъ Москвы: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе «Борисъ Годуновъ»

обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе».

Періодъ времени 1828—1850 года замѣчателенъ установленіемъ спеціальныхъ цензуръ для разныхъ вѣдомствъ, возникаетъ мало-по-малу множественность цензуръ. Въ 1836 году учреждена особая цензура для еврейскихъ книгъ; въ 1837 году—для книгъ на восточныхъ языкахъ; въ 1831, 1843, 1846 и 1850 гг.—для министерства Императорскаго двора. Въ 1841 году была учреждена цензура для проповѣдей въ церквахъ; музыкальныя сочиненія, исполняемыя въ церквахъ, подвергнуты цензурѣ директора пѣвческой капеллы.

Въ 1845 г., по докладу министра путей сообщенія, Клейнмихеля, подъ предлогомъ чтобы не встрѣчалось «несообразностей и ошибокъ» въ описаніяхъ русскихъ путей сообщенія, рѣшено было подвергать статьи по этимъ вопросамъ на усмотрѣніе главнаго управляющаго путями сообщенія.

Министръ Финансовъ, въ свою очередь, исхлопоталъ для себя особыя цензурныя льготы. Въ № 4 «Экономическаго указателя», (26 Января 1857 года) была напечатана статья Е. Ламанскаго: «Китайскія ассигнаціи». Говоря о томъ, что Китай раньше Европы былъ знакомъ съ ассигнаціями, Ламанскій расказываетъ вкратцѣ исторію китайскихъ ассигнацій, и при этомъ высказываетъ нѣсколько элементарныхъ финансовыхъ истинъ о томъ, какой вредъ приноситъ чрезмѣрный выпускъ ассигнацій, роняя кредитъ государства, производя паденіе курса, общую дороговизну и проч. Министру Финансовъ эта статья показалась подозрительною. Напрасно князь Щербатовъ (ярый противникъ множественности цензуръ), со своей стороны, обратился съ представленіемъ въ главное управленіе цензуры, что «если мнѣніе цензурнаго комитета не будетъ признано достойнымъ уваженія, и если оцѣнка статей не будетъ основана на чисто научныхъ соображеніяхъ, а на толкованіяхъ, подлежащихъ личному взгляду того или другаго вѣдомства, то цензурный комитетъ будетъ находиться въ крайнемъ затрудненіи». Министръ Финансовъ графъ Канкринъ вошелъ съ докладомъ о статьѣ Ламанскаго, и 28 Марта 1857 года послѣдовало рѣшеніе: «не допускать къ печати статей, подобныхъ статьѣ Е. Ламанскаго».

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ, что случалось, что одно цензурное

вѣдомство вступало въ прерѣканіе съ другимъ о благонамѣренности той или другой одобренной или неодобренной рукописи.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ возьмемъ хотя слѣдующій. Въ 1856 году брошюра подъ заглавіемъ: «Современныя идеи и православіе» не была пропущена свѣтскою цензурою. Авторъ ея, по поводу фельетона «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 217, 1856 года), развивалъ мысль, что идеи современной цивилизаціи, прививающіяся и на русской почвѣ, очень трудно согласить съ православно-религіозными вѣрованіями русскаго народа.

Свѣтская цензура увидѣла въ этомъ укоръ себѣ, будто она потворствуетъ распространенію путемъ печати вредныхъ идей. Тогда авторъ представилъ свою книжку въ духовную цензуру, которая безпрепятственно одобрила ее въ печать. Министръ народнаго просвѣщенія поставилъ это на видъ духовной цензурѣ и просилъ Святѣйшій Синодъ, чтобы духовной цензурѣ запрещено было одобрять сочиненія, которыя вовсе ей не принадлежатъ, тѣмъ болѣе такія, въ которыхъ дѣлаются обвиненія свѣтской цензурѣ въ потворствѣ направленію, не согласному съ православными вѣрованіями.

Но Святѣйшій Синодъ взглянулъ на это дѣло съ своей точки зрѣнія. «Нельзя, говорилъ онъ, утверждать, будто бы свѣтская цензура одна имѣла право судить о названномъ сочиненіи; напротивъ того, судить о сочиненіяхъ, касающихся вѣры православной, есть неотъемлемое, законное и исключительное право церкви. Не одобривъ это сочиненіе, свѣтская цензура оградила только себя, но не оградила православія, оскорбленнаго статьями такой газеты, которая расходится по городамъ всей Россіи и читается людьми всякаго сословія».

Спустя два года послѣ этого «недоразумѣнія» между свѣтской и духовной цензурой, 1858 годъ ознаменовался нѣсколькими протестами со стороны духовнаго вѣдомства. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ столкновеніи свѣтской цензуры съ духовной, цѣль была одна и та же: защита основъ православной вѣры. Изъ области теоріи вопросъ перенесенъ на практическую почву.

Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ иностранецъ Роде со своими туманными геологическими картинами, изображавшими постепенное образованіе земнаго шара. Картины свои онъ показывалъ сначала въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ и публикѣ, въ зданіи цирка (теперешній Маріинскій театръ). С.-Петербургскій митрополитъ, преосв. Григорій, былъ возмущенъ этими представленіями Роде, и обратился къ оберъ-прокурору св. синода съ слѣдующимъ отношеніемъ.

«Неоднократно доходили до меня слухи, что нѣкто, иностранецъ Роде, здѣсь въ Петербургѣ, въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разными картинками, не упоминая ни слова о Богѣ — создателѣ, показываетъ, что образованіе нашей земли, со всѣми ея растеніями и животными, не исключая и людей, произошло только отъ дѣйствія естественныхъ силъ какой-то первобытной матеріи, въ продолженіи не простыхъ шести дней, а шести болѣе или менѣе длинныхъ періодовъ.

Въ настоящее время, какъ сказываютъ, этотъ Роде уже дѣлаетъ свои представленія публично, близъ Большаго театра, въ циркѣ, и для большаго привлеченія народа съ торжественною музыкою.

Такое представленіе, явно колеблющее основаніе христіанства и истребляющее въ народѣ всѣми христіанскими народами благоговѣйно признаваемую и чтимую истину въ созданіи нашей земли отъ Всемогущаго, Премудраго и Всеблагаго Творца Бога,—весьма вредно для народной вѣры и нравственности.

Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, чтобы означенное даваемое въ циркѣ представленіе было прекращено».

Затѣмъ, въ тотъ же годъ, преосв. Григорій возмутился модною картинкою въ «Сынѣ Отечества», и обратился къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«Ваше высокопревосходительство, м. г., при послѣднемъ 19-мъ номерѣ издаваемаго здѣсь журнала, подъ названіемъ «Сынъ Отечества», разослана къ подписчикамъ картинка парижскихъ модъ, въ которой одна женская фигура представлена въ платьѣ, украшенномъ, вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ,—крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ.

Находя такое злоупотребленіе священнаго знамени креста крайне неприличнымъ, оттого долгомъ считаю препроводить доставленную мнѣ картинку вашему превосходительству съ тѣмъ, не признаете ли нужнымъ воспретить въ здѣшнихъ мастерскихъ устройство означенныхъ платьевъ и принять другія, по усмотрѣнію вашему, мѣры, чтобы платья эти не были въ употребленіи».

Спб. генералъ-губернаторъ отвѣчалъ на это слѣдующее:

«Ваше высокопреосвященство милостивый архипастырь, получивъ возвращаемую при семъ картинку, принадлежащую къ № 19 періодическаго изданія «Сынъ Отечества», долгомъ поставляю доложить вамъ, высокоуважаемый архипастырь, что воспрещеніе изготовленія въ здѣшнихъ мастерскихъ подобныхъ женскихъ

убранствъ оказывается неудобнымъ, ибо многія таковыя бываютъ привозимы изъ-за границы, или по иностраннымъ рисункамъ заготовляются въ домашнемъ быту. При томъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной оговоркѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченію, а математическому знаку умноженія.

Тѣмъ не менѣе, сообщилъ я министру народнаго просвѣщенія, что замѣчаніе ваше надлежало бы предписать къ руководству цензурѣ, при пропускѣ рисунковъ всякаго рода".

Вслѣдствіе вышеупомянутаго сообщенія генералъ-губернатора министру народнаго просвѣщенія, послѣдній послалъ въ цензурные комитеты слѣдующій циркуляръ, 28 мая 1858 г.

«Обратить строгое вниманіе на то, чтобы въ картинкахъ или изображеніяхъ, не подлежащихъ отсылкѣ въ духовную цензуру, и одобряемыхъ, по существующимъ постановленіямъ, свѣтскою цензурою, не было допускаемо неприличнаго смѣшенія предметовъ религіозныхъ со свѣтскими».

Какъ мы видѣли выше, при Александрѣ I цензурная реформа была чуть ли не первымъ дѣломъ правительства при самомъ вступленіи на престолъ молодаго императора; напротивъ, при Александрѣ II иныя болѣе важныя и существенныя реформы поглотили все вниманіе правительства; печать же долгое время, почти цѣлое десятилѣтіе, съ 1855 по 1865 г., оставалась при тѣхъ же тягостныхъ законахъ, которые существовали въ царствованіе Николая.

Однако, никогда пресса не была такъ либеральна и смѣла, какъ именно въ это достопамятное десятилѣтіе.

Когда послѣ Крымской войны въ русскомъ обществѣ послѣдовалъ взрывъ реформеннаго энтузіазма, пресса воспользовалась этимъ случаемъ какъ нельзя лучше: общее движеніе, увлекшее за собою прессу, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекло и самихъ цензоровъ. Журналъ Каткова «Русскій Вѣстникъ» появился съ «иностраннымъ отдѣломъ», чего прежде не бывало; въ этомъ году (1855 г.) возникъ славянофильскій журналъ «Русская Весѣда». Оба эти журнала, дорожа удобной минутой, съ рвеніемъ заговорили объ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ, о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ другими державами и высказывали сужденія, несогласныя иногда съ видами правительства. Дошло до того, что князь Горчаковъ объявилъ въ «Journal de St. Petersbourg», 1859 года, органѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что «журналы русскіе, или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія, что правительство не беретъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ, и что

еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи».

Въ шестидесятыхъ годахъ въ русской прессѣ господствовала обличительная литература. Въ особенности на этомъ поприщѣ отличались два сатирическихъ журнала «Искра» и «Развлеченіе». Выраженіе «попасть въ Искру» сдѣлалось такимъ же обычнымъ терминомъ, какъ впослѣдствіи «сѣсть на скамью подсудимыхъ». Въ началѣ 1860 года, для рѣшенія вопроса о печатной гласности и обузданія обличительной литературы былъ даже составленъ особый комитетъ изъ министровъ Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и шефа жандармовъ. Результатомъ совѣщаній комиссіи явился циркуляръ 8 марта 1860 года, подтверждающій по цензурному вѣдомству, «чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и каррикатуры: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п.; в) въ которыхъ, вопреки § 3 устава ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамиліи, а большей частью подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно, о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ, до преступленія ихъ родителей, до происхожденія или дурнаго поведенія членовъ семействъ и т. д. А какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ Августѣйшихъ Особъ Царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи, періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго. Послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣдѣній, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ мнѣній о скончавшихся Августѣйшихъ лицахъ Царствующаго дома, какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ».

Съ 1860 года начинаются отдѣльныя преобразованія цензуры, которыя закончились реформою 6 апрѣля 1865 года—на новыхъ началахъ: отмѣны предупредительной цензуры и замѣны ея карательною цензурою.

Въ указѣ 6 апрѣля 1865 г., между прочимъ, сказано:

«Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія:

Освободить отъ предварительной цензуры:

а) *Въ обѣихъ столицахъ:*

1) Всѣ повременныя изданія.

2) Оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ.

3) Переводы объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ.

б) *Повсемѣстно:*

1) Изданія правительственныя.

2) Академическія, университетскія и ученыхъ обществъ.

3) На древнихъ языкахъ.

4) Чертежи и планы».

Такимъ образомъ, по новому закону, книги свыше 10 печатныхъ листовъ—оригинальныя, и свыше 20 печатныхъ листовъ—переводныя, освобождены отъ предварительной цензуры.

Эта льгота для «солидныхъ» книгъ дана въ тѣхъ видахъ, что онѣ не такъ быстро обращаются въ публикѣ, какъ книги среднія и мелкія; напротивъ, эти послѣднія, будучи и по цѣнѣ своей болѣе доступными, всегда могутъ имѣть болѣе многочисленный кругъ читателей, нежели солидныя книги. Дорогую солидную книгу мы привыкли видѣть въ кабинетѣ ученаго, мелкія дешевыя книги ходятъ по рукамъ читателей.

По правиламъ 6 апрѣля, центральная власть по дѣламъ печати ввѣрена министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и открыто Главное Управленіе по дѣламъ печати. Этому управленію ввѣрены три рода дѣлъ: 1) наблюденіе за произведеніями печати, выходящими безъ предварительной цензуры; 2) наблюденіе за типографіями, литографіями и книжными лавками, и 3) администрація по дѣламъ правительственной цензуры.

Осталось прежнее дѣленіе цензуры—на свѣтскую, духовную и иностранную. Самая главная административная кара по закону 1865 г. есть временное закрытіе періодическаго изданія. Книги, напечатанныя безъ предварительной цензуры, за семь дней до выпуска въ свѣтъ, должны, въ 10 экземплярахъ быть представляемы въ цензурный комитетъ.

Собственно говоря, въ настоящее время дѣйствуетъ цензурный уставъ 1828 года, съ разными дополненіями и измѣненіями, такъ—

что законъ о печати 1865 года представляетъ собою нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила, распространяющіяся на изданія какъ періодическія, такъ и неперіодическія.

Внутренняя (свѣтская) цензура возложена на цензурные комитеты, которые учреждены въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ. Кромѣ того, отдѣльные цензора находятся въ городахъ: Ригѣ, Митавѣ, Ревелѣ, Дерптѣ, Кіевѣ, Волыни, Одессѣ и Казани. Цензурные комитеты имѣютъ свою канцелярію и печать. Цензурованіе частныхъ періодическихъ изданій въ губернскихъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ цензурнаго учрежденія, возлагается на вице-губернатора.

Цензоръ долженъ обращать вниманіе «на духъ и направленіе книгъ». Не имѣя права перемѣнить что либо въ рукописи, онъ тѣмъ менѣе можетъ прибавить какія-либо примѣчанія, или толкованія. Слова рукописи, противныя цензурнымъ правиламъ, отмѣчаются красными чернилами. Цензоръ обязанъ отличать «благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію». Въ своихъ сужденіяхъ цензоръ принимаетъ за основаніе «видимую цѣль и намѣреніе автора, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону». Цензоръ не входитъ въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно не вредно, и не долженъ поправлять слога, или замѣчать ошибки автора въ литературномъ отношеніи, если явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію.

Всякая вступающая въ цензуру рукопись или книга вносится въ общую опись, въ которой, по приложенной формѣ, означается: №, заглавіе, число страницъ, названіе мѣста и лица, отъ кого рукопись доставлена, время полученія и время отдачи кому-либо изъ членовъ комитета—на разсмотрѣніе.

№ рукописи.	Время поступленія.	Заглавіе книги или рукописи.	Фамилія автора или переводчика.	Число страницъ.	Отъ кого представлена.	Когда отдана въ цензуру.	Время дозволенія или недозволенія.	Имя цензора.	Время обратной выдачи.	Росписка получателя.	Когда поступила въ цензуру по напечатаніи, № билета, выданнаго на выпускъ книги въ свѣтъ.

Для набора рукописи, издатель получаетъ отъ цензурнаго комитета билетъ слѣдующаго содержанія: «книгу подъ заглавіемъ NN предварительно набирать дозволяется, съ представленіемъ корректурныхъ листовъ въ цензурный комитетъ».

Цензурное одобреніе означается выраженіями: «дозволено цензурою, число, мѣсяцъ, годъ и мѣсто».

Запрещенная рукопись удерживается въ цензурномъ комитетѣ, а представившему ее выдается свидѣтельство, что «она не дозволяется къ печатанію на основаніи такой-то статьи цензур. устава». Цензурный комитетъ, при выпускѣ книги, обязанъ требовать отъ издателя:

2 экземпляра для цензурнаго учрежденія, 2 экземпляра для Императорской Публичной библіотеки, 1 экземпляръ для гельсингфоргскаго Александровскаго университета и 1 экземпляръ для академіи наукъ.

Итакъ, изъ цензуры книга поступаетъ въ типографію.

Надзоръ за типографіями, литографіями и заведеніями, продающими принадлежности тисненія, находится, подъ наблюденіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати: 1) въ столицахъ и городахъ Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ—на обязанности особыхъ инспекторовъ, находящихся при градоначальникахъ или при губернаторахъ, и 2) и въ прочихъ городахъ—на обязанности чиновниковъ особыхъ порученій, находящихся при губернаторахъ. Каждая типографія обязана имѣть шнуровую книгу, куда заносится всякая печатаемая въ типографіи книга, число экземпляровъ и фамилія издателя.

По напечатаніи рукописи, изъ типографіи представляется въ цензуру два экземпляра книги. Цензоръ, сличивъ представленные экземпляры книги съ дозволеннымъ (рукописнымъ), подписываетъ (по установленной формѣ) позволительный билетъ на выпускъ книги въ продажу. Этотъ выпускной билетъ прикрѣпляется печатью цензуры къ одному изъ вышеупомянутыхъ экземпляровъ, который затѣмъ долженъ храниться втеченіи года отпечатавшей его типографіей. Другой экземпляръ книги остается въ цензурѣ, а рукопись возвращается издателю.

Форма билета, выдаваемаго на выпускъ въ свѣтъ отпечатанной книги:

Изъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета.

N книгу (или листъ) подъ заглавіемъ NN, напечатанную сходно съ приложеннымъ у сего экземпляромъ, въ типографіи NN, выпустить въ свѣтъ позволяется. Мѣсяцъ. Число. Годъ.

Цензоръ NN.

Слѣдуемое въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ получено.

Секретарь NN.

Форма реестра.

№	Время печатанія.	Заглавіе.	Годъ и № дозволенной рукописи.	Гдѣ напечатана.	Когда выданъ билетъ.	Имя и фамилія цензора, подписавшаго билетъ.

Получивъ изъ цензуры выпускной билетъ на выходъ въ свѣтъ, типографія выдаетъ книгу издателю и она поступаетъ въ продажу. Заводить книжные магазины, лавки и кабинеты для чтенія дозволяется всякому, но съ условіемъ обозначить, гдѣ находится упомянутое заведеніе, и кто въ нихъ отвѣтственное лицо. Министръ указываетъ мѣстному начальству на тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ. Если правительство признаетъ за нужное запретить напечатанную съ дозволенія цензуры книгу, то книгопродавецъ обязывается подпиской черезъ полицію не продавать ее, а издатель, на основаніи 180 статьи Ц. У., „получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный чрезъ то убытокъ“.

На право торговли книгами въ разносъ выдается свидѣтельство только благонадежнымъ лицамъ. Полиція обязана слѣдить: а) чтобы въ продаваемыхъ въ разносъ книгахъ было обозначено названіе ихъ, а также мѣсто и годъ напечатанія; б) чтобы въ числѣ разносныхъ книгъ не было продаваемо никакихъ рукописей или книгъ недозволенныхъ; в) чтобы подъ видомъ разносной торговли произведеніями печати не скрывалось какого-либо другаго промысла.

Что касается до періодическихъ изданій, то разрѣшеніе на нихъ выдается отъ главнаго управленія по дѣламъ печати — въ формѣ свидѣтельства въ двухъ экземплярахъ. Безъ предъявленія такого свидѣтельства ни одна типографія не въ правѣ приступить къ набору и печати періодическаго изданія. Издатели ежедневной газеты, выходящей въ свѣтъ не менѣе шести разъ въ недѣлю,

вносятъ залогъ 5,000 рублей; для всѣхъ прочихъ повременныхъ изданій — $2^1/_2$ тысячи. Отъ залога освобождаются періодическія изданія, выходящія съ предварительной цензурой, ученыя, хозяйственныя и техническія изданія; а также — правительственныя, академическія и разныхъ ученыхъ обществъ.

Министру внутреннихъ дѣлъ, періодическимъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предоставлено право дѣлать предостереженія, съ указаніемъ на статьи, подавшія къ сему поводъ. Третье предостереженіе пріостанавливаетъ періодическое изданіе на срокъ, который министромъ внутреннихъ дѣлъ будетъ назначенъ, но не свыше 6 мѣсяцевъ. Если въ задержанномъ экземплярѣ или № періодическаго изданія усматривается преступленіе, то, независимо отъ задержанія экземпляра, можетъ быть возбуждено и судебное преслѣдованіе.

Цензура духовныхъ книгъ, относящихся къ православному вѣроисповѣданію, зависитъ, подъ наблюденіемъ св. синода, отъ духовныхъ цензурныхъ комитетовъ — въ Петербургѣ и Москвѣ. Кіевскій духовный комитетъ разсматриваетъ только книги, подвѣдомственныя кіевской духовной академіи, въ томъ числѣ и многочисленныя «лаврскія изданія».

Члены с.-петербургскаго и московскаго духовнаго цензурнаго комитета утверждаются въ должности святѣйшимъ синодомъ, по представленію петербургскихъ и московскихъ митрополитовъ.

Духовный цензоръ долженъ отличать сочиненія, въ которыхъ подъ предлогомъ благонамѣреннаго и основательнаго изслѣдованія вопросовъ, касающихся православной вѣры и церкви, приводятся въ сомнѣніе важныя истины вѣры: какъ неблагонамѣренныя, онѣ не должны быть допускаемы. Если въ духовную цензуру будетъ прислана рукопись, исполненная мыслей и выраженій, противныхъ духу христіанства, и разрушающая устройство и тишину церкви и государства, то комитетъ немедленно доноситъ о такомъ сочиненіи св. синоду на усмотрѣніе. Система ученія какого-нибудь вѣроисповѣданія можетъ быть пропущена, если переводчикъ въ примѣчаніяхъ своихъ повсюду будетъ сопровождать такое ученіе здравою критикою. Переводы не одобряются по недостатку изложенія, какъ-то: темнотѣ, погрѣшностямъ и нечистотѣ языка.

Вѣдѣнію духовной цензуры принадлежатъ всѣ вообще духовныя сочиненія и переводы, а именно: 1) сочиненія о церковномъ служеніи и жизнеописанія святыхъ; 2) переводы священнаго писанія; 3) сочиненія о христіанской вѣрѣ и религіи вообще; 4) о православной церкви и объ основаніи христіанскаго ученія, 5) поученія, слова и духовныя разсужденія; 6) церковная исторія; 7)

сочиненія о церковномъ управленіи, и, наконецъ, 8) сочиненія и переводы, назначенныя для употребленія въ духовныхъ училищахъ.

Разсмотрѣніе книгъ иностранныхъ возлагается на центральный комитетъ цензуры иностранной въ Петербургѣ, а также и въ Ригѣ и Одессѣ, и на отдѣленія въ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Вильно и Ревелѣ. «При разсмотрѣніи книгъ иностранныхъ болѣе еще нежели въ русскихъ книгахъ слѣдуетъ обращать на цѣль ихъ, на духъ и намѣренія автора. Однако, книга не запрещается, если даже въ ней приведены предосудительныя мнѣнія изъ другой книги съ изъявленіемъ справедливаго негодованія и съ искреннимъ намѣреніемъ опровергнуть собственными разсужденіями автора».

Присылаемыя изъ заграницы на имя книгопродавцевъ кипы, тюки, ящики и проч. съ иностранными книгами препровождаются изъ таможни съ таможенными пломбами въ цензурныя учрежденія, которыя вскрываютъ ихъ въ присутствіи книгопродавца.

Книги, разрѣшаемыя къ выпуску въ продажу, выдаются книгопродавцу безпрепятственно; книги, которыя, по осмотрѣ цензурою, будутъ признаны подлежащими безусловному запрещенію, запечатываются и отправляются обратно въ таможню, о чемъ извѣщается книгопродавецъ, съ тѣмъ, что онъ обязуется означенныя книги выслать обратно за границу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иностранныя книги допускаются въ обращеніе съ вырѣзкою нѣсколькихъ листовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Право литературной собственности. — Рыночная цѣна литературнаго труда. — Откупщики русской литературы.

Уже при самомъ своемъ возникновеніи—книгопечаніе породило потребность читать; вмѣстѣ съ этимъ оно создало двѣ важнѣйшія отрасли промышленности: типографскую и книгопродавческую.

По мѣрѣ развитія книжной торговли явилась и контрафакція. Авторамъ оставалось одно средство противъ контрафакціи: обращаться къ правительству и ходатайствовать у него о пожалованіи особыхъ привилегій на исключительное право печатанія и продажи книгъ, предполагаемыхъ къ изданію.

Къ этому, такъ сказать, примитивному средству и обращались авторы въ разныхъ странахъ въ борьбѣ съ контрофакціей и плагіатомъ. Первая по времени издательская привилегія выдана была венеціанской республикой въ 1491 году, профессору Petro de Ravenn на изданіе сочиненія подъ заглавіемъ «Phoenix». Привиллегія, обыкновенно, обозначалась въ началѣ или въ концѣ пользующейся ею книги. Привиллегіи бывали безъ означенія срока, или срочныя, напримѣръ, на 2, на 3 года и т. д., смотря по коммерческимъ соображеніямъ издателя.

Мало-по-малу въ защиту авторскихъ правъ является и законодательство. Такъ напримѣръ, въ концѣ XVIII вѣка, въ Англіи, самовольные перепечатники подвергались конфискаціи книгъ перепечатанныхъ и штрафу по 1 пенни съ листа; половина штрафныхъ денегъ поступала въ казну, а половина—доносчику. Какъ видно, правительство, въ интерасахъ автора, поощряло доносъ денежной наградой.

Пользуясь связями въ парламентѣ, университеты Оксфордскій и Кембриджскій и нѣкоторыя другія учебныя заведенія выхлопотали законодательнымъ путемъ признаніе за ними права вѣчной коллективной собственности на всѣ сочиненія научныя или педагогическія.

Въ Россіи законодательство о контрафакціи началось съ предоставленія привилегіи исключительнаго издательства нѣкоторымъ ученымъ корпораціямъ. Съ самаго основанія своего Академія наукъ издаетъ календари и Вѣдомости и пользуется исключительнымъ правомъ на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Изъ-за календаря академія вела споры и не разъ преслѣдовала частныхъ издателей областныхъ мѣсяцеслововъ. Напримѣръ, въ 1780 году изданъ былъ отъ правительства указъ о воспрещеніи всѣмъ типографіямъ печатать мѣсяцесловы и другія книги, печатаемыя въ академіи наукъ. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано: «всякое перепечатываніе какой бы то книги (академической) ни было, дѣлаетъ академіи убытокъ и разстройку, что всегда предохраняемо было во всѣхъ касавшихся до типографій узаконеніяхъ.... и о томъ прочимъ содержателямъ подтвердить, что Высочайше даннымъ Академіи регламентомъ предписано кунстъ-камеру и библіотеку пріумножить и содержать, также и на надобные къ тому припасы, какъ-то: спиртъ, камфару, стклянки, и проч.—употреблять изъ книжныхъ доходовъ, почему наблюденіе онаго есть болѣе нежели экономическое дѣло, которое по существу своему такого рода, что отъ недостатка онаго не только приращеніе, но и самое содержаніе драгоцѣнныхъ въ Императорской кунстъ-камерѣ хранящихся вещей претерпѣть можетъ».

Въ 1800 году изданъ былъ снова указъ о запрещеніи продавать и печатать календари, кромѣ издаваемыхъ академіею наукъ.

Правительство наше, соблюдая интересы академіи, сносилось даже съ Императоромъ Карломъ VI, въ 1735 году, о прекращеніи въ Германіи перепечатыванія академическихъ изданій.

Указомъ 5 августа 1784 года коммиссіи народныхъ училищъ предоставлено было исключительное право на перепечатываніе книгъ, издаваемыхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ. Этотъ указъ вызванъ тѣми обстоятельствами, что Новиковъ перепечаталъ нѣкоторые учебники, не видя въ этомъ ничего противозаконнаго. Слѣдуетъ упомянуть, что въ позднѣйшее время, извѣстія съ театра войны составляли монополію «Русскаго Инвалида», прочія же газеты и журналы ограничивались лишь перепечаткою сообщаемаго въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Въ 1854 году редакторы «Современника» обратились было съ просьбою въ Главное управленіе цензуры о дозволеніи имъ помѣщать свои извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ. Но имъ было отказано на томъ основаніи, какъ писалъ военный министръ, что «отъ подобнаго совмѣстительства можетъ пострадать «Русскій

Инвалидъ», доходы съ изданія коего имѣютъ благотворительную цѣль».

Цензора же еще болѣе усугубили эту монополію «Русскаго Инвалида»: они не допускали печатанія въ періодическихъ изданіяхъ не только какихъ либо корреспонденцій изъ военнаго лагеря, но даже и беллетристическихъ произведеній съ военною обстановкою.

При такихъ условіяхъ, «Севастопольскимъ разсказамъ» гр. Л. Толстого предстояла печальная участь пролежать въ портфелѣ автора, Богъ знаетъ, сколько времени. Но въ маѣ мѣсяцѣ 1855 г. редакторъ «Современника», И. Панаевъ, обратился въ Главное управленіе цензуры съ новою просьбою о дозволеніи печатать въ «Современникѣ», какъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и военную беллетристику. «Такого рода статьи,—писалъ онъ:—должны быть, кажется, достояніемъ всѣхъ газетъ и журналовъ, а не одного «Русскаго Инвалида» или «Сѣверной Пчелы», ибо патріотизмъ—чувство неотъемлемое ни у кого, присущее всѣмъ и не раздѣляющееся какъ монополія. Если литературные журналы будутъ вовсе лишены права разсказывать о подвигахъ нашихъ героевъ, быть проводниками патріотическихъ чувствъ, которыми живетъ и движится въ сію минуту вся Россія, то оставаться редакторомъ литературнаго журнала будетъ постыдно.... Развѣ мы, редакторы этихъ журналовъ, не русскіе по сердцу и убѣжденіямъ? Можемъ ли мы оставаться въ эти минуты совершенно чуждыми великимъ совершающимся событіямъ? Можемъ ли подавить въ себѣ всѣ патріотическія стремленія, порыванія, чувства? Описывая петербургскія новости провинціальнымъ нашимъ читателямъ, мы не смѣемъ упомянуть о томъ, какъ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ петербургской дружинѣ государственнаго ополченія, энтузіазмъ всѣхъ видѣвшихъ это, наши впечатлѣнія, наши слезы, наши ощущенія при этомъ зрѣлищѣ!».

Князь Долгорукій уважилъ просьбу Панаева, и ему разрѣшено было печатать не только повѣсти изъ военнаго быта, но и военныя корреспонденціи.

Въ «Современникѣ» 1855 года появилось начало военныхъ разсказовъ гр. Л. Толстого, изъ коихъ первымъ былъ разсказъ «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ, Л. Н. Т.».

Понятіе о правѣ литературной собственности у насъ въ Россіи имѣлось уже у большинства образованныхъ людей, въ царствованіе императора Александра I, хотя не было еще выражено съ надлежащею опредѣленностію ни въ какомъ положительномъ законѣ.

При императорѣ Николаѣ, 22 апрѣля 1828 года, впервые выработано «положеніе о правахъ сочинителей», которое и было

санкціонировано Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 8 января 1830 года.

Съ 1857 года срокъ пользованія правомъ авторскимъ удвоенъ, такъ что изъ 25 лѣтняго онъ превратился въ 50 лѣтній.

Каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользованія во всю жизнь свою — «изданіемъ» и продажею онаго по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ. По смерти автора, право на «изданіе», принадлежитъ его наслѣдникамъ, но не долѣе 50 лѣтъ со дня смерти сочинителя. По истеченіи 50 лѣтъ, право собственности литературнаго произведенія поступаетъ въ общій фондъ человѣческаго ума. Право на второе «изданіе» и т. д. должно быть оговариваемо новымъ условіемъ между авторомъ и издателемъ. Никто не долженъ нарушать правъ авторскихъ. Ссылаться на чужую книгу можно, но только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ ссылкахъ выписано въ сложности не болѣе $^1/_3$ части книги, и 2) если текста самаго сочинителя вдвое болѣе ссылокъ изъ одной какой-нибудь книги. Самовольнымъ изданіемъ (контрафакціею) почитается то, если: 1) кто подъ названіемъ втораго или третьяго и такъ далѣе изданія печатаетъ книгу, уже напечатанную; 2) кто, перепечатавъ въ чужихъ краяхъ книгу, изданную въ Россіи, хотя бы съ переводомъ на другой языкъ, будетъ продавать напечатанные такимъ образомъ экземпляры въ Россіи, не имѣя письменнаго на то позволенія законнаго издателя; 3) кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную или читанную публичную рѣчь; 4) журналистъ, подъ видомъ рецензіи, или подъ другимъ предлогомъ перепечатывающій постоянно изъ чужихъ изданій статьи, хотя онѣ занимаютъ менѣе одного печатнаго листа, 5) переводъ книги, уже переведенной, когда $^2/_3$ книги сряду выписано слово въ слово, и 6) изданіе словаря съ позаимствованіемъ почти всѣхъ словъ.

Взысканіе за контрафакцію состоитъ: 1) въ возмѣщеніи причиненныхъ убытковъ, и 2) отобраніи напечатанныхъ самовольно экземпляровъ (въ пользу законнаго издателя).

Труды вольныхъ ученыхъ обществъ, въ случаѣ прекращенія существованія оныхъ до истеченія срока исключительнаго права, обращаются въ собственность публики.

Права авторовъ и переводчиковъ пьесъ, назначаемыхъ для сцены, опредѣлены у насъ Высочайше утвержденнымъ 1827 года «положеніемъ о вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ, когда эти послѣднія будутъ приняты на Императорскихъ театрахъ». Права автора въ отношеніи сцены

прекращаются со смертью автора и по наслѣдству не переходятъ. Всѣ драматическія пьесы и оперы, отданныя въ собственность Императорскимъ театрамъ могутъ быть подраздѣлены на пять классовъ. Къ первому классу принадлежатъ оригинальныя трагедіи и комедіи въ стихахъ, въ 5 или 4 дѣйствіяхъ, и музыка большихъ оперъ; ко второму классу—оригинальныя трагедіи и комедіи въ стихахъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ; оригинальныя трагедіи, комедіи и драмы прозою въ 5 или 4 дѣйствіяхъ; переводы трагедій, комедій стихами въ 5 — 4 дѣйствіяхъ, и музыка среднихъ оперъ; къ третьему классу—комедіи въ стихахъ въ 2—1 дѣйствіи, оригинальныя трагедіи, комедіи и драмы прозою, мелодрамы въ 3 дѣйствіяхъ, и музыка оперетъ; къ четвертому классу—оригинальныя комедіи, драмы прозою въ 2—1 дѣйствіи, переводы комедій стихами въ 2—1 дѣйствіи; къ пятому классу — переводы мелкихъ произведеній и водевилей въ 1 дѣйствіи.

На основаніи этихъ правилъ, «Ревизоръ», Гоголя, какъ пьеса оригинальная пятиактная въ прозѣ, былъ причисленъ ко второму классу, и Гоголю за эту комедію было выдано единовременное вознагражденіе, опредѣленное для пьесъ втораго класса 2,500 рублей ассигнаціями. По этому случаю, Р. Зотовъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что когда дѣло дошло до платы за «Ревизора», Гоголь требовалъ, чтобы ему была выдана сумма (4000 руб.), опредѣленная за пьесы перваго класса. Какъ ни убѣждали его, что къ первому классу отнесены пьесы въ стихахъ, Гоголь почелъ себя обиженнымъ и долго сѣтовалъ потомъ на дирекцію. Если бы Гоголь отдалъ въ дирекцію свою пьесу на условіи поспектакльной платы, «Ревизоръ» принесъ бы автору нѣсколько десятковъ тысячъ.

Пьесы и оперы, отдаваемыя сочинителями въ пользу бенефиціантовъ, обращаются въ принадлежность театра. Бенефиціанты, не зная, какой сборъ они сдѣлаютъ въ бенефисъ, не рисковали платить авторамъ большія деньги. Такъ, «Горе отъ ума» Грибоѣдова было пріобрѣтено Брянскимъ для своего бенефиса всего только за 2,000 руб. ассигнаціями.

Сочинители драматическихъ пьесъ и оперъ, когда эти послѣднія будутъ приняты для представленія на Императорскія театры, во всю жизнь пользуются поспектакльною платою, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за пьесы I класса $^1/_{10}$ часть сбора; за пьесы II класса—$^1/_{15}$ часть сбора; за пьесы III класса—$^1/_{20}$ часть; за пьесы IV класса—$^1/_{30}$ часть сбора.

Пьесы, принадлежащія къ V классу, пріобрѣтаются театральнымъ начальствомъ за извѣстную плату. Чтобы судить, какъ ве-

лика часть сбора, получаемая сочинителями или переводчиками, сдѣлаемъ разсчетъ относительно театровъ Петербургскихъ—Маріинскаго и Александринскаго.

Полный сборъ Маріинскаго театра—1200 руб. Двѣ трети этого сбора 800 руб.; поэтому, если театръ совершенно полонъ, то на долю автора приходится за пьесу:

1 класса	. . .	80 р.	— к.
2 „	. . .	53 „	33 „
3 „	. . .	40 „	— „
4 „	. . .	26 „	26 „

Полный сборъ Александринскаго театра 1036 руб. Двѣ трети этого сбора 690 руб., такъ что на долю автора приходится за пьесу:

1 класса	. . .	69 р.	6 к.
2 „	. . .	46 „	4 „
3 „	. . .	34 „	53 „
4 „	. . .	23 „	2 „

Если пьесы отдаются въ «собственность Императорскихъ театровъ» за единовременное вознагражденіе, въ такомъ случаѣ плата не должна превышать—1 класса—4000 рублей, 2—2500 руб., 3—2000 рублей, 4—1000 рублей, 5—500 рублей.

Запрещеннымъ пьесамъ ведется въ канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати особый реестръ, и ни одинъ изъ театровъ имперіи не можетъ поставить ихъ на сцену, подъ опасеніемъ опредѣленнаго взысканія.

Упомянутый реестръ сообщается для свѣдѣнія всѣмъ губернаторамъ. Всѣмъ содержателямъ театровъ, по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати, черезъ посредство губернаторовъ, высылаются алфавитные списки пьесамъ, дозволеннымъ къ представленію.

Въ 1887 году уничтожена «конвенція о литературной собственности съ Франціей и Бельгіей». Литературная конвенція была заключена съ названными государствами въ 1862 году. Принявъ подъ покровительство всѣ произведенія духовнаго творчества человѣка, разумѣя подъ ними «книги, брошюры, драматическія произведенія, музыкальныя сочиненія, картины, гравюры, планы, географическія карты, рисунки, скульптурныя работы и другія произведенія науки, литературы и художествъ», статья 1-я литературной конвенціи гласитъ:

«Незаконныя перепечатыванія и воспроизведенія или контрафакція твореній, изданныхъ первоначально въ одномъ изъ дого-

варивающихся государствъ, будутъ уподоблены въ другомъ незаконному перепечатыванію и воспроизведенію тѣхъ твореній, коихъ авторы принадлежатъ къ сему послѣднему государству».

Другими словами, виновные въ контрафакціи французскаго произведенія отвѣчаютъ въ Россіи по русскимъ законамъ и наоборотъ.

Нельзя не замѣтить, что «литературная конвенція», была ни что иное, какъ принятое на себя русскимъ обществомъ добровольное обязательство доброхотныхъ даяній въ пользу французскихъ издателей. Духовное богатство Западной Европы, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, богаче, чѣмъ у насъ, потому что тамъ и цивилизація началась раньше, чѣмъ у насъ. Петръ Великій сблизилъ насъ съ Западной Европой, отъ которой мы получили «желѣзныя дороги», «телеграфы», «пароходы» и т. д.

Въ области литературы Россія была естественной потребительницей произведеній словесности Западной Европы. Издательскій рынокъ, напримѣръ, Франціи, представлялъ широкое поле для русскихъ переводчиковъ. Но въ силу литературной конвенціи, наши переводчики должны были нести свои трудовыя сбереженія въ пользу французскихъ издателей, не получая таковыхъ въ замѣнъ. Кромѣ того, наше законодательство строже взыскиваетъ за контрафакцію, нежели французскіе законы: за одинъ и тотъ же проступокъ у насъ подвергаютъ виновнаго — къ тюремному заключенію отъ 2—8 мѣсяцевъ, а во Франціи — только денежному штрафу отъ 100—1000 франковъ.

Какъ мы сказали выше, конвенція о литературной собственности съ Франціей и Бельгіей отмѣнена, и со 2 іюня 1887 года допускается полная свобода не только переводовъ, но даже и перепечатываніе французскихъ книгъ въ Россіи.

Съ литературной точки зрѣнія Россія занимаетъ въ настоящее время очень выгодное положеніе въ Европѣ: наши писатели то и дѣло переводятся на европейскіе языки.

Рядомъ съ литературной собственностью стоитъ художественная и музыкальная собственности, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и граверъ пользуются втеченіе всей своей жизни такъ называемой «художественной собственностью». Она состоитъ въ исключительномъ правѣ, ему лишь принадлежащемъ, повторять, издавать и размножать оригинальное свое произведеніе всѣми возможными способами. Со дня смерти художника, право художественной собственности переходитъ къ его наслѣдникамъ, срокомъ на 50 лѣтъ.

Картины, статуи и другія художественныя произведенія могутъ

быть проданы съ публичнаго торга на уплату, напримѣръ, долговъ художника, но съ пріобрѣтеніемъ ихъ не переходитъ покупщику право художественной собственности; такъ что противозаконнымъ копированіемъ признается всякое повтореніе, для денежныхъ выгодъ, художественнаго произведенія, безъ согласія лица, имѣющаго на то произведеніе право художественной собственности. Плагіатомъ въ живописи почитается заимствованіе «группъ, фигуръ и головъ».

Право на печатаніе музыкальныхъ сочиненій принадлежитъ композиторамъ и ихъ наслѣдникамъ. Музыкальныя пьесы, безъ дозволенія сочинителя, не могутъ быть исполнены публично, въ театрахъ или концертахъ. Изданныя же въ свѣтъ музыкальныя произведенія, кромѣ оперъ и ораторій, могутъ быть и безъ согласія автора исполняемы публично.

Всякое произведеніе словесности, художествъ и искусствъ даетъ авторамъ этихъ произведеній разныя права, какъ личныя такъ и имущественныя. Личныя права состоятъ въ разнаго рода наградахъ и имуществахъ, предоставленныхъ лицу, какъ автору. Имущественные права—тѣ, кои принадлежатъ тому же лицу, какъ собственнику произведеній. Первыя не наслѣдственны и существуютъ, пока живъ авторъ; напротивъ, вторыя—наслѣдственны. Напримѣръ, сочинителямъ предоставлено право безплатнаго входа въ театры въ дни казенныхъ представленій. Композиторъ, продавъ издателю свою оперу, продолжаетъ пользоваться поспектакльнымъ сборомъ, потому что поспектакльная плата есть право личное, не подлежащее къ праву изданія.

Говоря о цѣнности литературной собственности, мы разумѣемъ рыночную цѣну ея, независимо отъ внутреннихъ качествъ литературной собственности. Какъ цѣнится авторскій трудъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе книгопечатанія удешевило цѣны книгъ; уже при Гутенбергѣ цѣны на книги повсемѣстно понизились въ Европѣ въ три-четыре раза — сравнительно съ рукописными.

Самый важный фактъ въ исторіи книги XIX вѣка, это то, что книга стала обогащать автора. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно Западной Европы, гдѣ пресса и книжное дѣло находятся на болѣе высокой степени совершенства, нежели у насъ.

Геніальные писатели становятся богачами.

Вальтеръ-Скоттъ, заставлявшій своими произведеніями плакать модистокъ и герцогинь, нажилъ до шести милліоновъ. Громадныя суммы, которыя доставляли ему поэтическія и прозаическія тво-

ренія, онъ употребилъ на постройку замка, въ подражаніе древнимъ витязямъ.

Башни и башенки скопированы были съ какого нибудь стариннаго шотландскаго замка, крыши и окна украшались гербами клановъ и ползающими львами на красномъ полѣ... Много лѣтъ въ этомъ замкѣ онъ держалъ открытый столъ и оказывалъ всякому постороннему посѣтителю шотландское гостепріимство.

Достигнувъ славы, Вальтеръ-Скоттъ смотритъ, наконецъ, на свой талантъ, какъ на каменноугольную копь, которую надо разрабатывать возможно быстрѣе и возможно выгоднѣе: въ теченіе одного мѣсяца, а иногда даже и пятнадцати дней онъ пишетъ цѣлый томъ, и томъ этотъ даетъ ему двадцать пять тысячъ франковъ.

Но недолго продолжалось благосостояніе Вальтера-Скотта. Умственное и нравственное банкротство тяжелѣе финансоваго, матеріальнаго банкротства.

Желаніе поддержать княжеское гостепріимство и феодальную роскошь заставило его принять участіе въ спекуляціяхъ своихъ издателей. Оставаясь въ мнѣніи общества собственникомъ аристократомъ, а втайнѣ негоціантомъ, онъ передалъ своимъ компаньонамъ бланковыя подписи, и не наблюдалъ за тѣмъ, на какое они шли употребленіе. Въ результатѣ явилось банкротство, и Вальтеръ-Скоттъ на пятьдесятъ пятомъ году жизни очутился не только нищимъ, но еще остался долженъ 117 тысячъ стерлинговъ (1.170.000 р.) Съ удивительной твердостью и честностью онъ отказался отъ всякаго снисхожденія, принялся тотчасъ же за работу, писалъ неутомимо и въ четыре года уплатилъ 70,000 фунтовъ стерлинговъ. Но это не прошло даромъ: онъ истощилъ свой мозгъ до того, что нажилъ параличъ и умеръ въ страданіяхъ.

Викторъ Гюго на доходы отъ своихъ книгъ тоже выстроилъ роскошный замокъ, а будучи изгнанъ изъ Франціи — жилъ настоящимъ владѣтельнымъ княземъ, и въ изгнаніи велъ литературную борьбу съ Наполеономъ III, которая кончилась не въ пользу послѣдняго.

За свою рукопись «Notre dame» Гюго получилъ 60,000 франковъ (около 20 тыс. руб.).

Приведемъ нѣкоторыя цифры авторскихъ гонораровъ.

Байронъ получилъ отъ своего издателя Муррея 386,000 франковъ. Шатобріанъ продалъ свои сочиненія ассоціаціи издателей за 550,000 франковъ. Ламартинъ два изъ своихъ произведеній продалъ Шарлю Жосмену за 100,000 франковъ, а Тьеръ за «Консульство и имперію» получилъ съ издателя Палена 500,000 франковъ. За романъ «Nikolas Nicleby» Дикенсъ выручилъ 300,000 фр.

За возраженіе на послѣднюю поэму Тенисcона, напечатанное въ «Niniteenth Century», Гладстону за 20 страницъ уплочено 250 фунтовъ стерлинговъ, т. е. по 26 копѣекъ за каждое слово.

Теперь перейдемъ къ исторіи литературнаго гонорара у насъ въ Россіи.

Намъ мало извѣстно о продажной цѣнѣ рукописныхъ книгъ въ древней Руси; однако нѣкоторыя сохранившіяся свѣдѣнія указываютъ, что рукописныя книги были дороги. Въ XIII столѣтіи рукописный молитвенникъ стоилъ 50 гривенъ кунъ. Дьякъ Грибоѣдовъ представляетъ собою первый извѣстный намъ примѣръ вознагражденія, отъ власти царской происшедшаго, за его частный литературный трудъ. Онъ написалъ въ 1669 году сокращеніе Россійской исторіи въ 36 главахъ, содержащее въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ Россіи отъ Великаго князя Владиміра до означеннаго года. Это произведеніе не издано въ свѣтъ; списокъ хранится въ Александро-невской библіотекѣ. Въ концѣ александроневской рукописи сказано, что сочинитель за эту книгу получилъ отъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца «жалованія: 40 соболей, да въ приказѣ 50 рублевъ денегъ, атласъ, камку, да придачи къ поместному окладу 50 четей 10 рублей; а книга взята къ великому государю вверхъ».

Въ юридическихъ актахъ, изданныхъ археологической коммиссіей въ 1838 году, во вкладной крестнаго монастыря архимандрита Ефрема 1696 года, декабря 22, упоминается въ числѣ прочихъ вкладовъ: «Прологи печатные, на большой бумагѣ, цѣна 10 рублевъ».

Сохранилась любопытная запись (или счетъ) со временъ Алексѣя Михайловича, въ которой обозначены цѣны на нѣкоторыя книги, по тому времени.

7159 г. (1651 года) августа въ 1 день взято къ государю въ Верхъ въ розныхъ рядехъ у торговыхъ людей розныхъ книгъ.

Въ Овошномъ ряду: у Гришки Григорьева *Толковое Евангеліе*, цѣна 3 рубли 10 алтынъ.

Лѣствишникъ, цѣна полтора рубли безъ гривны.

Торжественникъ, цѣна 3 руб. 6 алт. 4 деньги.

У Силки Никитина книга *Ефрема Сирина*, цѣна 2 руб. Два *Евангелія воскресныхъ*, цѣна 7 руб. У Варѳоломейки Семенова книга *Маргаритъ* цѣна 3 руб. съ четью.

Изъ этой записи, между прочимъ, видно, что при Алексѣѣ *Михайловичѣ* въ Москвѣ книгами торговали въ Овощномъ ряду!

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что старинный московскій рубль—не то, что нынѣшній: онъ былъ гораздо дороже нынѣшняго.

Болотовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что однажды, идучи по площади въ Москвѣ, въ 1766 году, повстрѣчался съ какимъ-то человѣкомъ, отъ котораго купилъ «первую часть трудовъ экономическаго общества», только что изданную въ свѣтъ и вышедшую въ Петербургѣ изъ печати. Общество находилось подъ покровительствомъ императрицы Екатерины II.

Заглянувъ въ книгу, Болотовъ увидѣлъ, что «приглашалися къ сообщенію обществу экономическихъ своихъ замѣчаній всѣ живущіе въ деревняхъ дворяне, равно какъ и другіе всякаго званія люди, и что для проложенія имъ къ тому удобнѣйшаго пути, приложено было при концѣ сей книжки и 65 вопросовъ, такого существа и о такихъ матеріяхъ, о которыхъ не мудрено и не трудно было всякому отвѣтить, буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономіи имѣлъ понятіе». Болотовъ составилъ отвѣты на нѣкоторые вопросы и отправилъ въ Петербургъ. Вскорѣ отъ экономическаго общества пришло къ Болотову письмо: «было оно благодарительное отъ всего общества за присланное отъ меня сочиненіе, и въ самомъ существѣ своемъ хотя ничего не значило, но для меня въ тогдашнее время казалось невѣдомо какъ важнымъ. Я кичился тѣмъ, какъ великимъ какимъ пріобрѣтеніемъ и поставлялъ себѣ то за великую честь, что самъ президентъ того общества и первая тогда знаменитѣйшая въ государствѣ особа удостоила меня своею перепискою. Президентомъ симъ былъ у нихъ графъ Орловъ».

Ободренный этимъ успѣхомъ, Болотовъ послалъ въ редакцію «Трудовъ вольно-экономическаго общества» новое свое сочиненіе, за которое былъ «обрадованъ присылкою ко мнѣ изъ экономическаго общества превеликаго пакета. Я не зналъ, говоритъ Болотовъ, что-бъ такое это было, но распечатавъ увидѣлъ, что это была вновь напечатанная вторая часть «Трудовъ» общества, въ прекрасномъ кожаномъ переплетѣ, при письмѣ отъ секретаря общества, подполковника Андрея Андреевича Нартова, въ которомъ писалъ онъ ко мнѣ, что *общество, признавъ сочиненіе мое о Коширскомъ уѣздѣ полезнымъ и достойнымъ напечатанія, помѣстило оное во второй части „Трудовъ“ своихъ и оную въ знакъ благодарности ко мнѣ посылаетъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто платы, экономическое общество прислало своему сотруднику экземпляръ «Трудовъ», гдѣ была напечатана его статья.

Болотовъ ни на что большее и не претендовалъ: «не въ состояніи я никакъ описать вамъ того чувствованія удовольствія,

съ какимъ разсматривалъ и читалъ я въ первый еще разъ напечатанное мое сочиненіе. Признаюсь, что для меня весьма пріятна была та минута, въ которую въ первый разъ увидѣлъ я свое имя напечатаннымъ. Мысль, что сдѣлается оно чрезъ то всему отечеству извѣстнымъ и нѣкоторымъ образомъ останется безсмертнымъ и увѣковѣчится, ласкала очень сильно моему самолюбію и вперяло уже нѣкоторое особое о себѣ мнѣніе. Я кичился тѣмъ и побуждался еще болѣе мыслить о своемъ второмъ сочиненіи и о томъ, какъ бы его скорѣе переписать набѣло и отправить въ Петербургъ».

Изъ этого факта видно, что на первыхъ порахъ возникновенія нашей журналистики сотрудники писали изъ любви къ искусству и изъ за того почета, какимъ пользуется печатное слово. Точно также авторы изданныхъ книгъ, нерѣдко, вмѣсто денежнаго вознагражденія, довольствовались извѣстнымъ числомъ экземпляровъ—для раздачи своимъ знакомымъ. Въ 1784 году тотъ же Болотовъ пишетъ: «имѣлъ я неизъяснимое удовольствіе видѣть книгу свою «О благополучіи», наконецъ, напечатанную. *Г. Новиковъ не преминулъ тотчасъ прислать ко мнѣ выговоренные экземпляры*, и я не могъ книгою сею довольно налюбоваться и благодарилъ Господа, что онъ удостоилъ, наконецъ, сей мой трудъ быть напечатаннымъ, слѣдовательно, быть черезъ то увѣковѣченнымъ».

Около этого же времени, И. А. Крыловъ, прибывъ въ Петербургъ, продалъ книгопродавцу Брейткопфу свое юношеское произведеніе, оперу «Кофейницу». Опера, слова которой были сочинены пятнадцатилѣтнимъ юношею, показалась Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ, и онъ согласился купить «Кофейницу», предложивъ автору за трудъ 60 рублей. Крыловъ, вмѣсто денегъ, взялъ у книгопродавца книгъ, преимущественно сочиненія Расина, Мольера и Буало.

При императорѣ Александрѣ I вознагражденіе за литературный трудъ опредѣлено было въ видѣ положительныхъ правилъ въ уставахъ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ уставѣ, напримѣръ, медико-хирургической академіи, 28 іюля 1808 года, постановлено, что академикъ или профессоръ, представившій какое-либо свое сочиненіе, одобренное къ напечатанію, получаетъ единовременное награжденіе годоваго жалованья. Подобное правило принято было и въ уставахъ духовныхъ академій 1814 года: одобренная конференціею книга печатается на казенный счетъ, а сочинителю назначается почетное или денежное вознагражденіе.

При Александрѣ I и пресса, и книжное дѣло находились въ

жалкомъ состояніи: имѣя малый кругъ читателей, авторы и книгопродавцы не могли опираться на этихъ послѣднихъ. Главнымъ поощрителемъ и покровителемъ литературы, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи, въ то время было само правительство

«Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ Императоръ Александръ, говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями-писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли, русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонораръ за большія серіозныя сочиненія; примѣръ въ родѣ Карамзина принадлежитъ къ счастливымъ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ напечатать ихъ на счетъ кабинета и затѣмъ даритъ, обыкновенно, все изданіе литератору». «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени,—напримѣръ, Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шуберъ и мн. др. И въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти при каждомъ случаѣ объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ».

Затѣмъ Шторхъ упоминаетъ о денежныхъ пособіяхъ, которыя назначалъ императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ.

Такъ, напримѣръ, онъ далъ нѣкоему Лебедеву на изданіе путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи—10,000 рублей; московскому профессору Страхову на изданіе перевода: «Путешествія младшаго Анахарсиса, Бартелеми»—6,000 рублей; Политковскому на изданіе Адама Смита—5,000 рублей и др. Множество русскихъ писателей, представлявшихъ Императору свои сочиненія, награждаемы были перстнями, табакерками и другими цѣнными подарками. Случаи этого рода такъ обыкновенны, что мы не будемъ упоминать объ нихъ. Но ни одинъ изъ русскихъ писателей не могъ похвалиться въ этомъ отношеніи большимъ отличіемъ, чѣмъ Карамзинъ.

Вообще, сумма, употребленная кабинетомъ Его Величества на этотъ предметъ за одинъ только 1802 годъ, простиралась до 160,000 рублей.

Не только писателей, правительство поощряло и издателей.

Около 1820 г. И. И. Глазуновъ предпринялъ многотомное изданіе «Памятника законовъ». При поднесеніи министромъ юстиціи первой части этой книги Государю Императору, Александръ Павловичъ Всемилостивѣйше повелѣлъ въ 31 день августа 1825 года «для поощренія къ продолженію сего изданія наградить издателя Глазунова золотою медалью на владимірской лентѣ съ надписью: *«за полезное»*,

Для Карамзина необходима была матеріальная поддержка правительства, чтобы онъ могъ написать «Исторію Государства Россійскаго»—это знаменитѣйшее литературно-научное предпріятіе въ царствованіе Александра I. По званію исторіографа, Карамзинъ почиталъ долгомъ представить двѣнадцатилѣтній трудъ свой лично Государю, чтобы «Исторія Государства Россійскаго», посвященная его имени, явилась въ публику съ его собственнаго одобренія и подъ его высокимъ покровомъ. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ Петербургъ—въ 1816 году. Вскорѣ послѣ того Государь принялъ Карамзина, долго бесѣдовалъ съ нимъ, наградилъ его чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 1-й степени и приказалъ выдать ему изъ кабинета 60,000 рублей на напечатаніе исторіи.

Черезъ полтора года по переѣздѣ Карамзина въ Петербургъ, вышли восемь томовъ его «Исторіи Государства Россійскаго» (1816—1818 года). Въ 25 дней было продано 3,000 экземпляровъ: дѣло безпримѣрное въ нашей книжной торговлѣ. «Появленіе этой книги, разсказываетъ А. Пушкинъ въ своихъ запискахъ, надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили, хотя многіе толки были такого свойства, что могли отучить всякаго отъ охоты къ славѣ». Второе изданіе продано было книгопродавцу Сленину за 50,000 рублей.

Пушкинъ самъ гордился тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ развилъ у насъ книжную торговлю.

Пушкинъ своими геніальными произведеніями возбудилъ въ русскомъ обществѣ любовь къ чтенію. Заполонивъ литературный рынокъ своими поэтическими произведеніями, Пушкинъ естественно долженъ былъ наткнуться на вопросъ о литературномъ гонорарѣ, о которомъ въ нашемъ обществѣ въ то время были еще весьма смутныя понятія.

Въ первой четверти XIX вѣка наша книжная торговля была очень слаба: но все-таки издательство давало кой-какой доходъ;

только имъ пользовались почти исключительно издатели, и очень мало, рѣдко—авторы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нашемъ обществѣ было мало уваженія къ литературѣ, къ литературнымъ занятіямъ, къ писателямъ, то въ немъ еще болѣе сильное предубѣжденіе существовало противъ литературнаго заработка: получать плату за свои сочиненія, особенно за стихи, казалось почти святотатствомъ, оскорбленіемъ своегопоэтическаго творчества, неуваженіемъ къ искусству.

Пушкинъ, нуждавшійся въ деньгахъ и жившій, главнымъ образомъ, вообще отъ дохода со своихъ сочиненій, поставилъ этотъ вопросъ на практическую почву. Онъ не только не стыдился своего литературнаго заработка, не только не скрывалъ, что печатаніе его сочиненій даетъ ему средства къ жизни, но даже особенно настойчиво указывалъ на это, постоянно говоря, что онъ печатаетъ свои стихи не для славы и похвалъ, но для денегъ.

Съ подобными заявленіями мы часто встрѣчаемся въ его письмахъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Вяземскому, онъ говоритъ: «Я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола».

Ту же мысль выразилъ Пушкинъ въ одномъ стихотворномъ наброскѣ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
„Смотрите! вы поэтъ,—уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите, вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она.
Зачѣмъ же пишете?“—Я? для себя!
„На что же
Печатаете вы?“—Для денегъ!—„Ахъ,
мой Боже!
Какъ стыдно!“—Почему-жъ?..

Всего прямѣе и всего лучше рѣшенъ этотъ вопросъ въ письмѣ къ Казначееву: тутъ мы между прочимъ видимъ, что вопросъ о литературномъ гонорарѣ мучилъ Пушкина, но что онъ съумѣлъ рѣшить его просто и правильно: «Я уже побѣдилъ свое отвращеніе писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба; главный шагъ уже сдѣланъ: если я и пишу подъ вліяніемъ капризнаго вдохновенія, то на самые стихи, разъ они написаны, я смотрю уже какъ на товаръ—по стольку-то за штуку». Этотъ же взглядъ коротко и ясно выраженъ въ «Разговорѣ поэта и книгопродавца»—въ словахъ послѣдняго:

„Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать“.

Многія стихотворенія Пушкина, еще до появленія ихъ въ печати, ходили по рукамъ въ многочисленныхъ рукописяхъ, за что поэтъ сѣтовалъ на своихъ друзей, кои преждевременнымъ распространеніемъ его стихотвореній нарушали тѣмъ его денежныя выгоды. Въ 1824 году, въ то время какъ книгопродавецъ Смирдинъ только что купилъ за 3,000 рублей ассигнаціями все изданіе «Бахчисарайскаго фонтана», напечатаннаго княземъ Вяземскимъ, Пушкинъ получаетъ извѣстіе въ Одессѣ, что поэма его уже читается въ рукописяхъ всѣмъ Петербургомъ. Пушкинъ былъ очень раздосадованъ этимъ.

Въ 1825 году писали поэту изъ Москвы въ Михайловское, что за право вторичнаго изданія трехъ, тогда уже вышедшихъ, поэмъ его Селивановскій предлагаетъ 12,000 рублей; но сдѣлка не состоялась, и право изданія перешло къ Смирдину. Первое изданіе «Евгенія Онѣгина» куплено было за 12,000 рублей асс., и вѣроятно вдвое болѣе доставило ему отдѣльная продажа главъ. Въ 1828 году самъ Пушкинъ писалъ изъ Петербурга: «здѣсь мнѣ даютъ (à la lettre) по 10 рублей за стихъ».

Въ 1833 году Пушкинъ представилъ на усмотрѣніе начальства новый свой трудъ «Исторія Пугачевскаго бунта» и получилъ дозволеніе на напечатаніе ея вмѣстѣ съ двумя наградами: 31 декабря 1833 года Всемилостивѣйше пожалованъ онъ въ камеръюнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20 тысячъ руб. асс., съ правомъ избрать для сего одну изъ казенныхъ типографій. Осенью 1834 г. «Исторія» отпечаталась и поступила въ продажу. Черезъ три мѣсяца Пушкинъ шутливо писалъ къ П. В. Нащокину: «Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка... Денегъ принесъ онъ мнѣ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату».

Въ 1836 году Пушкинъ уступилъ И. Ив. Глазунову право на изданіе «Онѣгина» за 3,000 рублей въ числѣ 5,000 экземпляровъ, въ миніатюрномъ форматѣ.

Изданіе покупалось публикою довольно хорошо, такъ что можно было разсчитывать, что въ теченіе года разойдутся всѣ 5,000 экземпляровъ, но когда съ поэтомъ стряслась несчастная катастрофа 28 января 1837 года,—публика бросилась покупать миніатюрное изданіе «Онѣгина» съ такою жадностью, что въ одну недѣлю оно все было распродано.

Послѣ кончины Пушкина, по Высочайшему повелѣнію, приказано было опекунамъ надъ дѣтьми и имѣніемъ его графу—Г. А. Строганову, В. А. Жуковскому, графу М. Ю. Віельгорскому и ка-

меръ-юнкеру Тарасенко-Отрѣшкову—издать полное собраніе сочиненій Пушкина, и на этотъ предметъ повелѣно было отпустить изъ государственнаго казначейства потребную сумму денегъ, на которыя и изданы были подъ наблюденіемъ В. А. Жуковскаго и П. А. Плетнева, 8 томовъ, въ полную осьмушку, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, въ которые вошло все то, что было напечатано при жизни Пушкина.

Затѣмъ оставались еще такъ называемыя посмертныя сочиненія, оказавшіяся въ кабинетѣ Пушкина. Разборъ и осмотръ оставшихся по смерти поэта бумагъ порученъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, В. А. Жуковскому, который пригласилъ къ себѣ въ сотрудники по этому дѣлу А. А. Краевскаго и А. П. Заблоцкаго. Оказалось, что посмертныхъ сочиненій хватитъ еще тома на четыре, такихъ же, какъ и первые 8 томовъ.

Книгопродавцы Илья Ивановичъ Глазуновъ и М. Заикинъ обратились къ графу Г. А. Строганову съ просьбою продать имъ право на изданіе этихъ сочиненій. Графъ Строгановъ согласился и назначилъ, посовѣтовавшись съ прочими опекунами, за право напечатанія въ числѣ 5,000 экземпляровъ посмертныхъ 4-хъ томовъ 37,000 рублей асс. Надзоръ за изданіемъ порученъ былъ отъ опеки П. А. Плетневу; на корректуру назначено ему отъ издателей особо 1,000 руб. асс. Томы эти напечатаны были въ такомъ же форматѣ и такимъ же шрифтомъ, какъ изданные опекою 8 томовъ, и названы были томами 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ. Эти посмертныя сочиненія вышли въ свѣтъ въ 1841 году, и не смотря на то, что въ числѣ ихъ находились мало знакомыя лучшія произведенія Пушкина, каковы, напримѣръ, «Мѣдный всадникъ», «Русалка», «Арапъ Петра Великаго» и множество лирическихъ стихотвореній,— эти новые три тома продавались тихо, и всѣ 5,000 экземпляровъ едва были распроданы въ теченіе десяти лѣтъ.

Въ 1882 году, Тургеневъ писалъ Анненкову изъ Парижа:

«Вслѣдствіе разстройства моего здоровья, я желалъ бы еще при жизни сдѣлать распоряженіе о капиталѣ, образуемомъ моими сочиненіями. Полное ихъ собраніе (послѣдняго изданія) находится теперь въ распоряженіи книгопродавцевъ наслѣдниковъ купца Салаева въ Москвѣ, и срокъ ихъ владѣнія ими уже близится за истощеніемъ экземпляровъ. Желая продать теперь ихъ вполнѣ, съ присовокупленіемъ всѣхъ новыхъ моихъ произведеній, появившихся въ журналахъ, сборникахъ и отдѣльно,—а также и всего того, что еще можетъ быть написано мною впредь, конечно, по предварительномъ напечатаніи ихъ въ журналахъ—поручаю вамъ... отыскать покупщика и сообщить мнѣ сюда въ Парижъ проектъ довѣ-

ренности, посредствомъ которой я передамъ избранному вами лицу мои права собственности на означенныя сочиненія... При опредѣленіи условій предполагаемой продажи обращаю вниманіе ваше и почтенныхъ моихъ совѣтчиковъ вообще на то обстоятельство, что самъ я не могу опредѣлить непремѣняемой цифры или цѣны новаго изданія; но могу приблизительно указать на слѣдующія соображенія.

Продажа моихъ сочиненій доселѣ давала мнѣ до 6,000 рублей годоваго дохода, не включая сюда 1,000 рублей, ежегодно получаемыхъ съ «Записокъ охотника»; да, вѣроятно, столько же, если не болѣе, получали доходу съ нихъ и ихъ издатели».

Такъ какъ Анненковъ и Стасюлевичъ отказались отъ хлопотъ па отыскиваніе покупщика на новое изданіе сочиненій Тургенева, то онъ черезъ нѣкоего Топорова предложилъ наслѣднику фирмы Салаева, Думнову, «не хочетъ ли онъ купить новое изданіе?»

Думновъ отвѣтилъ, что онъ готовъ купить новое изданіе и даже не прочь отъ пріобрѣтенія сочиненій Тургенева на вѣчныя времена.

Тургеневъ рѣшилъ «лучше сперва продать одно изданіе—а тамъ виднѣе будетъ», и предложилъ слѣдующія условія: изданіе выйдетъ въ количествѣ 5,500 экземпляровъ, 25 экземпляровъ—авторскихъ, цѣна 25,000 рублей, съ разсрочкой на 2 года, но чтобы непремѣнно 5,000 рублей были уплочены впередъ.

Спустя нѣсколько дней, Тургеневъ пишетъ своему посреднику: «молчаніе Думнова служитъ, кажется, доказательствомъ, что онъ, въ виду большого количества остающихся экземпляровъ, беретъ свое намѣреніе назадъ. Если Глазуновъ точно желаетъ быть издателемъ—тѣмъ лучше, но я сомнѣваюсь».

Хотя Думновъ изъявилъ въ письмѣ къ Тургеневу свое согласіе на изданіе его сочиненій, но дѣло разстроилось. Въ своемъ письмѣ къ Полонскому, отъ 8 августа 1882 г., Тургеневъ, между прочимъ, пишетъ: «дѣло съ продажей моихъ сочиненій окончено, только издателемъ будетъ не Салаевъ, а Глазуновъ (Петербургскій голова). Нечего и говорить, что, какъ издателя, И. И. Глазунова я въ тысячу разъ предпочитаю московскимъ господамъ».

Какъ извѣстно, всякій журналъ или газета щеголяютъ подборомъ болѣе или менѣе извѣстныхъ сотрудниковъ. О знаменитыхъ писателяхъ и говорить нечего: редакторы, что называется, осыпаютъ ихъ золотомъ, чтобы только залучить ихъ въ свой журналъ. Передъ началомъ подписки на журналъ редакторы въ многочисленныхъ объявленіяхъ оповѣщаютъ публику, что въ ихъ «ор-

ганѣ» будетъ печататься новое произведенiе такого-то знаменитаго писателя.

Въ 1882 году, 24 сентября, Тургеневъ извиняется передъ Марксомъ, издателемъ «Нивы»: «М. Г. болѣзнь помѣшала мнѣ написать обѣщанную вамъ повѣсть. Такъ какъ здоровье мое до сихъ поръ мало улучшилось, то пока я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Надѣюсь, что мнѣ удастся доставить вамъ повѣсть въ теченiе будущаго года, быть можетъ въ январѣ или февралѣ; но не знаю, на сколько могу уполномочить васъ обязаться передъ читателями. Что касается вашей программы (объявленiя о «Нивѣ» 1883 г.), то вы можете употребить слѣдующiя слова: «г-нъ Тургеневъ обѣщалъ намъ повѣсть, которую онъ надѣется доставить въ редакцiю въ теченiе зимы».

«Сказать что-либо, или объявить названiе повѣсти, было бы, по моему мнѣнiю, рискованно».

Въ письмѣ къ Топорову, 18 ноября 1882 г. Тургеневъ, между прочимъ, пишетъ: «повѣсть для «Нивы» я обѣщалъ, но съ непремѣннымъ условiемъ не назначенiя срока. Никакого контракта я, разумѣется, не заключалъ.

Марксъ предлагаетъ мнѣ 2,000 рублей за 1 печатный листъ его «Нивы»,—который равняется двумъ листамъ «Вѣстника Европы». Цѣна, какъ видите, очень почтенная. Но я не хочу связываться—тѣмъ болѣе, что мое здоровье опять значительно ухудшилось и я совсѣмъ не знаю, когда я буду въ состоянiи приняться за работу».

Повѣсть отъ Тургенева—Марксу такъ и не суждено было получить.

Не задолго до своей смерти, Ив. Серг. Тургеневъ продалъ свои авторскiя права Глазунову—«на вѣки», т. е. до окончанiя законнаго срока права литературной собственности за 80,000 рублей. 15 iюля 1883 года онъ писалъ И. И. Глазунову, изъ Буживаля, объ окончательномъ устройствѣ дѣла, которое такъ сильно занимало его въ послѣднiе мѣсяцы жизни.

«М. г. Иванъ Ильичъ! Съ удовольствiемъ узналъ я отъ А. В. Топорова о желанiи вашемъ прiобрѣсти право собственности на изданiе всѣхъ сочиненiй моихъ.

«Предложенiе ваше совпадаетъ съ желанiемъ моимъ передать право изданiя въ руки честнаго и надежнаго издателя. Что касается до условiй, то, надѣюсь, что сумма въ 80 тысячъ рублей не покажется вамъ слишкомъ высокою, такъ какъ я включаю въ нее тѣ 25,000 рублей, которые слѣдуютъ мнѣ по контракту 1882 года, а также и тѣ 20,000, въ которыхъ я опредѣляю стоимость

«Записокъ Охотника», приносящихъ мнѣ по 1,400 рублей и болѣе ежегодно. Прибавивъ эти 20 тысячъ къ тѣмъ 60 тысячамъ, въ которыя было оцѣнено полное собраніе сочиненій моихъ, съ оставленіемъ за мною права стереотипнаго изданія «Записокъ Охотника», я нахожу, что требованія мои не должны показаться вамъ слишкомъ преувеличенными.

Глазуновъ, конечно, согласился, и въ томъ же году отпечаталъ полное собраніе сочиненій Тургенева въ количествѣ 15,000 экземпляровъ, въ двухъ изданіяхъ.

Ѳ. М. Достоевскій представляетъ собою, въ матеріальномъ отношеніи, типъ писателя, который перомъ добываетъ себѣ средства къ существованію.

Въ 1869 году, въ письмѣ къ Н. Н. Страхову, онъ, между прочимъ, пишетъ:

«Вы чрезвычайно лестно для меня написали мнѣ, что «Заря» желаетъ моего участія въ журналѣ. Вотъ что я *принужденъ* отвѣтить: такъ какъ я всегда нуждаюсь въ деньгахъ чрезвычайно и живу одной только работой, то всегда почти принужденъ былъ, всю жизнь, вездѣ, гдѣ ни работалъ, брать деньги впередъ. Правда, и вездѣ мнѣ давали. Я выѣхалъ скоро два года назадъ изъ Россіи, уже будучи долженъ Каткову 3,000 р., и не по старому разсчету съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ», а по новому. Съ той поры я забралъ еще у Каткова до трехъ тысячъ пяти сотъ рублей. Сотрудникомъ Каткова я остаюсь и теперь, но врядъ ли дамъ въ «Русскій Вѣстникъ» что-нибудь въ этомъ году. Конечно, «Русскій Вѣстникъ» будетъ присылать мнѣ деньги и въ этомъ году, хотя я и остался тамъ нѣсколько долженъ. Въ настоящую минуту, я еще не получилъ отъ Каткова денегъ, нуждаюсь чрезвычайно, почти до послѣдней степени. Полагаю, недѣли три еще промедлятъ присылкой, но не въ томъ главное дѣло, а дѣло въ ближайшемъ будущемъ. Короче, мнѣ необходимы деньги до послѣдней степени, и потому я предлагаю редакціи «Зари» слѣдующее: во 1-хъ) я прошу выслать мнѣ сюда, во Флоренцію, теперь же впередъ 1,000 руб. Самъ же я обязуюсь, во 2-хъ) къ 1-му сентября нынѣшняго года, т. е. черезъ полгода, доставить въ редакцію «Зари» повѣсть, т. е. романъ. Онъ будетъ величиною съ «Бѣдныхъ людей», или въ 10 печатныхъ листовъ; не думаю, чтобы меньше; можетъ быть, нѣсколько больше. Идея романа меня сильно увлекаетъ. Это не что нибудь изъ-за денегъ, а совершенно напротивъ... Плату *съ листа* я предлагаю въ 150 руб. (съ листа по разсчету «Русскаго Вѣстника», если листъ «Зари» меньше),— т. е. то, что я получаю съ «Русскаго Вѣстника». Меньше не могу».

Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что Достоевскій, вслѣдствіе нужды, иногда продавалъ свои литературныя произведенія, имѣвшіяся, такъ сказать, еще только въ проектѣ.

Свое участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Достоевскій началъ съ того, что взялъ изъ редакціи 500 рублей впередъ. Въ 1858 г. онъ пишетъ къ своему брату изъ Семипалатинска: «Я открылъ сношенія съ Катковымъ («Русскій Вѣстникъ») и послалъ ему письмо, въ которомъ предложилъ ему участвовать въ его журналѣ, и обѣщалъ повѣсть въ этомъ году, если онъ мнѣ пришлетъ сейчасъ 500 рублей серебромъ. Эти 500 рублей я получилъ отъ него назадъ тому съ мѣсяцъ, при весьма умномъ и любезномъ письмѣ. Онъ пишетъ, что очень радъ моему участію, немедленно исполняетъ мое требованіе (500 руб.) и проситъ какъ можно менѣе стѣснять себя, работать не спѣша, т. е. не на срокъ. Это прекрасно. Я сижу теперь за работой, но только то бѣда, что я не уговорился съ Катковымъ о платѣ съ листа, написавъ, что полагаюсь въ этомъ случаѣ на его справедливость...». Далѣе, между прочимъ, замѣчаетъ: «правда, у васъ теперь даютъ большую плату. Писемскій получилъ за «Тысячу душъ» 200 или 250 рублей съ листа Этакъ можно жить и работать не торопясь».

Авансы изъ редакціи, къ которымъ Достоевскій прибѣгалъ такъ часто, имѣли и дурную сторону. Покрайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ (1846 г.) онъ сѣтуетъ, что «связалъ себя по рукамъ и по ногамъ моими антрепренерами. А между тѣмъ со стороны дѣлаютъ блистательныя предложенія. «Современникъ» даетъ мнѣ за листъ 260 руб. серебр., что равняется 300 руб. въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотека для чтенія» 250 руб. асс. за свой листъ и т. д., и я ничего не могу туда: все взялъ Краевскій за свои 50 рублей, давъ денегъ впередъ».

Спѣшная работа, подъ вліяніемъ нужды, изъ-за денегъ оставляетъ замѣтный слѣдъ и на отдѣлкѣ литературнаго произведенія. «Чтобы сѣсть мнѣ за романъ и написать его, надо $^1/_2$ года сроку. Чтобы писать его $^1/_2$ года, нужно быть въ это время обезпеченнымъ... Ты пишешь мнѣ безпрерывно такія извѣстія, что Гончаровъ, напримѣръ, взялъ 7,000 рублей за свой романъ, а Тургеневу за его «Дворянское гнѣздо» самъ Катковъ давалъ 4,000 рублей, т. е. по 400 рублей за листъ. Другъ мой! Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ-же хуже, и наконецъ я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. За что же я-то, съ моими нуждами, беру только 100 рублей, а Тургеневъ, у котораго 2,000 душъ, по 400 руб.

Отъ бѣдности я принужденъ торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно непремѣнно портить».

Изъ письма къ А. Н. Майкову, 1868 г., видно, что Достоевскій за своего «Идіота», около 42-хъ печатныхъ листовъ, взялъ съ редакціи «Русскаго Вѣстника» до 7000 рублей, т. е. 166 руб. за печатный листъ.

Что касается Писемскаго, то авторъ «Тысячи душъ» получалъ сравнительно хорошій гонораръ. Такъ, въ началѣ еще своей литературной дѣятельности, въ 1857 г., онъ получалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» за беллетристику 150 руб., за путешествія—75 руб. сер., за всѣ же другого рода статьи—по взаимному соглашенію. Исключеніе составилъ только романъ «Боярщина», который уступленъ былъ на условіяхъ гонорара 200 руб. сер. за печатный листъ.

Въ 1858 году, 29-го іюля, Писемскій продалъ книгопродавцу Д. Е. Кожанчикову право на изданіе романа «Тысяча душъ» въ количествѣ 3,000 экз. за 3,000 руб. Рукопись романа Писемскій обязался доставить уже подписанную цензурою.

Въ концѣ 1860 года Писемскій продалъ право на изданіе собранія своихъ сочиненій (всего 19 сочиненій) Стелловскому и Гіероглифову на пять лѣтъ за 8,000 руб. сер.

До истеченія пятилѣтняго срока Писемскій не имѣлъ права издавать ни одного изъ переданныхъ по условію сочиненій, въ противномъ же случаѣ—онъ подвергался взысканію, въ видѣ неустойки, въ пользу Стелловскаго и Гіероглифова двадцати тысячъ руб. сер.

Въ 1868 году Писемскій продалъ В. В. Кашпиреву для помѣщенія въ издаваемомъ имъ журналѣ «Заря» новый свой романъ «Люди сороковыхъ годовъ», за который получилъ самый большой гонораръ сравнительно съ другими произведеніями, а именно: круглую цифру 12,000 р.; но романъ этотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и самымъ крупнымъ, по объему, произведеніемъ Писемскаго.

Въ началѣ 1871 года, а именно 18-го января, Писемскій продалъ С. А Юрьеву для издаваемаго имъ журнала «Бесѣда» романъ «Въ водоворотѣ», съ платою по 250 руб. сер. за печатный листъ.

Уже въ августѣ того же 1871 года г. Писемскій нашелъ издателя на отдѣльное изданіе романа «Въ водоворотѣ», въ лицѣ московскаго книгопродавца Ѳ. И. Салаева. За право печатанія этого романа въ количествѣ 2,400 экз. Салаевъ заплатилъ Писемскому 1,500 руб., въ три срока по 500 руб., обязуясь назначить продажную цѣну не болѣе 3 руб. за три тома.

Больше 250 руб. Писемскій за листъ не получалъ.

Каждый писатель, выступая на литературное поприще, прежде всего, конечно, пробиваетъ себѣ дорогу. Общество ждетъ отъ него, что новаго онъ скажетъ. А если писатель—поэтъ, то спрашивается, съ какими онъ пѣснями пришелъ?

„Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?"

Общество, а также и собраты по перу, съ недовѣріемъ взираютъ на каждаго новичка. Проходитъ много времени, пока писатель мало-по-малу не займетъ въ литературѣ свое опредѣленное мѣсто, пока его литературный обликъ не приметъ вполнѣ опредѣленное очертаніе.

Можно считать общимъ правиломъ, что великіе ученые и геніальные писатели, властители думъ современнаго имъ общества, почти всю свою жизнь проводятъ въ напряженной борьбѣ съ противоположными теченіями мысли. И только благодаря этой неустанной борьбѣ и своему таланту, они оставляютъ глубокій слѣдъ въ литературѣ.

Нерѣдко бываетъ, что при появленіи великаго писателя на аренѣ общественной дѣятельности, разные фарисеи отъ литературы «съ улыбкою самолюбивою», на первыхъ порахъ задаютъ себѣ знаменитый вопросъ: «Отъ Назарета можетъ ли быть что добраго?»

Но по мѣрѣ того, какъ великій писатель создаетъ свои геніальныя произведенія, слава о немъ распространяется, авторитетъ растетъ. Фарисеи и «книжники» мѣняютъ о немъ свои сужденія. На книжномъ рынкѣ слово его цѣнится на вѣсъ золота.

Издатели и книгопродавцы заискиваютъ у него. Спросъ на его сочиненія усиливается, и писатель начинаетъ наконецъ собирать жатву отъ трудовъ своихъ.

Но жизнь человѣческая коротка.

Справивши свой «литературный юбилей» (здѣсь кстати замѣтимъ въ скобкахъ, что въ Россіи литературные юбилеи знаменитыхъ писателей празднуются съ чрезвычайною торжественностью: это показываетъ, что русское общество высоко чтитъ званіе писателя, а тѣмъ болѣе своего любимца), писатель начинаетъ свыкаться съ мыслью, что въ предѣлахъ земного онъ совершилъ все земное.

Бросивши вѣкамъ мысль плодовитую, геніальный писатель подъ конецъ своей жизни видитъ, какъ эта плодовитая мысль начинаетъ

ассимилироваться обществомъ, и какъ она на книжномъ рынкѣ начинаетъ приносить матеріальную цѣнность,—доходъ.

Вотъ тутъ-то и является къ услугамъ писателя — издатель, желающій купить у него «на вѣки» право литературной собственности. Подъ этимъ «на вѣки» разумѣется законный срокъ права литературной собственности, по русскимъ законамъ, на 50 лѣтъ—со дня смерти писателя.

Пока писатель живъ, онъ, конечно, самъ спѣшитъ воспользоваться своимъ правомъ, и охотно продаетъ право на изданіе своихъ сочиненій—первому подвернувшемуся книгопродавцу или издателю.

Тургеневъ наканунѣ своей смерти продаетъ право литературной собственности книгопродавцу Глазунову. Точно также Щедринъ (Салтыковъ) не задолго до своей кончины велъ переговоры съ московскимъ книгопродавцемъ Думновымъ (фирма Салаевыхъ) о продажѣ этому послѣднему посмертныхъ изданій его сочиненій. Думновъ предлагалъ автору «Губернскихъ Очерковъ» 60 тысячъ, но дѣло не выгорѣло.

Право литературной собственности русскихъ классическихъ писателей запродано книгопродавцамъ. Изъ многичисленныхъ примѣровъ приведемъ хотя нѣкоторые, имѣющіеся подъ рукою:

Сочиненія	Гоголя проданы за	60,000	руб.
»	Пушкина (IX, X, XI томы) .	35,000	»
»	Жуковскаго	5,000	»
Басни	Крылова	14,000	»
Сочиненія	Некрасова	15,000	»
»	Лермонтова	?	
»	Тургенева	80,000	»
»	Гончарова	35,000	»
»	Островскаго	10,000	» (за 1 изданіе).
»	Григоровича	5,000	»
»	Аксакова	3,000 (за 1 изданіе).	»
»	Мей	1.000	руб.

Въ самое послѣднее время Глѣбъ Успенскій продалъ право литературной собственности на большую часть своихъ сочиненій (статьи, вошедшія въ дешевое *двухтомное* изданіе Ф. Павленкова) за 25,000 руб.

Такимъ образомъ, почти вся русская литература (т. е. ея главнѣйшіе представители) находится на откупѣ, причемъ главнымъ откупщикомъ слѣдуетъ считать фирму Глазунова, который откупилъ право изданія на сочиненія: Жуковскаго, Лермонтова, Некрасова, Тургенева и Гончарова.

Московской фирмой Салаевыхъ откупленъ былъ Пушкинъ и Гоголь. Срокъ Пушкину уже минулъ, а сочиненія Гоголя до сихъ поръ еще представляютъ собою—собственность фирмы Салаевыхъ.

Русскіе классическіе писатели при жизни получаютъ, сравнительно, небольшое вознагражденіе за свои сочиненія: львиная часть барышей выпадаетъ на долю откупщиковъ русской литературы. При жизни знаменитаго писателя спросъ на его сочиненія еще только устанавливается, тогда какъ послѣ его смерти этотъ спросъ бываетъ вполнѣ опредѣленъ, скорость распространенія его сочиненій въ публикѣ тоже мало-по-малу выясняется.

У насъ нерѣдко случается, что какой-нибудь ходкій учебникъ приноситъ составителю его—больше доходу, чѣмъ иной chef-d'oeuvre русской литературы—своему автору.

Учебникъ по Ариѳметикѣ, Евтушевскаго, запроданъ издателю Полубояринову за 50,000 руб.

Рядомъ съ этимъ можно сопоставить другой фактъ: какъ было упомянуто выше, Гончаровъ продалъ свои сочиненія только за 35,000 руб.

Конечно, г. Полубояриновъ не остался въ убыткѣ, потому что еще при жизни Евтушевскаго, его учебникъ разошелся въ количествѣ 900,000 экземпляровъ. Не мудрено поэтому, что многіе составители всевозможныхъ учебниковъ и руководствъ смотрятъ на молодое учащееся поколѣніе, какъ на дойную корову: было бы масло имъ. Единственною уздою противъ наплыва плохихъ учебниковъ въ русскія школы — надо считать ученый комитетъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія: одобреніе или неодобреніе которымъ—представленнаго на разсмотрѣніе учебника имѣетъ большое вліяніе на его распространеніе.

Спрашивается, какъ же пользуются откупщики русской литературы своимъ благопріобрѣтеннымъ правомъ литературной собственности?

Правду сказать—варварски.

Выпустивъ въ свѣтъ посмертное изданіе писателя, издатель назначаетъ баснословно дорогую цѣну за изданіе, благо нѣтъ конкуренціи, и съ лихвою выручаетъ всѣ расходы по изданію, считая тутъ и стоимость авторскаго права. Снявши, такъ сказать, пѣнки своимъ первымъ изданіемъ, издатель выпускаетъ второе, третье

т. д. изданія—все по одной и той же баснословной цѣнѣ. Понятно, при дороговизнѣ изданія, сочиненія извѣстнаго автора не доступны большинству читающей публики; не проникая въ самыя нѣдра русскаго общества, онѣ скользятъ по верхамъ его, т. е. среди классовъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ, интеллигентныхъ. Мѣжду тѣмъ, откупщикъ литературы за все это время получаетъ исправно хорошую ренту, сохраняя о писателѣ самое пріятное воспоминаніе.

Издатель могъ бы получить ренту еще болѣе высокую: стоило бы ему выпустить дешевое изданіе; но откупщики русской литературы упорно держатся своихъ старыхъ традицій. До чего можетъ дойти ослѣпленіе нашихъ издателей, показываетъ исторія изданій сочиненія Пушкина...

Фирма Салаевыхъ ни за что не соглашалась выпустить дешевое изданіе даже геніальнаго Пушкина: оно-де не пойдетъ, застрянетъ.

Однако факты блистательно показали какъ разъ противоположное. Но для этого пришлось выждать окончанія срока права литератуной собственности.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ произведеніями величайшаго изъ русскихъ поэтовъ. Какъ ни печально въ этомъ сознаться, но ко дню открытія Пушкину памятника въ Москвѣ (5 іюня 1880 г.) изданіе его сочиненій было библіографическою рѣдкостію. Полный экземпляръ этихъ сочиненій нужно было собирать и заказывать, платя за него тройную стоимость противъ первоначальной цѣны. Въ теченіе 50 лѣтъ, когда сочиненія Пушкина были на откупѣ, ихъ разошлось не болѣе 60,000 экземпляровъ.

Но вотъ 29 января 1887 года истекалъ срокъ права литературной собственности на сочиненія Пушкина. Издатели приготовились. Въ одномъ Петербургѣ вышло сразу 4 изданія Пушкина, а именно: 1) изданіе Литературнаго фонда, подъ редакціею Морозова, цѣна 6 руб. за 7 томовъ; 2) изданіе Комарова, подъ редакціею Ефремова, цѣна 3 руб. за 7 томовъ; 3) два изданія Ф. Павленкова, однотомное и 8 томное (а потомъ 10-томное) цѣна 1 р. 50 к. и 4) 10-томное изданіе Суворина, цѣна 1 р. 50 к.

30-го января 1887 года Пушкинъ предсталъ передъ русскою публикою въ дешевомъ изданіи. И публика набросилась на сочиненія Пушкина съ жадностью. Вотъ какъ, напримѣръ, покупались сочиненія Пушкина въ Петербургѣ.

Въ день выхода дешеваго изданія сочиненій Пушкина, книжный магазинъ Суворина, что называется, былъ взятъ штурмомъ. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ газетѣ «Новое Время»:

«Этотъ день останется въ лѣтописяхъ нашей книжной торговли.

Такого дня не бывало еще никогда. Книжный магазинъ «Новаго Времени» сегодня подвергся рѣшительно осадѣ.

Не смотря на то, что приняты были мѣры, усиленъ составъ приказчиковъ, экземпляры запакованы были заранѣе, толпа сказалась въ этомъ случаѣ, какъ хорошими своими, такъ и дурными сторонами. Еще до открытія магазина стояла толпа; съ минуты на минуту она увеличивалась. Магазинъ былъ биткомъ набитъ, была давка и смятеніе. Приказчики и артельщики сбились съ ногъ; нѣкоторые изъ публики взлѣзали на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. Къ 11 часамъ магазинъ представлялъ картину разрушенія—въ углахъ, за прилавками, были безпорядочно нагромождены груды разорванныхъ, запачканныхъ, истоптанныхъ ногами различныхъ книгъ, которыхъ не успѣли во время прибрать съ прилавка, разломана мебель и повержена на полъ, конторка съ кассой опрокинута, конторскія книги измяты и растоптаны. Слова убѣжденія не дѣйствовали. Къ этому часу г. оберъ-полиціймейстеръ прислалъ полицію; магазинъ былъ закрытъ и публику стали пускать частями, въ очередь.

Покупатели входили уже съ заранѣе сжатыми въ кулакѣ деньгами. Ихъ прямо совали въ карманы артельщикамъ, брали, что нужно и уходили, пробираясь черезъ толпу. Нѣкоторые, не имѣя возможности протиснуться въ магазинъ, нанимали тутъ же посыльныхъ, прося ихъ достать Пушкина. Другіе же, выйдя изъ магазина, перепродавали купленное за большую цѣну (цѣна доходила до 2 руб. 50 коп.), но это были барышники. Въ двѣнадцатомъ часу всѣ 6,000 экземпляровъ, приготовленные на этотъ день, были проданы. Нѣсколько тысячъ было продано въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и друг. городахъ.

«Сочиненія Пушкина» въ изданіи г. Суворина печатались въ количествѣ 15,000 экземпляровъ, что составило болѣе 4.000,000 печатныхъ листовъ. Въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ сегодня продано одного этого изданія до 10,000 экземпляровъ, или 100,000 томовъ. Такого факта не было еще никогда съ самаго начала русской книжной торговли».

По поводу выхода дешеваго изданія сочиненій Пушкина, въ періодической прессѣ возбуждался вопросъ о правѣ наслѣдниковъ автора на его литературную собственность. Указывали, что 50 лѣтній срокъ очень продолжителенъ.

Въ Германіи и Австріи полагается 30 лѣтній срокъ для права наслѣдниковъ автора на его произведенія.

У насъ предлагали упорядочить дѣло такъ: наслѣдники пользуются правомъ литературной собственности въ теченіе 25 лѣтъ,

затѣмъ, по прошествіи этого срока, всякій имѣетъ право издавать это сочиненіе, но съ уплатою извѣстнаго процента съ дохода отъ изданія упомянутаго сочиненія въ пользу наслѣдниковъ. На этотъ процентный сборъ съ издателей сочиненія извѣстнаго автора предлагалось установить тоже 25 лѣтній срокъ.

Но вопросъ пока остается открытымъ.

Сочиненія Гоголя, Лермонтова и друг. до сихъ поръ еще ждутъ своей очереди, т. е. дешеваго изданія.

Еще Некрасовъ сказалъ:

„Если придетъ охота страстная
За чтеніе засѣсть,
На то у насъ прекрасная
Литература есть".

Однако изъ всего вышесказаннаго видно, что русскіе писатели, даже самые знаменитые изъ нихъ, проникаютъ въ общество—туго. Причина этому—нелѣпыя традиціи нашихъ книгопродавцевъ. Откупщики русской литературы, довольствуясь рентой, получаемой за дорогія изданія, предназначенныя для богатаго класса и аристократіи ума,—совсѣмъ не выпускаютъ дешевыхъ изданій для низшихъ слоевъ общества, напримѣръ, для мѣщанъ, разночинцевъ, крестьянъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи, они стерегутъ наше національное достояніе, наше умственное богатство, не пускаютъ его въ оборотъ для широкаго распространенія въ народѣ. По истинѣ, про нихъ можно сказать словами поэта:

Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ,
Тамъ русскій духъ.... тамъ Русью пахнетъ!..

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Передвиженіе книжнаго рынка изъ Москвы въ Петербургъ.—Первыя книжныя лавки въ Петербургѣ. — Фирма Глазуновыхъ. — Библіоманъ Игнатій Ферапонтовъ. — Плавильщиковъ и Смирдинъ.—Исаковъ. — Производство книгъ духовнаго содержанія. — Книгоноши. — Производство свѣтскихъ книгъ.—Классификація книгъ.—Въ какихъ городахъ въ Россіи печатаются книги. — Распредѣленіе въ Имперіи книжныхъ магазиновъ и книжныхъ лавокъ.— Издатели, книгопродавцы и букинисты. — Производство и сбытъ лубочныхъ книжекъ и картинокъ въ Москвѣ.—Офени.—Русская иконопись въ слободахъ Холуѣ и Палехѣ.

До самаго конца XVIII столѣтія Москва по своей издательской дѣятельности стояла впереди Петербурга.

Но съ прекращеніемъ просвѣщенной дѣятельности Новикова, центръ тяжести книжнаго дѣла въ Россіи передвигается на сѣверъ, изъ Москвы въ Петербургъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія, не смотря на безпримѣрную книгоиздательскую дѣятельность Новикова, производство книгъ въ Россіи было, сравнительно, не велико.

Бакмейстеръ въ своей «Россійской Вивліоѳикѣ» обнародовалъ съ 1770 года по 1788 годъ только 800 большихъ и мелкихъ на русскомъ языкѣ сочиненій, т. е. подлинниковъ, простыхъ и передѣланныхъ, переводовъ, подражаній и т. п.

Изъ реестра 1794 года видно, что въ публикѣ обращались слѣдующія сочиненія: 1) по словесности 292 названія; 2) по театру и увеселеніямъ 192; 3) по богословію 162; 4) по педагогикѣ 73; 5) по исторіи 66; 6) языкознанію 45; 7) географіи 32; 8) домоводству 30; 9) правовѣдѣнію 22; 10) математикѣ 21; 11) естествознанію 11; 12) медицинѣ 10; 13) искусству 9; 14) политическимъ наукамъ 7, и 15) технологіи 21.

Всего 993 сочиненія.

Георги въ описаніи Петербурга, сочиненіи, изданномъ 1794 года, говоритъ, между прочимъ, о сочинителяхъ, жившихъ въ 1793 году въ С.-Петербургѣ: «Такъ какъ столицы Россійскаго государства почти однѣ суть питалища музъ, то и не мудрено, что

въ Петербургѣ, ради двора, ради академіи и разныхъ учрежденій, для воспитанія, ради судебныхъ мѣстъ и ради великаго числа домашнихъ учителей—болѣе находится настоящихъ ученыхъ людей, нежели во всей остальной части Россійскаго государства».

Всего насчитывалось 106 сочинителей и, кромѣ того, 102 художника и музыканта.

Въ 1782 году дѣятельность Новикова была въ полномъ разгарѣ. Въ планы Новикова, между прочимъ, входило и развить книжную торговлю въ Петербургѣ. Московскіе книгопродавцы Полежаевъ и М. П. Глазуновъ одни изъ первыхъ открыли въ Петербургѣ книжныя лавки въ 1783 году.

До 1760 года книжная лавка Академіи наукъ была единственная въ Петербургѣ; она управлялась факторомъ и въ ней продавали также иностранныя книги. Вторая книжная лавка была открыта Вейтбрехтомъ и носила она названіе «Императорской книжной лавки». Въ 1793 году для продажи иностранныхъ книгъ были книжныя лавки у Клостермана, Еверса, Гей, Миллера и Роспини.

Какъ видно, это—все нѣмецкія фамиліи. Увлеченные подражаніемъ, высшіе классы общества, по примѣру императрицы, стали заводить у себя библіотеки не только иностранныхъ, но и русскихъ книгъ. Бывали такіе любители, которые заходили въ книжные магазины потолковать по нѣскольку часовъ о книжномъ дѣлѣ, и случалось, что предлагали не только совѣты, но и денежныя средства для развитія книжной торговли.

Въ провинціи у помѣщиковъ явилась страсть хвастаться книгами, и нерѣдко сельскія библіотеки нашихъ баръ состояли изъ тысячъ томовъ, выточенныхъ изъ дерева. Вся эта деревянная мудрость стояла въ роскошныхъ шкафахъ, съ блестящею сафьянною накладкою на корешкахъ, и съ надписью: Racine, Voltaire, Encyclopedie и т. д. Въ то время въ дворянскомъ быту книги составляли послѣднюю вещь. Орловскій или тульскій помѣщикъ говаривалъ, что выслѣдить русака (зайца) не то, что прочесть книгу.

Сначала книжная торговля была мелочнаго характера и состояла въ томъ, чтобы купить у кого-нибудь собранную библіотеку и распродавать ее порознь.

Потемкинъ, прогуливаясь однажды подъ арками Гостинаго двора (гдѣ тогда имѣли привычку прогуливаться аристократы, ибо тротуаровъ около домовъ еще не было), зашелъ въ книжную лавку Глазунова, и увидавъ хозяина, спросилъ, за какую цѣну продастъ онъ ему всю лавку?

Оторопѣвшій хозяинъ не зналъ, что отвѣтить, и попросилъ время на раздумье. Тѣмъ дѣло и кончилось.

По арестованіи Новикова, книги изъ его лавокъ отобрали, а московскихъ книгопродавцевъ обязали подпискою не торговать ими. Но такъ какъ, не смотря на конфискацію, книгъ изданія Новикова все-таки оставалось очень много, то ими продолжали торговать. При вторичномъ обыскѣ, всѣ московскіе книгопродавцы оказались виновными въ торговлѣ недозволенными книгами, за что и были преданы суду.

Объ избавленіи отъ суда принялся хлопотать петербургскій книгопродавецъ И. П. Глазуновъ. Къ нему былъ вхожъ камердинеръ Императрицы Захаръ Константиновичъ Зотовъ, съ которымъ совѣтовались, какъ помочь бѣдѣ.

Захаръ Константиновичъ рѣшился лично просить Императрицу и выбралъ для этого день, въ который родился внукъ ея, великій князь Николай Павловичъ, 25 іюня 1796 года. Императрица въ этотъ день была очень весела, всемилостивѣйше вняла просьбѣ, и вскорѣ послѣ этого повелѣла всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу о продажѣ книгъ Новикова отъ всякаго суда и слѣдствія освободить.

Захару Константиновичу подарили за его хлопоты соболью шубу.

Въ Москвѣ издавна существовали торговцы старинными рукописями и иконами. Къ числу этихъ торговцевъ принадлежалъ и Игнатій Ферапонтовичъ Ферапонтовъ, начавшій свою торговлю въ 1765 году.

Въ числѣ собирателей старинныхъ книгъ имя Ферапонтова пользуется заслуженной извѣстностью.

Въ Россіи много уцѣлѣло отечественныхъ древностей и важнѣйшее мѣсто между ними занимаютъ книги: въ одномъ краю онѣ гніютъ въ углахъ монастырскихъ, въ другомъ невѣжество жжетъ ихъ, употребляетъ на обвертки, кой-гдѣ попадаютъ онѣ въ руки мелочнымъ торгашамъ и продаются иногда за безцѣнокъ.

Богатые охотники до славяно-русскихъ древностей, не жалѣя ничего, собираютъ эти драгоцѣнныя книги—живые свидѣтели временъ минувшихъ. Не имѣя полнаго собранія старинныхъ книгъ, мы должны быть благодарны тѣмъ частнымъ собирателямъ, которые доставляютъ рѣдкости въ надежныя руки. Игнатій Ферапонтовичъ Ферапонтовъ родился въ 1740 г. въ Тульской губерніи, въ городѣ Каширѣ. Выучившись самъ собою грамотѣ, онъ пріохотился читать и разбирать старинныя церковныя книги, и охота наконецъ сдѣлалась страстью.

Небогатое состоянiе не позволяло ему собирать рукописей, и онъ *первый* сталъ торговать ими. Между тѣмъ, читая и перечитывая множество старинныхъ книгъ, онъ прiобрѣлъ такой навыкъ и опытность въ распознаванiи ихъ, что любители и знатоки русскихъ древностей считали себѣ за честь совѣтоваться съ нимъ при изъясненiи старинныхъ книгъ и рукописей. Профессоры московскаго университета А. А. Барсовъ и Ѳ. Г. Баузе первые обратили вниманiе на книжныя сокровища И. Ферапонтова.

Профессоръ Барсовъ, при своихъ историческихъ изслѣдованiяхъ, нерѣдко пользовался древнѣйшими лѣтописями, находившимися въ библiотекѣ Ферапонтова. Съ того времени много любопытныхъ приходило посмотрѣть драгоцѣнные памятники вѣковъ минувшихъ. Любители нашихъ древностей Мусинъ-Пушкинъ и Ѳ. А. Толстой много обязаны Ферапонтову. Профессоръ Баузе купилъ отъ Ферапонтова, между прочими замѣчательными книгами, слѣдующiя: *Прологъ*, писанный уставнымъ письмомъ, въ листъ на пергаментѣ, въ 1229 году, въ Великомъ Новгородѣ; книга *Степенная*, содержащая Россiйскую исторiю, писанная скорописью съ удивительнымъ искусствомъ, въ 1551 году; *Лѣчебникъ*, переведенный съ польскаго въ 1558 году. Между печатными книгами первое мѣсто занимаютъ три книги: «*Библiя Франциска Скорины*», «*Библiя Острожская*» и нашъ «*Апостолъ*».

Почтенный старикъ съ невѣроятной любовью собиралъ, гдѣ только могъ провѣдать, всѣ древнiя книги, покупая нерѣдко по дорогой цѣнѣ. Безъ его старанiя, быть можетъ, нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ пропали бы для науки безъ вѣсти.

Можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одной печатной книги до временъ Петра Великаго, которую бы Ферапонтовъ не держалъ въ своихъ рукахъ.

Благодаря ему, наши книгохранилища стали наполняться старинными книгами.

Большая часть рукописей Ѳ. А. Толстого, котораго все собранiе поступило въ послѣдствiи въ Публичную библiотеку за 120,000 рублей, была прiобрѣтена отъ Ферапонтова.

Такъ какъ въ Москвѣ было много охотниковъ до старинныхъ рукописей, то явилась и поддѣлка ихъ: рукописи подвергались копченiю въ дымовыхъ трубахъ и даже жаренiю, а потомъ тщательно переплетались въ кожаные переплеты, и въ такомъ видѣ доставлялись библiоману.

Переплетенными въ кожу рукописями, принадлежавшими профессору Баузе, французы въ 1812 году, противъ его дома, по

причинѣ грязи, вымостили мостовую, и по этой мостовой въѣзжали въ его домъ, гдѣ и поселялись.

Во время нашествія французовъ книжная торговля въ Россіи совсѣмъ пріутихла.

Изъ Петербурга присылали въ Москву множество каррикатуръ Теребенева, изъ коихъ нѣкоторые были чрезвычайно остроумны и остались историческимъ памятникомъ великой эпохи борьбы русскаго народа за свою независимость. Съ каррикатурами присылались также и разныя пасквильныя брошюрки на Наполеона и народъ французскій.

Когда Наполеонъ подступалъ къ Москвѣ, въ Петербургѣ, за неимѣніемъ газетъ и при недовѣріи къ реляціямъ, извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ добывались отъ буфетчиковъ и камердинеровъ дома Нарышкина, а въ воскресные дни—на дачѣ графа Строганова, гдѣ играла полковая музыка, и куда стекалось столичное купечество.

Послѣ Новикова—Александръ Филипповичъ Смирдинъ въ дѣлѣ развитія русской книжной торговли занимаетъ первое мѣсто.

Смирдинъ былъ сынъ московскаго мѣщанина, торговавшаго полотномъ; родился въ Москвѣ 1794 г. Семи лѣтъ отъ роду онъ отданъ былъ для обученія грамотѣ мѣстному дьячку, а потомъ въ книжную лавку—въ мальчики. Когда въ 1812 году французы заняли Москву, Смирдинъ бѣжалъ изъ нея, и за неимѣніемъ средствъ, пѣшкомъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ книжный магазинъ Плавильщикова, который со временемъ сдѣлалъ его главнымъ прикащикомъ и управляющимъ магазина.

Изъ всѣхъ книгопродавцевъ того времени имя Плавильщикова отличается наибольшими заслугами въ области просвѣщенія. Ему принадлежитъ слава основателя первой русской библіотеки для чтенія: до него книги для чтенія можно было получать отъ книгопродавцевъ не по выбору читателей, а по волѣ послѣднихъ, которые и выдавали книги испорченныя или старыя. Плавильщиковъ прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 1788 году; онъ сперва взялъ въ аренду губернскую и театральную типографію, а затѣмъ открылъ первую книжную торговлю въ Гостиномъ дворѣ. По словамъ современниковъ, его магазинъ представлялъ «тихій кабинетъ музъ, гдѣ собирались ученые и литераторы дѣлать справки, выписки и совѣщанія, а не разсказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующихъ эпиграммы и сатиры». Всѣ почти литераторы безденежно пользовались его библіотекой, даже и послѣ его смерти, по духовному завѣщанію.

Плавильщиковъ умеръ 14 августа 1823 года, оставивъ ду-

ховное завѣщаніе, въ которомъ предоставлялъ Смирдину или получить за свой умъ и труды изъ вырученныхъ денегъ отъ продажи товара довольно порядочную сумму, или принять на себя всю торговлю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы расплатиться со всѣми долгами Плавильщикова, простиравшимися будто бы до весьма значительной суммы, будто бы 3.000,000 руб. ассигнаціями. Смирдинъ принялъ послѣднее и вскорѣ не только раздѣлался съ кредиторами, но и нашелъ возможнымъ изъ скромнаго помѣщенія у Синяго моста перебраться въ великолѣпно отдѣланный магазинъ, со шкафами изъ краснаго дерева, помѣщавшійся въ бель-этажѣ въ домѣ Петропавловской церкви, за огромную по тому времени наемную плату, 12,000 руб. асс. въ годъ. Такого прекраснаго магазина ни до Смирдина, ни послѣ него у русскихъ книгопродавцевъ не было. Его магазинъ сдѣлался центромъ книжной торговли для всей Россіи.

Развитіе книжной торговли до Смирдина вообще шло тихо: и по недостатку разнообразія книгъ, и по недостатку на нихъ покупателя. Зажиточное купечество ничего не читало, среднее сословіе читало мало, а аристократія пробавлялась иностранными книгами, преимущественно, французскими.

«Русскіе (т. е. высшихъ слоевъ общества) почти всѣ воспитаны французами, говоритъ одинъ современникъ 1800 года, съ дѣтства пріобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ: они считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, изящныхъ наслажденій, они считаютъ ее отечествомъ свободы и разума. Французскіе эмигранты, загнанные къ новѣйшимъ Киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины: есть русскіе молодые люди, которые размышляютъ надъ Руссо, которые изучаютъ рѣчи Мирабо».

При подобномъ стремленіи высшаго русскаго общества—вообще ко всему французскому, не мудрено, что въ 1800-хъ годахъ русскіе книги не находили себѣ доступа среди нашей интеллигенціи. Чтò говорить о книгахъ, даже самый русскій въ высшихъ слояхъ общества языкъ уступалъ свое мѣсто французскому.

Переѣхавъ въ новый магазинъ, Смирдинъ пригласилъ къ себѣ на новоселье нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которые съ готовностью приняли его предложеніе, и даже принесли ему свои статьи, впослѣдствіи помѣщенные въ «Новосельи».

По поводу изданія «Новоселья», въ предисловіи, Смирдинъ говоритъ:

«Простой случай—перемѣщеніе книжнаго магазина моего на *Невскій* проспектъ (19 февраля 1832 г.) доставилъ мнѣ счастье

видѣть у себя, на новосельѣ, почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ.

Графъ Д. И. Хвостовъ, маститый поэтъ нашего времени, сдѣлалъ отъ лица своей музы слѣдующее привѣтствіе:

„Угодникъ русскихъ музъ! свой празднуй юбилей;
Гостямъ шампанское для новоселья лей;
Ты намъ Державина, Карамзина—изъ гроба,
Къ безсмертной жизни вновь, усердствуя, воззвалъ
Для лавра новаго, восторга и похвалъ.
Они отечество достойно славятъ оба;
Но ты къ паренью путь открылъ свободный имъ:
Мы нашимъ внучатамъ твой трудъ передадимъ“.

Гости литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на новоселье, каждый своимъ произведеніемъ, и вотъ—дары, коихъ часть издаю нынѣ, 19 февраля 1833 года».

Въ первой книжкѣ «Новоселья» участвовали, между прочимъ, слѣдующіе писатели: баронъ Брамбеусъ, Ѳ. Булгаринъ, Н. Гречъ, В. Луганскій, К. Мосальскій, В. Панаевъ, О. Сеньковскій, А. С. Шишковъ, Ѳедоровъ, Е. А. Баратынскій, князь П. Вяземскій, Н. Гнѣдичъ, В. А. Жуковскій, И. Козловъ, И. А. Крыловъ, М. Погодинъ, А. С. Пушкинъ, Е. Ѳ. Розенъ, Д. И. Хвостовъ и Хомяковъ. Во второмъ томѣ участвовалъ и Гоголь своею «Ссорою Ивана Иваныча съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Смирдинъ далъ толчекъ русской журналистикѣ, основавъ «Библіотеку для чтенія», которая читалась людьми всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ.

До Смирдина журнальныя статьи составлялись, нерѣдко на половину, самими редакторами, или же приносили статьи начинающіе писатели и отдавали ихъ безплатно изъ желанія видѣть себя въ печати. Отъ этого литературный матеріалъ не отличался особеннымъ достоинствомъ, по пословицѣ: «даровому коню въ зубы не смотрятъ».

Смирдинъ сталъ привлекать въ свой журналъ выдающихся писателей и ученыхъ.

Въ то время въ книжной торговлѣ по литературѣ обращались, преимущественно, сочиненія: Кантеміра, Тредьяковскаго, Ломоносова, Кострова, Аблесимова, Фонъ-Визина, Хераскова, Державина, Княжнина, Щербины и Глинки.

Кромѣ того, въ началѣ нынѣшняго, т. е. XIX столѣтія, въ образованномъ русскомъ обществѣ господствовала мистическая литература.

Смирдинъ издалъ, между прочимъ, Державина, Жуковскаго,

Карамзина, Пушкина, Гоголя, а также—Булгарина, Греча, Полевого, Марлинскаго и друг. Все лучшее по части литературы съ 1830—1840 года издано Смирдинымъ.

Крупная заслуга Смирдина въ книжной торговлѣ та, что онъ удешевилъ стоимость книги и этимъ расплодилъ читателей.

Басни Крылова продавались по 15 рублей ассигнаціями; Смирдинъ заплатилъ Крылову 40,000 р., напечаталъ басни въ 44,000 экземплярахъ и пустилъ въ продажу по 4 р. ассигнаціями.

«Исторія Государства Россійскаго» Карамзина продавалась по 120 рублей, а подъ конецъ даже по 150 р. Смирдинъ купилъ у наслѣдниковъ Карамзина право изданія и пустилъ книгу по удешевленной цѣнѣ.

Въ книжномъ магазинѣ Смирдина любили сходиться петербургскіе литераторы, чтобы побесѣдовать о разныхъ литературныхъ новинкахъ, литературныхъ предпріятіяхъ и т. п.

По этому поводу А. Е. Измайловъ въ своемъ «посланіи» къ Смирдину пишетъ:

„... Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ!“

У Смирдина была своя типографія и своя переплетная мастерская. Составивъ хорошее состояніе на книжной торговлѣ, онъ на ней же и потерялъ его. Чтобы поправить дѣло, Смирдину (и только ему одному) разрѣшена была правительствомъ два раза безпроигрышная литературная лотерея по 1 рублю за билетъ, съ правомъ выигрыша книги цѣнностью отъ 1 р. до 50 рублей, и съ однимъ выигрышемъ въ 1,000 рублей преміи. Билеты раскупались быстро, лотерея разыгралась, но не поправила дѣла, способствовавъ однако движенію книжной торговли. Смирдинъ умеръ въ 1857 году.

Въ 1830—1840 годахъ книжная торговля была очень оживлена. Книжныя лавки были постоянно полны покупателями. Кромѣ покупателей мѣстныхъ, между которыми стали показываться аристократы и люди администраціи, до того времени въ руки не бравшіе русскихъ книгъ — зимою появлялись въ значительномъ числѣ и помѣщики, покупавшіе заразъ на большую сумму. Въ то время книжный магазинъ въ Гостинномъ дворѣ, напримѣръ Полякова, продавалъ въ годъ на 700,000 р. асс.

Послѣ 1840 года книжная торговля пріутихла. Въ 40-хъ годахъ въ Гостинномъ дворѣ даже по книжной торговлѣ существовало зазываніе покупателей, доживающее свой вѣкъ теперь на

Апраксиномъ рынкѣ. Особый мальчикъ, или прикащикъ стоялъ на порогѣ магазина, и всякому порядочно одѣтому прохожему говорилъ: «Пожалуйте, здѣсь такого-то лавка!» А сосѣдъ съ тою же фразою—«Здѣсь такого-то лавка!»

Вначалѣ духъ рекламы былъ чуждъ русской книжной торговлѣ. Объявленія о выходѣ въ свѣтъ новой книги печатались самыя коротенькія, шаблонныя. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1750 года читаемъ: «въ академической книжной лавкѣ продается древняя исторія о Египтянахъ и Кореагенянахъ, на русскомъ языкѣ, по рублю 50 копѣекъ, о чемъ черезъ сіе объявляется».

Подобныя объявленія «отъ академической книжной лавки» печатались впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока на арену книжной торговли не выступили частные книгопродавцы—въ лицѣ переплетчиковъ. Въ «Вѣдомостяхъ» 1775 года стали появляться такія объявленія: «въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, на Конюшенномъ дворѣ, у переплетчика Маркелова продаются книги: объ угрюмомъ мужѣ и его злой женѣ да портретъ Карла XII и всѣ господина Сумарокова новыя сочиненія по разнымъ цѣнамъ».

Новиковымъ была сдѣлана первая попытка критическаго обозрѣнія вновь выходившихъ въ Россіи книгъ, въ его журналѣ «Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ».

Въ предисловіи къ изданію «Ученыхъ Вѣдомостей» Новиковъ по этому поводу пишетъ: «Но какъ критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ и прочаго есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ (Ученыхъ Вѣдомостей), и по истинѣ можетъ почитаться душею сего тѣла, то и испрашиваемъ мы у просвѣщенныя нашея Публики, да позволится намъ вольность благодарныя Критики. Не желаніе охуждать дѣянія другихъ насъ къ сему побуждаетъ, но польза общественная; почему и не уповамъ мы сею поступкою нашею огорчить благоразумныхъ Писателей, Издателей и Переводчиковъ; тѣмъ паче, что въ критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность, и что она съ великою строгостію будетъ хранима въ предѣлахъ благопристойности и благонравія. Ни что сатирическое, относящееся на лице, не будетъ имѣть мѣста въ *Вѣдомостяхъ* нашихъ; но единственно будемъ мы говорить о книгахъ, не касаясь ни мало до Писателей оныхъ.

Впрочемъ, критическое наше разсмотрѣніе, какія либо книги, не есть своенравное опредѣленіе участи ея, но объявленіе только нашего мнѣнія объ оной. Сами господа Писатели, Издатели или Переводчики оныхъ могутъ прислать возраженія на наши мнѣнія, которыя мы, получивъ, охотно помѣстимъ въ нашихъ *Вѣдомостяхъ*».

Разсмотрѣніе самыхъ критическихъ отзывовъ Новикова о выходившихъ въ его время книгахъ—не входитъ въ планъ нашего труда.

Вслѣдъ за Новиковымъ подобная же краткая оцѣнка вновь выходившихъ въ Россіи литературныхъ произведеній была помѣщаема въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» (1772—1781).

Въ своихъ «Запискахъ для потомства», 1795 г., Болотовъ пишетъ: «Что же касается до объявленій о книгахъ, то сообщаемы онѣ были отчасти въ самыхъ газетахъ при концѣ оныхъ, отчасти на оберткахъ издаваемыхъ журналовъ, но не во всѣхъ сихъ мѣстахъ одинаково: въ первыхъ объявляемо было только о тѣхъ, которыя либо вновь издавались въ университетской типографіи, либо по коммиссіи вступали въ университетскую лавку для продажи, а къ симъ нерѣдко пріобщаемы были и довольно иногда пространныя, но не всегда справедливыя рекомендаціи и расхваливанія книгъ, и тѣмъ нерѣдко все дѣло было порчено еще больше, а въ прибавленіяхъ газѣтныхъ объявляли только мелкіе лавочники о продаваемыхъ у нихъ въ рыночныхъ лавкахъ книгахъ, и всегда коротко и безъ всякихъ рекомендацій; можно было узнать одни только титулы книгъ, а впрочемъ, не можно было получать о содержаніи и добротѣ оныхъ ни малѣйшаго понятія».

Въ доказательство тому, какъ «публичныя рекомендаціи» нѣкоторыхъ вновь выходящихъ книгъ были иногда неосновательны, Болотовъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

„Обнародовано было, что вышла изъ печати новая, съ французскаго языка переведенная книга, подъ заглавіемъ «Физика Исторіи». Къ сему объявленію присовокуплена была наинепомѣрнѣйшая похвала сей книгѣ; говорено было, что «до настоящаго времени не было еще на россійскомъ языкѣ ни одной книги подобнаго содержанія, что почти ни одинъ, какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новѣйшихъ авторовъ, еще не покушался писать о сей матеріи, и что она по сему новая и можетъ быть первая въ своемъ родѣ, и конечно по привлекательности и пользѣ своей заслужитъ одобренія почтеннѣйшей публики».

Болотовъ разсказываетъ, что, понадѣясь на рекомендацію, онъ купилъ эту книгу и едва имѣлъ терпѣніе дочитать ее до конца: «если бы я зналъ напередъ, какова она, то не только полтора рубля, гривны бы за нее не далъ, чтобы не потерять на чтеніе оной время» [1]).

Въ концѣ XVIII вѣка публикаціи о выходѣ книги замѣняются

[1]) Историко-литературные и библіографическіе матеріалы. Н. Губерти.

велеречивыми объявленіями, въ коихъ нерѣдко по рубрикамъ перечисляется все содержаніе публикуемаго сочиненія. Иногда объявленіе занимаетъ нѣсколько страницъ «Вѣдомостей», съ обозначеніемъ 100—150 рубрикъ: изложенъ цѣлый конспектъ сочиненія, такъ что покупатель изъ пространнаго объявленія можетъ ознакомиться до нѣкоторой степени съ содержаніемъ книги.

Переплетчиковъ смѣнили уже заправскіе книгопродавцы-купцы, и издатели—по профессіи.

Въ 1800 году печатаются пышныя рекламы, составленныя по всѣмъ правиламъ коммерціи. Издатели сами расхваливаютъ свой товаръ—безъ зазрѣнія совѣсти и убѣждаютъ публику покупать ихъ изданія. Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ хотя нѣкоторые:

Продается книга: «Бѣдная Лиза», извѣстнѣйшее сочиненіе г. Карамзина, прекрасное изданіе, съ аллегорическимъ эстампомъ, изображающимъ памятникъ чувствительности и нѣжнаго вкуса многихъ читателей и читательницъ, на бѣлой бумагѣ 1 руб.

Нѣсколько характернѣе другое объявленіе, съ рекомендаціей отъ издателя.

31-го августа 1800 г. Продается книга: «Струя сладостнаго источника», соч. славнаго Герарда, въ 4-хъ част., въ пер. 1 руб. 40 к. «Викторъ или дитя въ лѣсу», соч. Дюкре-Дюмениля, автора «Лалотты и Фантана», «Яшеньки и Жеоржетты» и проч. Цѣль книги сей есть доказать, что добродѣтель превыше всѣхъ происшествій, добродѣтель всегда высока, всегда величественна, даже и тогда, когда по несчастію падаетъ подъ усиліями порока. Соотвѣтственно сей цѣли, авторъ обработалъ сей романъ съ толикимъ искусствомъ и успѣхомъ и старался сдѣлать его столь занимательнымъ и пріятнымъ, что чтеніе его не можетъ не подавать повода къ размышленіямъ, къ сладостной меланхоліи философу—другу человѣчества, а по всему тому и заслуживаетъ одобренія отъ публики; съ картинками, въ 4-хъ част., въ пер. 5 р. 50 к.

Большинство русскихъ книгопродавцевъ начинаютъ свою карьеру съ «мальчика», т. е. въ юныхъ лѣтахъ поступаютъ въ какой-нибудь книжный магазинъ въ услуженіе, «въ мальчики», напримѣръ отыскиваютъ для покупателя требуемую книгу на полкахъ магазина, завертываютъ ее и т. п. Здѣсь кстати замѣтимъ, что книги на полкахъ магазина, для удобства въ отыскиваніи, расположены по алфавиту авторовъ.

У Смирдина былъ въ библіотекѣ приказчикъ Цвѣтаевъ, обладавшій огромною памятью. Онъ выучилъ наизусть роспись книгъ, и стоило ему задать только номеръ изъ росписи, которыхъ было

болѣе 10,000, и онъ могъ отвѣтить, какая книга подъ этимъ номеромъ значится. Всѣ наши лучшіе книгопродавцы побывали въ услуженіи, въ качествѣ «мальчиковъ», напримѣръ, Смирдинъ, Исаковъ, Лисенковъ, Базуновъ и друг.

Я. А. Исаковъ открылъ торговлю въ 1829 г.; выписывалъ книги и журналы изъ-за границы; фирма его получила извѣстность благодаря рекламамъ Ѳ. Булгарина: въ каждомъ субботнемъ фельетонѣ краснорѣчиво говорилось о вновь полученныхъ книгахъ Исаковымъ. Въ 1854 г. онъ сдѣлался коммиссіонеромъ военно-учебныхъ заведеній и получилъ на вывѣску Государственный гербъ. Въ 1870 году отпразднованъ былъ 50 лѣтній юбилей книжноторговой дѣятельности Исакова.

Исаковымъ издано между прочимъ полное собраніе сочиненій Пушкина, множество учебниковъ и классныхъ пособій по военнымъ наукамъ.

Юбилей Исакова почтенъ былъ многими представителями русскаго общества. Директоръ Императорской Публичной библіотеки И. Д. Деляновъ прислалъ собственноручное письмо, гдѣ въ теплыхъ выраженіяхъ поздравилъ Исакова. Марксъ, издатель Нивы, прислалъ «Потерянный рай».

Годовой оборотъ книжнаго магазина Я. А. Исакова простирался иногда до 400,000 рублей въ годъ.

Не одно поколѣніе выросло на учебникахъ изданія Исакова: бывшіе воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, гимназисты, кадеты, пажи и т. д.

Самой старѣйшей книжно-торговой фирмой считается фирма Глазуновыхъ, подвизающаяся на этомъ поприщѣ уже болѣе 100 лѣтъ.

Объявленія о торговлѣ книгами Глазуновыхъ встрѣчаются впервые въ Московскихъ Вѣдомостахъ 1782 года, а именно о книгахъ: «Путь счастія человѣческаго» Вольтера и «Механическая книга» Штурма.

На протяженіи 100 лѣтъ фирма Глазуновыхъ издала огромное количество книгъ, изъ которыхъ многія имѣли большое значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Вѣянія времени, спросъ на книги извѣстнаго сорта конечно, не остался безъ вліянія и на характеръ книго-издательской дѣятельности Глазуновыхъ.

Съ 1790 г. по 1831 годъ фирма Глазуновыхъ издаетъ книги смѣшаннаго характера, тутъ вы встрѣтите и «Англинскаго философа», и «Письмовникъ» Курганова, и разныя карманныя книжки, и исторіи, и путешествія, азбуки, атласы и т. п.—словомъ, всякаго жита по лопатѣ. Всего за это время имъ издано 188 названій книгъ.

Съ 1831 по 1849 годъ издаются книги учебнаго содержанія и кромѣ того, стихотворенія Жуковскаго и Лермонтова. Общее количество изданій за этотъ промежутокъ времени доходитъ до 100 названій.

Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе книгоиздательство А. И. Глазунова въ Москвѣ, съ 1857 по 1868 годъ. Книги эти строго научнаго содержанія, и преимущественно естественно-историческія, состоявшія изъ популярныхъ сочиненій лучшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ физіологовъ и естествоиспытателей, какъ напримѣръ, Дарвина, Льюиса, Ляйэля, Джона Гершеля, Шлейдена, К. Риттера и друг.

Имъ изданы слѣдующія книги, оказавшія не мало вліянія на русское общество: «Физіологическія картины» Бюхнера, «Общая біологія», Ж. Сентъ-Иллера, «Физіологія обыденной жизни» Льюиса, «О происхожденіи видовъ», Дарвина, «Общее Землевѣдѣніе» Риттера, «Основныя начала Геологіи» Ляйэля и друг.

Всего за упомянутый промежутокъ времени А. И. Глазуновъ издалъ 43 названія; затѣмъ торговлю свою онъ прекратилъ и передалъ Мамонтову.

Между тѣмъ, другіе братья Глазуновыхъ продолжаютъ книжную торговлю по настоящее время въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ послѣднее время фирма Глазуновыхъ издаетъ преимущественно учебники, имѣющіе значеніе, какъ по авторитету писавшихъ ихъ педагоговъ, такъ и по одобренію ученаго комитета, состоящаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Ими изданы учебники слѣдующихъ авторовъ: Антоновъ, Буссе, Бычковъ, Водовозовъ, Востоковъ, Галлаховъ, Зуевъ, Кайдановъ, Кеневичъ, Ленцъ, Ободовскій, Д. Семеновъ, С. М. Соловьевъ, Ушинскій, А. Г. Филоновъ и мн. др.

Съ 1849 по 1882 году Глазуновыми изданы работы 150 авторовъ, изъ которыхъ многіе выпускали въ свѣтъ по нѣскольку сочиненій.

Въ теченіе 100 лѣтъ, съ 1782—1882 г., фирма Глазуновыхъ выпустила по крайней мѣрѣ 500 названій разныхъ сочиненій.

30 августа 1880 года Государь Императоръ Александръ II-й, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во вниманіе давней и полезной дѣятельности книгопродавцевъ Глазуновыхъ на ихъ поприщѣ, всемилостивѣйше пожаловалъ Ив. Ильичу Глазунову орденъ Св. Владиміра 3-й степени, съ присвоеніемъ правъ потомственнаго дворянства; а 19 ноября 1882 года, по случаю столѣтія фирмы Глазуновыхъ, представители этой фирмы возведены въ потомственное дворянское Россійской имперіи достоинство.

Ив. С. Тургеневъ писалъ по этому поводу Глазунову изъ Парижа, 1882 года:

Иванъ Ильичъ!

«Съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ я изъ газетъ о Монаршей къ вамъ милости и спѣшу поздравить васъ съ полученной вами наградой. Она особенно знаменательна въ нынѣшнее время. Въ ней сказывается признаніе высшей властью заслугъ, оказанныхъ вашимъ домомъ великому дѣлу просвѣщенія и словесности у насъ на Руси, тѣмъ столѣтнимъ, отнынѣ историческимъ домомъ Глазуновыхъ, достойнымъ представителемъ котораго состоите теперь вы».

Учебники изданія Глазунова расходятся преимущественно по среднеучебнымъ заведеніямъ. Ежегодно расходится до 50,000 экземпляровъ учебниковъ. Напримѣръ, Христоматія Галлахова (по русской литературѣ) черезъ каждые два года по 15,000 экземпляровъ.

Годовой оборотъ книжныхъ магазиновъ (въ Петербургѣ—1 и въ Москвѣ—1) Глазунова простирается отъ 150,000—200,000 р.

Наша книжная торговля подраздѣлилась на спеціальности—каждый книгопродавецъ избираетъ ту или другую отрасль литературы; это, конечно, указываетъ на относительное развитіе книжнаго дѣла въ Россіи.

Едва-ли какая нибудь торговля у насъ такъ мало извѣстна, какъ книжная. Однако, можно подмѣтить нѣкоторые характерныя черты въ нашей книжной торговлѣ, а именно: 1) Торговля духовными книгами идетъ у насъ совершенно отдѣльно отъ торговли книгами свѣтскими—произведеніями беллетристическими и научными. Каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ дѣятелей и своихъ читателей. Многіе начетчики духовныхъ книгъ не читаютъ свѣтскихъ, и наоборотъ,—точно также какъ любители свѣтскаго чтенія не берутъ въ руки книгъ духовныхъ. 2) Производство «лубочной литературы» для простаго народа почти цѣликомъ сосредоточено въ Москвѣ и имѣетъ своихъ издателей на Никольскомъ рынкѣ.

Такимъ образомъ книжное дѣло въ Россіи подраздѣляется на 3 отдѣла: 1) производство свѣтскихъ книгъ, 2) производство духовныхъ книгъ и 3) производство лубочныхъ книгъ.

Торговля духовными книгами сосредоточивается въ синодальныхъ типографіяхъ, лаврахъ, пустыняхъ и монастыряхъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ свои прекрасныя типографіи, какъ напримѣръ Троицкая и Кіевская. Въ Россіи считается 44,000 церквей; въ каждую церковь требуется особый «кругъ церковныхъ книгъ», въ количествѣ 19 названій, стоимостью въ 100 р.

«Кругъ церковныхъ книгъ» печатается исключительно только въ петербургской и московской синодальной типографіяхъ.

Чтобы судить о размѣрахъ производства духовныхъ книгъ для церквей, монастырей, а также и для вольной продажи, приведемъ слѣдующія данныя.

Въ 1885 году въ синодальныхъ типографіяхъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода было напечатано:—*въ типографіи Московской*: 238,760 экземпляровъ книгъ и брошюръ разнаго наименованія и 3.778,650 экземпляровъ листовъ; *въ типографіи С.-Петербургской*: книгъ и брошюръ 1.474,620 и листовъ 365,040. Изъ книгъ, изданныхъ по распоряженію Святѣйшаго Синода, въ наибольшемъ количествѣ напечатаны—*въ типографіи Московской*: псалтирь на славянскомъ языкѣ безъ киновари 30,000 экземпляровъ, часословъ безъ киновари 40,000 экземпляровъ, октоихъ безъ киновари 20,000 экземпл., сокращенный молитвословъ церковной печати 24,000 экземп., по частнымъ заказамъ: акаѳистъ святому князю Петру и княгинѣ Февроніи, Муромскимъ чудотворцамъ, церковной печати 10,000 экземп., акаѳистъ святому князю Ѳеодору, Давиду и Константину, Ярославскимъ чудотворцамъ, церковной печати 9,000 экземп.; *въ типографіи С.-Петербургской*: Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ 100,000 и на русскомъ и славянскомъ языкѣ 100,000 экземпляровъ, евангеліе на славянскомъ языкѣ 59,000, на славянскомъ и русскомъ 30,000 и на русскомъ 50,000 экземпяровъ, евангелія на русскомъ языкѣ отдѣльными книжками повѣствованія каждаго евангелиста (по 25,000 каждаго) 100,000 экземпляровъ, псалтирь на славянскомъ языкѣ 40,000, на русскомъ 20,000 экземпляровъ, молитвословъ для міранъ церковной печати 20,000 экземпляровъ, сокращенный молитвословъ гражданской печати 115,000 экземпляровъ, «Святые Кириллъ и Меѳодій апостолы славянскіе» 141,300 экземпляровъ, житіе и подвиги святыхъ Кирилла и Меѳодія просвѣтителей славянъ 115,260 экземпляровъ, краткое сказаніе о житіи св. Кирилла и Меѳодія просвѣтителей славянъ 115,000 экземпляровъ; по частнымъ заказамъ: краткихъ молитвенниковъ для православныхъ воиновъ гражданской печати 145,000 и акаѳистъ пресвятой владычицѣ нашей Богородицѣ всѣхъ скорбящихъ Радости 10,000 экземпляровъ.

Болѣе значительное количество экземпляровъ синодальныхъ изданій, съ уступкою процентовъ, отпущено слѣдующимъ учрежденіямъ и обществамъ: въ учрежденный Святѣйшимъ Синодомъ при синодальной канцеляріи складъ книгъ и руководствъ для церковно-приходскихъ школъ 85,900 экземпляровъ (на 26,670 р.),

въ депо Великобританскаго и Иностраннаго библейскаго общества 244,835 экземпляровъ (на 69,605 руб.); обществу распространенія священнаго писанія въ Россіи 74,250 экземпляровъ (на 8,627 руб. 75 коп.), С.-Петербургскому Богородицкому братству 39,995 экземпляровъ (на 5,270 руб. 54 коп.).

Какъ послѣдствіе одной изъ величайшихъ реформъ Царя-Освободителя, въ русскомъ обществѣ возродилась жажда къ просвѣщенію.

Правительство, общественныя учрежденія и частныя лица шли на встрѣчу этому просвѣтительному стремленію. Въ 1863 году образовалось общество распространенія священнаго писанія въ Россіи. Общество образовалось всего изъ 8 человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Астафьева, а именно: англичанинъ Нобсъ, датчанинъ Форгаммеръ, голландецъ фонъ-Аркъ и четверо русскихъ— Неандеръ, Бѣлецкій, Заремба и Диле. Избравъ девизомъ «Заблуждаетесь, не зная писаній» (Матѳея XXII, 29), общество признало необходимымъ распространять св. писаніе въ разносъ. Не говоря уже о томъ, что книга, предлагаемая разнощикомъ, скорѣе найдетъ себѣ покупателя, чѣмъ книга, лежащая на полкѣ магазина; распространеніе св. писанія при помощи разнощиковъ вызывается необходимостью предлагать книги тамъ, гдѣ встрѣчаются затрудненія для ихъ пріобрѣтенія: на фабрикахъ, тюрьмахъ, больницахъ, деревняхъ и т. п.

Общество снаряжаетъ нѣсколько «книгоношъ», которыхъ отправляетъ въ самые отдаленные уголки имперіи. Съ сумкою черезъ плечо «книгоноша» странствуетъ повсюду: на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, въ солдатскихъ казармахъ и т. п. Книгоноша имѣетъ бляху съ надписью: «отъ общества распространенія св. писанія».

Цѣны за книги назначаются самыя умѣренныя, поражающія даже простолюдина, напримѣръ: 4 Евангелія, въ 32 д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ—15 коп.; въ 16 д. л.— 30 коп.; псалтири въ 16 д. л., русскія, въ тисненомъ коленкорѣ— 30 коп.; славянскія, въ тисненомъ коленкорѣ—30 коп.; Евангелія брошюрованныя, русскія, въ 32 д. л., каждаго евангелиста отдѣльно—2 коп., и т. д.

Дѣятельность общества годъ отъ году увеличивается, такъ что въ 1886 году продано было 90,000 экземпляровъ. Всѣхъ же книгъ священнаго писанія съ 1863—1887 г. распространено 1.223,044 экземпляра.

Особеннаго удивленія и всяческой похвалы заслуживаютъ *«книгоноши»,* распространяющіе св. писаніе въ Сибири. Проби-

раясь по дебрямъ далекой Сибири, книгоноша подвергается разнымъ невзгодамъ и лишеніямъ. И тутъ его дѣятельность граничитъ съ подвигомъ миссіонера.

Въ самомъ дѣлѣ, кто бы занесъ сибиряку священныя книги, если бы онѣ не были занесены книгоношей.

Чрезвычайно любопытно странствованіе «книгоношъ» по Восточной Сибири. Мы прослѣдимъ вкратцѣ путешествіе одного изъ книгоношъ, которое даетъ нѣкоторое понятіе объ этой далекой окраинѣ Россіи. Общество распространенія св. писанія находится въ Петербургѣ: интересно посмотрѣть какъ книга изъ столицы распространяется на другомъ концѣ нашего обширнаго царства.

Въ 1882 году одинъ «книгоноша», вмѣстѣ съ подручнымъ, отправились къ мѣсту назначенія. Прибывъ въ городъ Енисейскъ, они обошли почти всѣ дома, продавъ въ каждомъ по 5 и болѣе экземпляровъ св. книгъ. Отсюда, по пути въ городъ Красноярскъ, они посѣтили болѣе 30 селъ, оставляя въ каждомъ большее или меньшее количество книгъ. Въ селѣ Казачьемъ ихъ съ радостью встрѣтилъ мѣстный благочинный, отецъ Гавріилъ, напутствовавъ сердечными благопожеланіями, высказывая надежду, что Слово Божіе «пробудитъ Сибирь отъ ея духовнаго усыпленія».

Крестьяне благодарили книгоношъ, что они пріѣхали къ нимъ съ евангеліями; тутъ же предостерегали ихъ быть осторожными на пути, такъ какъ по дорогамъ грабятъ, причемъ грабители, чтобы не быть замѣченными, одѣвшись въ бѣлое платье, ложатся въ снѣгъ, выжидая неосторожныхъ путниковъ. Случаются и убійства. Книгоноши принимали слѣдующую предосторожность: по пріѣздѣ въ село, обращались къ старостѣ или священнику, прося указать имъ благонадежный домъ для ночлега.

Погода была суровая, часто бывали снѣжныя мятели и трескучіе морозы, достигавшіе до 50°, такъ что деревья трескались отъ холода, издавая звукъ, подобный ружейному выстрѣлу.

Въ Красноярскѣ куплено было, между прочимъ, преосвященнымъ Исакіемъ 100 экз. св. книгъ, и отцемъ настоятелемъ монастыря 200 экз.; а въ пріютѣ для арестантскихъ дѣтей книги розданы были даромъ.

Изъ Красноярска «книгоноши» отправились въ Иркутскъ, главный городъ Восточной Сибири. На пути посѣтили нѣсколько селъ, гдѣ оставили до 300 экземпляровъ. Въ Иркутскѣ «книгоноши» продали 1,500 экземпляровъ; особенно привѣтливо встрѣтили ихъ въ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. Арестантскимъ дѣтямъ роздано 15 евангелій, къ великой ихъ радости:

«спасибо, дѣдушка!» кричали дѣти книгоношѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда книги присланы были изъ Петербурга, книгоноши отправились на верховья р. Лены. На дорогу они запаслись сухарями, такъ какъ ѣхали въ страну мало населенную. До самой Лены встрѣчали только улусы бурятъ, у которыхъ, кромѣ молока и масла, нельзя ничего было достать. Въ теченіе двухъ недѣль книгоноши проплыли по Ленѣ болѣе 500 верстъ. Во время пути они приставали въ своей лодкѣ къ «поселеніямъ» по берегу рѣки. Такимъ образомъ въ городѣ Верхоленскѣ книгоноши продали 100 экземпляровъ св. книгъ мѣстному священнослужителю. Сами же жители, большей частью, политическіе ссыльные, отказались брать Евангеліе. «Въ дѣтствѣ еще читали его», говорили они, «книга хорошая, и еслибы поступали по ней, то не были бы здѣсь».

Проѣхавъ еще 800 верстъ по Ленѣ, пароходъ остановился въ устьѣ р. Витима, гдѣ находится резиденція компаніи золотопромышленниковъ, золотые пріиски которыхъ расположены по р. Витиму на 400 верстъ выше по рѣкѣ. Всѣхъ рабочихъ на этихъ пріискахъ до 3,000 человѣкъ, изъ числа ихъ казенно-рабочимъ, т. е. ссыльнымъ, подарено было до 500 экз. св. книгъ.

По рѣкѣ Ангарѣ «книгоноша» посѣтилъ городъ Балаганскъ, Вознесенскій монастырь, «Братскій острогъ» и пять селъ, продавъ всего около 1,500 экземпляровъ; кромѣ того, крещенымъ бурятамъ продано 100 экземпляровъ св. книгъ.

Въ теченіе 11 мѣсяцевъ обоими «книгоношами» распространено было въ Восточной Сибири 10,605 экз. св. книгъ.

Другой «книгоноша», вначалѣ марта, отправился въ Одессу, чтобы на пароходѣ добровольнаго флота плыть въ Приамурскій край. На Московско-Курской желѣзной дорогѣ двое пассажировъ стали издѣваться надъ дѣломъ книгоноши, тогда третій пассажиръ, купивъ «Новый Завѣтъ», сказалъ насмѣшникамъ: «Напрасно вы, добрые люди, смѣетесь: великое дѣло дѣлаетъ Общество для русскаго народа, разсылая св. книги повсюду; дай Богъ, чтобы читали и исполняли прочитанное!».

Сѣвши въ Одессѣ на пароходъ добровольнаго флота «Нижній Новгородъ» и взявъ съ собою около 7,000 экз. св. книгъ, книгоноша отправился на островъ Сахалинъ, вмѣстѣ съ 500 человѣкъ ссыльныхъ. Во время продолжительнаго пути команда и ссыльные нерѣдко собирались на палубѣ вокругъ книгоноши—послушать читаемое имъ Евангеліе; при этомъ они замѣчали, что «по-русски много понятнѣе, чѣмъ по-славянски». Миновавъ благополучно Портъ-Саидъ въ Суэзскомъ каналѣ, Коломбо на островѣ Цейлонѣ

и Сингапуръ на оконечности полуострова Малакки, пароходъ 2 мая прибылъ въ Нангасаки, въ Японіи. Здѣсь застали они въ гавани русскій военный корветъ «Скобелевъ». Книгоноша воспользовался случаемъ и предложилъ св. книги командѣ корвета. Нижніе чины очень обрадовались случаю, накупили св. книгъ. 5 мая книгоноша высадился наконецъ во Владивостокѣ, а 18 мая шкуна приблизилась къ острову Сахалину. Солдаты встрѣчали вездѣ книгоношу съ радостью: «жили мы здѣсь какъ звѣри какіе нибудь, церкви нѣтъ, про Бога забыли совсѣмъ, ну и стали совсѣмъ невѣрующими какими-то. Но ты со своими св. книгами точно съ неба свалился. Почитаешь св. книгу-то, какъ-то легче станетъ. Спасибо тебѣ!»

Съ Сахалина «книгоноша» отправился въ Благовѣщенскъ, главный городъ Амурской области; здѣсь продано было 2,000 экземпляровъ. Изъ Благовѣщенска, въ лодкѣ съ двумя гребцами, «книгоноша» ѣздилъ внизъ по Амуру на 500 верстъ, распродавъ свыше 1,000 книгъ.

Въ Албазинѣ, древнѣйшемъ поселеніи русскомъ на Амурѣ, 10 экземпляровъ Евангелія подарено ссыльно-каторжнымъ, которые, ѣдучи на пароходѣ, пѣли псалмы. Нерѣдко книгоношѣ приходилось ѣхать верхомъ по крутымъ берегамъ р. Шилки. Узкая тропа по берегу вилась иногда по высокому утесу на высотѣ 2,000—3,000 футовъ надъ водою. Впродолженіи 7 мѣсяцевъ распространено было въ Приамурскомъ краѣ и преимущественно въ Забайкальской области свыше 10,000 экз. св. книгъ.

Теперь переходимъ къ дѣятельности «книгоношъ» въ Западномъ краѣ, среди войскъ.

Однажды, въ воскресный день, «книгоноша» пришелъ въ пѣхотную дивизію, подъ Варшавою. Солдаты играли въ карты и въ «лотереи», никто не хотѣлъ покупать книгъ, и книгоношу даже гнали прочь, не смотря на разрѣшеніе высшаго начальства. Въ слѣдующее воскресенье «книгоноша» опять пришелъ въ ту же дивизію и сталъ убѣждать солдатъ, что въ воскресенье слѣдуетъ не въ карты играть, а библію читать, и самъ прочелъ въ слухъ нѣсколько изрѣченій изъ Евангелія: «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіе и обремененные и Я успокою васъ» (Матѳ. 11, 28). «Вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную» (Іоан. 6, 47). «Не судите, да не судимы будете» (Матѳ. 7, 1). Потомъ—изъ псалтыря: «Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей» (Псал. 1, 1). При этомъ книгоноша пока-

зывалъ Евангеліе цѣною въ 2 коп. Мало-по-малу солдаты стали покупать св. книги.

— «Въ Евангеліи есть сила, которая очищаетъ грѣхи» (Іоан. 15, 3).

— Правда, правда, землячекъ! говорятъ солдаты и начинаютъ покупать.

Одинъ фельдфебель крѣпостной артиллеріи не хотѣлъ купить Евангеліе и требовалъ сказокъ: «божественнаго не люблю», говорилъ онъ. Возразивъ на это, что безъ Бога мы ничего не можемъ сдѣлать (Іоан. 15, 5), книгоноша убѣдилъ его взять Евангеліе. Спустя годъ, онъ покупаетъ у него Новый Завѣтъ, а потомъ Библію. И всякій разъ съ радостью встрѣчаетъ «книгоношу». «Прежде ничего не зналъ, говоритъ солдатикъ, а теперь узналъ Законъ Божій. Эта книга сдѣлала меня человѣкомъ: берите, братцы»!...

Во время своихъ частыхъ поѣздокъ по Западному краю, вращаясь между солдатами, книгоноши не могли не замѣтить, какое развращающее вліяніе оказываютъ на солдатъ еврейскіе шинки съ ихъ грязною обстановкою. Гдѣ строятъ казармы, тамъ евреи устраиваютъ, какъ «адскую батарею», кабаки съ многочисленною женскою прислугою.

Слѣдуетъ упомянуть о книгоношѣ, который ходилъ по «заводамъ» въ Пермской губерніи, гдѣ въ теченіе іюля — сентября распродано было рабочимъ 3,350 экз. св. книгъ. «Давно бы слѣдовало съ такимъ добрымъ дѣломъ къ намъ!» встрѣчали «книгоношу» рабочіе.

Однажды, въ Екатеринбургѣ, книгоноша, проходя мимо тюрьмы, встрѣтилъ бѣглаго каторжника, котораго вели въ тюрьму. Когда «книгоноша» спросилъ каторжника, не желаетъ ли онъ получить въ подарокъ Евангеліе, то тотъ очень этому обрадовался и съ благодарностью принялъ св. книгу, сказавъ: «Стану читать, веселѣе время будетъ проходить!» и упалъ въ ноги книгоношѣ, благодаря его за подарокъ...

Изъ этихъ примѣровъ видно, среди какихъ разнообразныхъ условій жизни приходится дѣйствовать книгоношѣ. Хороши и эти солдаты, сперва выгоняющіе книгоношу изъ казармъ, а потомъ съ радостью его встрѣчающіе. Хорошъ и этотъ каторжникъ: тутъ видѣнъ весь человѣкъ. Каторжникъ былъ страшно удивленъ, что какой-то незнакомый человѣкъ предлагаетъ ему книгу, выказываетъ ему свое участіе. Для каторжника это было слишкомъ непривычно. Надорванныя струны не выдержали, и каторжникъ бросился «въ *ноги*» неизвѣстнаго ему добраго человѣка.

Уничтоженіе крѣпостнаго права манифестомъ 19 февраля 1861 г., по коему крестьяне стали свободными отъ помѣщиковъ,—отразилось, между прочимъ, въ весьма благопріятномъ смыслѣ, на развитіи книжнаго дѣла въ Россіи.

Оковы рабства крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, тяготѣвшіе такъ долго надъ русскимъ крестьянствомъ, не могли, конечно, способствовать распространенію грамотности среди крестьянъ. Гоголь въ своихъ «Мертвыхъ душахъ», между прочимъ, вывелъ передъ нами знаменитаго Петрушку—типъ грамотѣя изъ крестьянъ при помѣщичьихъ порядкахъ.

Въ 1855 году на всю Россію насчитывалось только до 200,000 человѣкъ учащихся. Но съ освобожденіемъ отъ помѣщиковъ, крестьянинъ все чаще и чаще сталъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Распространеніе грамотности вызвало потребность въ книгѣ.

По освобожденіи крестьянъ количество печатаемыхъ въ Россіи книгъ, сравнительно, чрезвычайно поднялось. Какъ извѣстно, все, что печатается въ Россіи, по одному экземпляру поступаетъ въ императорскую публичную библіотеку. Сравнимъ данныя о количествѣ книгъ, поступившихъ въ публичную библіотеку въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, т. е. до освобожденія крестьянъ и послѣ освобожденія крестьянъ.

1854	года .	1,000	сочин.	2,098	том.
1864	„ .	2,523	„	2,833	„
1874	„ .	8,280	„	9,776	„
1884	„ .	10,478	„	12,250	„

Изъ этого видно, что въ первое десятилѣтіе по освобожденіи крестьянъ книжное производство въ Россіи поднялось по крайней мѣрѣ въ 4 раза болѣе противъ предшествовавшихъ годовъ.

Въ 1888 году издано было 7,427 сочиненій, за исключеніемъ Финляндіи: на русскомъ языкѣ 5,318 сочиненій, въ количествѣ 17.400,000 экземпляровъ, и на иностранныхъ и инородныхъ языкахъ 2,109 сочиненій, въ количествѣ 5.700,000 экземпляровъ.

По своему содержанію изданныя на русскомъ языкѣ сочиненія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Число сочин.	*Колич. экз.*
Беллетристика . .	848	1.953,818
Духовн. . . .	720	3.334,182
Справочныхъ. . .	629	3.877,092
Учебниковъ . . .	521	3.691,838
Медицинскихъ . .	445	446,985

	Число сочин.	Колич. экзем.
Историческихъ . .	256	288,023
Юридическихъ . .	176	248,206
Сельско-хоз. . . .	173	214,819
Военн. дѣлъ. . .	159	211,944
Словесность . . .	155	178,623
Дѣтскихъ . . .	150	545,662
Географія . . .	144	171,062
Разн. брошюры. .	142	144,035
Народн. изданія .	123	821,800
Политич. экон. .	115	65,341
Технологія. . . .	101	84,388
Естествознаніе . .	94	109,240
Лубочн. изданія. .	88	766,200
Педагогическія . .	60	64,818
Исторія искусствъ .	52	43,417
Философія. . . .	46	62,920
Математ.	45	32,150
Счетоводство. . .	43	37,417
Полит. и общ. вопр.	33	31,070
Всего. . .	5,317	17.400,000

Издательская дѣятельность распредѣлена по городамъ весьма неравномѣрно. По даннымъ «Сборника свѣдѣній по Россіи» за 1884—85 гг., всѣхъ городскихъ поселеній считается въ нашемъ отечествѣ 1,274; всѣ же вышедшія въ 1888 г.—7,427 сочиненій были напечатаны въ 128 городахъ и одно изъ нихъ въ селѣ Голышевкѣ.

Значитъ, остальные 1,146 городскихъ поселеній не принимали никакого участія въ производствѣ книгъ. Но изъ этихъ 128 городовъ только 10 городовъ сдѣлали болѣе или менѣе значительный вкладъ въ русское книжное дѣло; громадное большинство городовъ издавали только отъ 1—10 сочиненій въ 1 годъ.

Такъ сказать книжные или издательскіе города по количеству изданныхъ сочиненій распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Назв. город.	Число соч.	Назв. город.	Число соч.
Петербургъ. .	2,484	Воронежъ . .	19
Москва . . .	1,547	Псковъ. . .	17
Варшава . .	912	Ченстоховъ .	17
Одесса . . .	274	Саратовъ . .	16
Рига. . . .	264	Ярославль . .	16
Казань . . .	228	Либава . . .	14

Назв. город.	*Число соч.*	*Назв. город.*	*Число соч.*
Кіевъ . . .	216	Тверь . . .	14
Тифлисъ . .	207	Самара . . .	13
Вильно . . .	174	Владиміръ . .	12
Дерптъ. . .	173	Новгородъ . .	12
Харьковъ . .	104	Екатериносл. .	11
Ревель . . .	97	Новочеркаскъ .	11
Митава. . .	90	Черниговъ . .	11
Бердичевъ . .	41	Архангельскъ .	10
Петроковъ . .	28	Житоміръ . .	10
Вятка . . .	24	Красноярскъ .	10
Пермь . . .	23	Орелъ . . .	10
Люблинъ . .	21	Петрозаводскъ.	10

Изъ этой таблицы видно, что главными центрами книжнаго производства въ Россіи будутъ:

На сѣверѣ—Петербургъ, въ средней полосѣ—Москва, на западѣ—Варшава, на югѣ—Одесса и Кіевъ, на востокѣ—Казань, а въ Сибири книги вовсе не издаются, если не считать Красноярска, который выпустилъ 10 сочиненій въ 1 годъ.

Присутствіе книжнаго магазина въ какомъ-нибудь городѣ служитъ до извѣстной степени мѣриломъ его культурности. Гоголь гдѣ-то замѣтилъ, что Миргородъ славится тѣмъ, что въ немъ пекутъ вкусные бублики...

Книжные магазины и лавки въ 1885 году распредѣлялись по городамъ такъ:

Названіе губерній.	*Число кн. магаз. и лавокъ.*	*Названіе губерній.*	*Число кн. магаз. и лавокъ.*
Архангельская.	13	Новгородская .	10
Астраханская .	18	Оренбургская .	1
Бессараб. обл.	19	Олонецкая . .	6
Виленская . .	27	Орловская . .	13
Витебская . .	20	Пензенская. .	15
Владимірская .	31	Пермская . .	8
Вологодская .	8	Подольская .	12
Волынская. .	29	Полтавская .	18
Воронежская .	31	Псковская . .	9
Вятская . .	26	Рязанская . .	15
Гродненская .	14	Самарская . .	12
Обл. В. Д. .	9	С.-Петерб. . .	327
Екатериносл. .	24	Саратовская .	51
Казанская . .	31	Симбирская .	6

Название губерній.	Число кн. магаз. и лавокъ	Название губерній.	Число кн. магаз. и лавокъ.
Калужская	4	Смоленская	20
Кіевская	44	Таврическая	13
Ковенская	12	Тамбовская	25
Костромская	17	Тверская	28
Курляндская	43	Тульская	12
Курская	21	Уфимская	2
Лифляндская	69	Харьковская	23
Минская	28	Херсонская	55
Могилевская	7	Черниговск.	15
Московская	224	Эстляндская	17
Нижегородск.	21	Ярославская	40

Итого на всю Россію 1,543 книжныхъ магазиновъ и книжныхъ лавокъ.

Изъ 7,427 сочиненій, изданныхъ въ Россіи въ 1888 году, на Петербургъ и Москву приходится 4,031 сочиненіе, т. е. больше половины всего книжнаго производства выпадаетъ на долю упомянутыхъ двухъ городовъ.

Въ нихъ, главнымъ образомъ, сосредоточена издательская и книготорговая дѣятельность на всю Россію.

Петербургскія типографіи за одно только печатаніе ежегодно выручаютъ около 5.000,000 рублей.

Въ Петербургѣ, кромѣ книгопродавцевъ, имѣются издатели, спеціально занимающіеся изданіемъ книгъ.

Плата автору за книгу весьма различна, начиная отъ 10% и до 20% со стоимости книги; при этомъ издатель беретъ на себя всѣ расходы, сопряженныя съ изданіемъ книги. Расходы эти слѣдующіе:

1) Наборъ—отъ 30 до 40 копѣекъ съ каждой 1,000 буквъ (напр. цицеро), изъ этой суммы отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ идетъ содержателю типографіи, остальное наборщику. Количество буквъ въ печатномъ листѣ бываетъ весьма различно, начиная отъ 20,000 и доходитъ до 100,000 и болѣе буквъ въ 1 печатномъ листѣ. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго, изд. Павленкова, 1889 года, въ каждомъ печатномъ листѣ 85,000 буквъ. Счетъ буквъ въ печатномъ листѣ производятъ такъ: берутъ средней величины букву *н* и, набравъ строку, высчитываютъ, сколько буквъ будетъ въ строкѣ, затѣмъ помножаютъ на число строкъ въ 1 страницѣ и полученное произведеніе помножаютъ на 16—число страницъ въ 1 печатномъ листѣ.

2) Печать--средняя плата отъ 1—2 рублей съ 1,000 печатныхъ листовъ безъ рисунковъ, а съ рисунками средняя плата 3 рубля. Печатаніе однѣхъ только рисунковъ отъ 4—10 рублей съ 1,000 экземпляровъ, причемъ листы называютъ «формами».

3) Гласировка печатной бумаги — съ обыкновеннаго формата 50 копѣекъ, съ двойнаго формата 75 коп. съ 1,000 печатныхъ листовъ.

4) Брошюровка—отъ 70 коп. до 1 руб. съ 1,000 печатныхъ листовъ.

5) Стоимость печатной бумаги — отъ 4 до 6 рублей двойная стопа средняго книжнаго формата; цвѣтная бумага или такъ называемая альбомная бумага, которая идетъ на обложку книги— отъ 4 до 17 рублей за 1 стопу, но преимущественно употребляется въ 10 р. за 1 стопу.

6) Расходы на публикаціи въ газетахъ о выходѣ книги въ свѣтъ—весьма разнообразны, смотря по мѣсту, занимаемому въ газетѣ, и по количеству публикацій.

Въ Петербургѣ изданіемъ книгъ занимаются слѣдующіе издатели: наука и беллетристика: А. Суворинъ, Ф. Павленковъ, А. Цинзерлингъ, Н. Мартыновъ, фирма Глазуновыхъ, Э. Гоппе, В. Березовскій, Н. Васильевъ, Е. Гаршинъ, І. Девріенъ, Н. Карбасниковъ, П. Луковниковъ, Товарищество „Общественная польза", А. Панафидинъ, М. Поповъ, К. Риккеръ, Стасюлевичъ, И. Тузовъ (богословіе), Н. Тяпкинъ, Д. Федоровъ; учебники: М. Вольфъ, А. Ильинъ (географическія карты), Л. Пантелѣевъ, Д. Полубояриновъ, Н. Фену; народныя книги: общество „Посредникъ", Кузинъ и Шатаевъ.

Въ Москвѣ, кромѣ фирмы Салаевыхъ, которая издаетъ учебники и руководства, остальные издатели издаютъ преимущественно книги для народа.

Чтобы судить о дѣятельности книгопродавцевъ-издателей, приведемъ данныя нѣкоторыхъ изъ нихъ.

К. Риккеръ въ 1886 году исполнилось 25 лѣтъ его книгопродавческой дѣятельности; издаетъ медицинскія книги. Въ 1868 году началъ издавать «Календарь для врачей»; въ первый годъ календарь выходилъ 1,200 экземпляровъ, а теперь—отъ 7 до 8 тысячъ ежегодно. Онъ издалъ капитальнѣйшія изданія при содѣйствіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, напримѣръ: «Всеобщая исторія литературы», «Вѣстникъ Клиническій», «Врачъ», «Труды общества русскихъ врачей». Всего 183 названія разныхъ изданій. Какъ особенно цѣнное изданіе, можно отмѣтить «Амуръ, Восточ-

ная Сибирь, Западная Сибирь и Уралъ», 5 томовъ съ 371 оригинальными фотографіями, стоимостью 450 рублей за 1 экземпл.

А. Суворинъ (замѣтимъ въ скобкахъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ современныхъ журналистовъ), въ числѣ своихъ многочисленныхъ изданій, выпускаетъ „Дешевую библіотеку". Это—книжечки маленькаго формата, цѣною отъ 5 до 50 коп. Благодаря *Дешевой библіотекѣ*, русскій читатель средней руки, за недорогую цѣну, можетъ ознакомиться съ классическими произведеніями, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей.

Не мудрено, что *Дешевая библіотека* расходится въ десяткахъ тысячахъ экземплярахъ.

Г. Суворинъ имѣетъ книжные магазины: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Кромѣ того, для сбыта своихъ изданій, а также и газеты „Новое Время" онъ откупилъ нѣсколько желѣзно-дорожныхъ линій, на вокзалахъ коихъ и производится торговля его изданіями.

Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ и Москвѣ, торгуютъ подержанными книгами—букинисты. У каждаго букиниста имѣется вывѣска: «Букинистъ *N*. Покупка и продажа подержанныхъ книгъ». На окнахъ, на дверяхъ и за стеклянными рамами выставлено на показъ нѣсколько подержанныхъ книгъ и старыхъ гравюръ. На книгахъ имѣются ярлычки съ надписью—«вмѣсто 2 рублей—30 копѣекъ», «вмѣсто 1 рубля—25 коп.» и т. п. Впрочемъ, бываютъ надписи и такого рода: «вмѣсто 1 рубля 50 рублей—рѣдкость!» Это значитъ, что извѣстная книга стала библіографическою рѣдкостью, и ее нигдѣ больше не купить, кромѣ букиниста.

Чьимъ потребностямъ удовлетворяютъ букинисты?

Подобно тому, какъ, благодаря тряпичникамъ, старое поношенное платье съ барскаго плеча переходитъ въ руки бѣдняка, такъ точно, благодаря букинисту, старыя книги попадаются «нищимъ духомъ». Букинисты—это книжные старьевщики. Послѣ смерти какого нибудь «любителя книгъ» наслѣдники нерѣдко сбываютъ ихъ букинисту на вѣсъ, съ пуда, по извѣстной цѣнѣ. Гимназистъ, вполнѣ постигшій «корень ученія», сбываетъ свои поистрепанныя книги букинисту, отъ котораго ихъ опять купитъ какой нибудь бѣднякъ-школьникъ, быть можетъ, будущій Ломоносовъ.

Петербургскіе тузы—букинисты торгуютъ бойко, не хуже заправскихъ книгопродавцевъ, издаютъ своимъ «подержаннымъ книгамъ» каталоги, съ обозначеніемъ цѣнъ, а иногда и съ указаніемъ библіографическихъ справокъ.

Нерѣдко на книгѣ у букиниста вы встрѣтите лаконическую надпись: «Для отзыва». Это значитъ, что книга побывала въ одной редакціи—«для отзыва», а изъ рукъ рецензента она попала къ букинисту.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ Петербургѣ букинисты торговали въ «ларяхъ», на Невскомъ проспектѣ и другихъ улицахъ.

Но когда И. И. Глазуновъ былъ Спб. городскимъ головою, то онъ уничтожилъ эти лари, какъ неудобные на многолюдныхъ улицахъ столицы. Букинисты объясняли это распоряженіе иными мотивами—такъ какъ И. И. Глазуновъ былъ въ то же время и книгопродавцемъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія букинисты торговали въ разносъ: они ходили съ мѣшками за плечами—по квартирамъ и предлагали книги своимъ знакомымъ покупателямъ. При этомъ «вымѣнивали» однѣ книги на другія. Особенно ходко шли книги вольнаго амурнаго содержанія—для «золотой молодежи», а также и «подпольныя изданія». Въ то время букинисты были главными поставщиками, такъ сказать, «запретнаго плода» по части печати.

Покупатели заказывали букинисту достать такую-то вещь, и букинистъ доставалъ, конечно, за дорогую плату.

Но правительство узнало, чѣмъ промышляютъ букинисты (или, какъ ихъ тогда называли, *сорочники*, потому что они ходили съ мѣшками), и промыселъ ихъ въ разносъ былъ воспрещенъ.

Мы указывали на общедоступность книжекъ «Дешевой библіотеки» Суворина. Но общедоступность эта чисто условная и она совершенно блѣднѣетъ передъ дешевизной московскихъ лубочныхъ изданій книжекъ и картинокъ—для народа ($1^1/_2$ коп. за каждыя 32 страницы).

Къ производству лубочныхъ книжекъ и картинокъ теперь мы и перейдемъ.

Въ 1879 году всѣхъ народныхъ школъ считалось въ Россіи 23,000; въ 1882 г. число это возросло до 30,000. Въ 1887 г. числилось уже 40,000 народныхъ школъ. Ежегодно около $2^1/_2$ милліоновъ обученныхъ грамотѣ юношей выпускается школою въ жизнь. Изъ этого факта видно, почему потребность въ чтеніи въ средѣ народа возрастаетъ.

Люди пожилыхъ лѣтъ любятъ читать религіозныя книги, молодое поколѣніе зачитывается разными повѣстями и «жестокими романами». Народныя картинки для русскаго крестьянина замѣняютъ собою картинныя галлереи. Картины «божественныя» онъ развѣшиваетъ въ переднемъ углу, рядомъ съ «божницей». Поку-

паются, преимущественно, изображенія тѣхъ святыхъ, которые «избавляютъ отъ разныхъ бѣдъ и болѣзней».

Сочинители самыхъ картинокъ и текста къ нимъ, по большей части, намъ не извѣстны, подобно тому какъ и сочинители пословицъ и пѣсенъ, перешедшихъ въ завѣтное достояніе цѣлаго народа.

Лубочныя картинки представляютъ для простолюдиновъ подспорье къ грамотности, замѣняя собою, до нѣкоторой степени, письменность.

Лубочныя картинки, получившія свое начало въ московскомъ мірѣ и печатаемыя въ древней столицѣ, развозятся и раскупаются по всей Россіи, доставляли забаву малолѣтнимъ и утѣху старымъ; съ дѣтскихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ колыбельными пѣснями, чрезъ ближайшихъ къ намъ людей, черезъ нашихъ нянекъ, матерей, они оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе въ нашемъ воображеніи.

Такимъ образомъ, московское воззрѣніе, вѣковая историческая мудрость распространяются изъ Москвы по Россіи при помощи, между прочимъ, лубочныхъ книжекъ и картинокъ.

Любочныя картинки получили свое названіе отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ ихъ разносятъ ходебщики [1]).

Въ Россіи гравированіе на деревѣ появилось въ одно время съ книгопечатаніемъ—во второй половинѣ XVI вѣка, т. е. когда оно уже въ Европѣ находилось на высокой степени совершенства. Въ Россіи первая гравюра на деревѣ появилась въ видѣ приложенія къ первой напечатанной, по царскому повелѣнію, въ Москвѣ—книгѣ.

Отдѣльные же гравированные листки появляются во второй четверти XVII столѣтія.

При Алексѣѣ Михайловичѣ продажа лубочныхъ картинокъ производилась въ Москвѣ—въ Овощномъ ряду, откуда онѣ покупались неоднократно и для царскаго обихода, а главное — у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ, подъ открытымъ небомъ, гдѣ съ утра до вечера толкается всякій, кто съ товарами, кто съ вѣстями.

Тутъ же стояли и попы безъ мѣстъ, нанимавшіеся служить обѣдню; они расхаживали съ калачемъ въ рукѣ, торговались съ нанимателями и для большаго убѣжденія ихъ, выкрикивали свое:

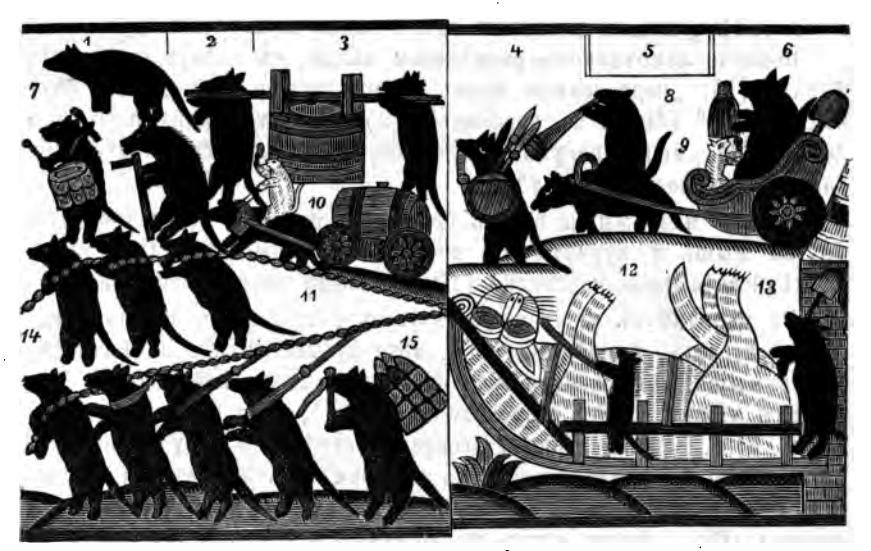
---

[1]) „Русск. Вѣстн.“ 1866 г., № 5, „Офени“, Трохимовскаго.

«смотри, закушу!», т. е. давай, что прошу, не то отвѣдаю калача, и тогда обѣдню служить будетъ некому.

У Ровинскаго общій итогъ отдѣльныхъ описанныхъ лубочныхъ картинокъ доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить сюда разныя изданія одной и той же картинки, то число листовъ дойдетъ до 8,000.

Неисчислимы заслуги Петра Великаго въ дѣлѣ просвѣщенія на Руси—вообще, и въ развитіи книгопечатнаго искусства—въ частности.



Лубочная картинка.—Мыши Кота погребаютъ.

Какъ извѣстно, своими крутыми мѣрами великій преобразователь Россіи нерѣдко вызывалъ неудовольствіе простаго народа. Въ числѣ лубочныхъ картинокъ есть нѣсколько, которыя, безъ всякой натяжки, могутъ быть отнесены къ раскольничьимъ изобрѣтеніямъ, и представляютъ злую сатиру на Петра. Самая общеизвѣстная лубочная народная картинка «Какъ мыши кота хоронили»—есть не что иное, какъ сатира на пышный церемоніалъ похоронъ Петра Великаго.

Приводимъ обращикъ народнаго искусства.

Мыши кота погребаютъ.

Двухлистовая картинка, грубо вырѣзанная на деревѣ, тѣни означены посредствомъ коротенькихъ параллельныхъ черточекъ.

Подлинникъ находится въ Императорской Публичной библіотекѣ, куда перешелъ изъ собранія Погодина (Штелина), а симъ послѣднимъ купленъ въ 1766 году въ Москвѣ, подъ воротами. Связанный котъ лежитъ на дровняхъ, надъ нимъ надпись (12): „Котъ казанской, а умъ астраханской разумъ сибирской".

Семь мышей тянутъ дровни лямками, влѣво; надъ ними надписано (11): „Мыши срезани а прозваніемъ они макары: лямками кота тянутъ нотсадъно работаютъ".

Сзади ихъ (15): „мышъ пищитъ, пироги тащитъ". За дровнями (13): „емелька могилякъ идетъ землю ковырять".

Повыше лямочниковъ размѣщены мыши, съ слѣдующими надписями (1): „подкопенная мышь гонцъ гонитъ, (7) „мышь вбубенъ бьетъ" (бьетъ въ барабанъ), (2) „тренька здону изубогова дому", (3) „мыши несутъ ушатъ добраго питья выморознаго зяблаго году изпод зал(х)оду".

Пониже ихъ, мышь везетъ боченокъ. Верхомъ на ней сидитъ другая мышь и куритъ изъ коротенькой трубочки. Надъ этою послѣднею мышью надписано (10): „мышка тянетъ табачишка".

За мышами съ ушатомъ, слѣдуютъ (4): „мышъ веселая вволынку играетъ, песни напеваетъ, кота проклинаетъ". Затѣмъ слѣдуетъ мышь, запряженная въ одноколку, надъ ней надпись (8): „мышъ мышей везетъ и провозу не беретъ", надъ этой мышью сидитъ (5): „чурилка сарначь всвирелку играетъ а ладу не знаетъ". Въ одноколкѣ сидитъ мышь, со штофомъ въ лапахъ, и передъ нею маленькая мышь, держащая въ лапахъ рюмку. Надъ ними надпись (6): „Мышъ едитъ на колесахъ и заступъ втаракахъ да стляница вина врукахъ" и (9): „Мы(ш)ка сидитъ на передышке".

На другой подобной картинкѣ представлена драка Бабы-яги съ Крокодиломъ; драка ихъ происходитъ изъ-за стляницы вина, которая стоитъ подъ кустомъ.

Баба-яга въ чухонскомъ костюмѣ съ чухонскими вышивками и въ чухонскомъ головномъ уборѣ; подъ Крокодиломъ, внизу, представлено любимое дѣтище Петрово—корабликъ. Баба-яга напоминаетъ портретъ Екатерины, а Крокодилъ изображаетъ Петра.

Эта листовая картинка—грубо вырѣзана на деревѣ. Подлинникъ, изъ числа картинъ, купленныхъ Штелинымъ въ Москвѣ, въ 1766 году, находится въ Публичной библіотекѣ. Баба-яга представлена въ профиль, съ кривымъ носомъ и высунутымъ языкомъ; она сидитъ верхомъ на свиньѣ: въ правой рукѣ держитъ *вожжи,* въ лѣвой—пестъ. Волосы ея распущены, за поясомъ зат-

кнуты топоръ и грабли; на головѣ—круглая шапка, оторочѐнная мѣхомъ; рукава и подолъ платья обшиты каймою съ узорами, на манеръ чухонскихъ вышивокъ.

Крокодилъ съ человѣческимъ лицомъ, лапами обезьяны и пушистымъ хвостомъ; онъ сидитъ слѣва на заднихъ лапахъ; переднія лапы поднялъ на драку. Подъ нимъ корабль. На верху надпись: «Яга-баба едетъ скоркодиломъ дратися на свинье спестомъ да у нихже по(дъ) кустомъ склянница свино(мъ)».

Книги, обращающіяся въ народной средѣ, подраздѣляются по своему содержанію на духовныя и свѣтскія. Къ первымъ принадлежатъ: псалтырь, часословъ, молитвенникъ, каноникъ, евангеліе

Лубочная картинка.—Баба-Яга.

на русскомъ языкѣ, библія на славянскомъ языкѣ, житіе святыхъ, прологи, Златоустъ, «Камень вѣры» и т. п.

Свѣтскую народно-лубочную литературу составляютъ: сказки, повѣсти, разсказы, оракулы, сонники, пѣсенники и календари.

Не касаясь содержанія народныхъ книжекъ, мы приведемъ здѣсь заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Атаманъ разбойникъ, львиное сердце, или чудесное спасеніе изъ подземелья прекрасной Елены», историческій романъ въ 2 частяхъ, изданіе Губанова; «Роковая клятва или черное домино», историческая повѣсть, изданіе Губанова; «Кровавый духъ или жертва злодѣевъ», историческій романъ, изд. Губанова; «Разбойникъ Чуркинъ», нѣсколько варіан-

товъ; «Кровавая месть», повѣсть изъ исторіи среднихъ вѣковъ, изданіе Манухина. «Невѣста-убійца, или отъ вѣнца въ кандалы», историческая повѣсть изъ временъ Екатерины II, изданіе Губанова. «Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венеціанѣ и прекрасной королевѣ Ренцывенѣ», изданіе Морозова.

О «Милордѣ англійскомъ» упоминалъ еще Бѣлинскій, какъ о книгѣ весьма распространенной въ его время.

Некрасовъ тоже упоминалъ о ней:

„Придетъ-ли времячко,
Когда мужикъ не Блюхера
И не „Милорда" глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?"

Вотъ полное заглавіе «Милорда»: «Повѣсть и приключенія англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторій бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіи».

Какъ велики размѣры производства «лубочной литературы?»

Въ Москвѣ насчитывается до 10 издателей, занимающихся исключительно производствомъ «книжекъ» и «картинокъ» для народа, а именно: Сытинъ, Абрамовъ Андрей, Абрамовъ Василій, Губановъ, Морозовъ, Лузина, Барковъ, Меньшиковъ и Анисимовъ.

Книжная и картинная торговля Сытина по размѣру производства занимаетъ первое мѣсто. Въ типографіи и хромолитографіи Сытина работаетъ до 200 человѣкъ рабочихъ, при 14 печатныхъ машинахъ. Каталогъ, печатаемыхъ Сытинымъ книгъ, отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Въ типографіи Сытина печатаются: книги учебныя, святцы, духовно-нравственныя книги, книги общеполезныя, романы, повѣсти и разсказы и драматическія произведенія, пѣсенники, сборники стихотвореній, оракулы, сонники, гадатели, письмовники.

Кромѣ того, подъ рубрикою «улучшенныхъ народныхъ книгъ» въ каталогѣ значатся новѣйшія произведенія Л. Н. Толстого, Гаршина и др.; далѣе идутъ картины: двунадесятыхъ праздниковъ, царскіе портреты, портреты русскихъ писателей, народныя картинки, и наконецъ альбомы для вышиванія по канвѣ, поминальники и разныя записныя книжки.

Русское общество лишь весьма недавно заинтересовалось вопросомъ: «что читаетъ народъ?»

Народныя былины, пѣсни, сказки, пословицы и т. п. собраны тоже, сравнительно, недавно.

Когда въ двадцатыхъ годахъ, въ подражаніе извѣстной на-

родной сказкѣ, Пушкинъ написалъ «Руслана и Людмилу»,—тогдашніе критики «пустили шипъ по змѣиному».

Одинъ изъ нихъ въ «Вѣстникѣ Европы» писалъ, напримѣръ: «прошу обратить вниманіе на новый *ужасный предметъ*, который, какъ у Камоэнса, Мысъ бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается среди океана россійской словесности... Возможно-ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу?»

Какъ видно изъ вышеприведеннаго перечня рубрикъ каталога, Сытинъ старается, главнымъ образомъ, приспособиться къ потребностям и вкусамъ своихъ многочисленныхъ покупателей, и не гнушается ничѣмъ, лишь бы только удовлетворить спросу: издаетъ, напримѣръ, «альбомы для вышиванія по канвѣ», «поминальники» и т. п.

Но этого мало. Сытинъ раздробилъ книжную торговлю, можно сказать, до послѣднихъ предѣловъ. Такъ называемыя «мелкія книги» отпечатываются въ $^1/_4$ печатнаго листа и въ оптовой продажѣ стоютъ 50 к. за 100 книгъ. Затѣмъ идетъ «листовикъ», который печатается въ 1 печатный листъ, книги въ 2 печатныхъ листа, и т. д.

У Сытина издаются «книжечки» цѣною въ $^1/_4$ копѣйки, въ $^1/_2$ копѣйки, въ 1 копѣйку и т. д., оканчивая 1 рублемъ и дороже.

При такой раздробленности производства не мудрено, что Сытинъ ежегодно отпечатываетъ: разныхъ книгъ—10.000,000 экз., «божественныхъ» картинъ—1.000,000 экз., свѣтскихъ картинъ 850,000 экз. Самыя дешевыя картинки для народа подъ именемъ «простовика», продаются по 50 копѣекъ за 100. Послѣ отпечатанія, «простовикъ» отдается въ нѣкоторыя подмосковныя села и деревни—для раскрашиванія. Этимъ дѣломъ занимаются крестьянки села Никольскаго, Кучина, Кожуховъ и др. Работаютъ зимою и осенью—по окончаніи полевыхъ работъ. «Цвѣтильщицы» за окраску картинъ взимаютъ по 1 рублю съ 1,000.

Получивъ изъ Москвы картины, «цвѣтильщицы» не задумываются надъ тѣмъ, какъ получше раскрасить ихъ. Въ своемъ распоряженіи «цвѣтильщицы» имѣютъ только четыре краски: сурикъ, фуксинъ, зелень и куркуму; при этомъ никакихъ смѣшеній этихъ красокъ онѣ не дѣлаютъ.

Раскрашиваніе картинъ производится «отъ руки», «съ маху». Пуская въ дѣло кисть, «цвѣтильщики» мажутъ на «простовикѣ» нужное и ненужное: все, что попадется на пути размаха кисти.

Выкрасивъ всю партію картинъ одной краской, начинаютъ красить ее другой краской, затѣмъ третьей и, наконецъ, четвертой. Ограниченность числа красокъ заставляетъ цвѣтильщиковъ простовика окрашивать предметы такими красками, которыя нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, натурѣ предмета; и такъ какъ при этомъ никакихъ тѣней на картину не кладется, то окрашенныя мѣста «простовика» имѣютъ видъ сплошныхъ цвѣтныхъ пятенъ, за которыми иногда бываетъ довольно трудно разглядѣть самый рисунокъ. Чтобы представить себѣ работу «цвѣтильщика» простовиковаго сорта картинъ, возьмемъ для примѣра общеизвѣстную картинку «какъ мыши кота хоронятъ»; — и посмотримъ, что дѣлаетъ съ ней «цвѣтильщикъ».

Громадный котъ, лежащій на дровняхъ, по срединѣ картины, окрашивается имъ въ зеленую краску; вереница же мышей, которыя везутъ кота, стоя на заднихъ лапкахъ, раскрасятся такимъ образомъ, что первый мышенокъ будетъ, допустимъ, красный, второй — желтый, третій—зеленый, четвертый—темно-красный; затѣмъ слѣдуютъ тѣ же цвѣта и въ томъ же порядкѣ, какъ и первый разъ.

По содержанію, «цвѣтильщицы» дѣлятъ картины на «божественныя» и свѣтскія.

Свѣтскія картины подраздѣляются: на «виды», т. е. пейзажи, на «критику», т. е. картины сатирическаго или юмористическаго содержанія, «войну», «конницу», «портреты» и т. п.

Въ теченіе недѣли мастерица окраситъ 1,500 картинъ.

По переписи 1869 года въ Московскомъ уѣздѣ «цвѣтильщицы» раскрасили до 3.000,000 «простовика» и другихъ картинъ.

Простовикъ печатается на деревѣ; бумага, употребляемая для него, не клееная, очень низкаго достоинства.

За раскраску картинокъ «цвѣтильщицы» получаютъ слѣдующую плату:

За 1,000	штукъ	картинокъ	«простовика» . . .	1 р.
„ 1,000	„	„	праздники и конница	1 р. 50 к.
„ 1,000	„	„	литографія. . . .	5 р. „
„ 1,000	„	„	тетрадей гадательныхъ	1 р. „

При такой ничтожной платѣ «цвѣтильщица», съ помощью малолѣтокъ, можетъ заработать 2 рубля въ 1 недѣлю.

Въ послѣднее время промыселъ «цвѣтильщиковъ» падаетъ: его вытѣсняетъ машинное производство. И только раскрашиваніе «простовика», попрежнему, остается всецѣло въ рукахъ «цвѣтильщиковъ».

Спросъ на «простовикъ» среди народа значительно уменьшился, подъ вліяніемъ наплыва болѣе лучшихъ картинокъ.

Стоимость производства «лубочныхъ картинъ» опредѣляется такъ: бумага на 1,000 картинъ—2 р. 75 к., печать—1 р., «цвѣтильщицамъ»—1 р., итого 4 р. 75 к., между тѣмъ продаютъ картины оптомъ по 5 руб. за 1,000 картинъ. Окраской или «цвѣткой» картинъ въ упомянутыхъ селахъ занимаются даже 5—6 лѣтніе мальчики и дѣвочки: 1,000 картинокъ они успѣваютъ выкрасить въ 3—4 дня. Всего занимается около 100 семей крестьянъ.

Расходятся въ продажѣ преимущественно книги «духовнаго содержанія», «листовикъ», т. е. въ 1 печатный листъ, а изъ картинъ идутъ «божественныя» и царскіе портреты. Календари тоже бойко идутъ, напримѣръ, у Сытина до 1.500,000 календарей въ годъ, у Лузиной до 500,000. Календари имѣютъ разныя названія, напримѣръ, «народный календарь», «мелкій календарь», «двойной» и т. п. Есть календари въ оптовой продажѣ $^1/_2$ коп. цѣною.

Каждый издатель народныхъ книжекъ имѣетъ нѣсколько «писателей», «сочинителей» или, какъ ихъ еще называютъ, «алтынныхъ литераторовъ». Они пишутъ отъ 10 до 20 произведеній ежегодно, съ платою отъ 3 до 5 и 25 рублей за 1 печатный листъ. Морозовъ, напримѣръ, за маленькую брошюрку—народную книжку по случаю 900 лѣтней годовщины крещенія Руси—уплатилъ автору 5 рублей. На обложкѣ обозначены инициалы автора.

— Что жъ, онъ самъ составилъ?

— Богъ его знаетъ! Понадергалъ гдѣ-нибудь!

— Сколько отпечатали?

— Двѣнадцать тысячъ экземпляровъ!

— Почемъ будете продавать?

— По 11 рублей за 1000.

Рисунки на «сорочкахъ» народныхъ книгъ дѣлаются по указанію самого автора, или же по мысли художника. Обыкновенно, самый «патетическій моментъ» разсказа воспроизводится на «сорочкѣ» книги. Сытину одни художники обходятся до 10,000 рублей въ годъ.

Нѣкоторыя книги идутъ, болѣе или менѣе, постоянно, ровно. Такъ, напримѣръ, у издательницы Лузиной, наслѣдницы Шарапова, существуетъ съ 1840 года извѣстная народная книжка «Кащей безсмертный» которая ежегодно расходится въ 20,000 экземплярахъ.

Въ послѣднее время производство народныхъ книжекъ нѣсколько пріутихло, благодаря огромному распространенію сочиненій Пуш-

кина. Въ народѣ Пушкинъ расходится болѣе въ прозѣ, нежели въ стихахъ.

Кромѣ «полныхъ собраній сочиненій Пушкина» петербургскихъ и московскихъ издателей, нѣкоторые изъ народныхъ издателей выпустили, по дешевой цѣнѣ, рядъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина.

Маракуевъ, напримѣръ, издалъ «Капитанскую дочку»—10 копѣекъ, «Полтава»—5 коп. «Мѣдный всадникъ»—3 коп.

Сытинъ издалъ: «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», «Арапъ Петра Великаго», «Гробовщикъ», «Капитанская дочка» и т. д.

Морозовъ издалъ:

„Барышня-крестьянка“ . . . . 2 коп.
„Цыгане“ . . . . 2 „
„Братья разбойники“ . . . . 2 „

Изъ петербургскихъ издателей—для распространенія Пушкина много потрудился Ф. Павленковъ, который издалъ Пушкина отдѣльными произведеніями, цѣною начиная отъ 1 копѣйки и до 20 копѣекъ. Кромѣ того, нѣкоторыя произведенія Пушкина изданы имъ роскошно, съ иллюстраціями на каждой страницѣ,—какъ напримѣръ, «Капитанская дочка».

Такимъ образомъ, сбылись слова поэта:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.

Спросъ на послѣдніе разсказы Л. Толстого въ народѣ значительно уменьшился. Не знаю, насколько вѣрно, но по словамъ одного издателя народныхъ книжекъ, разсказы Л. Н. Толстого простой народъ перестаетъ покупать потому, что они „надоѣли уже со своими поученіями“. Годовое производство народныхъ книжекъ и картинъ простирается на сумму: Сытинъ отъ 200,000 до 300,000 рублей, Абрамовъ—150,000 р., Лузина 15,000 р., Барковъ 30,000 руб., Морозовъ 25,000 р. Всѣ пятеро издателей ежегодно производятъ на 665,000 р. народныхъ книгъ и картинъ.

Сбытомъ этого такъ называемаго „московскаго книжнаго товара“ занята бываетъ не одна тысяча рукъ. Сытинъ имѣетъ до 2,000 „постоянныхъ покупателей“, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи; изъ нихъ нѣкоторые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и даже на Амурѣ.

Морозовъ торгуетъ, преимущественно по монастырямъ, духовно-нравственными и назидательными книжками, „житіями“ святыхъ; онъ имѣетъ до 200 „постоянныхъ покупателей“. Замѣтимъ, что „постоянными покупателями“ они называютъ такихъ, счета и адреса которыхъ внесены въ конторскія книги.

Всѣ издатели народныхъ книгъ посылаютъ свой товаръ на главнѣйшія русскія ярмарки, или по крайней мѣрѣ—на Нижегородскую. Морозовъ посылаетъ своего прикащика съ книжнымъ товаромъ на слѣдующія ярмарки: Нижегородскую, Мензелинскую, въ городѣ Уфѣ (открывается 26 декабря), Ирбитскую, въ городѣ Ирбити, Пермской губерніи (открывается 1 февраля), Урюпинскую (открывается въ Крещеніе). На упомянутыхъ ярмаркахъ онъ распродаетъ товару: на Нижегородской ярмаркѣ на 10,000 р., Мензелинской—5,000 р., Ирбитской—5,000 р., Урюпинской—4,000 р.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ 1886 году на Ирбитской ярмаркѣ всякихъ вообще книгъ, а также эстамповъ, картинъ и музыкальныхъ инструментовъ распродано было на 50,000 рублей. Принимая во вниманіе многомилліонные обороты съ другими товарами, невольно бросается въ глаза, что книжная торговля на Ирбитской ярмаркѣ занимаетъ послѣднее мѣсто. Очевидно, спросъ на книги въ Сибири—весьма слабый.

Непроданный товаръ передвигается съ одной ярмарки на другую, оттуда—на третью и т. д.

Провозъ книгъ изъ Москвы на Нижній-Новгородъ, водою, обходится 26—28 коп. съ пуда, изъ Нижняго-Новгорода въ Мензелинскъ—40 коп. съ 1 пуда, въ Ирбитъ—60 коп. и т. д. Зимою плата за провозъ увеличивается.

Во всякомъ случаѣ вся торговля народными книжками и картинами на Нижегородской ярмаркѣ простирается никакъ не менѣе 100,000 р. въ годъ.

Какъ извѣстно, въ земледѣльческой Россіи хлѣбъ—главнѣйшее богатство крестьянина. Пошлетъ Богъ урожай — и крестьянинъ обезпеченъ, нѣтъ урожая—и крестьянинъ бѣдствуетъ. Замѣчено, что спросъ на книжный товаръ вполнѣ обусловливается состояніемъ „урожая“. Въ урожайные годы книги въ извѣстной мѣстности идутъ больше, чѣмъ въ другой, гдѣ стоитъ неурожай. Народныя картинки для русскаго крестьянина замѣняютъ собою картинныя галлереи. Картины „божественныя“ онъ развѣшиваетъ въ переднемъ углу, рядомъ съ „божницей“.

Интеллигентный человѣкъ покупаетъ книгу „въ книжныхъ магазинахъ“; народъ нашъ ничего этого не знаетъ, книжный товаръ ему доставляютъ „ходебщики“ и „офени“, а при случаѣ и „коновалы“; эти послѣдніе, отправляясь по деревнямъ лѣчить лошадей, забираютъ съ собой и кой-какихъ книжекъ и картинокъ. Если у крестьянина не случилось денегъ, коновалъ предлагаетъ „вымѣнять книжку на разные сельскіе продукты, напримѣръ, на рожь, холстъ, свиную щетину, и т. п. Понятно, при этой

„мѣнѣ“ коновалъ себѣ охулку на руку не положитъ, сдеретъ за книжку въ три дорога.

Картинной и книжной торговлей занимаются самые бѣдные крестьяне: „коробейники“. Такіе „офени“, закупивъ товара на какіе-нибудь 5 рублей, пробавляются имъ отъ осени до весны. Названіе „офени“ происходитъ отъ торговцевъ-венгровъ изъ города Офена: они ходили во Владимірской губерніи и первые начали называть себя „офенями“. Потомъ это названіе перешло на туземныхъ торговцевъ-ходебщиковъ.

Распродавъ весь свой товаръ „въ разносъ“ въ недѣлю, а много въ двѣ, офени вновь закупаютъ товара на 5 рублей, а вырученный барышъ идетъ на прокормленіе себя и своей семьи.

Весь разсчетъ сводится къ торговому обороту. Покупка „московскаго книжнаго товара“ на 5 рублей:

100 картинокъ „простовика“ крашенаго . .	— р. 60	коп.
25 „ литографіи листовой. . . .	1 „ 25	„
25 „ „ полулистовой . .	— 62	„
100 книжекъ „божественныхъ“ и свѣтскихъ.	1 „ 50	„
Азбукъ, поминаній „соломоновъ“ и др. . .	1 „ 3	„
Итого. .	5 рублей.	

На право торговли офени получаютъ отъ губернаторовъ свидѣтельство.

Главное качество, требующееся отъ „коробейника“,—это говорливость, соединенная съ извѣстной долей навязчивости. Офеня за словомъ въ карманъ не лѣзетъ и усиленно расхваливаетъ свой товаръ.

Имѣя дѣло съ разными народами, населяющими окрайны Россіи, офени нерѣдко выучиваются говорить по-польски, по-нѣмецки и т. д.

Кромѣ того, извѣстно, что офени имѣютъ издавна свой собственный языкъ, тайны котораго они стараются скрыть отъ непосвященныхъ.

Сущность офенскаго языка заключается въ условномъ употребленіи однихъ русскихъ словъ вмѣсто другихъ (напримѣръ, рюмка называется аршиномъ, лошадь—острякомъ, армякъ—шерстякомъ, дверь—скрипотой, лѣто—теплухой, и проч.), въ лексическомъ отношеніи это—тотъ-же русскій языкъ.

Этотъ особый языкъ, которымъ славятся офени, придаетъ имъ нѣкоторый оттѣнокъ таинственности, загадочности и сектаторской замкнутости.

Неграмотные офени имѣютъ особенные письменные знаки, которыми отмѣчаютъ на оборотѣ цѣну книги или картины. Вотъ эти знаки:

I	=	10 к.	I—	=	15 к.
I.	=	11 к.	II	=	20 к.
I..	=	12 к.	II.	=	21 к.
I...	=	13 к.	III	=	30 к. и т. п.

Въ земледѣльческой Россіи не только во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, но въ нѣкоторыхъ и губернскихъ—торговцы «галантерейнымъ товаромъ» являются въ тоже время и книгопродавцами. Гдѣ нибудь въ глуши, у этихъ «галантерейщиковъ» находятся и склады народныхъ книжекъ и картинокъ.

Эти склады находятся не на видныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Невскомъ проспектѣ или на Кузнецкомъ мосту; эти склады вовсе не похожи и на тѣ книжные магазины въ губернскихъ городахъ, надъ которыми красуются вывѣски; нѣтъ, эти склады находятся въ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества. Невѣдомые «публикѣ», склады эти зато усердно посѣщаются офенями, которые и запасаются тутъ продуктами печатнаго станка для немногосложныхъ потребностей русскаго народа.

Московскіе издатели народныхъ книжекъ и картинокъ снабжаютъ своимъ товаромъ и Петербургъ, гдѣ его покупаютъ торговцы Апраксинскаго рынка. Петербургскіе «разнощики» торгуютъ «книжками», преимущественно, во время народныхъ гуляній, напримѣръ на «Марсовомъ полѣ», гдѣ книги раскладываются прямо на землѣ на рогожѣ.

Въ Москвѣ разносной торговлей народныхъ книжекъ и картинокъ промышляютъ такъ называемые «Фарисеи». Это—московскій типъ: фарисеями въ Москвѣ называютъ, въ насмѣшку, лицъ, не имѣющихъ ни опредѣленныхъ занятій, ни мѣста жительства, и поддерживающихъ свое существованіе разноской народныхъ книжекъ и картинокъ по трактирамъ и постоялымъ дворамъ.

Ежедневно изъ подмосковныхъ деревень пріѣзжаетъ въ Москву масса крестьянъ, особенно ихъ много бываетъ въ «базарные дни недѣли», по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ, когда крестьяне привозятъ для продажи разные сельскіе продукты. Распродавъ товаръ, крестьянинъ заходитъ въ трактиръ. Сюда являются и «фарисеи», предлагая купить какую нибудь дешевую книжку. Обыкновенно, «фарисеи», рано утромъ, какъ только открываются книжные магазины, бѣгутъ на Никольскій рынокъ (главный очагъ народной литературы: тутъ находятся книжныя лавки Сытина, Абрамова, Морозова и друг.). Закупивъ товара, они отправляются

по трактирамъ, гдѣ обходятъ всѣ столы, предлагая посѣтителямъ купить что нибудь. Распродавъ товаръ, «фарисеи» снова бѣгутъ на Никольскій рынокъ. Фарисеи ходятъ и на рынкахъ.

Однажды намъ приходилось наблюдать одного «фарисея» на Никольскомъ рынкѣ. Уже вечерѣло. Единственные завсегдатаи Никольскаго рынка—«сѣрая публика»—расходилась по домамъ. Разнощики и бабы-торговки непроданный товаръ несли домой. Книжныя лавки уже были заперты. Мимо меня прошмыгнулъ человѣкъ, невольно обращавшій на себя вниманіе: босоногій, съ растегнутымъ воротомъ, откуда виднѣлось грязное тѣло, штаны засучены были до колѣна, волосы растрепаны, одной рукой подъ мышками онъ держалъ засаленную папку съ книгами, въ другой рукѣ—нѣсколько лубочныхъ картинокъ.

— Кто это?

— Книжникъ! Фарисей!

Услыша, вѣроятно, прозвище, «фарисей» вернулся.

— Баринъ, поддержите коммерцію: купите что нибудь.

— Что у тебя есть?

— Вотъ Петръ Великій, преобразователь Россіи. Тутъ изображена вся его дѣятельность... Вотъ календари по копѣйкѣ штука!

— Что у тебя больше расходится?

— Календари ходко идутъ. Себѣ стоитъ $^1/_2$ копѣйки, а продаешь по 1 копѣйкѣ. Простой народъ покупаетъ ихъ на папиросы!

— Много выручаешь въ день!

— Четвертакъ, а по праздникамъ—и полтинникъ! Прокормиться хватитъ! Ночую въ «Аржановѣ», «за пятачекъ».

— Гдѣ продаешь товаръ?

— По трактирамъ! Въ день-то трактировъ пятьдесятъ обѣгаешь!..

Кромѣ Москвы, производствомъ народныхъ картинокъ славится слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи. Здѣсь работа эта началась въ 1840 году: крестьянинъ Голышевъ открылъ книжную и картинную торговлю и картины получалъ изъ Москвы.

И первоначально его дочери и потомъ другія бѣдныя дѣвочки начали раскрашивать картинки. Этотъ промыселъ увеличился, и теперь составляетъ исключительную женскую работу; работаютъ не только на Голышева, но и на московскихъ, вязниковскихъ, холуйскихъ и мстерскихъ книго-картинныхъ торговцевъ.

Въ 1858 году Голышевъ открылъ для печатанія народныхъ картинокъ литографію; ежедневно изъ этой литографіи выходитъ до 3,000 народныхъ картинокъ, раскрашиваніемъ которыхъ занимается болѣе 200 человѣкъ.

Дѣвочки начинаютъ работать съ 10 лѣтняго возраста и зарабатываютъ отъ 50 к. до 1 р. 50 к. въ 1 недѣлю. Въ лѣтнее время работа обыкновенно уменьшается по случаю занятія огородничествомъ. Навыкъ «цвѣтильщицъ» доведенъ до нѣкоторой степени совершенства: онѣ умѣютъ составлять краски; ими раскрашивались присылаемыя сюда рисунки изданія С.-Петербургскаго общества любителей древней письменности; также ими раскрашены: «Житіе Александра Македонскаго», «Житіе Асафа царевича»; онѣ же принимали нѣкоторое участіе въ раскраскѣ изображеній «Житіе Николая чудотворца», за экземпляръ котораго платилось по 200 рублей.

Годовое производство народныхъ картинокъ въ слободѣ Мстерѣ, деревенской литографіи Голышева, выражается слѣдующими цифрами:

30,000	картинъ	подъ названіемъ	«литографія листовая»
35,000	»	»	«праздники и конница»
150,000	»	»	«простовика»
20,000	тетрадей: гадательныхъ книгъ, «Соломоновъ», сонниковъ и т. п.		
	Итого. . .		550,000 экземпляровъ.

Картинки отпускаются офенямъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Литографія листовикъ . .	4 р.— 4 р. 50 к.	за	100	штукъ.
Праздники и конница. .	6 » — 6 » 50 »	»	1,000	»
Простовикъ	4 » — 5 » — »	»	1,000	»
Тетради гадательныя . .	9 » —11 » — »	»	1,000	»

Какъ видно изъ приведенной росписи стоимости картинокъ, деревенская литографія Голышева фабрикуетъ картинки самаго низшаго сорта, доступныя по своей цѣнѣ каждому простолюдину.

«Офени больше выручаютъ отъ продажи 1,000 картинокъ самаго низшаго достоинства, чѣмъ отъ сотни высшаго сорта; на дешевыя картинки офеня встрѣтитъ покупателей въ каждомъ захолустьѣ, въ каждой деревнѣ, во всякой избѣ или мазанкѣ, въ каждомъ кабакѣ, трактирѣ и постояломъ дворѣ. На высшіе же сорта ему приходится выискивать покупателей и оставаться съ пустымъ карманомъ.

«Офеня знаетъ, что иконъ въ 6 копѣекъ и картинъ съ небольшимъ въ $^1/_2$ копѣйки онъ продастъ каждый день понемногу, отчего въ барышахъ у него останется уже рубль; между тѣмъ какъ картинъ высшаго достоинства онъ не продастъ и десятка. Отсюда очевидно, что ему совершенно не «къ лицу» хорошая литографія или изящный рисунокъ: тогда покупщикъ-мужичекъ, пожалуй, еще задумается надъ картиной, а теперь онъ беретъ ее даже не торгуясь.

«Литографія могла бы производить и картины высшаго достоинства, но при сказанныхъ условіяхъ это невозможно; это значило бы навсегда бросить производство, ибо офени перестали бы быть покупателями» *).

При такихъ же условіяхъ, на ряду съ картинами, работаются и распространяются образа или иконы для простаго народа, низкой работы, фабрикуемые въ селѣ Мстéрѣ, Холуѣ и Палехѣ, подъ названіемъ «суздальскаго богомазанія», продаваемые по цѣнѣ, едва покрывающей стоимость затраченнаго на нихъ матеріала.

Иконное ремесло въ сл. Мстерѣ и особенно въ Холуѣ составляетъ господствующій промыселъ. Образа самой низкой работы и дешевой стоимости, вознаграждающей единственно отъ значительнаго сбыта, распространяются черезъ посредство офеней по всему лицу земли Русской.

О слободѣ Холуѣ г. Максимовъ говоритъ: «пишетъ образа и мой хозяинъ, у котораго я нанялъ свѣтелку; пишутъ образа во всѣхъ домахъ и не пишетъ ихъ только мельникъ (но и онъ писать умѣетъ) и то потому, что сдѣлался мельникомъ».

Иконнымъ мастерствомъ крестьяне занимаются круглый годъ. Иконопись производится всѣми возрастами: мальчики 8—9-лѣтняго возраста начинаютъ уже писать иконы.

Къ техникѣ иконописи примѣняютъ въ широкой степени принципъ раздѣленія труда. Почти всегда иконные мастера подраздѣляются на два сорта: одни мастера—«личники», а другіе—«доличники»; рѣдко можно встрѣтить, чтобы одинъ мастеръ написалъ всю икону: обыкновенно, одинъ пишетъ только лица, а другой—платье, одежду.

Кисти, какъ необходимая принадлежность при работахъ иконописи, бываютъ пяти разныхъ сортовъ.

Кисти употребляются бѣличьи; отъ долгаго употребленія онѣ дѣлаются тупыми.

Кисти изготовляются въ сл. Холуѣ; ихъ работаютъ женщины, что и составляетъ для нихъ порядочный промыселъ, такъ что часто мужчина-иконникъ не въ силахъ заработать столько, сколько выработаетъ на кистяхъ женщина.

Бѣличьи хвосты для кистей покупаются на Нижегородской ярмаркѣ по 30—35 р. за 1 пудъ.

Для иконописи употребляются доски — еловыя, сосновыя, ольховыя и частію, по особому заказу, липовыя и кипа-

---

*) Голышевъ, „Картинное и книжное народное производство“ („*Русская Старина*“, 1886 г., мартъ).

рисовыя. Доски привозятся въ большомъ количествѣ, и особенно зимою, въ великомъ посту: привозъ бываетъ по 20 вововъ вдругъ и болѣе; въ каждомъ возу укладывается отъ 300 до 600 досокъ, которыя доставляются преимущественно изъ Вятской губерніи.

Иконописаніе производится такъ.

Берется доска и загрунтовывается алебастромъ, на грунтовку накладывается рисунокъ. Листъ бумаги, на которой проколотъ иглою контуръ иконы, наклеиваютъ на доску, затѣмъ по рисунку бьютъ мѣшечкомъ съ толченымъ углемъ; черная пыль проходитъ сквозь игольныя скважины, оставляя отпечатокъ изображенія. Послѣ этого пишутъ „доличное“, т. е. платье; по окончаніи „доличнаго“ икона переходитъ къ другому мастеру, и затѣмъ покрывается олифой. Хорошей работы икона проходитъ черезъ руки мастеровъ болѣе 100 разъ.

Иконы подраздѣляются на нѣсколько категорій иконописи и вмѣстѣ съ тѣмъ—по цѣнности.

Иконы—„полномѣрныя“: величиною 11 вершковъ длины и 9 вершковъ ширины, цѣна гуртомъ 25—30 р. за 100 иконъ.

„Маломѣрокъ“: величиною $8^1/_2$ вершковъ длины и 7 вершк. ширины; за 100 иконъ отъ 15 до 20 рублей.

„Десятерикъ“, длина 7 вершк. ширина 5 вершк.; цѣна отъ 7—10 р. за 100 штукъ.

Девятерикъ и осьмерикъ, длиною 5 вершковъ, шириною 4 вершка; цѣна 100 иконъ отъ 3 до 4 рублей.

„Листоушка“ — самые маленькіе образа: отъ 1 до 2 и отъ 3—4 вершковъ; цѣна отъ 1—3 руб. за 100 иконъ.

Иконы пишутся чрезвычайно быстро и сбываются, какъ говорятъ иконники, „не счетомъ, а возами“. Недаромъ они въ народѣ слывутъ подъ именемъ „богомазовъ“. Среди иконописцевъ обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые „старинщики“: они занимаются контрафакціею старинныхъ иконъ и сбываютъ свои произведенія въ Москву и Нижегородскую ярмарку.

Для раскольниковъ „старинщики“ пишутъ вновь „старинныя иконы“, подновляются древнія поврежденныя отъ времени иконы: это называютъ они „починкой“; покупаютъ древнія иконы повсюду у офень, которые привозятъ старыя иконы изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Цѣна „старинныхъ иконъ“ доходитъ до 1,000 р. за штуку.

Для руководства къ иконописи у иконниковъ существуютъ съ давняго времени рукописные подлинники, въ которыхъ описываются изображенія святыхъ.

Сл. Халуй производитъ самый низшій и дешевый товаръ такъ называемой суздальской живописи. Дешевизна и скорость работы, выходящая изъ границъ всякаго вѣроятія, составляютъ предметъ народнаго юмора, выражающагося въ разныхъ анекдотахъ и поговоркахъ на счетъ этихъ художниковъ, прозванныхъ въ народѣ „богомазами".

При невѣроятно низкихъ цѣнахъ (напримѣръ, 6 копѣекъ за икону въ $^1/_4$ аршина величиною, изображающую нѣсколько ликовъ святыхъ), едва превосходящую стоимость матеріала, не понимаешь, какое можетъ остаться вознагражденіе за трудъ; прибыль происходитъ единственно отъ массы и быстроты этого производства, мгновенно превращающаго возы лѣса въ возы съ иконами, т. е. доски—въ „дски".

Огромное требованіе на иконы поддерживается всеобщей насущной потребностью многомилліоннаго русскаго народа, въ которомъ каждый нищій скорѣе согласится обойтись въ своемъ углу безъ куска хлѣба, чѣмъ безъ „божницы".

Къ тому же иконопись — одно изъ тѣхъ производствъ, гдѣ трудно ожидать конкурренціи машиннаго производства. Народныя картинки, какъ мы видѣли, фабрикуются при помощи паровой машины; въ этомъ отношеніи иконописи ничто не угрожаетъ.

Число иконъ, производимое ежегодно Холуемъ, достигаетъ до 1.000,000 экземпляровъ. Иконописцы-холуяне говорятъ, что они пишутъ письмомъ греческимъ, „подвизантійскимъ", а что другіе пишутъ письмомъ „живописнымъ" и „фряжскимъ".

Мастеръ греческой живописи держится старыхъ оригиналовъ и руководствуется старыми эстампами. Онъ старается о томъ, чтобы не было ни живыхъ цвѣтовъ, ни яркихъ красокъ, лица блѣдныя, фигуры темныя, потому что „въ такихъ святости больше видно». Письмо „живописное" руководствуется фантазіею иконописца, оттого—бо̀льшая свобода позъ, болѣе натуральные цвѣта ликовъ, большая живость и блескъ красокъ. „Фряжская" живопись занимаетъ середину между этими двумя родами иконописи.

Проворный мастеръ вырабатываетъ до $3^1/_2$ руб. въ 1 недѣлю, и пишетъ до 150 „лицъ" или „доличниковъ"; пишущій только 60 или 70 „лицъ" или „доличниковъ" считается иконописцемъ вялымъ и лѣнивымъ.

Исторія русской газеты (а вмѣстѣ съ тѣмъ и журналистики) еще ждетъ своего изслѣдователя.

Чтобы дополнить картину печатнаго дѣла въ Россіи, слѣдуетъ упомянуть и о русской періодической прессѣ.

Разныя періодическія изданія въ Россіи въ 1889 году распредѣлялись по городамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Петербургъ	193	изд.	Ставрополь	3	изд.
Варшава	74	„	Тамбовъ	3	„
Москва	70	„	Тверь	3	„
Рига	23	„	Уфа	3	„
Кіевъ	20	„	Фелинъ (Лифл. губ.)	3	„
Одесса	19	„	Аренсбургъ	2	„
Тифлисъ	14	„	Архангельскъ	2	„
Казань	10	„	Владивостокъ	2	„
Харьковъ	10	„	Вологда	2	„
Ревель	9	„	Вятка	2	„
Дерптъ	8	„	Житоміръ	2	„
Саратовъ	7	„	Калишъ	2	„
Воронежъ	6	„	Кишиневъ	2	„
Митава	6	„	Красноярскъ	2	„
Нижній Новгородъ	5	„	Могилевъ	2	„
Иркутскъ	5	„	Новгородъ	2	„
Ярославль	5	„	Омскъ	2	„
Вильно	4	„	Пенза	2	„
Оренбургъ	4	„	Петроковъ	2	„
Самара	4	„	Плоцкъ	2	„
Томскъ	4	„	Полтава	2	„
Черниговъ	4	„	Радомъ	2	„
Астрахань	3	„	Рязань	2	„
Баку	3	„	Ташкентъ	2	„
Владиміръ	3	„	Тобольскъ	2	„
Екатеринбургъ	3	„	Тула	2	„
Кострома	3	„	Херсонъ	2	„
Новочеркаскъ	3	„	Бахчисарай	1	„
Орелъ	3	„	Везенбергъ (Эстл. г.)	1	„
Пермь	3	„	Верро (Тифл. губ.)	1	„
Псковъ	3	„	Витебскъ	1	„
Ростовъ на Дону	3	„	Владивостокъ	1	„
Симбирскъ	3	„	Гольдингенъ	1	„
Симферополь	3	„	Гродно	1	„
Смоленскъ	3	„	Екатеринодаръ	1	„

Елизаветградъ . . .	1 „	Семипалатинскъ . .	1 „
Ирбитъ	1 „	Сувалки.	1 „
Карсъ	1 „	Сызрань.	1 „
Керчь	1 „	Сѣдлецъ.	1 „
Ковно	1 „	Таганрогъ	1 „
Нарва	1 „	Уральскъ	1 „
Николаевъ	1 „	Царицынъ	1 „
Перновъ.	1 „	Ченстоховъ. . . .	1 „
Петрозаводскъ . . .	1 „	Чита	1 „
Почаевъ.	1 „	Эчміадзинъ	1 „
Пятигорскъ. . . .	1 „	Ялта.	1 „
Севастополь . . .	1 „		

Въ настоящее время всѣхъ журналовъ и газетъ выходитъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, 668; изъ этого числа 405 изданій выпадаетъ на долю провинціи и 263—на Москву и Петербургъ.

Изъ 405 провинціальныхъ журналовъ и газетъ 152 выходятъ на иностранныхъ языкахъ: болѣе всего на польскомъ—75, затѣмъ на нѣмецкомъ—39, на эстонскомъ—12, латышскомъ—7, армянскомъ—6, грузинскомъ—4, французскомъ—2, древнееврейскомъ 1; шесть изданій выходятъ одновременно на двухъ языкахъ: русскомъ и одномъ изъ слѣдующихъ: польскомъ, татарскомъ, молдаванскомъ, киргизскомъ и сартскомъ.

Изъ 253 провинціальныхъ изданій на русскомъ языкѣ только 79 принадлежатъ частнымъ лицамъ, остальныя издаются различными правительственными и общественными учрежденіями; сюда относятся: «Губернскія Вѣдомости»—70, «Епархіальныя Вѣдомости» и другія изданія духовнаго вѣдомства — 54; циркуляры по учебнымъ округамъ—9, изданія земскія—13, изданія городской полиціи—4, извѣстія и труды университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—7, изданія ученыхъ и другихъ обществъ—17.

Изъ частныхъ провинціальныхъ изданій—литературно-политическихъ газетъ насчитывается 47.

Всѣ періодическія изданія выходятъ въ Россіи въ 94 городахъ. Остальныя 1180 городскихъ поселеній никакого участія въ изданіи газетъ и журналовъ не принимаютъ.

Подобно книгоиздательству, и русская пресса утвердилась, преимущественно, въ Петербургѣ и Москвѣ; затѣмъ болѣе развилась печать на югѣ и на западныхъ окраинахъ государства; въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Привислянскому краю и его умственному центру—Варшавѣ, которая по числу изданій *оставляетъ позади* даже Москву, гдѣ выходитъ всего 70 журна-

ловъ и газетъ, тогда какъ въ Варшавѣ ихъ 74. На югѣ—слѣдуетъ назвать Кіевъ (20 изд.), Одессу (19 изд.), Тифлисъ (14 изд.) и Харьковъ (10 изд.). На востокѣ—Казань (10 изд.).

По отношеніи къ общему числу жителей въ Европейской и Азіатской Россіи одно изданіе приходится почти на 500,000 человѣкъ.

Что касается до продолжительности русскихъ періодическихъ изданій, то замѣтимъ слѣдующее: каждый годъ, обыкновенно, разрѣшается отъ 20—40 новыхъ изданій.

Слѣдовательно, напримѣръ, въ десятилѣтній періодъ ихъ должно народиться отъ 200 — 400. Однако, большая часть новыхъ изданій существуетъ не болѣе двухъ лѣтъ, а многія, хотя и считаются существующими, но, въ дѣйствительности, едва влачатъ свое существованіе. Изъ опубликованныхъ данныхъ видно, что отъ 1 до 5 лѣтъ у насъ существуютъ 147 изданій, отъ 6 до 10 лѣтъ 107 изданій и т. д., свыше же 100 лѣтъ существуютъ всего только 4 изданія: «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «St.-Petersburger Zeitung», выходятъ 163-й годъ, «Московскія вѣдомости»—134-й годъ» и «Rigasche Zeitung»—114 годъ.

Старѣйшими изъ провинціальныхъ періодическихъ изданій, кромѣ упомянутой «Рижской Газеты», надо считать «Rigasche Stadtblätter» («Рижскіе городскіе листы»), издаваемые рижскимъ литературно-критическимъ обществомъ съ 1810 года, польская газета «Kurjer Warszawski» («Варшавскій курьеръ»), разрѣшенный въ 1821 году, «Одесскій Вѣстникъ», выходящій съ 1826 года.

Въ какомъ количествѣ экземпляровъ можетъ расходиться русское періодическое изданіе?

Едва ли не самымъ нагляднымъ примѣромъ нашего умственнаго преуспѣванія послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служитъ ростъ русской журналистики. Возьмемъ хотя бы только послѣднее двадцатилѣтіе, съ 1869 по текущій годъ, и при томъ только петербургскую печать. Какая громадная разница въ цифрахъ! Въ 1869 г. петербургская печать высылала въ провинціи всего только 90 изданій въ количествѣ немногимъ болѣе 180,000 экземпляровъ. Тогда у насъ не было ни одного періодическаго изданія, у котораго бы число подписчиковъ доходило до 20,000.

Наибольшее число ихъ имѣли:

„Правительственный Вѣстникъ“ . . .	15,000.
„Сынъ Отечества“	13,000.
„Биржевыя Вѣдомости“	11,000.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“	8,500.
„Голосъ“	7,000.

Изъ «малой прессы» только у одного «Петербургскаго Листка» было 5,500.

Рядомъ съ этими цифрами сопоставимъ другія. Въ 1886 году:

„Нива“ расходилась . .	100,000	экземпляровъ.
„Свѣтъ“.	43,000	„
„Новое Время“	30,000	„
„Новости“	16,000	„
„Сынъ Отечества“ . . .	12,000	„
„Петербургская Газета“ .	8,000	„
„Петербургскій Листокъ“ .	4,000	„
„Биржевыя Вѣдомости“ .	2,700	„
„Петербургскія Вѣдомости“.	2,000	„

На обыденномъ языкѣ русская періодическая пресса подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) ученыя или спеціальныя изданія; 2) солидные «толстые журналы». 3) «дешевыя изданія»; 4) большая газета»; 5) «малая газета» или «уличный листокъ», «уличная пресса».

Замѣчательно, что спросъ на солидные журналы, сравнительно, остался безъ измѣненія, тогда какъ спросъ на дешевыя изданія и на уличную газету возросъ до небывалыхъ размѣровъ.

«Вѣстникъ Европы», имѣвшій въ 1869 году 6,500 подписчиковъ, остается и теперь почти при томъ же числѣ, а именно, онъ въ 1887 году насчитывалъ подписчиковъ.

въ Финляндіи . . .	27.
„ Сибири	324.
на Кавказѣ	378.
въ Петербургѣ . . .	1.178.
„ Москвѣ	554.
Итого	6,159

Болѣе другихъ посчастливилось московскому журналу «Русская мысль», которая имѣетъ болѣе 10,000 подписчиковъ.

Что же касается до провинціальной печати, то она, можно сказать, выросла и окрѣпла за послѣднее время—вслѣдъ по освобожденіи крестьянъ. Нѣкоторыя провинціальныя газеты, напримѣръ въ Одессѣ, насчитываютъ до 10,000 подписчиковъ.

Очевидно, Гоголевскій Петрушка выросъ и возмужалъ, и развилъ въ себѣ любовь къ чтенію «уличнаго листка» и «журнала съ преміею».

Подобно тому, какъ «офени» и «книгоноши» торгуютъ народными *изданіями, такъ* точно въ большихъ городахъ, каковы напримѣръ

Петербургъ и Москва, «газетчикъ» торгуетъ «уличными листками». Петербургскій или московскій газетчикъ представляетъ собою уличный типъ, болѣе или менѣе извѣстный каждому мѣстному обывателю.

Петербургскій газетчикъ стоитъ на перекресткѣ каждой улицы, на пригородныхъ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, на мѣстахъ отправленія дилижансовъ конно-желѣзныхъ дорогъ и т. д. Всѣ «газетчики» столицы составляютъ три артели: 1) «артель издателей» — 68 человѣкъ, 2) «петербургская артель»—150 человѣкъ и, наконецъ, 3) такъ называемая «хозяйская артель» — 100 человѣкъ. Всего—318 «газетчиковъ».

Каждый артельщикъ, предъ вступленіемъ въ артель, обязанъ получить отъ городской думы «жестянку» для разносной торговли. Артельщики носятъ установленную форму одежды, на околышѣ фуражки—№, съ надписью: «газетчикъ». Для удобства публики «газетчики» размѣщаются по участкамъ города, причемъ назначеніе на тѣ или другіе «посты» или «углы» производится правленіемъ артели, по указанію городской полиціи. Понятно, на бойкой улицѣ, напримѣръ на Невскомъ проспектѣ, «посты» считаются выгоднѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой улицѣ.

Газетчикъ обязанъ, между прочимъ, не выкрикивать названія газетъ, или ихъ содержанія; продаваемыя газеты и книги—сохранять отъ дождя, пыли и снѣга.

Ежедневно каждый «газетчикъ» продаетъ отъ 50 до 70 и даже 100 «нумеровъ». Обыкновенно, наканунѣ слѣдующаго дня газетчикъ заявляетъ въ конторѣ своей артели, чтобы ему на завтрашній день приготовили столько-то №№ «Петербургской Газеты», «Новаго Времени» и т. д. Газетчикъ долженъ имѣть сноровку, такъ сказать особый нюхъ, чего требуетъ публика и сколько. Непроданные №№ газетъ остаются у нихъ «въ накладѣ». Смотря по «злобѣ дня», газетчикъ продаетъ газетъ то больше, то меньше. Особый дежурный артельщикъ рано утромъ привозитъ газеты изъ типографій и раскладываетъ въ конторѣ артели по фамиліямъ газетчиковъ; эти послѣдніе въ 7 часовъ утра приходятъ за газетами и оставляютъ заказъ на слѣдующій день, уплативъ деньги впередъ.

Петербургскіе газетчики торгуютъ слѣдующими періодическими изданіями: „Правительственный Вѣстникъ“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Петербургскія Вѣдомости“, „Русская Газета“, „Петербургскій Листокъ“, „Петербургская Газета“, „Herold“, „Zeitung“, „Полицейскія Вѣдомости“, „Новости“, „Новое Время“, „День“, „Свѣтъ“ и „Journal de St.-Pétersbourg“. Далѣе идутъ еженедѣльныя изданія:

„Живописное Обозрѣніе“, „Всемірная Иллюстрація“, „Нива“, „Шутъ“, „Стрекоза“, „Kraj“, „Осколки“, „Будильникъ“, „Развлеченіе“ и „Сатирическій Листокъ“. Всего 25 названій.

Съ каждаго проданнаго номера газеты «газетчикъ» выручаетъ $1^1/_2$ копѣйки прибыли. Покупая, напримѣръ; „Новости“ за $4^1/_2$ коп., самъ онъ продаетъ по 6 копѣекъ за нумеръ.

Какъ велика розничная продажа газетъ въ Петербургѣ?

Изъ бюллетеня, напримѣръ, *16 февраля 1888 года*, видно, что самою большою «артелью» было продано газетъ:

„Правительственный Вѣстникъ“ .	7	экз.
„Минута“	65	„
„Петербургскія Вѣдомости“ . . .	19	„
„Петербургскій Листокъ“ . . .	1867	„
„Петербургская Газета“	3816	„
„Journal de St.-Petersbourg“ . .	89	„
„Herold“	588	„
„Zeitung“	503	„
„Полицейскія Вѣдомости“ . . .	31	„
„Новости“	718	„
„Новое Время“	2897	„
„Свѣтъ“	67	„

Съ утра до вечера газетчики стоятъ «на посту»; къ 9 часамъ утра, съ охапками газетъ, становятся они на всѣхъ перекресткахъ и «углахъ» шумныхъ столичныхъ улицъ. Лѣтомъ, во время дачнаго сезона, газетчики толкутся на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и даже забираются въ вагоны, съ предложеніемъ услугъ.

— Газеты, газеты!

— Новое Время!

— Петербургская Газета!

— Пожалуйте! Интересная статья!

— Таблицы розыгрыша!

— Таблицы выигрышей!

— Не угодно ли вамъ?

Иногда, въ виду важности нѣкоторыхъ политическихъ событій, столичныя газеты выпускаютъ особыя прибавленія въ формѣ „послѣднихъ телеграммъ“. Бываютъ случаи, что эти „послѣднія телеграммы“ берутся на расхватъ. Газетчики то и дѣло бѣгаютъ въ редакціи за телеграммами.

Подстрекая любопытство публики, они выкрикиваютъ:

— Послѣднія телеграммы!

— *Вечернія* телеграммы!

Годовая уличная распродажа газетъ въ Петербургѣ достигаетъ весьма почтенной цифры.

Въ 1887 году упомянутая выше „Петербургская артель“ продала слѣдующее количество періодическихъ изданій:

„Петербургская Газета“. .	1.607,313	экз.
„Новое Время“	1.005,806	„
„Спб. Вѣдомости“ . . .	10,483	„
„Петербургскій Листокъ“ .	748,040	„
„Минута“.	21,445	„
„Новости“	287,999	„
„Вѣдом. Гор. Полиціи“. .	12,003	„
„Биржевыя Вѣдомости“. .	9,778	„
„Zeitung“	109,427	„
„Herold“	211,542	„
„Правительствен. Вѣстникъ“	4,042	„
„Journ. de S.-Petersb.“ . .	25,365	„
„Русскій Инвалидъ“ . .	100	„

Считая и журналы и газеты, „Петербургская артель“ въ 1887 году продала въ розничной торговлѣ, на улицѣ, 4.163,149 экземпляровъ. Принимая во вниманіе, что остальныя двѣ артели торгуютъ съ такимъ же успѣхомъ, надо допустить, что уличная продажа газетъ въ Петербургѣ простирается около 10,000,000 экземпляровъ въ годъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что 1½ копѣйки барыша съ каждаго № газеты даютъ въ итогѣ 150,000 рублей, которые и перепадаютъ въ руки «газетчиковъ».

КОНЕЦЪ.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Письма Тургенева, изд. Стасюлевича.

Краткій обзоръ книжной торговли Глазуновыхъ. 1782—1882 гг.

Геометрія. 1708 г.

Приклады, како пишутся комплементы. 1708 г.

Матеріалы для исторіи русск. кн. торг. Спб. 1879 г.

Бѣляевъ. „Временникъ“. О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей.

Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ.

Ростиславовъ. Опытъ изслѣдованія о монастыряхъ.

Мансвѣтовъ. Какъ у насъ правились церковныя книги. Москва. 1883 г.

Срезневскій. Древнія русскія книги.

Бильбасовъ. Кириллъ и Меѳодій.

Щаповъ. Русскій расколъ.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки. 1850—1857 года.

Библіотека Соловецкаго монастыря. Православн. собесѣдникъ. 1859 г., I.

Чечулинъ. „Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Моск. государства въ XVI в.“. Библіографъ, 1888 г., № 11—12.

Неустроевъ. О русскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Стоюнинъ. О Шишковѣ, „Вѣстн. Европы“, 1877 г., № 9.

Толстой. Описаніе старопечатныхъ книгъ. 1820 г.

А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія Вахромѣеву.

Срезневскій. Древнѣйшіе памятники русской письменности и языка.

Пыпинъ. Общественныя движенія при Императ. Александрѣ I.

Незеленовъ. Литературныя направленія при Екатеринѣ II-й.

Сухомлиновъ. Изслѣдованіе по русск. литерат. и просвѣщенію.

Георги. Описаніе Петербурга. 1794.

Уставъ о цензурѣ и печати. 1886 г.

Спасовичъ. Права авторскія и контрафакція.

Калмыковъ. „О литературной собственности въ Россіи“.

Митрополитъ Макарій. Исторія Русской церкви.

Соловьевъ. Исторія Россіи.

Карамзинъ. Исторія государства россійскаго.

Тредьяковскій. Разговоръ объ ортографіи. 1748 г.

Нотовичъ. Историч. очеркъ нашего законодательства о печати.

Шевыревъ. Исторія московскаго университета. 1885 г.

Сборникъ цензурныхъ постановленій.

Зеленскій. Наши тряпичники. „Вѣстн. Европы“. 1885 г., № 6.

Скабичевскій. Очерки изъ исторіи цензуры. „Отеч. Зап.“.

Письма Достоевскаго.

Чтенія общества исторіи и древностей. 1878 г., т. II, IV; 1879 г., т. II.

„Русскія Вѣдомости“, 1887 г., № 34.

Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ, 1848 г., № 7.
„Православный Собесѣдникъ“. 1862, № 1.
Павленковъ. Книжное дѣло въ Россіи въ 1887 г., „Историческій Вѣстникъ“.
Каталогъ Межова.
Святловскій. Писчебумажное производство, въ санитарномъ отношеніи. Журналъ „Военно-санитарное дѣло“. 1888 г.
Полевой. Исторія Русской литературы.
Трехсотлѣтній юбилей книгопечатн. дѣла въ Россіи, изд. Гоппе.
Труды Владим. губ. ком., вып. IV, 1865 г.
Максимовъ. Офени. „Отеч. Записки“, 1860 г.
„Православный Собесѣдникъ“, 1857 г., № IV.
Митрополитъ Евгеній. Словарь духовныхъ писателей.
О производствѣ кистей для иконниковъ слоб. Халуя и Мстеры. „Владим. Губ. Вѣдомости“, 1869 г., № 17.
Сухомлиновъ. О древнихъ русскихъ лѣтописяхъ.
„Новь“, журналъ, 1890 г., февраль.
„Русскія Вѣдомости“ 1887 г., № 34. Ст. о Пушкинѣ.
„Библіографъ“, 1887 г., стр. 48.
„Вѣстникъ Европы“, 1873 г., № 2.
Трохимовскій. Офени. „Русскій Вѣстникъ“, 1866 г., № 5.
Исторія писчей бумаги. „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., № 2.
„Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1884—1885 г.“.
„Наше Время“, журн. 1860 г.
Кириллъ и Меѳодій. „Моск. Вѣд.“ 1885 г., № 95.
Побѣдоносцевъ. Всеподданѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1885 г.
Шереръ. Писчеб. производство въ Россіи, Журн. мануфактуры и торговли, 1852 г., № 2.
Бѣловъ. Писчебумажное производство.
Ѳедченко. Писчая бумага.
Исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ. Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ, 1848, № 7.
Празднованіе памяти Кирилла и Меѳодія, въ Москвѣ. „Моск. Вѣд.“ 1885 г., 6 апр.
Каратаевъ. О старославянскихъ печатныхъ изданіяхъ съ 1491—1730 г.
Калайдовичъ. Извѣстія о древностяхъ славянорусскихъ.
Ундольскій. Славянорусская библіографія.
„Первая печатная ариѳметика въ Россіи“. „Моск. Вѣд.“, 1857 г. №№ 68, 69 и 74.
Литерат. сборникъ подъ редакціею „Восточнаго Обозрѣнія“, 1885 г. стр. 352.
Чтенія въ общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1867 г., № 1.
Докторъ Ф. Скорина.
Венгеровъ. Словарь русск. писателей и ученыхъ, т. І-й, Протопопъ Аввакумъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

„БРЮХО ПЕТЕРБУРГА“

ОБЩЕСТВЕННО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Приведемъ нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ критическихъ отзывовъ о книгѣ „Брюхо Петербурга“:

„Правительственный Вѣстникъ“, 1887 г., № 275. „Содержаніе этой книги составляетъ серьезный трудъ, далеко не лишенный значенія для характеристики матеріальнаго и даже нравственнаго быта столицы. Жизнь и потребности ея милліоннаго населенія представляютъ такое множество своеобразныхъ особенностей, что ихъ изученіе сколько любопытно, столь же и поучительно. Это доказываетъ сочиненіе г. Бахтіарова, которое хотя и не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ предмета, но заслуживаетъ вниманія и многими прочтется съ пользою и удовольствіемъ. Не только петербургскому жителю, но всякому русскому и даже иностранцу будетъ интересно ознакомиться съ разнообразными фактами, сообщаемыми авторомъ этихъ очерковъ общественно-физіологическаго характера Петербурга... На сколько важны приводимыя авторомъ статистическія данныя по этимъ разнороднымъ предметамъ, на столько же интересна ихъ характеристика съ нравственной стороны, замѣчательная наблюдательностію и не лишенная остроумія... Вообще книга г. Бахтіарова должна занять видное мѣсто въ числѣ сочиненій, посвященныхъ описанію внутренней жизни Петербурга“.

„Новое Время“, 1887 г., № 4240, изъ фельетона Эльпе. „...названный трудъ заслуживаетъ вниманія, по разнообразію собраннаго въ немъ матеріала—матеріала весьма интереснаго и цѣннаго для общей характеристики утробной жизни Петербурга...“

„Новости“, 1888 г., № 54, фельетонъ Мих. Н—евича: „Каковъ Петербургъ теперь? Матеріаломъ для сужденія объ этомъ, съ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, сторонъ, служитъ вышедшая въ свѣтъ интересная книга г. Бахтіарова—„Брюхо Петербурга“. Это—весьма почтенный опытъ общественно-физіологическаго изслѣдованія источниковъ, средствъ и способовъ продовольствія нашей столицы. Г. Бахтіаровъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній, фактовъ и наблюденій, умѣло сгруппировалъ ихъ и разсказалъ живо и занимательно»...

„Недѣля“, 1888 г., № 2. „Давно извѣстно, что Петербургъ во многихъ отношеніяхъ играетъ по отношенію къ Россіи роль вампира, безпощадно поглощая ея жизненные соки. Его чудовищная пасть поглощаетъ громадное количество матеріальныхъ средствъ для его существованія... Все это факты извѣстные,—но только въ общихъ чертахъ. Если же пересмотрѣть груду сухихъ статистическихъ цифръ, относящихся къ данному предмету, и заставить эти цифры говорить живымъ языкомъ, иллюстрируя ихъ массою конкретныхъ фактовъ, то передъ нами развернется такая поразительная картина, которая своею чудовищностью превзойдетъ все, что могло бы создать въ данномъ случаѣ самое пылкое воображеніе. Именно такую картину раскрываетъ передъ нами г. Бахтіаровъ въ вышедшей книгѣ „Брюхо Петербурга“. Правда, г. Бахтіаровъ касается только одной стороны дѣла, говоритъ лишь о томъ, что—въ буквальномъ смыслѣ слова—**пожираетъ** Петербургъ, и лишь слегка касается еще одной стороны вопроса—привлеченія Петербургомъ рабочихъ силъ; тѣмъ не менѣе, и одна эта деталь картины поглощающей дѣятельности Петербурга настолько грандіозна, что положительно подавляетъ своими размѣрами...“

„Живописное Обозрѣніе“, 1887 г., № 52. „Содержаніе этой книги касается всѣхъ мелочей нашей столичной жизни и представляетъ не малый интересъ. Возьмемъ на удачу для образца описаніе авторомъ петербургскихъ букинистовъ... Въ такомъ родѣ легко и бойко передаются всѣ явленія нашей петербургской жизни, а масса приводимыхъ авторомъ цифръ дѣлаетъ книгу важной для справокъ...“

„Сѣверъ“, 1888 г., № 3. „Книга — полна интереса. Предъ нами развертывается картина подвоза и главныхъ рыночныхъ пунктовъ Петербурга. Тутъ послѣдовательно проходятъ: бойня, Щукинъ дворъ, Калашниковская пристань, живорыбные садки, Нева, Морской портъ, городская водокачальня и т. д... Видно, что авторъ серьезно подготовился и собралъ много очень интереснаго матеріала...“

„Наблюдатель“ „....Книга написана литературнымъ языкомъ; ее много оживляютъ бесѣды автора съ представителями разныхъ слоевъ петербургскаго населенія“...

Кромѣ того, одобрительные отзывы были: въ „Вѣстникѣ Европы“, 1888 г., „Нови“, 1888 г., „St.-Petersbourger Zeitung“, 1888 г. № 10, „Петербургской газетѣ“ и мн. др.